У. Э. ЭРДНИЕВ

КАЛМЫКИ

У. Э. ЭРДНИЕВ

КАЛМЫКИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издание третье, переработанное и дополненное

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

ББК 83.5(2) (2Р37)
Э 754

Э $\frac{0608000000-058}{М126(03)-85}$ 58—84

Памяти моей жены Санджиевой Кермен Санджиевны посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Калмыки — монголоязычный народ. Они проживают, в основном, в Калмыцкой АССР, входящей в состав РСФСР. Калмыцкая АССР граничит на востоке с Астраханской областью, на юге — с Дагестанской АССР, на юго-западе — со Ставропольским краем, на западе — с Ростовской, на севере — с Волгоградской областями. Небольшие группы калмыков проживают в Астраханской и Волгоградской областях, отдельные семьи — в различных регионах Советского Союза.

Калмыцкий язык относится к монгольской группе языков и имеет два диалекта — дербетский и торгутский, между которыми нет существенных различий.

До Великой Октябрьской социалистической революции калмыцкое население было разделено между различными губерниями царской России. Большая часть жила в Астраханской губернии и была объединена в восемь улусов, которые согласно правительственной инструкции соответствовали русским волостям. Ими управлял астраханский губернатор, назначавшийся одновременно главным попечителем калмыцкого народа. Значительная группа калмыков, называвшаяся донскими, проживала на территории Области Войска Донского. В Ставропольскую губернию входил Большедербетовский улус. Небольшие группы калмыков были включены в состав уральских, оренбургских, терских казаков.

Улусы и входящие в их состав аймаки считались объединениями родственных между собой групп или семей, происходящих от деления древних родов. Но это не соответствовало их действительному содержанию: они были административными объединениями различных этнических групп, смешавшихся между собой.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным моментом в истории народов СССР, в том числе калмыцкого народа, вековое чаяние которого — о национальном воссоединении осуществилось в 1920 г., когда была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в 1935 г. в Калмыцкую АССР.

Калмыкия занимает западную часть Прикаспийской низменности, возвышенность Ергени и Кумо-Манычскую впадину, на юго-востоке ее территория омывается Каспийским морем.

Прикаспийская низменность плавно понижается от подножья Ергеней к побережью Каспийского моря и представляет собой ровную, слегка волнистую поверхность с характерными для нее

разбросанными блюдцеобразными углублениями, которые в отдельных местах превратились в солонцы. Она характеризуется как полупустыня, однако в ней встречаются лиманы и озера, например, такие как Яшкуль, Чилгир, Джамтыр, Зоста, богатые камышовыми зарослями. Но многие из этих озер летом пересыхали и не могли обеспечить водой население и скот. Поэтому калмыки высоко ценили дождевые воды, накапливавшиеся в блюдцеобразных углублениях: этой водой поили скот.

В юго-восточной части низменности находятся Черные земли, почти не покрывающиеся зимой снегом, что позволяло калмыкам, начиная с конца XVII в., использовать их в качестве зимних пастбищ для отгонного животноводства. На юге этот обширный район заканчивается буграми Бэра, для которых характерны продолговатые параллельно расположенные гряды холмов.

В XIX в. в береговой зоне Прикаспийской низменности было много заливов, ильменей, проток, ныне уже пересохших. Протоки и рукава р. Волги были богаты рыбой, а берега ее — зарослями камыша и чакана, которые служили зимним убежищем для скота, обеспечивали население топливом и строительным материалом.

Ергенинская возвышенность является продолжением Приволжской. Ергени* начинаются в районе г. Волгограда и тянутся к югу до долины реки Восточный Маныч на протяжении почти 350 км. На западе Ергени имеют пологие склоны, незаметно переходящие в Сальскую степь. Восточный склон Ергеней круто обрывается к Прикаспийской низменности. Ергенинская возвышенность изрезана многочисленными речками и балками, разделенными друг от друга мысовидными гребнями — хамурами. Речки, питаясь родниками, талыми и дождевыми водами, наполняют низины, образуя у подножья Ергеней озера и лиманы Сарпа, Цаца, Барманцак, (Барванцак), Хорто (Пришиб), Ханата, Цаган-Нур, Алцын-Хута и другие, представляющие собой русла древних рек.

Паводковые воды заливают огромные пространства в пределах нынешних Октябрьского, Малодербетовского, Сарпинского, Приозерного и Целинного районов. После спада воды они зарастают луговыми травами, дающими богатый урожай, а также камышом, который местное население использует для заготовки кормов и производства строительных материалов.

Ергенинская возвышенность располагает достаточным количеством пресных подпочвенных вод, находящихся близко к поверхности земли.

Кумо-Манычская впадина имеет волнистую поверхность, по-

---

* Наименование «Ергени» происходит от калмыцкого слова «эрге» — крутизна, круча.

нижающуюся с северо-запада на юго-восток. В ней довольно много широких речных долин, длинных узких лиманов и соленых озер (Маныч-Гудило, Восточный Маныч, Большое Яшалтинское, Царык, Цаган-Хаг и т. д.)

На крайнем западе в пределы Калмыкии входят пологие северные отроги Ставропольского плато, где расселялись раньше калмыки Большедербетовского улуса. По своим природно-климатическим особенностям этот район близок к Ставропольскому краю и Нижнему Дону: по плодородию почвы и обильной растительности он пригоден не только для скотоводства, но и земледелия.

Калмыкия расположена вдали от океанов, что обусловило ее резко континентальный, засушливый климат с незначительным количеством атмосферных осадков, выпадающих, как правило, зимой и уменьшающихся с запада на восток. Соседство Каспийского моря заметного влияния на климат не оказывает.

На юго-западе выпадает в среднем за год 250—350 мм осадков, а на юго-востоке — не более 120—160 мм. Часты засушливые годы, годы с повышенной влажностью крайне редки. В течение года дуют сильные ветры, летом преобладают восточные суховеи, особенно губительные в момент цветения и созревания культурных растений. Лето жаркое, зима холодная, малоснежная. Продолжительность летнего периода равна 5 месяцам. Летом температура достигает +25,5—30 градусов. Продолжительность зимы колеблется от 3-х до 4-х месяцев, средняя температура —8—10 градусов [1].

Среди степных трав преобладают ковыль, типчак, белая полынь; укосные травы разнообразны: овсяница, пырей, лисохвост, тимофеевка. Развитие растительности прерывается летом и вновь оживляется после дождей, осенью.

Животный мир разнообразен. В степной и полупустынной зонах обитают многочисленные суслики, тушканчики, мыши, кроты, зайцы-русаки, из хищных зверей — степные волки, лисицы, хорьки, из копытных — сайгаки; в камышах Каспия и прибрежных зарослях Кумы — кабаны. Многочисленны виды степных и водоплавающих птиц. В настоящее время в степных озерах разводят пушных зверей, в частности, ондатру.

В соответствии с разнообразием исторически сложившихся взаимосвязей между хозяйственной деятельностью и географической средой в Калмыцкой степи с конца XVIII в. складываются три главные хозяйственно-культурные группы:

1. Кочевники-скотоводы, обитавшие в центральной части степи — на территории Икицохуровского, Багацохуровского и Харахусовского улусов, степных аймаков Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, кочевали в меридиональном направлении зи-

мой — на юг, на Черные земли, летом — на север. В этих улусах ведущую роль в животноводстве играло овцеводство и коневодство.

Наряду со скотоводством незначительная часть населения этой зоны начинала заниматься земледелием, имевшим подсобное значение.

2. Обитатели Ергеней и северной части Ставропольского плато разводили овец и крупный рогатый скот мясной породы. Начиная с 30-х годов XIX в., постепенно стали сочетать в своем хозяйстве скотоводство с земледелием, в отдельных аймаках, расположенных в Сарпинской низменности,— с рыболовством.

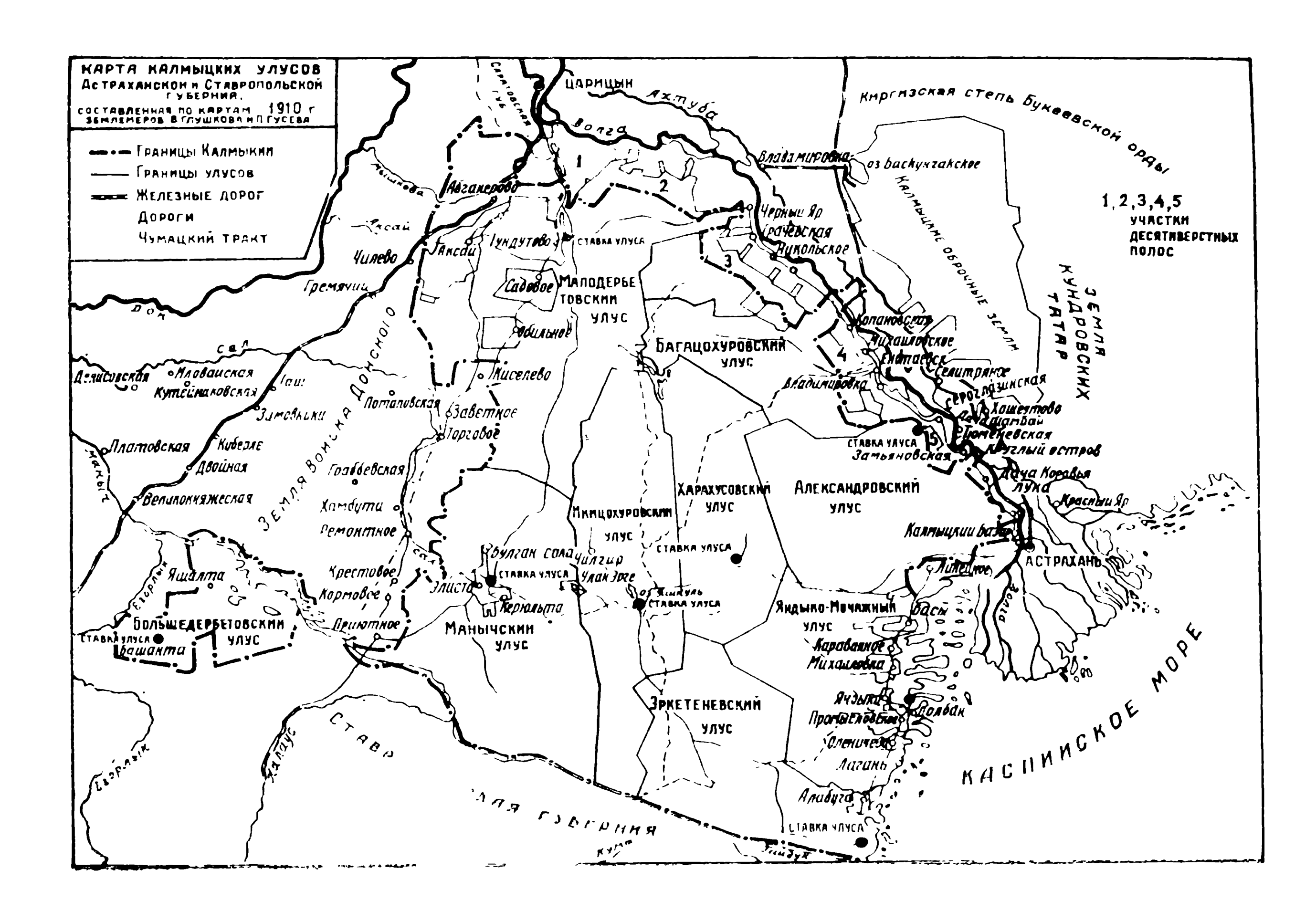
3. В низовьях Волги и на взморье в XVIII в. сложились двухукладные (рыболовецко-скотоводческие) хозяйства. Кроме того, низины по берегам Волги и Каспия использовались местным населением для устройства бахчей.

В работе кратко описываются проблемы этногенеза, хозяйство, культура и быт не всех калмыков, а только тех, которые жили примерно в современных границах Калмыцкой АССР.

Автор книги ставит своей целью воссоздать более или менее достоверную и, по возможности, полную картину этнической истории калмыцкого народа с эпохи, предшествовавшей образованию империи Чингисидов, выявить главные (узловые) этапы сложения самостоятельной калмыцкой народности в тесной связи с политической историей. Вопросы хозяйственного развития, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта охватывают, в основном, конец XIX — начало XX вв., хотя делается экскурс и в более ранние периоды.

Конец XIX — начало XX вв. был переломным периодом в истории калмыцкого народа. В 1892 г. царизм отменил в Калмыкии крепостное право, и, хотя сохранились в очень сильной степени феодально-патриархальные отношения, калмыцкое общество стало продвигаться по пути капиталистического развития. В хозяйствах нойонов, зайсангов и других богатых калмыков началось более широкое применение наемного труда, развивались отрасли хозяйства товарного направления, резко усилилось расслоение крестьян на капитализирующуюся верхушку — скотопромышленников, кулаков — и бедняков, батраков, продающих рабочую силу, но имеющих небольшое хозяйство.

В конце XIX—начале XX вв. изменения в хозяйственной жизни начинали сказываться, хотя и очень незначительно, в материальной, духовной культуре и быте населения (смена кочевого быта в некоторых улусах прочной оседлостью, заимствование у соседнего, в основном, русского населения строительных навыков, орудий труда, одежды городского типа, фабричной посуды и т. д.) Автор стремится показать на конкретном материале, как соче-

КАРТА КАЛМЫЦКИХ УЛУСОВ
Астраханской и Ставропольской губерний,
составленная по картам 1910 г
землемеров В. Глушкова и П. Гусева
Границы Калмыкии
Границы улусов
Железные дорог
Дороги
Чумацкий тракт
Царицын
Ахтуба
Волга
Киргизская степь Букеевской орды
оз Баскунчакское
Калмыцкие оброчные земли
Земля Кундровских татар
1, 2, 3, 4, 5 участки десятиверстных полос
Малодербетовский улус
Багацохуровский улус
Харахусовский улус
Александровский улус
Икицохуровский улус
Яндыко-Мочажный улус
Большедербетовский улус
Манычский улус
Эркетеневский улус
Ставка улуса
Астрахань
Каспийское море
Земля Войска Донского
Дон
Сал
Элиста
Садовое
Абганерово
Черный Яр
Енотаевск
Кругл
Калмыцкий базар
Лаганъ
Алабуга
Яшалта
Башанта
Приютное
Ремонтное
Заветное
Торговое
Киселево
Обильное
Гундутово
Аксай
Чилево
Кермюльта
Улан Эрге
Чилгир
Булган сала
Кормовое
Крестовое
Хамбути
Граббевская
Платовская
Двойная
Великокняжеская
Потаповская
Котельниковская
Иловайская
Денисовская
Гремячий
Владимировка
Копановская
Михайловское
Селитряное
Сероглазинская
Хошеутово
Тюменевская
Замьяновская
Красный Яр
Лиманое
Басы
Караванное
Михайловка
Яндыки
Оленичево
Ставр
губерния
Кума

тание традиционных отраслей хозяйства и культуры с новыми, приобретенными в междуречье Волги и Дона, обусловило этнографическую специфику, отличавшую калмыков от других монголоязычных народов. В заключении освещаются в сжатой форме те коренные изменения, которые произошли в экономике, общественной жизни, культуре и народном образовании за годы Советской власти.

Приводимые в работе данные представляют интерес для историков, изучающих прошлое человечества. При аналитически правильном их использовании они могут пролить свет на многие явления, бытовавшие у народов в ранние эпохи их истории.

Описание утраченных черт хозяйства и быта имеет не только научное, но и практическое значение. У калмыков складывались самобытные формы ведения кочевого скотоводческого хозяйства, которые делали его экономически выгодным. Многовековой опыт калмыцкого скотоводства может быть учтен и применен в практической деятельности современных хозяйств, чтобы способствовать дальнейшему подъему их экономики на основе лучших национальных традиций.

Фактический материал, вероятно, окажется полезным и для писателей, художников и других работников культуры и искусства, обращающихся в своем творчестве к прошлому калмыцкого народа.

В историко-этнографическом отношении калмыки относятся к числу народов СССР, мало изученных и мало освещенных в литературе как в дореволюционное, так и в советское время. В публикациях дореволюционных этнографов довольно скупо, во многих случаях фрагментарно, описывались хозяйство, семейная и общественная жизнь, материальная и духовная культура.

В 1641—1642 и 1666—1667 гг. земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья посетил турецкий путешественник Эвлия Челеби. С декабря 1666 г. до января 1667 г. он был в гостях у калмыцкого хана Мончака, гостеприимно принявшего его и обеспечившего ему безопасный проезд до Азовского моря. Несмотря на радушный прием, Челеби сообщает о калмыках такие нелепые факты, какие не сообщал ни до, ни после него ни один очевидец. Челеби приписывает калмыцкому народу выдуманные им физические недостатки и обычаи (вплоть до людоедства).[2]

Одна из первых этнографических работ о калмыках связана с именем русского естествоиспытателя П. С. Палласа, который описал их внешний вид. По его мнению, предки калмыков — джунгары сильно смешались с татарами (тюрками — *У. Э.*). Он оставил беглые сведения о национальном характере. Значительное место в его рукописи отводится материальной культуре: описанию мужской и женской одежды, головных уборов, жилища,

домашнего производства, различных видов пищи. Не менее ценны его сообщения о домашней утвари, связанной с кочевой жизнью калмыков. Труд Палласа содержит большой фактический материал по экономике: он пишет о коневодстве, овцеводстве, верблюдоводстве и разведении крупного рогатого скота. При этом он обращает внимание на то, что калмыки держат множество лошадей и овец, а верблюдов и быков гораздо меньше. Отмечает, что калмыцкий скот пасется в степи без пастухов и в течение всего года находится на подножном корме; зимой его перегоняют на пастбища, расположенные на правом берегу Волги и Каспийского моря. Согласно его сообщению, во главе калмыков стоит хан, которому подвластны нойоны — владельцы улусов, состоящих из аймаков, управляемых зайсангами, а аймаки состоят из хотонов (из 10—12 кибиток). В работе рассматриваются отдельные вопросы обычного права, описываются свадебные обряды. Довольно подробно освещаются ламаизм и связанные с ним религиозные обряды и вероучения.[3] Сведения, сообщаемые Палласом, объективны, проникнуты симпатией к описываемому народу и уважением к его нравам и обычаям. Однако данные, которые приводит он, фрагментарны, во многих случаях они получены у яицких казаков, общавшихся с калмыками.

Интерес к этнографии калмыков проявил русский путешественник и натуралист И. И. Лепехин, который описал некоторые стороны их быта, в том числе молочную и мясную пищу. По его мнению, пребывание калмыцкого народа в степях Нижней Волги было полезно и для России, так как на пустующих землях появились многочисленные стада скота, а сами калмыки охраняли южные границы империи от ее недругов.[4] В сочинении этнографа и натуралиста И. Г. Георги есть сведения о материальной культуре калмыцкого народа, в частности, о молочной пище и калмыцком чае, о способах его приготовления.[5]

В конце XVIII в. граф И. Потоцкий совершил путешествие по берегам Черного и Каспийского морей, во время которого он встретил калмыков. Им оставлены некоторые сведения о том, что калмыки летом кочуют между реками Егорлыком и Сарпою, осенью приближаются к Волге, занимают степь от Маныча до кавказских селений, русские, армянские и татарские купцы снабжают их предметами первой необходимости; духовенство их, по его мнению, чрезмерно многочисленно. Но в работе графа Потоцкого чувствуется неуважительное отношение к описываемому им народу. Он пишет, что калмыки вообще любят праздность и только те, кто не имеют скота, нанимаются на работы в Царицын, Сарепту и другие места; одеждой они похожи на китайцев, нравами — совершенно дикари.[6]

В книге, написанной приставом калмыцкого народа Н. И. Страховым, сообщаются данные о количестве калмыцких кибиток, скотоводстве, о многих сторонах быта. Он считал, что калмыки заслуживают гораздо большего внимания со стороны царского правительства.[7]

Полезные данные об экономике Калмыкии 30-х гг. XIX в. встречаются в небольшой работе профессора Казанского университета А. В. Попова, который пишет о состоянии скотоводства и о большом уроне, наносимом бескормицей и гололедом. Он отмечает, что отдельные калмыки начали заниматься земледелием и строительством постоянных жилищ из самана и камня. Ему принадлежит сообщение об отходничестве у калмыков, особенно распространенным был уход на заработки на рыбные промыслы и в соседние русские деревни.[8]

Известный вклад в изучение этнографии калмыков внесла работа чиновника царской администрации Н. И. Нефедьева, посетившего калмыцкие улусы в 1832—1833 гг. В кратком историческом очерке имеются сведения о территории, численности населения и его сословных делениях, об образе жизни, материальной и духовной культуре, в том числе, о религиозных верованиях, нравах, обычаях, о погребальных обрядах и обрядах, связанных с рождением детей, а также о письменности, состоянии грамотности, народном творчестве, ремеслах, о судопроизводстве и обычном праве.[9] Однако эти отрывочные сведения не дают необходимого представления ни об одной стороне жизни. В работе нашла отражение точка зрения царской администрации.

К исследованиям, посвященным истории, экономике и этнографии калмыков, можно отнести работу барона Ф. Бюлера, посетившего Астраханский край в 40-х гг. XIX в., где сведения о калмыках занимают значительное место. В ней приведены краткие данные по истории калмыцкого народа, сообщаются сведения о бедственном положении трудящихся, об устройстве поземельного быта, об управлении калмыцким народом, о судопроизводстве, сословиях, количестве кибиток и численности населения, о поголовье скота. Он коротко описывает свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка, ламаистские хурулы, их хозяйство и численность служителей религиозного культа.[10]

Для настоящей темы очень важна работа Павла Небольсина,[11] вышедшая из печати в 1852 г. В ней описываются многие стороны жизни калмыков-хошеутов, в том числе их хозяйство (в частности, земледелие), содержатся некоторые сведения о способах его ведения. Очень сжато описаны все виды материальной культуры (одежда, пища, жилище, домашнее убранство и т. д.). Есть данные о свадебных, похоронных и других обрядах, о на-

родном спорте, фольклоре и др. Ценны материалы по этническому составу калмыков Хошеутовского улуса.

И. Бентковский проявил интерес к материальной культуре калмыков Большедербетовского улуса.[12]

В середине XIX в. перед царским правительством возник вопрос о более интенсивном использовании экономических ресурсов Калмыцкой степи, о выработке методов управления калмыцким народом, а также об определении главного направления политики царизма в отношении ряда восточных народов, в том числе калмыков. С этой проблемой связана организация Кумо-Manычской экспедиции, работавшей в самом конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Собранные ею материалы, в которых имеются сведения об экономических ресурсах Калмыкии, о ее населении, хозяйстве, были опубликованы в специальном труде экспедиции.[13] Эта работа довольно широко используется отдельными авторами, особенно третий раздел, посвященный хозяйству и населению.

В дальнейшем материалы экспедиции были использованы в работе главного попечителя калмыцкого народа полковника К. Костенкова, в которой описаны географическое положение Калмыцкой степи, ее границы, почва, природные ресурсы, хозяйство и быт населения как оседлого, так и кочующего, степные дороги и пути кочевья, дан краткий очерк истории калмыков. В заключении книги изложены мероприятия, направленные на улучшение использования природных богатств Калмыкии: широкое проведение искусственного орошения, улучшение пастбищ и лугов, возделывание солонцеватой почвы, обсадка степных колодцев деревьями, создание на почтовых трактах небольших русских образцовых поселков и постоялых дворов, улучшение породы калмыцкого скота путем устройства случных конюшен и степных образцовых хуторов, открытие ярмарки и постоянного менового двора близ озера Цабдыр, учреждение вспомогательных и сберегательных касс.[14] Все это, по его мнению, призвано поднять благосостояние народа.

Названные работы были вызваны к жизни интересом исследователей и чиновников к этнографии калмыков, привлекавшей их своей самобытностью и неизученностью. Калмыцкий народ был единственным монголоязычным и кочевым народом в европейской части Российской империи, переселившимся в нижневолжские степи из Азии одним из последних.

Начиная с 80-х гг. XIX в., в изучение этнографии Калмыкии включаются научные организации: Петровское общество исследователей Астраханского края, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которые объединяли людей, интересовавшихся историей и этнографией народов Повол-

жья. Ученые занимались сбором и изучением материалов, издавали работы, посвященные исследованию хозяйства и быта населения, обитавшего в бассейне Волги. По-видимому, среди них были и деятели просветительско-демократического направления. К их числу относится И. А. Житецкий, находившийся в 80-х гг. XIX в. в Астраханском крае под гласным надзором полиции за близость к революционному движению конца 70-х гг. Он собрал ценные в научном отношении сведения о быте, экономике и социальных отношениях, тяжелом положении трудящихся калмыков. Им опубликованы две работы. В одной из них[15] дано описание основных отраслей домашнего производства и его техники. Весьма ценны в этих материалах сведения о начавшемся разрушении калмыцких домашних производств в результате проникновения изделий промышленности и промыслов центральных и соседних губерний. Во второй его работе[16] содержится описание некоторых видов пищи, жилища и одежды, в ней рассматриваются также отдельные вопросы общественного строя, сословного деления. Ценность этих сведений состоит в том, что И. А. Житецкий, основываясь на личных наблюдениях и архивных документах, фиксировал отдельные черты хозяйства, материальной культуры, жизни и быта калмыцкого народа в середине 80-х гг. XIX в.

Но этнографические работы И. А. Житецкого не лишены недостатков. Описание хозяйства и быта неполно, а иногда и поверхностно: часто автор ограничивается только перечислением бытующих у калмыков предметов материальной культуры. Им довольно подробно рассмотрены обряды, пропагандируемые калмыцким ламаистским духовенством, а народная культура фактически обойдена.

Вторым крупным очагом, откуда исходила инициатива изучения Калмыкии, была Казань, ставшая не только административно-учебным, но и крупным культурным центром Поволжья, влияние которого распространялось далеко за пределами Казанской губернии. Ученые Казанского университета собрали значительную коллекцию предметов материальной культуры калмыков конца XIX в. Члены Казанского общества археологии, истории и этнографии специально исследовали жизнь и быт населения Калмыцкой степи. Одним из представителей общества был Я. П. Дуброва, живший среди калмыцкого населения Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в течение шести месяцев. Он сделал экономическое обозрение этой части Калмыкии,[17] привел большой цифровой материал о присвоении земель местных жителей русскими и украинскими крестьянами, самовольно переселявшимися из центральных губерний России и Украины. Это были мелкие крестьяне-производители, осваивавшие калмыцкие земли собственным трудом. Я. П. Дуброва отмечает, что число кресть-

ян, переселявшихся в Калмыкию самовольно, увеличивалось с каждым годом. Они вступали в соглашение с калмыками, арендовали у них землю и подкупали царских чиновников, благодаря чему им удавалось приобретать землю в собственность или отторгать большие земельные массивы в пользу переселенческих поселков. В этой работе автор дает отрывочные сведения об основных отраслях хозяйства, поселениях, жилище, одежде и пище коренного населения Большедербетовского улуса.

О развитии земледелия и частично об имущественном расслоении в Большедербетовском улусе сообщается в докладе чиновника особых поручений Н. Бурдукова, представленном им в 1898 г. министру государственных имуществ и земледелия.[18]

В 1909 Министерством внутренних дел царского правительства было проведено обследование Калмыцкой степи. Путем объезда улусов, входивших в состав Астраханской губернии, покибиточно были заполнены опросные листы, в которых содержались подробные данные о населении, скотоводстве, земледелии, переходе кочевников в ряде улусов к оседлости, об отходничестве и других социально-экономических процессах, какие происходили в то время в калмыцком обществе. Результаты экспедиции были опубликованы в 1910 г.[19]

Работа Н. Очирова «Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г.»[20] содержит значительный цифровой материал о скотоводстве, земледелии и социальном расслоении, носит экономический характер и может быть отнесена к разряду источников. Правда, не все стороны хозяйства освещены в ней с одинаковой полнотой. Так, например, очень фрагментарны материалы о рыболовстве, которое уже стало к этому времени ведущей отраслью хозяйства калмыцкого населения, жившего по берегам Волги и Каспийского моря.

Этим чрезвычайно малым числом работ по существу и ограничивается литература, в той или иной степени отражающая жизнь калмыков до начала XX в.

По ним трудно в полной мере представить хозяйство, семейную и общественную жизнь, материальную и духовную культуру калмыков. Такие проблемы, как хозяйственные контакты и культурные взаимовлияния, взаимоотношения кочевых и полукочевых калмыков с оседлыми, в дореволюционных исследованиях даже не ставились, если не считать отдельных фактов, о которых сообщал И. А. Житецкий. Дореволюционные авторы писали о населении Калмыкии с позиции архаизации хозяйства, быта и культуры. Они стремились показать лишь экзотические моменты в жизни кочевников.

В области собственно истории существует довольно большая литература.[21] Многие работы вошли в историографию Калмыц-

кой АССР. К их числу относится труд Н. Я. Бичурина (Иакинфа), в котором излагается история ойратов и калмыков со времени падения Монгольской империи до конца XVIII в.[22]

Крупнейшей ошибкой Н. Я. Бичурина является его утверждение о том, что феодальные правители калмыков появились на Волге с экспансионистскими намерениями, согласованными с остальными ойратскими ханами, входившими в «Союз четырех ойратских племен». Это глубоко ошибочное мнение Иакинфа получило довольно широкое отражение в русской историографии по Калмыкии.

Заметный след в монголоведении конца XIX — начале XX вв. оставили работы А. М. Позднеева.[23] Однако он идеализировал политику цинского Китая и русских царей, утверждая, что-де миролюбивые намерения их всегда встречали непонимание со стороны кочевников и их правителей, для которых характерна врожденная склонность к грабежам, насилиям и войнам. Эти взгляды А. М. Позднеева изложены в рецензии[24] на исторический очерк М. Новолетова «Калмыки» (СПБ, 1884).

Н. Львовский говорил о «самовольном вторжении» калмыков в Россию с целью «образования самостоятельного и независимого государства».[25] Такого же мнения придерживался архимандрит Гурий, который писал: «Историческое прошлое калмыков ясно показывает, что они шли в Россию не с целью мирной жизни возле русских границ, а с целью господства и завоевания таможных русских городов, быть может, в надежде восстановить свое владычество, там, где некогда сидели юртом потомки Чингисхана, его внуки».[26] Изложенная выше идея нашла свое отражение и в работе Е. Чонова, который утверждает, что торгутовский хан Хо-Орлюк вторгся в Россию с целью «восстановления времени Золотой Орды».[27]

Концепция завоевательных целей ойратов, переселившихся на просторы степей Нижней Волги и Предкавказья, продолжала бытовать в работах некоторых исследователей советского времени. Она нашла свое отражение в работах Н. Н. Пальмова[28] и С. А. Козина.[29] Нельзя сказать, что эта концепция не имела противников. На их ошибочность указывал Г Грумм-Гржимайло.[30]

В официальных документах царской администрации и в работах многих исследователей настойчиво проводилась мысль о том, что у калмыков дореволюционного времени сохранялся родоплеменной строй. Калмыки, согласно утверждению царских чиновников, состояли из трех племен: торгутов, дербетов и хошеутов; улусы, по их мнению, соответствовали племенам, аймаки — родам. Это мнение продолжало бытовать в работах отдельных советских авторов.[31]

Устаревшая концепция, культивировавшаяся буржуазными

историками, получила решительную отповедь в работе Г. З. Минкина, который первым увидел в общественных отношениях дореволюционной Калмыкии существование феодального способа производства, утвердившегося задолго до прихода калмыков в Приволжские степи.[32] Большое значение имел фундаментальный труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», где автор детально разработал проблему феодальных отношений у кочевых народов.[33] Вопрос об общественном строе продолжали разрабатывать И. Я. Златкин[34] и ученые Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики.[35] Эта проблема также была предметом исследования П. С. Преображенской.[36] Об участии калмыков в прогрессивных войнах России и в крестьянских войнах пишет Т. И. Беликов.[37]

В дореволюционный период было положено начало сбору и изучению калмыцкого устного народного творчества. Отдельные произведения калмыцкого фольклора публиковались еще в начале XIX в.[38] В конце XIX и в начале XX вв. была проведена значительная работа по сбору и публикации калмыцких сказок, пословиц, поговорок и песен.

Большим событием в культурной жизни калмыцкого народа и в русском востоковедении была запись у знаменитого джангарчи Ээлян Овла героического эпоса «Джангар», изданного в 1910 г. на калмыцком языке литографским способом.

Дооктябрьские публикации не могли дать полного представления о разнообразии и богатстве жанров калмыцкого фольклора.

Начало новому этапу в изучении истории и этнографии калмыков положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Большой вклад в изучение истории калмыцкого народа внес профессор Н. Н. Пальмов,[39] организатор Центрального советского государственного архива Калмыцкой АССР. Его «Этюды по истории приволжских калмыков» содержат ценный фактический материал, главным образом, по политической истории. Кроме того, он написал небольшую статью, где рассматривалось состояние калмыцкого домашнего производства в 20-е годы.

Большая работа была проведена по изданию и изучению героического эпоса «Джангар». В 1930 г. текст эпоса был издан латинизированным шрифтом, а в 1940 г. осуществлен его художественный перевод.

Серьезным исследованием, посвященным героическому эпосу «Джангар», является работа Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос», в которой автор сделал первый значительный шаг к теоретическому осмыслению литературного процесса в Калмыкии, определению места и значения эпоса в художественном творчестве монголоязычных народов.[40]

Большим вкладом в развитие джангароведения явился труд

С. А. Козина «Джангариада»,[41] освещающий вопросы развития письменности и литературы монгольских народов, процесс ответвления ойратов от монголов и формирования их в самостоятельную народность. В отличие от Б. Я. Владимирцова, датировавшего «Джангар» концом XVI в., возраст калмыцкого эпоса определяется С. А. Козиным серединой XV столетия. Работа содержит авторский перевод торгутской версии нескольких песен эпоса.

Что касается отдельных элементов «Джангара», то надо сказать, что они возникли значительно раньше середины XV в. По-видимому, они относятся ко второй половине первого тысячелетия до н. э., к героическому периоду в истории народов Южной Сибири и Центральной Азии. Дата, принятая Козиным для калмыцкого эпоса, не опирается на анализ сравнительных данных и археологических материалов, проливающих свет на время возникновения героических эпосов народов этой части Азии.[42]

В 60—70 гг. было издано значительное число работ по истории культуры калмыцкого народа. Изданы на калмыцком языке и в переводе на русский язык материалы калмыцкого фольклора.[43]

Определенный вклад в изучение калмыцкого героического эпоса «Джангар» сделала научная конференция Калмыцкого НИИИФЭ, посвященная 110-летию со дня рождения знаменитого джангарчи Ээлян Овла.[44] Проблемам фольклора монголов, бурят и калмыков посвящена работа известного монголоведа Г И. Михайлова, в которой рассматриваются вопросы магической поэзии, пути формирования сказочного и былинного эпоса, излагаются наблюдения автора над калмыцким эпосом «Джангар» и опыт реконструкции давно утраченной калмыцкой былины.[45] В последние годы вышел из печати ряд работ монографического характера, содержащих ценные наблюдения.[46]

Несмотря на большую работу, проделанную в советское время по этнографии калмыцкого народа, следует признать, что до сего времени собранные и изданные материалы все еще не подвергнуты изучению и научному осмыслению.

Книга написана на основании личных наблюдений автора и полевых материалов, собранных им как в период работы этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, так и во время многократных поездок в различные районы Калмыцкой АССР, где удалось записать воспоминания старых калмыков, хорошо знавших и помнивших утраченные ныне черты культуры и быта.

При исследовании хозяйства были использованы исторические документы Государственного архива Калмыцкой АССР, в частности, отчеты главного попечителя калмыцкого народа, доклады должностных лиц, официальная (канцелярская) переписка,

различные справки, донесения, материалы экспедиций, работавших в разные периоды в Калмыцкой степи, отчеты геодезических партий.

Архивные документы имели решающее значение при исследовании вопроса о земледелии, рыболовстве, отходничестве, народном образовании.

Средства передвижения и географические условия Калмыкии были описаны на основе данных, полученных автором в Государственном архиве Волгоградской области.

При изучении материальной культуры были использованы музейные коллекции Калмыцкого республиканского, Ставропольского краевого и Саратовского областного краеведческих музеев, а также некоторые коллекции Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Помимо архивных и музейных материалов, в основу работы легли также и некоторые другие сведения из трудов дореволюционных исследователей, в основном государственных чиновников, время от времени обследовавших положение калмыков Астраханской и Ставропольской губерний; в их отчетах сообщаются сведения о хозяйстве и материальной культуре народов.

Кроме указанных архивов, привлекались материалы из других источников, в частности, статьи, опубликованные на страницах газеты «Астраханская губернская ведомость», в которой нередко помещались сообщения по вопросам хозяйства, материальной культуры и, частично, о политической борьбе, имевшей место в калмыцком обществе конца XIX — начала XX вв. Проблема этногенеза калмыцкого народа написана в основном по полевым материалам и архивным источникам.

ОЙРАТЫ — ПРЕДКИ КАЛМЫКОВ

Источники по древней истории монголов, ойратов в частности, скудны. Накопленные археологические материалы, относящиеся к раннему периоду истории племен Центральной Азии, невозможно связать с какими-либо этническими общностями. Этот пробел в какой-то мере заполняется китайскими историческими хрониками, которые позволяют нарисовать довольно четкую картину древнейшего прошлого Центральной Азии и областей к востоку от нее.

В труде отца китайской историографии Сыма Цяня (около 145—90 гг. до н. э.), известном под названием «Ши цзи» («Исторические записки»), сообщается о трех группах народов: хунну, дун-ху и дун-и, обитавших в восточной части азиатского материка в I тысячелетии до н. э. Некоторые исследователи полагают, что под тремя названиями подразумеваются сложившиеся к тому времени три этнические общности; тюркская (хунну), монгольская (дун-ху) и тунгусо-маньчжурская и палеоазиатская (дун-и).

Дальнейшая судьба этих общностей была сложной. Они совершили переход от первобытнообщинного строя непосредственно к феодализму, минуя рабовладельческую общественно-экономическую формацию. Параллельно длительному процессу феодализации, продолжавшемуся вплоть до XIII в. н. э., происходил весьма сложный процесс этногенеза, в ходе которого родовые и племенные группы то сливались, то распадались, образуя новые, более крупные этнические общности — народности. На протяжении всего I тысячелетия н. э. и даже в первой половине II тысячелетия постоянно происходили распад и новое образование военно-административных объединений, представлявших собою временные союзы племен (хуннов, сяньби, уйгуров, кыргызов, киданей).

«Согласно китайским источникам, Дом Кидань — отрасль Дома дун-ху. Предки его, разбитые хуннами, осели у Сяньбийских гор». На смежной с киданьской территорией жило родственное им племя хи, тоже «отрасль Дома дун-ху». К северу от киданей находились владения племени шивэй, «одного корня с киданями». Все эти племена занимались скотоводством, перекочевывали с «места на место, смотря по достатку в траве и воде, обитали в войлочных юртах».[1]

Шивэй знали земледелие, сеяли просо, пшеницу и полбу. В дальнейшем, по-видимому, происходит расселение с мест первоначального обитания в поисках свободных земель, водных источников, охотничьих и рыболовных угодий, в более северные районы, заселенные менее плотно. Когда это началось, сказать трудно, но в Забайкалье были обнаружены археологические памятни-

ки, оставленные скотоводами-кочевниками уже во II—VII вв. н. э. В науке они известны как памятники бурхотуйской культуры, занимающие промежуточное звено между памятниками гуннов и тюрков. В изученных в местности Бурхотуй и около ст. Оловянной погребениях найдены разнообразные железные предметы (ножи, пряжки, наконечники стрел и др.), костяные наконечники стрел, целые глиняные сосуды, их обломки, бронзовые изделия (нашивные бляшки, лунницы, кольца, предметы из перламутра). В отличие от поздних, кочевнических, погребений в могилах бурхотуйского типа не обнаружено костей домашних животных. На этом основании ученые полагают, что основным занятием бурхотуйцев было земледелие, может быть, и рыболовство.[2] Однако небольшие железные колечки, найденные в погребениях, возможно, относятся к конской сбруе. Названные выше захоронения могли принадлежать «су-монголам», т. е. водяным монголам, именовавшим себя «татарами» по названию реки, протекавшей через их страну и называвшейся Татар.

О появлении в Прибайкалье первых монголов можно судить по материалам, добытым А. П. Окладниковым при раскопках древнего могильника в местности Хабсагай, вблизи устья реки Манзурки, около улуса Сэгенут. В могилах найдены типичные для скотоводов вещи — кости барана, лошади, крупного рогатого скота, железные удила, железные ножницы для стрижки овец, круглые горшки (тогда для живших здесь до них курыканов были характерны плоскодонные сосуды).[3]

Ко времени выступления на арену истории Чингисхана монгольские племена освоили значительную часть Прибайкалья — бассейн реки Селенги, долину Ангары, верховье Лены, северо-восток озера Байкал. Об этом можно судить по археологическим материалам.

А. П. Окладников и В. Д. Запорожская выделили среди Ленских писаниц рисунок, выполненный совершенно по-другому, чем курыканские писаницы. Он сделан тонкими резными линиями в виде узкой полоски. Изображена довольно значительная группа древних кочевников, передвигающихся со всем хозяйством и семейством. Впереди табора едет всадник на лошади, гонит животное, по-видимому, лошадь, символизирующую табун, за ним скачет другой всадник. Позади этих всадников длинной цепью движутся пять кибиток, поставленных на повозки, запряженные волами. Три первые повозки соединены друг с другом линией, означающей повод, которым каждое животное привязано к задней части впереди идущей повозки.[4] Такие методы управления воловьими подводами были характерны для дореволюционных калмыков и местного русского населения.

В один ряд с описанными выше изображениями необходимо

по ставить рисунки, обнаруженные П. П. Хороших на горе Манхай II, неподалеку от с. Усть-Орда в Кудинской степи. Среди этих изображений внизу около одной из кибиток хорошо видно выбитое на скале колесо с радиальными полосами, возможно, изображающими его спицы. Одна из кибиток поставлена на телегу с оглоблями, нанесенными в виде длинной горизонтальной линии.[5] Таким образом, перекочевка на колесных повозках, на которых были поставлены кибитки, известна задолго до XI—XII вв., когда первые монголы появились в Прибайкалье. Подобные передвижные кибитки на колесах, в которых жили древние монголы, известны авторам «Сокровенного сказания», где говорится: «Девушки в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся».[6]

По мнению А. П. Окладникова, Тункинский могильник XII—XIV вв. принадлежал монголам.[7] В отношении возраста этого памятника имеется другое мнение, которое выдвинуто Е. А Хамзиной.

Она утверждает, что вероятнее всего XII в. является верхней датой его существования.[8] По-видимому, монголами оставлены могильники, расположенные на склонах сопки Тамхар, в которых установлены новые черты в погребальном обряде, характерные для более поздних монголов.[9] Так, можно предполагать, что монголы начали постепенно вытеснять из похоронного обряда тюркские черты. Данное соображение не противоречит сложившемуся мнению в науке. По сообщению китайских источников, «это были племена гулигань, которые кочевали по северную сторону Байкала, имели 5000 строевого войска, земли их простирались на север до моря».[10] По археологическим материалам, они известны под именем «курумчинских», т. е. носителей курумчинской культуры, занимались скотоводством, охотой на диких зверей и добычей железа. Жилищами им служили постоянные землянки и пещеры (места временного обитания).[11]

Курумчинцы, по мнению исследователей, были предками якутов, которые ушли из Прибайкалья на север под давлением монгольских племен в два этапа. Первый этап укладывается в пределах X—XI вв., второй — за 100—150 лет до прихода на Лену русских.[12] Кто были те монголы, которые вытеснили предков якутов из Прибайкалья, сказать трудно. Ими могли быть предки бурят и ойратов, появившиеся из-за Забайкалья. Нельзя считать случайным наличие в современном калмыцком языке этнонима «сохад». Ведь якуты называют себя «саха». В якутском эпосе обнаруживается архаическое самоназвание якутов «урунхай-саха».[13] До сих пор где-то к северу от озера Байкал продолжает жить этническая группа «саха». Бытование в калмыцких этнонимах термина «сохад» можно объяснить тем, что предки калмы-

кэв — ойраты вступали в тесный контакт с предками якутов, жившими в районе Прибайкалья, из которых отдельные элементы были увлечены ойратами на запад по неизвестным нам причинам.

Первые достоверные письменные сведения об ойратах относятся к концу XIII — началу XIV вв. Рашид-ад-дин сообщает, что «юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье (Секиз-Мурэн). В древности по течению этих рек сидело племя тумет. Из этого места вытекают реки, (потом) все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм, последняя впадает в реку Анкара-Мурэн».[14] Издатели сочинения персидского историка полагают, что р. Кэм — это Енисей, так как в своих истоках он носит название Улу Кем (Большой Кем) и Кемчин (Маленький Кем).[15] Г Н. Румянцев придерживается другого мнения. Он утверждает, что «под «Восьмиречьем» имеется в виду современный Приангарский край».[16] Такой же взгляд проводится в «Истории Монгольской Народной Республики».[17]

Вполне возможно, что на рубеже XII и XIII вв. ойраты занимали более обширную территорию, чем верховье Енисея, включая сюда Приангарский край, лесные районы, межгорные долины и степи на северо-востоке Саян и Танну-Ола.[18] Согласно утверждению Рашид-ад-дина, ойраты «издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название с таким распределением...»[19]

Здесь текст обрывается, и мы не можем сказать, что собою представляли «отрасли» или «разветвления», о которых сообщает Рашид-ад-дин, какие роды или племена входили в этническое объединение ойратов. Тем не менее совершенно ясно, что название «ойраты» обозначало нечто большее, чем первичные племена, но их этническое единство неоспоримо. Судя по этническому составу калмыков, мы можем предполагать, что древние ойраты, возможно, состояли из торосов, шарядов, шарнутов, замудов, харнутов, батутов, багутов, туктунов, зэтов, хойтов и других, о которых не говорится ни в «Сокровенном сказании», ни в сочинении Рашид-ад-дина. К такому соображению приводят нас позднейшие монгольские и калмыцкие источники. В монгольском источнике «Шара Туджи», датируемом серединой XVII в., говорится, что «Эльбег-хаган велел Худжи Таджу из ойратского рода Чорос, убить своего младшего брата». В другом месте также сказано, что «Худжи Таджу был из рода Чорос». Там же имеется утверждение, что «так называемые Дурбэн ойрат» состояли из «хариат, один из них Огулет (Элет), один из них хошут, торгут, джунгар — четверо, соединившихся в одно. Один из них Барагу, богатут, хойт — вот четыре тумэна ойратов».[20] Примерно то же самое говорится в сочинении Батур-Убаши-Тюменя, в котором

мы находим названия элетов, хойтов, батутов, зюнгар и др., написанном в 1819 г.[21] Мы можем думать, что ойраты XIII — начала XIV вв. представляли собой союз «племен», единых по языку и в этническом отношении. Об этом свидетельствует утверждение Рашид-ад-дина о том, что ойраты разветвлялись на несколько отраслей, у каждой было определенное «название». Он употребляет слова «ойратские племена». Все это дает нам основание предполагать, что термин «ойрат» был собирательным, обозначавшим нечто большее, чем племя.

Многократно упоминавшийся в литературных источниках XIV—XV вв. термин «ойрат» в качестве названия этнической группы, целой народности и государства указывает на наличие в ойратском союзе древнего ядра аристократического рода ойратов, не отличавшихся от остальных племен, входивших в ойратский союз, ни в этническом, ни в языковом, возможно, ни в культурном отношениях, кроме своего древнего родового названия. Следовательно, этноним «ойрат» выступает в двояком значении: этническом и политическом. Факт установления господствующей роли аристократического племени ойрат в ойратском союзе служил основанием для отдельных древних авторов, чтобы назвать все племена, входившие в союз, ойратами. По-видимому, институт аристократического рода или племени появляется в глубокой древности, хотя он плохо исследован наукой. О существовании у различных племен и народностей аристократического рода или племени свидетельствуют письменные источники. У гуннов было всего 19 племен. Все имели поколения, взаимно не смешиваясь. «Племя «Тугэ» было наиболее сильным и уважаемым. Поэтому оно могло делать (назначать) шаньюя для общего управления всеми племенами».[22] То же самое было у тюрок-тугю VI—VIII вв. Как у восточных, так и у западных тюрков высшая знать, в том числе все каганы, происходила из одного династийного рода, а именно из рода ашина, относившегося к племени тюрк.[23] Все уйгурские племена также возглавлялись представителем сильного племени. В китайских источниках сказано, что среди пятнадцати гаогюйских поколений ойхор хойху, или уйгур, по своему могуществу занимало первое место.[24] В VIII—IX вв. в союзе девяти уйгурских родов главную роль играл род иолога-яглакар.[25] Рашид-ад-дин утверждает, что «слово «монгол» стало именем их рода, и это название переносят (теперь) на другие народы, которые похожи на монголов, потому что начало обобщения сего слова (с другими народами) произошло с эпохи монголов... вследствие же их могущества другие (племена) в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков (теперь) называют монголами».[26] Таких фактов в источниках и литературе можно найти много. Приведенных выше дан-

ных достаточно, чтобы убедиться в том, что в период разложения первобытнообщинного строя и развития классовых отношений у народов Центральной Азии стало обычным называть роды и племена, попавшие в зависимость (не только родственные по языку и этническому составу, но и различные по языку и происхождению), по имени главенствующего аристократического племени или рода, хотя все подвластные племена и роды продолжали сохранять свои самоназвания. Подобные факты установлены у славянских народов. М. Н. Тихомиров указывает, что «наиболее обычным был, как известно, порядок, когда название небольшого племени становилось названием целого народа, как например, чехов и поляков».[27] Такая практика продолжала бытовать до недавнего времени, что будет показано ниже.

Наше соображение опирается на мнение классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами и т. д.».[28]

Из всего приведенного можно сделать только один вывод, что термин «ойрат» был наименованием одного племени (рода?), ставшего в дальнейшем ведущим ядром, объединившим другие, родственные по языку и культуре племена.

Образование ойратского союза во главе с наследственной властью было новым этапом в этническом и политическом развитии входивших в него племен, шагом на пути превращения родоплеменного союза в ойратскую народность. Ойраты переживали стадию перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу и образованию первичного государства с феодальным общественным строем. У них была определенная территория, расположенная в верховьях реки Енисея, Приангарье. На северо-востоке они занимали часть Западного Прибайкалья. В этом первичном объединении, в состав которого вошли различные племена, родственные по языку и этническому происхождению, шел процесс переламывания диалектных различий и формирования ойратского диалекта древнемонгольского языка, имевшего, согласно утверждению Рашид-ад-дина, «небольшую разницу от языка других монгольских племен».[29]

По-видимому, процесс обособления ойратских диалектов от других родственных ему диалектов начался значительно раньше — с конца XIII — начала XIV вв.; возможно, он относится к тому периоду, который языковеды условно называют протомонгольским, незасвидетельствованным источником.[30] Действительно, ойраты почти всегда жили обособленно от других монгольских племен, на окраинах монгольского мира, в контакте с племенами Восточной Сибири, в том числе, как отмечалось выше, с пред-

ками современных якутов. Здесь, в Прибайкалье, северные монголы вступили, по-видимому, в контакт с племенами охотников и рыболовов, культура которых была сходна или прямо аналогична культуре здешних аборигенов, тунгусов.[31]

Находясь длительное время в тесном взаимодействии с тюркоязычными и тунгусоязычными группами, частично ассимилируя и вытесняя их, ойраты должны были усвоить отдельные элементы чуждой им культуры, в том числе языка. Наши соображения подкрепляются сходством по форме и содержанию героических и волшебных сказок калмыков со сказками народов Северо-Восточной Сибири.

Судя по данным «Сокровенного сказания» и сообщениям Рашид-ад-дина, в состав ойратов XI—начала XII вв. не входили многие племена, названия которых мы находим впоследствии у калмыков, состоящих в преобладающем большинстве из ойратов, переселившихся в начале XVII в. на нынешнюю территорию Калмыцкой АССР. Какие именно районы Южной Сибири и Северной Монголии заселяли те или иные племена, точно указать трудно. Письменные источники прямого ответа на этот вопрос не дают. Здесь могут помочь уже опубликованные работы.

По-видимому, в XI—XII вв. все племена, которые не входили в состав ойратов, в частности, чоносы, меркиты, кереиты, тайчиуты, дорбены (дурбаны),[32] упоминаемые в «Сокровенном сказании» и в сочинении Рашид-ад-дина, прочно занимали все районы, прилегавшие к Байкалу. Меркиты жили в бассейне реки Селенги, возможно, по ее нижнему течению, невдалеке от лесных племен. Кереиты обитали в межгорных долинах Хангая и Хэнтэя, между реками Орхон и Тола. Верховье Амура, а также долину, заключенную между реками Онон и Селенга, заселяли тайчиуты.[33] Где в это время находились другие племена (дурбаны, таргуты, чоносы и др.), неизвестно. Рашид-ад-дин утверждает, что чоносы входили в племя тайчиут. Следовательно, все племена, названные выше, жили довольно далеко от местности, занятой ойратами.

Географические условия (горы, межгорные долины, лес и др.) должны были способствовать известной изоляции ойратских племен от остальных, степных монголов. Этим изолированным существованием ойратов объясняется то, что их язык имел «небольшую разницу от языка других монгольских племен».[34] Когда началось смешение ойратов с другими монголоязычными племенами, сказать трудно. Можно думать, что проникновение в ойратскую среду других монголоязычных этнических групп и тюркоязычных элементов началось очень рано, возможно, в период образования монгольского государства. Об этом можно судить по данным «Сокровенного сказания».

Известно, что Чингисхан насильственно рассеял тех, кто оказал сопротивление его централистской политике. Например, «ниспровергнув таким образом кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдеспу Тахай-Баатуру».[35] В другом месте говорится: «...Чингис-хан приказал пораздавать всех этих меркитов до единого в разные стороны. Это им за то,— говорил он,— за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить, как раньше жили, а они еще вздумали поднимать восстание!»[36] Политика Чингисхана по рассредоточению покоренных племен вызвала коренные изменения не только в общественной жизни, но и в родоплеменном составе самих монголов. Изменения эти заключались в смешении не только монголоязычных групп, но и тюркоязычных с монгольскими племенами. Нельзя считать случайным тот факт, что этнонимы «меркиты» и «кереиты» встречаются у волжских калмыков, казахов, южных алтайцев* и бурят,[37] ныне разделенных друг от друга огромным расстоянием.

Процесс дробления, расхождения, смешения, скрещения и ассимиляции не прекратился и в последующие периоды, он продолжался. В ходе политической борьбы и военных столкновений, какие имели место в средние века, вероятно, возникали новые этнические комбинации и смешения как родственных, так и чуждых по языку племен.

В конце XIV в. в Монголии наступил период распада эфемерной империи Чингисидов на отдельные феодальные владения, независимые друг от друга в экономическом отношении, часто отделенные одно от другого естественными преградами. Ханский престол стал объектом беспрерывной борьбы между различными группами феодалов, сменявших ханов по своему произволу.

В этот же период выступили на историческую арену западные монголы — ойраты, во главе которых стал в конце XIV в. Мунка-Тэмур. После его смерти владения были разделены между тремя наследниками — Махмудом, Тайпином и Бату-Болодом. В первой половине XV в. более организованные ойратские феодалы неизменно одерживали победу над восточно-монгольскими. Об этом свидетельствует объединение Восточной и Западной Монголии к 1434 г. под властью ойратского правителя Тогона, сына Махмуда. Сын Тогона-тайши Эсен стал правителем всей Монголии, в стране утвердилась централизованная ханская власть. Эсен, провозгласивший себя в 1451 г. общемонгольским ханом, погиб в 1455 г. в вооруженной борьбе с мятежными феодалами, не желавшими централизованной ханской власти. Монголия вновь распалась на ряд независимых друг от друга княжеств. После

---

* В составе южных алтайцев встречается этноним «меркит».

смерти (в 1543 г.) последнего всемонгольского Даяна-хана страна распалась окончательно на отдельные части. К этому времени, т. е. к середине XVI в., относится образование ряда самостоятельных феодальных владений, происходит известная консолидация различных этнических групп в три крупные монголоязычные народности. Рядом с собственно монголами складываются бурятская и ойратская народности. Несмотря на отсутствие политического единства, бурятские племена представляли собой определенную этнографическую общность: они говорили на весьма близких диалектах, имели одинаковую культуру, стояли на одной и той же ступени общественно-экономического развития. Об этом свидетельствует общее для всех племен имя — буряты.[38] То же самое можно сказать в отношении ойратов, тем более, что они еще в XIII—начале XIV вв. представляли определенное целое в политическом отношении.

Объединение различных монгольских племен вокруг ойратов происходило по разным, мало известным нам причинам. Пути сложения ойратской этнической общности были крайне сложными. Но одно несомненно, что ядром служил союз ойратских племен, имевших еще в XIII в. своего вождя и выставлявших в общемонгольское войско четыре тюмена (тюмен — 10000 воинов). По мнению И. Я. Златкина, в тот период общая численность ойратов приближалась к 200—250 тыс. человек.[39] Одни, слабые в военно-политическом отношении, монгольские племена искали у сильных западно-монгольских князей защиты от кровавых распрей и взаимных набегов феодалов, боровшихся между собой за власть; другие, очевидно, были разгромлены в открытой борьбе, силой включены в состав западно-монгольского княжества; третьи, у которых не было иного выхода из создавшегося положения, добровольно присоединились к ойратам в качестве родственников. В состав ойратов вошли монголоязычные племена: чоносы, меркиты, кереиты, тайчиуты, дорбены (дурбаны); эти названия мы встречаем в этническом составе калмыков.

Продвигаясь из района Байкала в сторону верховьев Енисея, Саяно-Алтайского нагорья и Западной Монголии, ойраты вступали в контакты с новыми иноэтническими массами, отдельные части которых присоединялись по разным причинам к ойратам. На это указывает обнаруживаемый в составе калмыков довольно значительный массив цаатанов, которых в Калмыкии, согласно полевым материалам, насчитывалось до Октябрьской революции около 1000 кибитко-хозяйств, располагавшихся к югу от современного города Каспийского вплоть до границы с Дагестаном. По архивным документам, составленным в 1905 г., их насчитывалось 724 кибитки.[40] Согласно полевым материалам, собранным нами, в Хончинеровском анги Малодербетовского улуса был целый арван,

именуемый цаатнахин. В конце XIX в. в Харахусовском улусе жили бага-гурбаны и ики-гурбаны, размещавшиеся в 264 кибитках.[41] По полевым данным, горбуты являются по своему происхождению цаатанами. Термин «цаатан» означает (по-монгольски) «оленные» или «оленеводы» (цаа — северный олень). Возможно, часть тувинцев-тоджинцев была увлечена ойратами, постепенно расселившимися вплоть до верховьев Иртыша и Южного Алтая. Г. Н. Потанин первым обратил внимание на тоджинцев, утративших свой тюркский язык, говоривших в его время по-монгольски. Он пишет: «В средней части Монгольского Алтая находится халкасский хошун Тачжи-уранхай: теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения Тачжи-Урянхай. Не было ли тюркское поколение, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя? Этот халкасский хошун лежит к Тянь-Шаню, и его южная граница состоит от северной подошвы Тянь-Шаня всего на семьдесят верст».[42] Тоджинцы зафиксированы в русских исторических документах XVII в. под разными названиями: «тоджи, точи или точигасы».[43] Так что тачжи-урянхай, о которых пишет Г. Н. Потанин, имеют, по-видимому, общее происхождение с тувинцами-тоджинцами. Наше мнение не противоречит литературным данным. С. И. Вайнштейн утверждает, что «волны кочевников, двигавшиеся из степей Центральной Азии, докатывались до саянской тайги, оказывали влияние на этнический состав ее обитателей. Одни лесные племена смешивались с пришельцами, а другие уходили, покидая веками обжитые места».[44]

Такое предположение подкрепляется тем, что и в настоящее время на территории МНР живет группа цаатанов (в количестве до 200 человек), занимающихся оленеводством, объясняющихся между собою по-тувински.[45] Правда, монгольские цаатаны называют себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык — уйгурским,[46] хотя они говорят на одном из диалектов тувинского языка.[47] По мнению Л. П. Потапова, монгольские цаатаны — это тоджинцы — выходцы из Северо-Восточной Тувы.[48] Проникновение в среду калмыцких цаатанов монгольских этнических элементов или ассимиляция их монголами возможны, так как наши цаатаны считают себя шара-монголами (желтыми монголами). Интересны некоторые языковые факты. В произношении отдельных калмыцких слов у цаатанов имеются некоторые фонетические особенности, в частности, в шипящих звуках. Все калмыки говорят «ця» (чай), «цаатан», «цаасн» (бумага), «цасн» (снег), «цаг» (время), тогда как цаатаны произносят эти слова «чя», «чаятан», «чяясн», «чясн», «чяг». Это характерно для тюркоязычных алтай-кижи, которые произносят калмыцкое слово «цегдег», как «чегдег». Тувинцы также прибегают к замене бук-

ны «ц» на «ч». Однако не исключена возможность, что аффриката «ч», сохранившаяся у калмыцких цаатанов, является далеким отголоском древнемонгольского языка, в котором писалось «ч» вместо «ц». По мнению Г. Д. Санжеева, до сих пор шипящая «ч» употребляется вместо «ц» в ордосском, чахарском, харачинском и других монгольских языках.[49]

О смешении с алатае-саянскими племенами свидетельствует наличие в составе калмыков этнонима «теленгит». Теленгиты обитали в Хошеутовском и, по нашим полевым данным, в Большедербетовском улусах. К середине XIX в. их было в составе хошеутов до 150 кибиток.[50] В 1905 г. теленгиты Астраханской губернии объединились в 66 кибиток.[51]

Давно установлено, что племенное наименование «теленгит» имеет в своей основе этноним «теле», которое дошло до нашего времени в грамматической форме множественного числа монгольского языка.[52] Родственные им теленгиты и телеуты живут до сих пор в Горном Алтае, часть последних обитает на юге Кемеровской области. Следовательно, теленгиты, отдельные потомки которых живут в г. Элисте, принадлежат к тюркской этнической группе, известной еще по орхоно-енисейским надписям и китайским хроникам.[53] Сохранившиеся до сего времени самоназвания являются свидетельством возможного их происхождения от древнего объединения «теле». Но теленгиты вошли в состав ойратов, по всем данным, не позже XVII в. Об этом можно судить по сообщению капитана от артиллерии Ивана Унковского, возглавлявшего русское посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану: «Под его контайшиным владением обретаются разные народы, а именно: его настоящий народ, именуемый зюнгары, киргизы; урянхайцы, теленгиты, мингаты, каюты, кошеуты, эркенские бухарцы... буруты, которые около озера Тускел кочуют, барабинцы».[54]

Из перечисленных этнонимов среди калмыков, в частности донских, встречается название «буруты». Сведения о последних крайне скудны. Возможно, под этим именем скрывались различные этнические группы: енисейские киргизы (хакасы), ара и маторы, кочевавшие еще в XVII в. в бассейне реки Енисея, близ Красноярска.[55]

Наличие в среде калмыков бывшего Большедербетовского улуса этнонима «тарачнар» дает нам основание думать, что в этногенезе калмыцкого народа принимали участие уйгуры, с которыми ойраты вступали в контакты. Название «таранчи» сохранилось у восточных уйгуров до настоящего времени.[56]

По архивным документам нами прослежена в составе населения бывшего Багацохуровского улуса группа под названием «туба», состоявшая из 20 кибиток.[57] В другом документе, датиру-

емом 1905 г., есть название «табанкинов-род», в котором было 35 кибиток.[58] Этническая общность под названием «туба» встречается до сих пор в Алтае-Саянском нагорье.[59]

Не исключена возможность, что этноним «туба» относится к лесным народам, известным «Сокровенному сказанию» под именем дуба-туба,[60] этническое происхождение которых, по мнению ряда ученых, в том числе И. Георги, М. А. Кастрена, В. В. Радлова, Г Н. Прокофьева и Л. П. Потапова, связано с южными самодийцами.[61] Георги категорически утверждает, что тубинцы «составляли многолюдное и храброе самоедское колено, жившее на восточной стороне Енисея около реки Тубы, по которой оно и называлось. Но во время войны отчасти истреблено, а отчасти рассеялось не токмо по другим самоедским, но и по татарским народам. Между качинскими татарами есть и ныне еще один Тубинский род или аймак, но он малолюден, и хотя наблюдает между собой союз, однако же ни языком, ни житьем, ниже иным от качинцев не отменен».[62]

К середине XVI в. известное затишье в междоусобной борьбе монголо-ойратских феодалов сократило те перемещения и передвижения племен и народов, которые были обычными в эпоху Чингисидов. Произошла территориальная консолидация западных монголов. Они прочно заняли земли, расположенные в западной части Монголии, в северном Синьцзяне, в верховьях р. Иртыш и в Южном Алтае. На этой территории формировались единые формы хозяйства, материальной и духовной культуры, общность быта и языка. Более сплоченные в политическом и этническом отношении ойраты, отличавшиеся сравнительно высоким уровнем развития и многочисленностью, игравшие важную политическую роль в период Монгольской империи, возглавили Джунгарское ханство. Оно оказалось более прочным объединением. Союз племен, в котором все еще сохранились сильные пережитки родоплеменных отношений, переживал процесс превращения в ойратскую, вернее в зюнгарскую народность. Народы, входившие в него, во многих источниках, в том числе русских, назывались «джунгарами». В области общественного развития довольно основательно разрушенные в предыдущие периоды родовые отношения сменились феодальным строем. Правда, основным занятием подавляющего большинства населения ханства оставалось скотоводство, но в долине Иртыша и его притоков начало развиваться земледелие. Им занимались главным образом выходцы из Средней Азии, из Бухары в частности. Начало развиваться ремесло для удовлетворения внутренних нужд. Об этом можно судить по русским историческим документам. Армия джунгаров имела около 20 чугунных и медных пушек, длиной до двух аршин, без лафетов и колес. Возили пушки на верблюдах и стреляли из них с лежащих

верблюдов, были пищальные стрелы (фитильные ружья), «пансырники», «куяшники», «лучники» и «копейщики».[63] На территориях подвластных им саяно-алтайских племен производились различные железные изделия (котлы, таганы, железные ковши, пятна конские — тавро и т. д.), были известны способы добычи руды и выплавки железа.[64] У джунгаров возникли постоянные поселения городского типа.[65]

Государство усилило территориальные связи между входившими в его состав этническими общностями, укрепило политическое единство, а также способствовало быстрому разрушению всей идеологической надстройки общества, связанной с родом и племенем.

Шаманизм, представлявший собой родовые верования, начал заменяться общей для всех джунгаров религией — буддизмом, с которым связано знакомство ойратов с тибетской письменностью и литературой, а также искусством.

Необходимо отметить, что ассимилированные тюрко-кетосамоедоязычные этнические группы не вносили сколько-нибудь заметных изменений в монголоязычные этнические компоненты. Южносибирские элементы были второстепенными, не исходными и незначительными в культуре и в этногенезе джунгаров. Следовательно, основным этническим субстратом, наложившим решающий отпечаток на все стороны их этноязыковой культуры, были ойраты, включившие в свой состав довольно мощные общности монголоязычных племен и групп. У нас нет оснований для сомнения в том, что ойратский этнос сложился в результате этнической консолидации монголоязычного населения, но ойраты явились носителями языка-победителя. Так ли шел исторический процесс, должны решать лингвисты, так как пока в нашем распоряжении нет прямых данных, безоговорочно подтверждающих наши соображения о языке-основе.

Начавшийся еще в XV в. процесс становления и развития ойратской народности замедлился в результате распада ойратского союза в конце XVI—начале XVII вв. Это произошло прежде всего в силу внутренних противоречий между отдельными крупными феодалами, которые оказались не в состоянии организовать оборону от внешнего натиска. Следствием этого явился уход значительной массы ойратов на подвластные России земли и в сторону Кукунора. Оставшееся в Джунгарии ойратское население было порабощено китайскими феодалами.

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ В СОСТАВ РОССИИ. ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Калмыки были известны русским еще во второй половине XVI в. В «Сибирской летописи» сообщается: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и инных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно».[1] Этот документ датируется 30 мая 1574 г. (время правления Ивана IV). В дальнейшем сообщения о калмыках не прекращаются. В документе 1591 г. несколько раз говорится о калмыках: сибирский хан Кучум «... от неначаяния рати русской утече на калмытской рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима. похитил у калмыков коней многое число. Калмыки же гнаша во след его...»[2] Из этого следует, что уже в 90-х гг. XVI в. калмыцкое кочевье вплотную подошло к верховьям рек Ишима и Оми. В 1604 г. калмыки уже кочевали под городом Тара, вступали в непосредственный контакт с русскими и подвластным России населением Сибири. «Да буде (калмыки — *У. Э.*) под нашею царскою высокою рукою быти похотят, и шерть по своей вере, и заклады в город на Тару подают, и похотят кочевати блиско Тарского города... наш ясак платили на Тару мягкою или иною какою рухлядью или лошадьми...» [3]

Русское правительство всячески поощряло торговлю с ойратами, которых оно называло калмыками, многократно давало распоряжения: «торговать с ними беспошлинно, пусть пришлют они лучших своих людей для заключения договора о подданстве, тесноты не чинить, не побивать, оберегать их от недругов», а ойраты не прекращали отправлять в ближайшие города, которыми владели русские, в частности, в Тару, Томск, даже в Уфу, посольства с просьбой принять их в русское подданство. В документе, датированном 16 июня 1607 г., говорится:«...Приехали на Тару колмацкий тайша Кугонай Тубиев, а с ним колмацких людей 20 человек. А в распросе вам Кугонай-тайши сказал, что прислали его, Кугоная, колмацкие люди тайши Баатырь да Ичиней с товарищи нам, великому государю, бити челом, чтоб нам их пожаловати, воевати их не велети, и велети им быти под нашею царскою высокою рукою, и кочевати на нашей земле вверх по Иртышу к Соленым озерам, а де нам с них, с колмацких людей, имати годно коньми или верблюды или коровами, и они де тем нам бьют челом». Обращались другие тайши, в том числе Урлюк (Хо-Орлюк). Только Далай Баатыр с Ичинеем, со всеми подвластными им тайшами, выступал от имени 13 санов, а в сану было по 10000 человек. Так ойраты — предки калмыцкого народа — решили навеки связать свою судьбу с судьбой великого русского на-

рода, что явилось важнейшей вехой в их истории. Две культуры — оседлая русская земледельческая и калмыцкая кочевая скотоводческая — вступили не только в непосредственное соприкосновение, но и в плодотворное сотрудничество. Оба народа окончательно пришли к выводу о необходимости установления более устойчивых и активных связей.

После неоднократных переговоров 7 февраля 1608 г. дербетовские тайши (феодалы) в качестве послов прибыли в Москву, где были приняты в Посольском приказе дьяком Василием Телепневым, а затем царем Василием Шуйским. В документе говорится: «В прошлом во 116 году приезжали к царю Василию колматские татарове Баучина да Девлет да Арлай да Кесенчак. Февраля в 7 день. И наперед на приезде были в посольской палате у дьяка у Василья у Телепнева. И Василий их расспрашивал про их приезд.

Февраля же в 14 день. А как оне были у царя Василья на дворе, и посыланы по них приставы их да толмач... А как вошли оне наперед в Посольской приказ и дожидались государева выходу в посольской палате... И государь пожаловал послов к руке. И послы, быв у государя в руки, били челом государю от тайшей о том же, о чем в Посольском приказе дьяку Василью на приезде говорили... государь пожаловал послов, подавал им в ковшех мед».[4] Так было официально оформлено добровольное вхождение калмыцкого народа в состав Русского государства. Это присоединение носило прогрессивный характер. Было положено начало новому этапу в истории калмыков.

Были причины, которые толкали оба народа на установление не только торгово-экономических, но и более тесных политических связей. Русское правительство стремилось обеспечить мир на границах вновь приобретенных земель Западной Сибири. Для приобретения новых районов на востоке у России не было ни сил, ни средств. Оно рассматривало ойратов (калмыков) как союзников в борьбе с Сибирским ханством Кучума, который пытался организовать совместную борьбу с ногайскими феодалами против России.

Ойраты, несомненно, были глубоко заинтересованы в союзе с русским централизованным, сильным государством, подавшим им руку дружбы навеки. Благодаря добровольному вхождению они избавились от кровавых междоусобиц, сопровождавшихся огромными человеческими жертвами, уничтожением материальных и духовных ценностей. Победители угоняли скот — единственный источник средств существования простого народа, разрушали домашние очаги, разоряли бедный люд. Кроме того, была реальная угроза существованию ойратского народа не только со стороны восточно-монгольских феодалов, но и прежде всего со стороны

феодального Китая. Принятие предками калмыков русского подданства положило конец опасности порабощения их императорским Китаем. Наконец, нельзя не отметить тот факт, что добровольное вхождение было посильным вкладом калмыков в образование великой семьи народов России, объединившихся вокруг русского народа.

Царь Михаил Федорович Романов специальной жалованной грамотой от 14 апреля 1618 г. на имя калмыцкого тайши Далая-Богатыря подтвердил принятие его в русское подданство. В ней говорится: «...А ты, Богатырь-тайша, со всею Колматцкою ордою нашему царскому величеству хочешь служить и на непослушников наших, куда вам наше царское повеление будет, с своими ратными людьми, хочешь ходить. И мы, великий государь, наше царское величество, тебя, тайша Богатыря, в том похваляем... хотим тебя и всю Колматцкую орду держать в нашем царском жалованье... быть в любви и в дружбе, бед вам и задоров никаких чинить не велели».[5]

Калмыкия оказалась в сфере товарно-денежных отношений развивающейся общероссийской экономики. Расширилась торговля скотом и всевозможными видами животноводческой продукции и сырья. На различные стороны материальной и духовной культуры благотворное влияние стала оказывать более высокоразвитая русская культура. Произошло слияние его судьбы с историческими судьбами народов России, что приблизило время получения им полной свободы и освобождения от эксплуатации и неравенства.

Присоединение калмыков к Русскому государству оказалось положительным во многих отношениях и для России. Она приобрела рынок сбыта русских ремесленных и промышленных товаров и источник сырья для легкой промышленности. Калмыки освоили огромное степное пространство юго-востока европейской части России, крайне редко заселенное. Сухая, безводная степь покрылась огромным количеством крупного рогатого скота, отарами овец, табунами лошадей и многочисленным поголовьем верблюдов. Калмыки привели в Россию такие породы сельскохозяйственных животных, которые были приспособлены к нелегким условиям степей Нижнего Поволжья и Предкавказья. Ими также была разработана система использования обширных степных пастбищ. Это было положительно оценено в свое время в русской литературе. Академик И. И. Лепехин писал о калмыках: «От них польза есть. Они занимают пустые степи, ни к какому обитанию неугодные. В них мы имеем, кроме других военных служб, хороших и многочисленных оберегателей наших пределов от набегов киргизкайсаков и кубанцев. От скотоводства получаем наилучший убойный и рабочий скот».[6]

Главный пристав калмыцкого народа Н. А. Страхов обращал внимание царского правительства на то, что «калмыцкий народ по приносимым хозяйственным пользам, заслуживает внимание правительства, обращая миллионы десятин земли бесплодной и иссушенной солнцем в миллионные табуны и стада, пустую степь — в надежный и богатый конный и скотный двор для целой России».[7]

Процесс включения калмыков в состав России не был единовременным актом. Заселение пустующих ногайских земель, расположенных между реками Уралом и Волгой, шло довольно медленно и не встречало серьезного препятствия со стороны ослабевших ногаев, часть которых ушла на Кубань, а оставшиеся оказались в полном подчинении у царских воевод. М. Л. Кичиков, посвятивший специальную работу этому историческому шагу калмыцкого народа, прослеживает два этапа в освоении им приволжской степи. По его мнению, один из них охватывает 1607—1630 гг., когда калмыки заселили бассейны рек Иртыша, Ишима и Тобола. Второй этап начинается с 1630 г. и продолжается по 1637 г. В этот период они уже освоили степи Эмбы и Иргиза и прикочевали к Волге.

В 1634—1635 гг. калмыки кочевали в степях Нижней Волги. Границы их кочевий были определены: «Кочевать по крымской стороне до Царицына, а по ногайской стороне — до Самары». Зимой разрешалось калмыкам кочевать «в мочагах или в иных местах», беспошлинно торговать в Черном Яре, в Царицыне, Саратове и Самаре. Необходимо отметить, что заселение ойратами (калмыками) степей Нижней Волги происходило в основном мирно, без каких-либо столкновений с русским и другими народами.

Сведения о расселении весьма скудны. К 50-м годам XVII в. Хо-Орлюк привел до 50 тысяч кибиток. После 1642 г. в приволжских степях расселилось до 7000 дербетских кибиток, прибывших из Джунгарии. В 1670 г. на Волгу прибыла родная сестра Аюки-хана, бывшая замужем за хошеутовским тайшой Цереном (после его смерти). Она привела до 1000 хошеутовских кибиток. По мнению С. К. Богоявленского, к границам России прикочевало около 80 тысяч калмыцких воинов и 200 тысяч остального населения. Калмыцкому хану Мончаку за верную службу России было разрешено кочевать в пределах Придонья. К концу 60-х — началу 70-х гг. XVII в. калмыки заняли уже не только приволжские степи, но и оба берега Дона. Их пастбища простирались от Урала на востоке и до северной части Ставропольского плато, от Кумы и северо-западного побережья Каспийского моря на юге и до нижнего течения рек Хопер и Медведица на севере и верховья реки Самары на северо-востоке.

Такому скорому заселению калмыками обширных степных пространств на юго-востоке России способствовало тяжелое внутреннее и международное положение Русского государства. В 1603 г. вспыхнуло восстание холопов и крестьян под предводительством Хлопка. Страна находилась в состоянии сильного политического кризиса и экономического упадка. В последующие годы положение России оставалось крайне тяжелым. В 1632—1634 гг. русские войска воевали против Польши и потерпели ряд поражений. Крепостные крестьяне и обездоленные городские низы не прекращали своей борьбы против крепостного гнета. Не улучшилось международное положение России и в 50-е годы XVII в. Тревожное положение сложилось на юге. Турецкие и крымские феодалы опустошали южную окраину страны своими грабительскими набегами. Еще более ухудшилось внешнеполитическое положение России в связи с длительной войной с Польшей (1654—1667 гг.) Этой обстановкой воспользовался шведский король Карл X Густав, который начал войну против России. И, конечно, в таких тяжелых условиях русское правительство не хотело вступать в конфликты с калмыками, мирно продвигавшимися на запад и постепенно заселявшими степи Приволжья и Предкавказье.[8] Тем более, что калмыки принимали активное участие в охране южных и юго-восточных границ России.[9]

В период добровольного вхождения в состав России калмыцкое общество переживало стадию развитого феодализма и сравнительно высокой культуры. Оно не было таким примитивным, каким изображают его некоторые исследователи. Г В. Вернадский в вышедшей в США книге пишет, что «таким образом, к началу XVII в. ойраты-калмыки представляли собою кочевое объединение племен (улусов) и подплемен (аймаков). Четыре крупных ойратских племени были следующие: торгуты, хошоуты, дэрбэты и хойты. Каждый аймак, как было сказано выше, являлся сборищем отдельных аилов» (Kalmyk — oirat symposium. Philadelphia, 1966).

К середине XVII в. калмыки восприняли из культурного наследия народов Центральной Азии письменность, литературу, искусство. Калмыцкое общество имело довольно сложную классовую структуру. Так называемые четыре «племени», из которых состояли калмыки, представляли собой четыре феодальные группировки — удельные владения отдельных калмыцких нойонов, у которых были многочисленные подвластные тайши. В 1607 г. в г. Тару прибыло большое посольство из 20 человек во главе с тайшой Кугонай Тубиевым. Далее перечисляются: «А большие де у них люди тайши Баатырь Янышев, да Ичиней Уртуев, да Кугонай Турбеев, да Ужен Конаев, да Юрикты Конаев, всего 5 человек. Да с ними же кочуют тайшей 45 человек. И теми де с

ними, тайши, з Баатырем и с Очинеем (Ичинеем) с товарищи и со всеми колмацкими тайшами, 12 санов, а в сану по 10000 человек. И на Таре Кугонай-тайши нам, великому государю, шертовал за всех своих товарищив, за 40 за 9 тайшев, и их улусов за колмацких людей, опричь Урлюка-тайши да Курсугана-тайши».[10] Таким образом, согласно этому документу, в калмыцком обществе начала XVII в. было не менее 49—50 тайшей, представляющих собой господствовавший тогда феодальный класс, а подвластных им калмыцких людей не менее 120000 человек. В другом документе говорится: «Да товарищом их тайшам сороку четырем человеком послано нашего жалованья...»[11] «Урлюк-тайша... владеет де 4-ми тайшами. Улчечем с товарищи, Урлюк-тайша, а людей де у них в 5-ти улусах 4000 человек».[12] Из этого следует: Хо-Орлюку были подвластны четверо тайшей-вассалов, подчиненных ему, имевших по улусу. Данный вывод подтверждается документом № 18: «А начальной тайш у всей Колмацкой земли тот Богатырь Далайтайш. И называют его всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет. А у него 4 брата родных под ним, Куанайтайша да Исентур, а двоюродных их братьи и племянников в тайшах у него много».[13] Наличие крупных светских феодалов подтверждает свод законов «Ики-Цааджин бичиг», принятый в 1640 г. на сейме монголо-ойратских феодалов, в котором участвовали представители приволжских калмыков. В этом документе говорится об ики-нойонах (больших нойонах), о нойонах средней величины, о зайсангах, харчудах (простолюдинах).[14]

Калмыки переселились на нынешнюю территорию, имея вполне сложившийся феодальный строй, в котором были крупнейшие феодалы-нойоны, подчиненные им тайши, имевшие в своем владении улусы, где также были подчиненные им феодалы. По-видимому, существовало, если судить по данным «Ики-Цааджин бичиг», служилое сословие, куда входили: дарга — первое после нойона лицо, делающее раскладку между подвластными нойона и ведущее учет приходам и расходам своего сюзерена; дэмчи — помощник дарги, которому была подвластна одна часть улуса — отог. Дэмчи также делал раскладку податей, установленных даргой. У него был помощник — шуленга, который собирал подати и повинности с улуса, согласно раскладке, установленной дэмчи.

Крупнейшим феодальным учреждением была ламаистская церковь, получившая широкое распространение в конце XVI и в начале XVII вв. Со времени принятия «Ики-Цааджин бичиг» буддизм в форме ламаизма стал господствующей религией не только в Монголии, в Джунгарском ханстве, но и в Калмыкии. Каждый хурул (монастырь) имел свое хозяйство и своих крепостных в лице шебенеров, пожертвованных калмыцкими нойонами, зайсангами или просто богатыми калмыками.

Принятие и превращение ламаизма в господствующую религию свидетельствует об утверждении среди калмыков развитого кочевого феодализма еще в конце XVI — начале XVII вв., что является отражением общей закономерности развития, свойственной феодальному строю. Ламаизм способствовал укреплению господства крупнейших феодалов, стремившихся подчинить своих вассалов и преодолеть сепаратизм отдельных мелких феодалов.

Калмыки прочно заняли территорию, необходимую для образования ханства на юго-востоке России. Это было важнейшей предпосылкой для создания государства калмыков, подвластного ей. Феодально-раздробленная на мелкие владения Калмыкия не была гарантирована от нападения извне, существовала реальная опасность быть поглощенной крымскими феодалами. Царское правительство было заинтересовано в военной помощи калмыков в обороне южных границ от кавказских, крымских и турецких феодалов. Этим объясняется то обстоятельство, что русское правительство хотело иметь централизованное калмыцкое ханство, способное защищать не только независимость своей земли, но и готовое выставить сильные военные отряды по требованию царя. Эту историческую необходимость поняли калмыцкие тайши, в том числе и главенствовавшие тогда Дайчин и Мончак. Феодалам нужна была сильная власть для подавления эксплуатируемого большинства, для охраны и защиты феодальной собственности не только на пастбища и водные источники, но и на скот. Внутренняя обстановка того времени сложилась довольно обостренная. На это указывают монголо-ойратские законы 1640 г., где имеются статьи, жестоко карающие тех, кто покушается на жизнь и собственность калмыцких феодалов. Об этом свидетельствуют участившиеся факты ухода калмыков в русские поселения, главным образом на Дон, где они становились «воровскими» или «беглыми» людьми, выступавшими в союзе с русскими беглыми крестьянами как против русских, так и против калмыцких феодалов.[15] Образование централизованного калмыцкого ханства отвечало в какой-то мере интересам рядовых скотоводов, так как оно устраняло прежнюю межплеменную рознь и постоянные междоусобицы феодалов, разорявшие и нарушавшие бытовые устои трудящихся калмыков, часто заканчивавшиеся гибелью безвинных людей. Все это обусловило сравнительно легкую победу политики централизации Дайчина и Мончака, которым удалось быстро одолеть своих противников при прямой поддержке большинства калмыцких феодалов и русского правительства.

Движение за образование Волжского Калмыцкого ханства опиралось на такую большую экономическую и политическую силу, как многочисленное ламаистское духовенство, которое в свою

очередь находило ревностную поддержку главного калмыцкого тайши Дайчина, а также Мончака и других калмыцких феодалов, даривших хурулам не только скот, ценные вещи, но и людей.

Таковы были внутренние и внешнеполитические условия, в которых образовалось Калмыцкое ханство в составе России в 50—60-х гг. XVII в. Оно было официально признано летом 1664 г. русским правительством, наделившим правителя калмыцкого народа Мончака символами государственной власти — «серебряной с позолотой, украшенной яшмами булавой и белым с красной каймой царским знаменем, а также ценными подношениями».[16]

По-видимому, вновь возникшее государство, как самостоятельный единый политический организм, приобретает национальное название «Хальмг Тангчи» (буквально: «калмыцкий народ»). Данное название могло появиться только тогда, когда этноним «калмык» стал самоназванием.

Возникновение калмыцкой государственности, хотя и феодально-монархической и зависимой от России, было прогрессивным шагом для калмыков. Централизованная власть способствовала консолидации раздробленного между отдельными тайшами калмыцкого народа в единое целое. Объединение ослабляло в какой-то мере постоянные столкновения между отдельными калмыцкими владельцами, изматывавшие народ экономически и физически, препятствовавшие его развитию.

Продвигаясь на запад, калмыки вступали в контакт с различными тюркоязычными народами: казахами, каракалпаками, башкирами, на берегу Каспийского моря — с туркменами, в междуречье Урала и Волги — с ногайцами. Многие из тюркоязычных ногайцев и юртовских татар стали подданными калмыцких ханов. По сообщению Василия Бакунина, вместе с калмыками они ходили в военные походы в 1681—1683 гг. Калмыцкие владельцы вступали в брак с представительницами многих народов. Например, Аюка-хан был женат на кабардинке Абайхан, родной сестре кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского; женой сына Аюки Чакдоржапа была дочь джамбулакского мурзы — Ханда а.[17] Вспомним, что Дондок-Омбо женился на кабардинке Джане. По-видимому, калмыки и тюркоязычные ногайцы-эдисаны (джетысаны), джембулуки жили вместе. На это указывает В. Бакунин, который утверждает, что «ногайцы, джетысаны и джембулуки все были раскосованы по врознь и по калмыцким улусам».[18] Приведенные выше факты указывают на процесс смешения калмыков с тюркоязычным населением в результате территориального соприкосновения.

Во второй половине XVII в. происходит дальнейшее укрепление русско-калмыцких отношений. Калмыки нашли в лице российского государства сильного покровителя и защитника, а рус-

ское правительство приобрело в лице калмыков без всяких материальных затрат верных стражей своих южных и юго-восточных границ. Действительно, калмыцкие феодалы оставались верными России. Все попытки крымского хана склонить калмыцких правителей на свою сторону неизменно заканчивались неудачей. В 50—70-х гг. калмыцкие войска приняли активное участие в войнах России против турецких, крымских феодалов. В мае 1665 г. калмыки в количестве 10000 всадников участвовали в походе против поляков, стоявших под Белой Церковью, а вместе с запорожскими казаками — против турецких и крымских феодалов. В 1668 и 1670 гг. в составе объединенных сил донских, запорожских казаков калмыцкие части приняли участие в походе против Крыма. Известно, что в июне 1677 г. турецкая армия под командованием Ибрагима-паши предприняла большое наступление на правобережную Украину и осадила Чигирин. В. Бакунин сообщает, что «в 1678 г. посылал он Аюка в военный поход под Чигирин калмык своих три тысячи человек».[19] В 1696 г. отряды калмыков участвовали во взятии Азова. Калмыки не остались в стороне и в период борьбы России за выход к берегам Балтийского моря. В работе И. И. Голикова сообщается, что в январе 1701 г. в Москву прибыли калмыцкие и татарские войска, состоящие из 30000 человек, которые были отправлены к шведским границам, где они принимали участие в боевых действиях русских войск неоднократно.[20] В. Бакунин пишет, что «в 1707 г. посылано от него же хана Аюки при одном владельце три тысячи человек калмыцкого войска против шведов».[21] В августе 1706 г. в Киев прибыл восьмитысячный отряд калмыков и яицких казаков, а затем они участвовали в боях против корпуса генерала Мардафельда, оставленного Карлом XII.[22]

В последующие годы калмыки продолжали принимать активное участие в борьбе России за выход к берегам Черного и Каспийского морей. В. Бакунин пишет, что «в том же 1711 году Аюка-хан посылал в кубанский поход при помянутом боярине Апраксине при корпусе российских войск сына своего Чакдоржапа с калмыцкими войсками 20000».[23] Согласно данным архивных документов Государственного архива Саратовской области, обнаруженным в 1961 г., калмыцкий хан Аюка в сопровождении своих детей и жены встретил Петра I в районе современного города Саратова.[24] Данное сообщение подтверждает В. Бакунин, который пишет: «В том же 1722 году в летнее время... по прибытии же его величества к Саратову, он, Аюка, приезжал на галеру, для отдания его императорскому величеству и ее величеству государине императрице Екатерине Алексеевне поклона. Да и его императорское величество по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его».[25] Результа-

том этих переговоров Петра I с ханом Аюкой явилась отправка «в персидский поход калмыцкого войска 7000 человек...» под командованием внука хана Бату Чакдоржапова.[26]

Приведенные факты свидетельствуют о том, что русско-калмыцкие отношения особенно закрепились в период правления Петра I и в бытность хана Аюки, при которых калмыки честно служили русскому государю и оказывали ему посильную помощь в борьбе за выход к берегам Балтийского, Черного и Каспийского морей.

После смерти Аюки Калмыцкое ханство продолжало помогать русскому правительству, хотя между наследниками хана началась ожесточенная борьба за власть. В тот период, когда ханом был внук Аюки Дондок-Омбо, сорокатысячная армия участвовала в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Калмыки были на театре военных действий русско-шведской войны (1741—1743 гг.). Они приняли активное участие в Семилетней войне (1756—1763 гг.). Вместе с русскими солдатами калмыки побывали во многих краях, сталкивались с представителями различных народов и стран, что не могло пройти бесследно.

Войны, в которых участвовали калмыки, потребовали от них немало материальных и людских жертв. Под ружье ставилось от 3000 до 20000 мужчин, выступавших на своих лошадях и в полном боевом снаряжении. Невозможно подсчитать по документам материальный ущерб, который причинялся калмыкам, а также исключена почти всякая возможность хотя бы приблизительно определить число человеческих жертв. Одно ясно, что эти войны поглощали огромные для маленького народа материальные средства и людские ресурсы.

В период правления Черен Дондука, принявшего власть после смерти Аюки, Калмыцкое ханство стало ареной жестоких междоусобных войн за власть между отдельными калмыцкими феодалами. В процессе весьма частых взаимных набегов, предпринимавшихся различными владельцами калмыцкого общества, истреблялись люди, погибал скот.

Одновременно с этим усиливался гнет русского царизма. Царское правительство стало активно вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства. Оно стремилось всеми мерами применять свои законы по отношению к калмыкам. «Суд его (астраханского воеводы М. И. Чирикова — *У. Э.*), — пишет Н. Н. Пальмов, — был суров: он засаживал калмыков в тюрьмы, применял при допросах пытки, вешал калмыков не только за убийство, но и за грабежи. Русские чиновники пытались заменить калмыцкие законы 1640 г. новыми, более суровыми. Даже предлагалось: виновные в том или ином преступлении разыскиваются по следу — в чей улус он приведет, тот улус и должен отвечать.

Если бы след привел к пустому месту, то ответственность падает на улус, который «к следу ближе». Ссоры между калмыками и казаками разбираются в городских судах. Русские не имеют права обучать калмыков кузнечному, медному и серебряному ремеслам, даже если бы то были калмыки, выходившие из улусов в русскую сторону для крещения. Русские не имеют права продавать и дарить калмыкам лодки, а также провозить их через Волгу. Предлагалось ввести меру казни, неизвестную калмыцким законам».[27]

С начала XVIII в. Нижняя Волга постепенно становится краем колонизации русским и отчасти украинским крестьянством, в результате чего калмыки подвергались большим земельным стеснениям на огромном пространстве, начиная от г. Самары вплоть до Царицына и Астрахани. Калмыцкий хан Убуши, прибывший 20 сентября 1765 г. в Астрахань, заявил губернатору Н. Э. Бекетову: «Выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам начались новые поселения от русских людей, от которых чинятся калмыкам крайние обиды: захватывают без всякой причины скот их и самих людей... между тем эти места с самого начала прихода калмыцкого народа в России никогда заселяемы не были, и всегда тамо кочевали калмыки без всякого препятствия и притеснения».[28]

Разорившиеся калмыки находили средства к существованию в занятии рыбной ловлей, а правительство России объявило наиболее выгодные районы Волги и Ахтубы сферой эксплуатации казны, чем лишило калмыков доступа к рыболовным местам. Между тем, количество нуждавшихся в рыбной ловле значительно увеличилось. В 40-х гг. XVIII в. «бесскотных калмыков насчитывалось уже десятки тысяч. В 1742 году 6400 кибиток идет на рыбные промыслы и ватаги в качестве наемной рабочей силы, которой больше некуда было деваться».[29] Переговоры по вопросам разрешения калмыкам ловить рыбу, длившиеся долго, закончились в январе 1742 г. дозволением заниматься рыболовством в весьма ограниченных размерах.

В самом начале XVIII в. царизм начал проводить политику разъединения калмыков. В 1710 г. в долине Дона поселилось около 10000 кибиток. Впоследствии эти калмыки были приняты в казачество. Согласно распоряжению правительства от 1716 г., группа новокрещенных калмыков, направленных в Чугуев, также была приравнена к казачеству по статусу. На территории Саратовской губернии, на речке Терешке, была организована слобода крещеных калмыков, где для них была поставлена церковь. Кроме того, из крещеных калмыков был создан целый город Ставрополь на Волге (ныне г. Тольятти). Туда в 1744 г. переселили более 3000 калмыков во главе со старшим сыном Чакдоржапа,

внуком Аюки — Баксадаем, получившим в 1724 г. при крещении имя Петра Тайшина. Для проведения среди калмыков крещения и обслуживания их религиозной потребности была создана походная церковь, перед которой поставлена задача учить калмыков православным догматам, наблюдать за их жизнью в религиозном и в политическом отношениях.[30]

В 1764 г. были переселены на р. Терек 200 калмыцких семей, по-видимому, для охраны южных границ России по моздокской пограничной линии, так как они впоследствии, в 1777 г., были зачислены в Терское казачье войско, где состояли до Советской власти под именем терских и кумских калмыков.

Жестокий произвол калмыцких феодалов, затевавшиеся ими междоусобицы, все усиливавшийся гнет со стороны царизма ухудшали положение народных масс. Недовольство политикой царизма и господствовавшей тогда феодальной верхушки начало перерастать в организсванное движение сопротивления. Оно постепенно захватывало все более широкие слои народа, который стал выступать вместе с эксплуатируемым и угнетенным русским крестьянством против общих врагов — русского царизма и феодалов как русских, так и калмыцких. В 1667 г. вспыхнуло одно из крупнейших крестьянских восстаний под руководством Степана Разина, которого калмыки знали с 1660 г. Известно, что со второй половины XVII в. крепостные калмыки уходили в русские поселения, главным образом на Дон. По-видимому, тогда складывались общие предпосылки для совместной борьбы против экономического разорения и податного пресса. Восстание Разина охватило Слободскую Украину, Дон, Поволжье и Северо-Западное Прикаспие. Обращение вождя восставших крестьян истреблять «мирских кровопийцев» вызвало выступление порабощенных калмыков вместе с русскими крестьянами против царизма, чтобы «нам всем от них, изменников, было вконец не погибнуть».

В конце XVII — начале XVIII вв. усилилась эксплуатация крестьян и угнетение нерусских народов, в том числе и калмыков. Ответом на это явилось восстание казаков и крестьян под руководством Кондратия Булавина, в котором участвовали калмыки, жившие на Дону и в Поволжье.

В третьей четверти XVIII в. еще более усилилось колониальное угнетение калмыков русским царизмом. Калмыки вытеснялись в пустынные степи. Расширилась торговля калмыками, детей продавали отдельно от родителей, царские чиновники отдавали за породистого щенка несколько калмыков. Русское правительство резко усилило свое вмешательство во внутренние дела Калмыцкого ханства, в котором в конце 60-х гг. XVIII в. положение стало особенно тревожным. Недовольством калмыков воспользовалась феодальная верхушка калмыцкого общества во

главе с Убуши-ханом, не желавшим поступиться личной властью в пользу царской администрации. В январе 1771 г. Убуши-хан увел большинство калмыков за пределы России — в Джунгарию, уже завоеванную феодальным Китаем. Бежавшие с Волги терпели в пути неимоверные лишения, многие из них погибли в боях с нападавшими на них казахскими феодалами, скончались от болезней и голода, другие попали в плен к казахам и были обращены в рабство. Только незначительная часть бежавших достигла Джунгарии.

Уход значительной части калмыков в Джунгарию был реакционным шагом калмыцких феодалов. Последствия их ухода были исключительно тяжелыми для калмыцкого народа. Дошедшие до Китая калмыки сменили «веревочную узду белого царя на железный намордник китайских мандаринов». Народ оказался рассеян на пространстве, простиравшемся от Нижней Волги до Западного Китая. Калмыцкий народ осудил этот реакционный акт своих феодалов во главе с Убуши-ханом, что видно из старинной песни «Маниг ягтха гисмби» («Куда нам деться»), где сказано: «Неужели он считал прежних руководителей недальновидными, неужели воды Волги, Уласты (Урослана — *У. Э.*), Нярн (Нарым — *У. Э.*) так плохи для водопоя» и т. д.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАЛМЫКОВ. ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОСТИ

Процесс образования калмыцкой народности происходил в очень сложных условиях. Он пережил периоды дробления, скрещивания, слияния, ассимиляции, тяжелых политических испытаний, территориальных перемещений. В результате процесс этногенеза то замедлялся, то возобновлялся, но уже в степях Нижней Волги ойраты оказались в новых исторических условиях, благоприятных для образования самостоятельной калмыцкой народности. Добровольное вхождение ойратов в состав России явилось важнейшей предпосылкой для их объединения в одну этническую общность — калмыцкую народность, сложившуюся из различных древнемонгольских племен.

В источниках не сохранилось этнонимов, т. е. названий отдельных этнических элементов, из которых состоит калмыцкий народ. Автору удалось собрать у жителей различных аймаков и улусов, хорошо помнящих полученные ими от своих ближайших предков родоплеменные наименования, значительный фактический материал по этническому составу калмыков. Сопоставление их с данными «Сокровенного сказания», трудов персидского историка Рашид-ад-дина и других источников позволяет обнаружить древнемонгольские элементы в этническом составе калмыцкого народа, которые указывают на то, что начало формирования калмыцкого этноса относится к периоду, предшествовавшему выступлению Чингисхана.

В довольно большом количестве в состав калмыков входили чоносы (чон — волк), которые жили в Багачоносовском и Икичоносовском аймаках Манычского улуса (южная часть Малодербетовского улуса). Два арвана — родственные группы (му чонос и сян чонос) обитали в Дунду-Хурульском аймаке Малодербетовского улуса. Чоносы составляли половину Шарнутовского аймака того же улуса. Согласно преданию, шарнутовские чоносы являются выходцами из Багачоносовского аймака Манычского улуса.[1] Два чоносовских аймака входили в состав Большедербетовского улуса (ныне это территория современного Яшалтинского района). На Дону существовала казачья станица Чоносовская. Согласно народному преданию, к чоносам относились бембядяхины, входившие в Область Войска Донского. Часть чоносов встречается и среди уральских калмыков, переселившихся в начале 20-х гг. в Большедербетовский улус. Все чоносы являются дербетами по говору, обычаям и традициям. Чоносы — одно из древнейших монгольских племен, известных «Сокровенному сказанию» и Рашид-ад-дину под именем «чиносцев».[2] По опубликованным работам известно, что среди монголов Монгольской Народной Рес-

публики их очень мало. Лишь в составе барга-бурят есть кость* шонод.[3] Этот этноним встречается в составе бурят-булагат, хонгодоров и эхиритов.[4]

Почти во всех районах Калмыкии встречались кереиты (керя — ворона). Они жили в Бюдермис-Кюбютовском аймаке Большедербетовского улуса (ныне п. Амур-Санан Городовиковского района). Кереиты жили в степной и мочажной части Яндыко-Мочажного улуса. В 1852 г., по сообщению П. Небольсина, на территории Хошеутовского улуса кочевало до 250 кибиток кереитов.[5] В Эркетеневском улусе, по архивным данным 1894 г., кереиты насчитывали 94 кибитки. В 1905 г. во всех улусах Астраханской губернии числилось не менее 1332 кибиток кереитов. В Области Войска Донского они проживали во всех тринадцати калмыцких станицах. Этноним «кереит» известен и в среде уральских калмыков.

В XIII в. кереиты были одним из многочисленных монгольских племен, обитавших между нагорьями Хангай и Хэнтэй, в долинах рек Орхона и Толы. Разгромив их в открытой борьбе, Чингисхан приказал раздавать кереитский народ во все концы.[6] Это также подтверждается Рашид-ад-дином, который сообщает, что они имели «больше силы и могущества, чем другие племена, много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов... Они вступали в войну (с Чингисханом), были побеждены последним и «стали пленниками и рабами Чингисхана».[7] Таким образом, начало расселению кереитов было положено политикой Чингисхана. В самой Монголии этот этноним встречается у дербетов.[8] Этноним «кереит» прослеживается у бурят, на что указывает название «тэрэт», где буква «т» заменила букву «к».[9]

Этноним «кереит» встречается не только у монголоязычных народов, но и в Казахстане. В истории Казахской ССР сказано, что в первом десятилетии XIII в. на территорию Казахстана после разгрома Чингисханом прикочевала с Алтая часть многочисленных племен найманов и кереитов,[10] между тем во времена Рашид-ад-дина кереиты жили в долинах рек Онона и Керулена. Казахи включили кереитов в свой состав сравнительно недавно, не раньше конца XVI и второй половины XVIII вв., т. е. в период наиболее интенсивного их общения и столкновения с ойратами. Известно, что в 1771 г. ушедшие с Нижней Волги торгуты оставили на территории современного Казахстана значительную свою часть, особенно представителей женского пола. Поэтому не случайно, многие казахи считают калмыков своими «нагаш» (родственниками по материнской линии), себя — калмыцкими

* Термин, указывающий на происхождение.

«джнен», т. е. племянниками. Нет сомнения, в том, что те калмыки или ойраты, оказавшиеся в Казахстане, постепенно ассимилировались в казахской среде.

Таким образом, кереиты — одно из многочисленных монгольских племен — оказались расселенными на обширном пространстве Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана, но в основном они вошли в этнический состав современного калмыцкого народа.

По нашим полевым материалам, архивным данным и литературным источникам, довольно широко представлены в калмыцком народе калмыки, называющие себя «меркет» (мергн — по-калмыцки «меткий»). Они жили во многих районах Калмыкии. В середине XIX в., по сообщению П. Небольсина, меркеты обитали в Хошеутовском улусе вперемежку с эркетенами.[11] В 1883—1886 гг., согласно архивным материалам, мергучуты (по полевым данным — меркеты) состояли из 30 кибиток-хозяйств, из которых 10 семейств жили путем продажи своей рабочей силы рыбопромышленникам и богатым скотоводам.[12] На территории Эркетеневского улуса, по архивным документам 1884 г., в пяти хотонах меркетов числилось 113 кибиток.[13] Следовательно, меркеты считали себя обособленной территориальной группой. Небольшими группами они жили в Туктунах и в Сальском аймаке (среди каджиникинов) Малодербетовского улуса. Что касается меркетов, живших на территории п. Тугтун Приозерного района, то они были переселенцами из Эркетеневского улуса. В проекте преобразования Калмыцкой степи, составленном в 1905 г., в улусах Астраханской губернии насчитывалось до 155 кибиток, принадлежавших меркетам. Этноним «меркет» известен у кумских калмыков. Судя по родоплеменным названиям, опубликованным Ц.-Д. Номинхановым,[14] можно утверждать, что меркеты жили почти во всех станицах донских калмыков.

Меркеты — одно из древнейших племен монголов. Им отведено немало места в «Сокровенном сказании». Чингисхан одержал победу над ними в союзе с вождями других монгольских племен.[15] Рашид-ад-дин пишет, что «это племя имело многочисленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско. Меркеты — это часть монгольского племени. Они сражались и воевали с Чингисханом и Онханом».[16] По его же сообщению, Чингисхан приказал, чтобы «никого (из меркетов) не оставляли в живых, а (всех) убивали, так как племя меркет было мятежное и воинственное и множество раз воевало с ним».[17]

По-видимому, среди халха-монголов этнические группы меркетского происхождения не встречаются. Если судить по литературным сведениям, то меркеты не участвовали в этногенезе третьего монголоязычного народа — бурят. Но меркеты приняли за-

метное участие в этническом формировании ряда тюркоязычных народов. Согласно переписи 1897 г., у теленгитов и телесов (южных алтайцев) в числе других родов зарегистрированы пять меркетов (меркутов). У собственно алтайцев (алтай-кижи) меркетов было 166 человек. Они были и у телеутов (северных алтайцев). Все названные группы алтайцев были в джунгарском подданстве.

Часть меркетов подверглась ассимиляции в казахской среде.[18] Они были обнаружены в числе родоплеменных подразделений киргизов. Действительно, среди киргизов до сих пор живут группы: сарт-калмак, калмак-киргиз, калмак.[19]

В формировании калмыцкой этнической общности приняли участие тячуды (тайджиуты), которые жили на территории Цевиднякинской, Балдырской, Эркетеневской, Бага-Бурульской, Чоносовской, Бембедякинской, Гелингякинской, Кюбютовской, Зюнгаровской, Богшаргакинской и Багутовской станиц донских калмыков, т. е. в одиннадцати из тринадцати. В астраханской части Калмыкии они встречались в Бакшин-Шебенерах Малодербетовского улуса, ныне входящих в Приозерный район. В Ульдючинском аймаке жили тячин харнуты. Их предки, судя по литературным данным, не обнаружены ни у монголов, ни у бурят. Правда, среди монгольских байтов есть сходный термин «тайдж». Имеет ли данный этноним какую-нибудь связь с тайджиутами, сказать трудно.

В XIII в. тайджиуты (тайчиуды, тячуды) были довольно сильным и влиятельным племенем. Из «Сокровенного сказания» видно, что они вступили в борьбу с Чингисханом, который нанес им поражение.[20] Об этом свидетельствует Рашид-ад-дин: «В конце концов, когда Чингисхан победил тайджиутов, он большинство их перебил, а оставшиеся в живых стали его рабами».[21]

По мнению Рашид-ад-дина, их предки жили в долине Онона и Селенги среди монгольских племен, появившихся в Прибайкалье еще в XI—XII вв.[22] Об этом свидетельствует то, что они вошли в состав монголоязычных калмыков, монгольское происхождение которых не вызывает ни у кого сомнения. Утверждение о том, что тайджиуты отнесены Рашид-ад-дином к тюркским племенам,[23] не находит опоры в исторических и этногенетических материалах. Авторами «Истории МНР» они отнесены к монгольским племенам.[24]

В калмыцком языке встречается ряд этнонимов, не упомянутых в «Сокровенном сказании» и Рашид-ад-дином. Носители их входили в ойратский союз в XIII в., но стали известны позже. К числу таких родоплеменных групп относятся батуты, о которых сообщают калмыцкие и монгольские источники. Из «Сказания о дербен-ойратах» и из примечаний к ним, составленных Г. С. Лыткиным, видно, что в XVI в. батуты входили в состав одного из

четырех тюменей, или «дервен харн» («четырех чуждых», т. е. ойратов). Они насчитывали две тысячи, а остальные восемь тысяч состояли из хойтов.[25] В «Шара Туджи» говорится о багатутах, входивших в состав одного из тюменей ойратов.[26] Несомненно, термин «батут» попал в монгольский памятник как одно из самоназваний ойратских племен. Этот этноним сохранился у калмыков. Батуты жили в Яндыко-Мочажном улусе. Их мы находим в Ики-Бухусах Малодербетовского улуса под именем «ики-батут» и «бага-батут». В других аймаках дореволюционной Калмыкии этноним «батут» не встречается. По архивным данным, составленным в 1905 г., в Астраханской губернии числилось 67 батутских кибиток. Этноним «батат» встречается у селенгинских бурят.[27] Согласно сообщению К. В. Вяткиной, батуты живут в Монгольской Народной Республике.[28] Однако об их численности сведений нет.

Значительную группу составляли багуты, жившие в Яндыко-Мочажном улусе. Они делились на две группы: шарц багут и дойда багут, или ики-багут и бага-багут. После Октябрьской революции на территорию Багутовского аймака прикочевали разорившиеся калмыки из других аймаков и улусов, в частности из Эркетеневского улуса, они образовали группу шинэ багут (новый багут). По архивным документам, составленным в 1905 г., багутов в Астраханской губернии насчитывалось 2134 кибитки.[29]

Кроме багутов, расселившихся в Яндыко-Мочажном улусе, был Багутовский аймак, или станица Батлаевская, на Дону. Этот аймак донских калмыков состоял из этнически смешанного населения. Об этом свидетельствует наименование костей, зафиксированных у выходцев из этой станицы и опубликованных Ц.-Д. Номинхановым.[30]

Во многих аймаках Калмыкии встречался этноним «шаряды» («шарады»). Они жили в Цоросовском аймаке Большедербетовского улуса, в Хошеутовском аймаке Икицохуровского улуса, один арван был в Баруновском анги (территориальное объединение) Абганеровского аймака и в Северном аймаке Малодербетовского улуса. В Деде-Ламинском и Ики-Хурульском аймаках того же улуса шаряды кочевали в количестве 40 кибиток.[31] По-видимому, эта цифра не отражала действительное число шарядов, так как в одном арване Баруновского анги Абганеровского аймака их насчитывалось до 20 кибиток. Шаряды обитали в Цевиднякинском, Белявинском, Чоносовском, Богшаргинском, Бембедякинском, Гелингякинском и Бага-Бурульском аймаках донских калмыков.[32]

Судя по литературным данным, шаряды кочевали по различным районам Южной Сибири. Среди бурятского населения Красноярского уезда в XVII в. был Шараитский улус.[33] В конце XIX в.

Г. К. Потанин обнаружил в Нерчинском уезде род шараит.[34] По сообщению С. П. Балдаева, шаряды живут и в настоящее время среди булагатов, которые встречаются в составе хоринских, ленских и нижнеудинских бурят.[35] В Монгольской Народной Республике шаряды живут среди дербетов, барга-бурятов.[36]

Имя шарнутов носил один из аймаков Малодербетовского улуса, шарнутский арван был в Багачоносовском аймаке Манычского улуса. Необходимо отметить, что шарнутский арван обнаружен и в Чоносовском аймаке Большедербетовского улуса. Их представители обитали среди кумских калмыков, где они объединялись не в арван, а в анги.

По-видимому, шарнуты в далеком прошлом были довольно многочисленны. Об этом свидетельствуют литературные данные. Так, Б. О. Долгих пишет, что в 1699 г. вместе с хонгодорами несколько бурят шарнутского рода переселились из Балаганского ведомства Енисейского уезда в Иркутский.[37] Их потомки до сих пор живут среди аларских бурят. Потомки шарнутов, видимо, живут в Селенгийском аймаке Бурятской АССР под именем «чарнут».[38] По материалам, опубликованным С. П. Балдаевым в 1961 г., шарнуты обитают среди бурят хонгодоров.[39] Представители шарнутского рода обнаружены у аларских бурят.[40] Таким образом, сообщения о шарнутах, относящиеся к XVIII в., подтверждаются данными, собранными в наше время.

В различных улусах обнаружены калмыки, происходившие от харнутов. Они проживали арванами в Деде-Ламинах, в Ики-Манланах и в Северном аймаке Малодербетовского улуса, в Багачоносовском аймаке Манычского улуса. Харнуты были в составе Эркетеневского улуса. По архивным документам, датируемым 1905 г., в улусах Астраханской губернии их насчитывалось 295 кибиток.

Этноним «хар-нут» известен и у бурят. В XVII в. часть кудинских харнутов поселилась на Байкале. На территории Илимского уезда в составе булагатов, согласно учету 1696 г., был харнутский род. С 1720 по 1732 гг. из Удинского присуда Красноярского уезда 28 харанутов перешли в долину Селенги. В XVII в. на территории Нерчинского уезда жили группы харанутов и намясинцев. Возможно, они являлись одной и той же группой. По мнению Б. О. Долгих, были тунгусы харнутовского рода, ассимилировавшиеся в XVII в. среди бурят. После проведения границы в 1727 г. некоторые хара-нямяты (харануты) образовали в Монголии группу так называемых «иройских хамнеган».[41] Участие харнутов в этногенезе бурят подтверждается исследованиями современных бурятских ученых. Харнуты, зафиксированы в составе булагатского племени,[42] а также среди хонгодоров в Забайкалье.[43]

Большую роль в жизни ойратов играли цоросы, которые жили компактными группами в Сальском аймаке Малодербетовского улуса, в Цоросовском аймаке Большедербетовского улуса. Отдельными группами цоросы обитали на Дону в Цевиднякинском, Балдырском, Эркетеневском, Чоносовском, Богшаргакинском, Зюнгаровском аймаках, т. е. в шести из тринадцати. По архивным данным, составленным в 1880 г. землемером Тальновым, цоросы кочевали двумя хотонами на территории Харахусо-Эрдниевского улуса в количестве 49 кибиток, из которых владельцы 27 кибиток уходили на заработки в казачьи станицы и села Астраханской губернии, расположенные по обоим берегам Волги. По архивным документам 1905 г., в Астраханской губернии насчитывалась 121 цоросская кибитка.

Этноним «цорос» встречается и среди дербетов Монгольской Народной Республики.[44] Дербеты — одна из крупных группировок западных монголов. И вполне понятно, что потомки многих ойратских родов и племен до сих пор живут в западной части МНР среди дербетов. Очевидно дербеты, в составе которых находятся люди цоросской кости, пришли на нынешнее местообитание в 1745 г. из районов Иртыша, где их возглавляли три Церена (Церен, Церен-Уваши и Церен-Менке).

Среди алтайских телеутов жили чоросы,[45] являвшиеся потомками западных монголов, разбитых в 1756 г. императорским Китаем. Это соображение подтверждается косвенным фактом. В родовом составе алтайских тюрок были сеоки дербет, могол, ойрат, которые также являлись пришлыми ойратами, ныне утратившими свой родной язык, но распространившими среди алтай-кижи некоторые элементы своей культуры.

В формировании калмыцкого народа приняли участие зэты, которые жили в Северном аймаке Малодербетовского улуса. После Великой Октябрьской социалистической революции этот аймак был включен в состав нынешней Волгоградской области. На его территории было образовано несколько сельсоветов, в том числе Зэтевский. Зэты были в Цевиднякинском, Белявинском, Багутовском, Ики-Бурульском, Богшаргакинском аймаках донских калмыков. Причем зэты, жившие в трех последних аймаках, именуют себя «маанин зэт», в Богшаргакинском аймаке встречаются этнонимы «маанин зэт», и «зэт кэвюд».[46] В 1905 г. в астраханской части Калмыкии было официально зарегистрировано 166 кибиток зэтов.[47] Если принимать во внимание зэтов, обитавших среди донских калмыков, то эта группа была более значительной, чем мы думали. Что касается их деления на маанин зэт и зэт кэвюд, то это вовсе не означает, что они принадлежат к разным этническим группам. Маани — это флаг, флажок. Верующие калмыки прибегали к возгласу: «Ом маани падме хум!» Лыткин, пе-

реводчик калмыцких литературных памятников на русский язык, переводит слово «маани» как «эрдени» (драгоценность), иначе «мани минган или суто — отличный, отборный, избранный». Возможно, слова «маани или суто» равнозначны «иеке» (большой, великий), так как Лыткин пишет: «Иека (Маани или суту) Мингату» значит «имеющий или владеющий отоком Иеке минган. Не исключена возможность, что Маани — это имя человека-владельца: на такое соображение толкает нас то, что в 1552 г. хан туметских монголов Алтан-хан совершил поход против ойратов, в результате чего убил Маани Мингату, взял его жену Чжигеке-Ага, сыновей Тохай и Кокотер и улус».[48] Следовательно, маанин зэт занимал какое-то особое (возможно, в религиозном отношении) положение, отличное от остальных зэтов.

О ранней истории зэтов нет никаких сведений, ни литературных, ни народных. Термин «зэт» записан в наше время в Монгольской Народной Республике, где зэты живут среди дербетов. Этим еще раз подтверждается предположение, что зэты в ранний период своей истории входили в состав ойратского союза западных монголов.

В Калмыкии есть группы, именующиеся «замуд». Они жили в нескольких улусах Астраханской губернии. В 1880 г., по данным топографа Александрова, в Харахусо-Эрдниевском улусе они кочевали двумя хотонами, состоящими из 60 кибиток. Из них хозяева 41 кибитки работали батраками у кулаков и рыбопромышленников, живших в селах и казачьих станицах, расположенных по берегам Волги от Черного Яра до Астрахани.[49] Среди донских калмыков замуды были в Багутовском и Кюбютовском аймаках.[50] Согласно полевым материалам, замуды обитали в Яндыко-Мочажном улусе. По архивным данным 1880 г., на территории Эркетеневского улуса, в той его части, которая была в ведении Яндыко-Мочажного улусного попечителя, находился замудов род (аймак Гари Самтонова). Это были выходцы из Икицохуровского улуса. В самом Икицохуровском улусе был замудов род, так же числившийся аймаком Гари Самтонова. Судя по архивным документам, датируемым 1905 г., в улусах Астраханской губернии замудов насчитывалось 158 кибиток.[51]

Вне Калмыцкой АССР этноним «замоод» мы находим в составе булагатского племени,[52] представляющего собой один из крупнейших компонентов бурятского народа.

Приведенные материалы указывают на то, что, очевидно, замуды были одним из ойратских племен, входивших в XIII в. в состав ойратского союза. Об этом свидетельствует тот факт, что замуды составляют один из компонентов калмыцкого народа. По мнению С. П. Балдаева, бурятские замооды присоединились или пришли к булагатам.[53]

В 1880 г. топограф Блаженков зафиксировал в Багацохуровском улусе этноним «таргутов род», возглавлявшийся мелкопоместным владельцем Очиром Буюнтуковым. В одном месте Блаженков пишет, что таргутов род состоит из 101 кибитки. Из них 8 кибиток находится в русских селах Сасыкольском и Харабалинском Астраханской губернии,[54] где хозяева их были батраками у богатых русских кулаков. В другом месте таргутов род называется им наряду с другими аймаками. Он нарисовал его тамгу (тавровый знак), представляющую собой кружочек, под ним черточка на некотором удалении от нижней части тавра, наверху — едва заметная, вертикально поставленная палочка. В документе 1905 г. указывается, что таргутов насчитывалось 66 кибиток. Правда, не удается выяснить в каком улусе они находились. Очевидно, они кочевали в Багацохуровском улусе, так как в других улусах, в том числе торгутовских, род таргутов не встречается.

Наличие среди калмыков торгутовского улуса этнонима «таргут» представляет определенный исторический интерес. Термин «таргут» появился в конце XIII — начале XIV вв. Рашид-ад-дин писал, что «в эту страну (Иран) от каана приходил некто по имени Таргудай; он происходил из этого племени (таргуты — *У. Э.*). Имена и положение других эмиров, которые были из племени таргут, неизвестны. Однако из старших жен от этой кости происходит наиболее почтенная госпожа, дочь Бартанбахадура, мать четырех сыновей, ее имя Сунигул (Сунигил) — Фуджин».[55] По мнению Б. Я. Владимирцова, таргут — племя «лесных монголов».[56] После Рашид-ад-дина о таргутах никто не сообщает. Существует ли какая-нибудь связь между калмыцкими таргутами и средневековыми таргутами, о которых сообщает Рашид-ад-дин, что нибудь определенное сказать трудно. Можно предполагать, что средневековые таргуты полностью слились с ойратами, как в отношении языка, так и культуры, быта, но сохранили свое название. Впрочем, наряду с торгутами, этноним «тергат» («торгад») встречается среди дербетов Монгольской Народной Республики.[57] Факт пребывания родоплеменной группы таргат (таргад) среди дербетов Монголии толкает нас на мысль, не принадлежали ли багацохуровские и монгольские таргаты (таргады) к тому племени таргут, о котором писал персидский историк. Но это только предположение, какого-либо доказательства нашей гипотезы нет.

Наиболее многочисленными являются абганеры (авганар), от какого слова происходит этот термин, неизвестно. Возможно, этноним «абганар» произошел от слова «авга», «абга» (дядя). Абганеры жили на территории одноименного большого аймака Малодербетовского улуса, известного в Калмыкии как Таван Авг-

нар (пять абганеров), хотя фактически аймак состоял из шести анги: Кетчинеровского, Нойнахинского, Аванкинского, Асматовского, Хапчиновского, Баруновского. Некоторые абганеры жили в других аймаках Малодербетовского улуса. Значительная группа абганеров обитала в Северном аймаке под именем «терктин авганар» (п. Червленый). По рассказам стариков, последние — выходцы из Аванкинского анги (нынешнего Ергенинского сельсовета) Этот рассказ имеет реальную историческую почву, так как до сего времени существует сознание прежней общности и родства между калмыками Аванкинского анги и Терктин-Абганеровского анги Северного аймака. Среди терктин-абганеров жили также выходцы из Нойнахинского анги, из хончинеров и других мест.

Один абганеровский арван входил в состав Бакшин-Шебенеров. Можно предположить, что предки нынешних бакшин-шебенеровских абганеров были пожалованы абганеровским нойоном или зайсангом знатному бакши (настоятелю монастыря) в качестве крепостных. Абганеры жили арванами в Икичоносовском аймаке под именем «сян (знатный) авганар», «му (незнатный авганар», а также в Ики-Бурульском и Манджинкинском аймаках. Не менее половины Кюбютов Манычского улуса тоже абганеры. Население Келькетов, где ныне организован совхоз «Чагорта», состояло из выходцев Абганеровского аймака, в частности, из нойнахинов и бакшин-шебенеров. По данным архивных документов 1905 г., в Астраханской губернии насчитывалось 1407 кибиток абганеров. Возможно, приведенная цифра не отражает реального количества абганеровских кибиток, так как кетчинеры подсчитывались отдельно. Может быть, неучтенными остались отдельные абганеровские арваны, разбросанные в разных аймаках Малодербетовского улуса.

Две большие (башантинская и гахаевская) группы абганеров входили в Большедербетовский улус. Кроме них, один абганеровский арван был в Бюдермис-Кюбютовском аймаке этого же улуса. Все калмыки, с которыми нам пришлось беседовать, убеждены, что абганеры Малодербетовского и Большедербетовского улусов составляли когда-то одно целое, имели своего нойона, подвластного общедербетовскому нойону. В самом начале XIX в., в связи с образованием Большедербетовского улуса в северной части Ставропольского плато, часть абганеров оказалась подданными Габун-Шарапа, который получил в 1805 г. Большедербетовский улус с санкции царской администрации. По этой же причине в новом улусе поселились отдельные группы бюдермисов, бурулов, чоносов, туктунов, кюбютов и других, с которыми связаны общностью происхождения и родством одноименные, хотя и смешанные в этническом отношении, дербеты, поныне живущие в

Сарпинском, Приозерном, Целинном, Приютненском и Ики-Бурульском районах нашей республики.

По-видимому, абганеры были широко расселены в средневековый период. Об этом свидетельствует тот факт, что еще в XVII в. обнаружены в восточно-сибирских уездах абганатские роды в составе различных бурятских племен.[58] Абганаты, по всей вероятности, этнически близки к нашим абганерам, на что указывают сходные их родоплеменные названия. Это соображение не противоречит данным языка, так как в монгольском, калмыцком и бурятском языках окончания «р» и «т» или «д» являются показателями множественного числа. До настоящего времени абганаты живут в Бурятской АССР среди эхиритов. По сведениям С. П. Балдаева, абганаты находятся в составе булагатов. В Монгольской Народной Республике среди барга-бурят имеется кость абагсод.

Племена абганар и абга жили еще в XVII в. во Внутренней Монголии. Н. Я. Бичурин пишет, что «при Минской династии овладели им монголы. В сие время оно наименовалось Абханаром и подпало власти Халхаского Чечень-хана. Около 1640 г. покорилось маньчжурскому хану. Разделен на два знамена под управлением двух князей: бэйлэ над Правым, бэйлэ — над Левым. Кроме абханаров во Внутренней Монголии было племя абга. В 1635 г. абгаский князь со своим народом покорился хану маньчжурскому. Абга был разделен на два знамя: Правое и Левое, которыми управляют два цьюн-вана».[59] Согласно сообщению Б. Х. Тодаевой, родоплеменные группы абга, абганары до сих пор живут в автономном районе Внутренней Монголии Китайской Народной Республики.

Происхождение абганаров не привлекало до сих пор серьезного внимания ученых. Между тем, они являются одним из ведущих компонентов дербетов. Относительно появления абганеров на просторах Нижней Волги калмыки современного Приозерного района сохранили одно предание, согласно которому первоначально прибыло 33 одиноких мужчины со своим 3-летним нойоном Сян-Ширвядыком во главе. Впоследствии к ним прикочевали новые дербетские абганары, число которых увеличивалось с каждым годом, в их табунах паслось много лошадей, много было крупного рогатого скота, овец и верблюдов.

Можно предположить, что названия «абганеры» Калмыкии, «абганаты» Бурятии, «абгаксод» Монгольской Народной Республики, «абга и абганеры» Внутренней Монголии являются различными вариантами этнонима «абга», оформленного во множественном числе монгольских языков. На эту мысль наводит нас одновременное существование родоплеменных групп абганеров (авганарэ и абга) в различных районах монголоязычного мира.[60] Прав-

да, абга, абганары неизвестны ни авторам «Сокровенного сказания», ни Рашид-ад-дину. Следовательно. абганары являются более поздним ответвлением какого-нибудь монгольского племени.

Абсолютное большинство арванов Абганеровского аймака называлось по имени их недавних исторически известных предков. Но среди наименований арванов прослеживаются этнонимы более древнего происхождения. В составе нойнахинов есть хонуд арван, причем он делится на нойон-хонуд и ноха-хонуд (ноха — собака). Бытует народное предание, согласно которому у нойона Хо было два сына, один из них был умным и рассудительным, от него пошел нойон-хонуд, а другой сын вел себя необузданно, за что обозвали его Ноха, потомки последнего носят название ноха-хонуд. Арваны с названием хонуд встречаются в Бага-Бухусах, Ики-Бухусах и Ики-Манланах. Никаких других сведений о хонудах не сохранилось ни в документах, ни в народной памяти.

В некоторых улусах прослежены хэды (хойты). Название их, по-видимому, произошло от слова «хен» (овца), но, точно это или нет, сказать трудно. Хэдов больше всего было в Хошеутовском улусе. Их численность, по сообщению П. Небольсина, около 150 кибиток к началу 50-х гг. XIX в. Но в это число входили хахачины — потомки одного кереитского военного подразделения, состоящего из 40 единиц.[61] В 1880 г., согласно записи инженера-топографа Александрова, хойты кочевали по Ахтубе и займищам Волги четырьмя хотонами, состоявшими из 57 кибиток. Из них 19 кибиток занимались сенокошением и ловлей рыбы на рыболовных участках, арендованных ими у рыбопромышленников. 16 кибиток постоянно жили в селах и казачьих станицах, расположенных по берегам Волги, хозяева этих кибиток нанимались к богатым русским казакам и зажиточным крестьянам. Что касается хахачинов, то они составляли один хотон, состоявший из 14 кибиток, и кочевали по волжским займищам, где заготавливали сено для продажи. По окончании сезона сенокошения хахачины нанимались к рыбопромышленникам Астраханской губернии.

Согласно сообщению того же топографа Александрова, хэды (хойты) жили в Харахусо-Эрдниевском улусе в количестве 2 хотонов, в которых насчитывалось 111 кибиток. Из них 81 кибитка находилась в селах, расположенных по берегам Волги от Черного Яра до пос. Косик, их хозяева были наемными рабочими у рыбопромышленников, а хозяева 20 кибиток нанимались пастухами к богатым калмыкам. Все ли эти 111 кибиток были хойтскими, сказать трудно. Очевидно, это была территориальная группа смешанного родоплеменного состава, но, по-видимому, ядро ее составляли хэды.

Один арван хэдов обнаружен в Бюдермис-Кюбютовском аймаке Большедербетовского улуса, их количество нам неизве-

стно. Хэды обитали в Бага-Бурульском, Ики-Бурульском, Гелингякинском и Чоносовском аймаках донских калмыков. В Цевднякинском аймаке жили кеке-нурин хэд.

Представителей этой группы, обнаруженных в Хошеутовском, Харахусо-Эрдниевском, Большедербетовском улусах и в пяти аймаках донских калмыков, мы склонны считать потомками средневековых хойтов, широко упоминаемых в литературе по истории ойратов. О хойтах сообщается в «Шара Туджи» как об одном из четырех тюменов.[62] Сообщение «Шара Туджи» уточняется калмыцким источником, где мы находим утверждение, что родовым улусом Йобогон-Мергена (йобогон — пеший, мерген — умный, меткий) был хойтский оток Иеке Минган. Хойты кочевали на большой территории, простиравшейся от алтайских стран до хребта Тарбагатай в верховьях р. Или и Юлдус. Они были, по-видимому, довольно многочисленными, так как по данным Г. С. Лыткина, хойты выставляли в XVI в. до восьми тысяч воинов.[63] В другом месте говорится, что второй сын хошеутовского нойона Замьяна по имени «Бокбон, взяв часть хошоутов, хатаматов и наших из Зюнгарии пришедших хойтов — всех около 1000 кибиток с Убаши-ханом убежал в Приалтайские страны».[64] Следовательно, часть хойтов ушла в 1771 г. из России обратно в Джунгарию. Причем из этого сообщения видно, что хойты прикочевали с Алтая на нынешнюю территорию Калмыцкой АССР одними из последних. Об этом свидетельствует наличие этнонима «кеке-нурин хэд» (кукунорские хойты). Можно предположить, что донские кеке-нурин хэд жили в районе Кукунора, откуда они прикочевали на Волгу, а затем передвинулись на Дон. Известно, что в 1635 г. князья хошеутов во главе с Туру-Байху (впоследствии Гуши-хан), не желая подчиниться цоросскому дому, глава которого Батур-Хунтайджи объявил себя в 1638 г. всеойратским ханом, ушли на юго-восток, в район Кукунора.[65] Вместе с хошеутами туда ушли многие хойты. Последние, видимо, пришли потом на Дон и смешались с прежде перешедшими сюда калмыками, в частности, Цевиднякинского аймака. Термин «кеке-нурин хэд» подчеркивает, что они не те хойты, которые пришли сюда из Джунгарии. Название «кеке-нурин хэд» отразило их прежнее местообитание, т. е. проживание представителей этой группы в районе Кукунора. Данное мнение не противоречит историческим фактам: как отмечалось выше, приход калмыков на Волгу был не единовременным актом. В 1670 г. в пределы России прикочевало не менее 3000 кибиток хошеутов, около 1674 г. прибыло еще 4000 кибиток дербетов.[66]

Этноним «хойты» обнаружен на территории Монгольской Народной Республики. Их потомки проживают до сих пор под именем «хойд» или «хэс» среди дербетов, баитов и изумчинов.

Наличие сходных этнонимов в Калмыкии и МНР наводит на мысль о несомненных этнических связях предков калмыцких и монгольских хойтов, об их этнической общности и родстве.

Родоплеменная группа, известная под названиями «багас» и «барцхас», довольна распространена в Калмыкии. Вероятно, оба этнонима отражают близкое родство баргасов и барцхасов. Баргасы жили в Дунду-Хурульском аймаке Малодербетовского улуса под именем «бага (малый) баргас» и «ики (большой) баргас». Люди баргасской кости жили в Яргачин-Эркетеневском аймаке Икицохуровского улуса. Калмыки баргасского происхождения были обнаружены также в Белявинском, Балдырском, Чоносовском аймаках донских калмыков. Кроме баргасов, записаны барцхасы в Богшаргакинском, Чоносовском, Эркетеневском и в Цевднякинском аймаках. Среди бурят упоминается солон баргат. В Монгольской Народной Республике на территории Кобдоского аймака встречены близкие по своей этимологии этнонимы «барг-солон», «варга» (среди дербетов), «баргачут» (у узумчинов) и «барга-буряты».[67]

Баргасы отождествимы с баргутами, о которых пишет Рашид-ад-дин следующее: «Племена баргут, коры и тулас близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находились на той стороне реки Селенги, которую населяли монголы, называющие себя «баргуджин-токум».[68]

В Кюбютовском аймаке донских калмыков есть этноним «тула бээ» что в переводе на русский язык означает «заяц-шаман». Оставляя в стороне термин «бээ», название «тула» вполне можно сопоставить с названием древнемонгольского племени «тулас», близкого, согласно утверждению Рашид-ад-дина, к племенам баргут и кори, а также тумат: последний является ответвлением от первых трех племен.[69]

В Богшаргакинском, Зюнгаровском и Цевиднякинском аймаках встречается этноним «залхус» (залху — ленивый). В других частях Калмыкии название «залхус» не встречалось. В 1908 г. Б. Я. Владимирцов совершил поездку к дербетам Кобдоского округа. Во время этой поездки он обнаружил залхус анги, на территории которого им были зафиксированы роды голгуд, шемнар (шевнер) и шазгн.[70] Здесь наименование «залхус» было связано с названием анги, обозначающим часть. Анги у калмыков — территориальная община. Следовательно, этноним «залхус», очевидно, социального происхождения, включал в себя ряд самостоятельных этнических групп. Одновременное существование этнонима «залхус» в Калмыкии и в Кобдоском аймаке Монгольской Народной Республики говорит о том, что термин «залхус» появился до вхождения калмыков в состав России. В конце XVI — начале XVII вв. залхусы распались на две группы, одна из которых пе-

редвинулась на Волгу, будучи увлеченной остальной массой ойратов по тем же причинам, которые излагались выше. Возможно что само название могло произойти от имени возглавлявшего их человека. Известно, что в истории народов немало случаев, когда собственные имена владык становились наименованиями не только отдельных этнических групп, но и целых народов (вспомним османов, узбеков, ногаев и т. д.).

Упоминаемый Б. Я. Владимирцовым этноним «голгуд» встречается в Бюдермис-Кюбютовском аймаке Большедербетовского улуса. Трудно сказать, есть ли какая-нибудь кровно-родственная связь между голгудами Кобдоского аймака Монголии и Большедербетовского улуса Калмыкии. Но нельзя считать случайным бытование одного и того же термина этнического характера в районах, удаленных друг от друга на огромное расстояние. Обращает внимание тот факт, что это название встречено только у калмыков Большедербетовского улуса и дербетов МНР — ойратов в прошлом.

Таким образом, калмыцкий народ, как и другие народы, в этническом отношении сложен. Однако основу калмыцкого этноса составляли ойраты, к которым присоединились или были присоединены те или иные древнемонгольские или тюркские группы. Несомненно, формирование калмыцкой этнической общности происходило на протяжении многих столетий. В этом процессе принимали участие те монголоязычные племена, которые всегда жили на северной, северо-западной и западной территории монгольского мира. Согласно историческим данным, продолжался процесс активного взаимодействия ойратов с монгольскими и тюркскими элементами, обитавшими в верховьях Енисея, в западной части современной Монгольской Народной Республики, на Западном Алтае, в верховьях Иртыша и некоторых прилегающих к ним районах.

Ойраты — предки современных калмыков, еще до прихода в степи Нижней Волги, представляли собой довольно сложный этнический комплекс, образованный из различных древнемонгольских племен, ассимилировавших в своем составе ряд алтае-саянских тюрков. Энгельс писал: «...переселение... разрывало кровнородственный союз и в пределах округа, и должно было его разрывать... Продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы.»[71]

До сего времени в литературе бытовало мнение, согласно которому калмыцкий народ состоит из двух исторически засвидетельствованных родственных во всех отношениях племен — торгутов и дербетов. В состав первых нередко включают и хошутов.

Эта точка зрения была господствующей в официальных документах царской администрации и в литературе того времени. Еще в XVIII в. Г Ф. Миллер утверждал,[72] что калмыки делятся на четыре поколения: элётов, бурят, хошеутов, тергетов (или торгоутов). Согласно документам царских чиновников, улус — это племя, аймак — род.[73] Изложенные выше взгляды на этнический состав калмыцкого народа были восприняты некоторыми авторами в советское время. Т. Борисов, например, утверждает, что «калмыки разделялись на два племени: торгоутцы и дербетцы».[74]

Приведенная этногенетическая концепция не опирается на фактический материал и смыкается с политически вредным воззрением калмыцких феодалов и царской администрации, которые воспитывали трудящихся Калмыкии на противопоставлении «этнически целостных» торгутов «этнически целостным» дербетам и хошутам — и наоборот. Данная концепция исходила из основного принципа царской политики «разделяй и властвуй». Эта политика настойчиво проводилась, несмотря на то, что племенные различия давно стерлись. Дербеты, торгуты и хошуты фактически не отличались друг от друга ни в этническом, ни в бытовом отношении, у них сложилось общекалмыцкое самосознание. Отсутствие племенной самобытности и окончательное размывание этнических различий обнаружил даже барон Ф. Бюлер, который утверждал: «...названия поколений торгоутов, дербетов и т. п. остались достоянием народной истории и преданий, сохранившихся между владельцами и жрецами». К сожалению, до сих пор встречаются люди, не избавившиеся от пережитков далекого прошлого, несмотря на то, что термины «торгуты», «хошуты» не являлись этнонимами. Слова «торгуты», «дербеты», «хошуты» представляли собой сохранившиеся названия частей ойратского «Союза четырех» («Дервн орд»), которые надо рассматривать как удельные княжества в составе империи Чингисидов, переживавшие период развития и утверждения феодальных отношений. Каждое из четырех феодальных объединений состояло из разнородных племен, как правило, монголоязычных и отчасти тюркоязычных. В конце XIX — начале XX вв. в состав торгутов входили меркеты, кереиты (керяд), багуты, батуты, харнуты, зюнгары, замуды, хошуты, таргуты, шаряды (шарады), часть цоросов, а также тюркоязычные в далеком прошлом цаатаны, кисик, тубанцы (туба) и др. Дербеты состояли из абганеров, чоносов, шарядов, шарнутов, таджиутов (тячудов), цоросов, тукчиноз (тукчинеров, туктунов), харнутов. Среди них встречались отдельные группы меркетов, кереитов, батутов, хойтов (хэдов), хошутов, а также присоединившиеся к ним тарачины, сохады, цаатаны, казахи, теленгиты. В Хошеутовском улусе находим хошутов (хошеутов), меркетов, кере-

итов, уранхусов, хойтов (хэдов), эркетеневцев, из тюркоязычных в прошлом — теленгитов.

Среди донских калмыков хорошо сохранились этнонимы: бага бурал, бага цоохор, баргас, барцхас, бисянкин, бургуд, бушхуд, чеслянкин, замуд, залхус, кювюд, ики цоохор, кевтюл, керяд, ковюд, кююрес, маанин зэт, мангад, меркет, монгол, нооган намчад, номчи, няр, нюурсюд, сохад, телянкен, туктун, тячуд, укр-алачин, улдечинер, учкюд, харада, хоо бухас, хотход хошут, коод, шавад, шара монгол, шарад (шаряд), хавчин, шевнер, цармуд, цорос, эркетен, бамбар, бурут, чонос, кеке-нурин хэд. Таким образом, этнический состав донских калмыков был смешанным. Их станицы (аймаки) образовались за счет притока калмыков, убегавших из своих улусов, начиная с конца XVII вплоть до начала 60-х гг. XVIII в. Известно, что уход отдельных групп калмыков на Дон из районов основных кочевий имел место и в первой половине XIX в. Они были объединены общей территорией и политической властью царской администрации. Не было ни одной станицы, в которой не жили бы представители той или иной этнической группы.

У кумских и терских калмыков есть этнонимы, сохранившие память о принадлежности к различным этническим элементам: шарнут, шармгахин, тугульчинкин, меркет, церег, керяд. Среди уральских калмыков тоже есть представители разных этнических групп: ики цоохор, бага цоохор, керяд, чонос.

Несмотря на то, что донские и терско-кумские калмыки жили относительно изолированно от основного местообитания калмыцкого населения, они сохранили родной язык и основные элементы культуры, хотя, возможно, создались некоторые своеобразные детали материальной культуры и бытовые черты.

Вышеприведенные материалы говорят о несостоятельности попыток противопоставить «этнически целостных торгутов» «этнически целостным дербетам и хошутам», которые сформировались на протяжении длительного исторического периода в результате смешения различных этнических элементов.

Постепенное и неуклонное проникновение ойратов в бассейны среднего и нижнего течения Иртыша и его притоков, а также их добровольное вступление в состав Российского государства несколько усложнили этнический состав калмыцкого народа. Об этом свидетельствуют полевые материалы, собранные во всех районах Калмыцкой АССР, начиная с 1959 г.[75]

Во многих сельсоветах встречаются «хасгуд арвн» — «казахские десятки». Около 60 семейств потомков казахов жили на территории Чапаевского сельсовета Малодербетовского района. О родоначальнике этого арвана в народе бытует предание, согласно которому он попал к калмыкам в возмещение убытков, причиненных скотокрадами из казахов (что невозможно подтвердить

другими источниками). Казахский «род» (хасг арвн) проживал на территории современного Красносельского сельсовета того же района. Потомки казахов под именем «хашхтанар» обитали в бывшем Бага-Бухусовском сельсовете, расположенном между селами Малые Дербеты и Красносельское. Был казахский арван в бывшем Манджикиновском аймаке (территория Хомутниковского сельсовета Ики-Бурульского района). Название «хасг арвн» до сих пор встречается у населения Чилгирского сельсовета Яшкульского района.

На основании изложенного можно сделать вывод, что отдельные казахи или их группы приняли участие в этногенезе калмыцкого народа. Это вполне естественно, так как ойраты и казахи многократно вступали в контакты. Предки современных калмыков прошли через весь северный Казахстан при перекочевке из Джунгарии на нынешнюю территорию Калмыцкой АССР. До сего времени ходят предания о том, что казахи и ойраты обменивались девушками, бывали случаи и умыкания девушек друг у друга.

В бывшем Икицохуровском улусе (ныне Яшкульский район), по архивным документам и полевым материалам, собранным автором, обитала группа под названием «зекен кисиков род» и «тохан кисиков род». Слово «тоха» — это название урочища, где они обычно жили. Что касается наименования «кисик», то его происхождение неясно. По-видимому, «кисик» — этноним, свидетельствующий об их тюркском происхождении, так как у киргизов и казахов есть этнографические группы под именем «кесек».[76]

В Калмыкии встречается этноним «хара мангад» — черные татары.* Калмыки, происходящие от хара мангад, жили и живут на Дону, в частности, в Цевиднякинах (станица Граббевская), а также проживали на территории современного Приозерного района. Обычно все остальные калмыки считают их орудами, чужаками, принятыми в калмыцкий «род». Под именем «хара мангад» калмыцкому населению известны караногайцы, с которыми ойратские переселенцы вступили в соприкосновение в начале XVII в. в долине р. Эмбы. Известно, что калмыки и ногайцы кочевали вперемешку, нередко пользуясь одними и теми же пастбищами: были случаи, когда они вместе совершали военные походы. Хара мангад могли быть выходцами из каракалпаков, которых калмыки знают под именем «харахалбак». В конце 30-х — начале 40-х гг. XVII в. калмыки кочевали на всем пространстве от Каракумов до сибирских городов и имели тесные экономиче-

* Калмыки называли все тюркоязычные народы «мангад» (татары), «хара-мангад»— каракалпаки, скорее всего это караногайцы, «иштиг мангад» — башкиры, «улын мангад» — карачаевцы и балкарцы, «мангад» — собственно татары (астраханские и казанские) и т. д.

ские, возможно и политические, связи с каракалпаками, Хивой и Бухарой.[77]

Почти во всех районах встречается этноним «мангад», и особенно часто в современном Каспийском районе, в г. Каспийском, на станции Улан Хол и на территории бывшего Долбанского района, включенного в настоящее время в состав Астраханской области. Кто эти татары, сказать трудно. По-видимому, они происходят из тех, которые были подвластны калмыцким ханам. Ими могли быть джембулаки, едисанны, карагаши, кундровские татары и др.

В городе Каспийском мы встретили калмыка, предком которого был татарин.* Он рассказывал нам, что его предок родился от калмычки, похищенной татарами, которая беременной возвратилась к родным. В Улан Холе мы записали рассказ о том, что в семье татарина, попавшего к калмыкам мальчиком, родились шесть мальчиков. Отсюда вся эта группа получила название «зурганкины» — род шестерых.** Люди татарского происхождения жили в Ики-Бурульском аймаке Большедербетовского улуса; некоторые из них живут в г. Элисте. Еще в начале 80-х гг. XIX в. И. А. Житецкий писал, что в хурулах были крепостные под именем «мангад-шебенеры», которые делились на две группы: улын мангад (кавказские тюрки) и хуучин бюрин мангад*** — это татары, пришедшие в степь из Петровского поселения и обосновавшиеся вблизи Астрахани и Калмыцкого Базара. Последние покинули насиженные места из-за ссоры со своими односельчанами.

С XVII в. калмыки кочевали вместе с туркменами и ногайцами на современной территории Калмыцкой АССР и Ставропольского края. Они имели много общего в культурно-бытовом укладе. Ставропольские туркмены и ногайцы, живущие и поныне на территории Ставропольского края, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, пьют калмыцкий чай, ставший у них одним из главных напитков. А. Н. Самойлович, впоследствии видный советский академик, в 1912 г. писал, что среди ставропольских туркменов и ногайцев, у крымских татар имеются отюреченные калмыки, на что указывают сохранившиеся калмыцкие родовые имена «чонус», «баян», «бурул», «тобат», «дачгадут».[78] В калмыцком языке были обнаружены этнонимы туркменского происхождения.

---

* О своем татарском происхождении рассказывал Боромбаев Бембе Боромбаевич, 1904 г. рождения, рабочий Каспийского рыбоконсервного комбината.

** Об этом рассказывал Манджиев Сангаджи-Гаря Балданович, старший счетовод Улан-Хольского сельпо Каспийского района.

*** Хуучин бюрин мангад — здешние татары, т. е. жившие здесь до появления калмыков. Ср.: Житецкий И. А., Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892, с. 124—125.

в Гелингякинском аймаке, расположенном когда-то на Дону, была родственная группа, носящая название «теркмюд».

На территории Тугтунского сельсовета Приозерного района имелась малочисленная группа «теки-румбль». Этноним «теке» встречается у туркменов.[79] Что касается этнонима «румбль», то он, по-видимому, относится к этническим элементам туркменского или узбекского происхождения.

О следах участия тюркоязычных этнических элементов в этногенезе калмыков свидетельствует большое количество слов тюркского происхождения: особенно это заметно в языке калмыков Хошеутовского, Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, а также Калмыцкого Базара. Для них характерно употребление татарских названий вещей: «кюль» (пальто, фуфайка и др.), «суль» (овес), тогда как у последнего есть собственное калмыцкое название «арва». Повсеместно в калмыцкий язык проникли тюркские названия: «бешмет» (по-калмыцки — бюшмюд), от татарского слова «камчат» (название женского головного убора) происходит калмыцкое название «камчатк» и т. д.

Тюркские элементы встречаются в топонимике Калмыкии. Яшкуль — «молодое озеро», Бешкуль — «пять озер». Название урочища Сараха, по-видимому, восходит к тюркскому, в частности, казахскому слову «ар-арка» (обширное ровное пространство, широкая степь). Примеры можно увеличить, но приведенных достаточно, чтобы убедиться в участии тюркских элементов в этногенезе отдельных групп калмыцкого народа.

Заняв нынешнюю территорию, калмыки установили довольно тесный контакт с народами Северного Кавказа, что не могло пройти бесследно. Об этом можно судить по полевым материалам, собранным автором в течение ряда лет в разных районах Калмыцкой АССР. В Бага-Бухусовском и Ики-Бухусовском сельсоветах и у хончинеров, на территории которых в настоящее время расположен совхоз «Красносельский» Малодербетовского района, существовали шеркеш арваны (буквально: черкесские десятки). Потомки черкесов и кабардинцев были в Аванкинах Абганеровского аймака Малодербетовского улуса и у дойд-багутов Яндыко-Мочажного улуса. Среди населения Багачоносовского аймака Манычского улуса также встречались калмыки, предками которых были горские татары (т. е. карачаевцы или балкарцы). На это указывает упомянутое выше сообщение И. А. Житецкого о том, что вблизи Астрахани и Калмыцкого Базара жили улын мангад — горские татары, которые растворились среди калмыков.[80]

Какое-то воздействие на донских калмыков и калмыков Большедербетовского улуса оказало общение с русским населением, что обнаружено специальным обследованием, проведенным в

1933 г. в Западном улусе (ныне Городовиковском районе) Его руководитель Н. Н. Чебоксаров отметил у 10 процентов обследованных возможность европеоидной примеси: волосы извилистее и мягче, борода развита сильнее, скулы меньше, процент отсутствия складки верхнего века больше, спинка носа выше (особенно у выходцев из Ростовской области). Терские и кумские калмыки наиболее европеоидны из всех калмыцких групп. По мнению Н. Н. Чебоксарова, европеоидные примеси у калмыков Западного улуса объясняются их географической близостью с черкесами, кабардинцами, чеченцами, ингушами, аварцами и кумыками и активным взаимодействием с ногайцами, местными (кундровскими) татарами и туркменами, которые неоднократно оказывались в контакте с калмыками, нередко заключали с ними браки.[81]

В трех сельсоветах, входивших в состав Малодербетовского улуса, были обнаружены небольшие родственные группы калмыков русского происхождения. В Ханатинском сельсовете проживал орсуд арван (русский десяток), потомки русского, женившегося на калмычке, которых насчитывалось до Великой Отечественной войны не менее 40 семей.* В Кетченерах (современный р. п. Советское) жили Баслиевы, происходившие от русского по имени Орс Бата, численно достигшие значения арвана.** В Цаган Нурском сельсовете обнаружен орсуд арван, родоначальником которого был русский, адъютант зайсанга Талтаева,*** участника Отечественной войны 1812 г. Еще в 1900 г. антрополог В. В. Воробьев побывал в Калмыцкой степи и исследовал 75 взрослых калмыков мужчин. Ему удалось обнаружить 17 человек длинноголовых, высокорослых по сравнению с другими калмыками.

Исследователь С. Королев обследовал в 1901 г. около 200 человек, в том числе 18 женщин. Он также отметил у 34 человек (17%) волосатость, резко очерченные носы, отличающие их от обычного монгольского типа (в 33 случаях или 34), у 17 субъектов нос оказался слегка горбатым, у одного из них очень сильно, причем для горбоносых характерна высокорослость, что, по его мнению, «можно объяснить смешением калмыков с армянами,

---

* Об этой группе рассказывали выходцы из п. Ханата Б. Б. Бушкиев 1906 г. рождения, заслуженный учитель школы РСФСР, проживавший в с. Малые Дербеты, и Б. С. Санджиев, 1906 г. рождения, член КПСС, бывший зав. сектором истории Калмыцкого НИИЯЛИ.

** Информацию об этой группе дали Д. Б. Баслиев, 1889 г. рождения, живший в местности Сараха, на чабанской точке племзавода «Сухотинский», а также М. С. Санджиев, 1893 г. рождения, живший в р. п. Советском Приозерного района.

*** Об этой группе рассказывал нам народный поэт Калмыкии С. К. Каляев, 1905 г. рождения, член КПСС. Его сообщение подтвердил Э. З. Санджиев, 1916 г. рождения, член КПСС, бывший директор Цаган Нурской средней школы. Оба выходцы из Цаган-Нурского аймака.

татарами, киргизами (как тогда называли казахов — *У. Э.*) и немалой ролью русских в образовании современного калмыцкого типа».[82]

Сходного мнения придерживается Н. Н. Чебоксаров, который писал, что «нельзя не учесть последствий метисации».[83]

В 1969—1971 гг. Д. О. Ашиловой было проведено антропологическое обследование под руководством антрополога И. М. Золотаревой в 11 административных районах Калмыцкой АССР. Обследованием было охвачено более 2000 калмыков: только у донских калмыков и больших дербетов обнаруживается некоторое ослабление монголоидных особенностей. В основном калмыки относительно однородны в антропологическом отношении. По мнению антропологов, они представляют собой один из вариантов центрально-азиатского антропологического типа. Однако приведенные выше антропологические данные не могут вызывать сомнения в участии в этногенезе калмыцкого народа отдельных представителей саяно-алтайских, среднеазиатских и казахских тюрков, а также горских и славянских элементов. Не всегда антропологические материалы совпадают с этнографическими. Для подтверждения данного соображения можно обратиться к антропологическим данным. С калмыками не случилось того, что произошло со славянами в пределах Болгарии, а также с предками осетин, балкарцев и карачаевцев на Кавказе. Славяне, расселившиеся на территории современной Болгарии и утвердившие свой язык в качестве языка-победителя, относятся в антропологическом отношении к темнопигментированной южной, или средиземноморской, ветви европеоидов. Пришедшие на Кавказ ираноязычные предки осетин передали свой язык местному кавказскому населению, жившему здесь с рубежа поздней бронзы и раннего железа, но современные осетины в значительной мере связаны с классическими представителями кавказионского антропологического типа. Балкарцы и карачаевцы по языку — тюрки, а по антропологическим признакам не отличаются от осетин. Современные египтяне — арабы по языку, но по антропологическим данным мало отличаются от древнего населения Египта и Нубии.

Влившиеся в состав калмыков тюркские, горские и славянские элементы не оказали сколько-нибудь заметного влияния на антропологические особенности калмыцкого населения.

Таким образом, калмыцкая этническая общность сложилась в основном из переселившихся в степи Нижней Волги и Предкавказья ойратов и ассимилированных ими отдельных иноязычных элементов.

У всех ойратов прослеживаются свадебные обряды, какие бытовали у калмыков. Сватовство, сама свадьба и обряды, связанные с ней, церемонии приобщения невесты к очагу жениха, поря-

док приема ее в род мужа, описанные Б. Х. Тодаевой,[84] удивительно сходны с калмыцкими, имевшими широкое распространение до недавнего времени.

Ойратские черты сохранились в калмыцком жилище и в его планировке. Калмыки продолжали жить в кибитках, в каких живут монголы, в частности, монгольские ойраты. Домашнее убранство, порядок размещения вещей внутри жилища, деление его на правую, левую и верхнюю части сохранили ойратские названия, генетически перешедшие к калмыкам.

Поразительное сходство наблюдается в пище и обрядах, связанных с угощением. Как у ойратов, так и у калмыков основными видами пищи являются чай, молочные и мясные блюда, названия которых одни и те же, что объясняется традиционными генетическими связями, уходящими в древнеойратскую эпоху.

Основой хозяйственной жизни калмыков, как и их сородичей, живущих в Монгольской Народной Республике, являлись овцы курдючной породы, крупный рогатый скот, лошади и верблюды. Сохранились также древнейшие способы обработки шерсти, кожевенного сырья, переработки молока на чигян, масло и на другие продукты.

Таким образом, между ойратами и калмыками существует прямая генетическая связь. Это положение не противоречит мнению других. В первом томе «Очерков истории Калмыцкой АССР» И. Я. Златкин писал, что ойраты и калмыки связаны между собой очевидными генетическими узами: ойраты — предки, калмыки — потомки.[85] Несомненно, калмыки — потомки тех ойратов, которые покинули Джунгарию в силу недостаточности пастбищных территорий и резко ухудшившихся внутренних и внешнеполитических условий. Им, очевидно, было предпочтительнее искать новые, более просторные пастбища вне прежней родины.

Из ойратов, занявших степи Нижней Волги и Предкавказья, образовалась калмыцкая этническая общность — калмыцкая народность, отдельная от джунгарских ойратов. Данное мнение не противоречит историческим фактам. В истории много случаев, когда из одной этнической общности образовывались разные, т. е. различные народности или нации, оказавшиеся в неодинаковых социально-экономических условиях. Этническая однородность не является обязательным условием для образования новой этнической общности. Новые народы могут возникнуть из различных этнических элементов. Но при всех условиях для образования и развития новой этнической общности, хотя бы народности, обязательной является общность территории. Ф. Энгельс писал, что «...исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду

и племени.»[86] Территория является необходимым материальным условием, экономической базой для нормальной жизни любого общества любой эпохи. Материальной базой для образования калмыцкой этнической общности явились степи Нижней Волги и Предкавказья.

Территория, простиравшаяся от левого берега (в низовье) Волги на востоке до современного города Волгограда на севере, Дона на западе, Ставропольского плато на юго-западе, р. Кумы на юге и северо-западного побережья Каспийского моря на юго-востоке, была закреплена за калмыками указом Павла I от 14 октября 1800 г., который был подтвержден его сыном Александром в указе от 26 октября 1801 г.[87]

Степь, очерченная в указанных границах, рассматривалась калмыцким народом как своя национальная земля, на которую он имеет неотъемлемое право, малейшее покушение других народов на эту территорию вызывало протест со стороны калмыков.[88]

На новой родине оказались благоприятные для привычных занятий калмыков географические и климатические условия: обширные пастбища с Черными землями на юго-востоке, длинное лето, короткая зима, прекрасные сенокосные угодья и достаточное количество водопойных источников (реки Волга, Дон, Маныч, Кума, степные озера и речки и т. д.).

Постепенно у калмыков возникла привязанность к степям Нижней Волги, любовь к новой родине, патриотизм, о чем свидетельствуют многочисленные факты выступлений калмыков в защиту этой территории от турецких, крымских и кавказских феодалов. Необходимость обороны занятых ими земель от внешних врагов способствовала процессу дальнейшего сплочения переселившихся отдельными феодальными группами ойратов в одну калмыцкую этническую общность. Немалую роль в сложении последней играли постоянные контакты между различными группами ойратов в пределах одной и той же территории.

В направлении объединения и сплочения раздробленных феодальных владений действовал и политический фактор. Для ойратов, занявших относительно большую территорию, вопрос общенационального единства и национальной независимости стал вопросом жизни и смерти в условиях враждебного отношения со стороны феодалов Турции, Крыма, Кавказа и русского царизма, стремившегося превратить новых подданных в простых исполнителей своей воли.

Образовавшееся к 60-м гг. XVII в. Калмыцкое ханство способствовало дальнейшему сплочению и сложению калмыцкой народности. Это соображение подтверждается мнением классиков марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс писал: «Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и

создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество...».[89] Положение Ф. Энгельса, выдвинутое им по отношению к европейским нациям, в какой-то мере применимо к калмыкам. Калмыцкие ханы сумели сломить разобщающие тенденции нойонов и зайсангов, собрать сравнительно однородные в этническом отношении феодальные владения, чем обеспечили дальнейшее сплочение и формирование калмыцкой народности в пределах России. Этому также способствовали установившиеся между улусами более тесные экономические, культурные и другие связи. Подвластные Российской империи калмыцкие ханы и царская администрация усилили процесс изоляции калмыков от джунгарских ойратов и содействовали окончательному обособлению их от восточных сородичей. В результате создания в степях Нижней Волги и Предкавказья ханства до минимума сократилось число междоусобиц, военных столкновений и уменьшилось переселение населения. Хотя Калмыцкое ханство было орудием классового господства феодалов, оно явилось серьезным фактором формирования и развития калмыцкой народности в пределах России.

Ламаизм, как и всякая другая религия, был и остается орудием в руках господствующих классов, одним «... из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством».[90] Ламаистское духовенство было паразитическим сословием, но ламаизм стремился распространить свое влияние на все слои населения, опираясь на калмыцких ханов и царскую администрацию, чем он объективно поддерживал политику ханов по консолидации разрозненных групп ойратов в одну калмыцкую административную общность.

Добровольное вхождение калмыков в состав России способствовало развитию товарно-денежных отношений. Калмыки продавали на российском рынке не только скот разных видов, но и продукты животноводства. Вместе с тем они приобретали необходимые для удовлетворения собственных нужд промышленные изделия и продукты земледелия. Это имело большое экономическое и политическое значение. Преодолевались остатки племенной обособленности и феодальная раздробленность, а также складывались более широкие связи, чем это было в Джунгарии, постепенно происходили известные изменения в экономике и социальных отношениях. Товарно-денежные отношения подрывали феодальный способ производства и ускоряли процесс социального расслоения калмыцкого общества. Большинство населения разорялось, обогащалось незначительное меньшинство. Процессу разорения способствовали также периодически повторявшиеся зуды-бескор-

мицы. Все это вызывало у калмыков стремление перейти к оседлому быту. Важную роль сыграло также близкое соседство и постоянное общение с оседлыми народами, в частности, с русским. Общая территория не может не развивать общие черты в хозяйстве и быте соседей. Идея перехода к оседлым поселениям была выдвинута хошеутовским нойоном Замьяном. В 1770 г. было завершено строительство постоянного оседлого дома для Замьяна, возле которого поселилось более 60 подвластных ему калмыцких семейств. Этот поселок известен в истории под названием Замьян-городок.[91]

С 30-х гг. XIX в. было положено начало переходу к оседлому поселению и новому способу ведения скотоводческого хозяйства. Калмыки стали припасать на зиму сено, чтобы подкармливать скот в период тяжелых зим. Более того, они заготавливали настолько много сена, что даже продавали его своим соседям. Заготовка сена расширялась с каждым годом. Ею занимались калмыки, живущие в центральной части степи, даже в районе Черных земель. К концу XIX — началу XX вв. донские и большедербетовские калмыки жили оседло, не говоря об оренбургских. Население Малодербетовского, Манычского и западной части Икицохуровского улуса, а также жители Хошеутовского, Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, обитавшие по берегам Волги и Каспийского моря, вели полукочевой образ жизни.

Основным занятием калмыков оставалось по-прежнему скотоводство, но все большее значение приобретали другие отрасли хозяйства, ранее малоизвестные их предкам.

С конца XVII в. получает развитие рыболовство в той части Калмыкии, которая расположена в низовьях Волги и по берегам Каспийского моря.

Произошли заметные изменения и в материальной культуре. Калмыки стали запрягать лошадей в телегу, чего не было у предков калмыков — ойратов. Наряду с хотонами — селениями из нескольких кибиток появились поселки оседлого типа из постоянных жилищ, в каких жили соседние русские крестьяне. Наиболее типичными и абсолютно преобладающими были землянки — наземные саманные дома. Встречались деревянные дома и здания из жженных кирпичей.

Заметные изменения произошли в одежде и пище калмыцкого населения. Вся одежда шилась из фабричных тканей, украшалась вышивками из гарусных ниток разных цветов, а также позументом.

Изложенное свидетельствует о том, что по мере сложения калмыцкой этнической общности развивались более широкие экономические связи, новые отрасли хозяйства, а также новые виды материальной культуры.

Согласно учению марксизма-ленинизма, язык является одним из важнейших признаков народностей и наций. Конечно, он находится в органическом единстве с другими их признаками, взаимодействует с ними. Территориальная общность может успешно развиваться и укрепляться при наличии общего языка между людьми, живущими на одной и той же территории и имеющими общность экономических связей. Именно ойратский язык явился одним из средств сплочения и объединения различных феодальных владений нойонов и зайсангов в одноязычный политический организм. В дальнейшем, в условиях колониального положения, калмыцкий язык был не только средством общения, но и символом национального единства и орудием защиты экономических и политических интересов калмыцкого народа.

В истории известно много случаев, когда одни языки поглощались другими в результате смешения и скрещивания или одни языки оттеснялись другими. Этого не случилось с калмыцким языком. Он явился прямым продолжением ойратского языка. Язык, который обслуживает ойратов и калмыков, имеет одинаковый грамматический строй, не отличается словарным фондом, хотя он не всегда может совпадать с этнической принадлежностью говорящих на одном языке народов.

Необходимо подчеркнуть, что калмыки жили и живут в иных социально-экономических условиях и в другом этноязыковом окружении, чем джунгарские ойраты. Калмыки вступали в тесный экономический, политический и социальный контакт с русским, тюркоязычными и горскими народами, с которыми надо было разговаривать и понимать их, так как фактически у всех перечисленных народов оказалась одна родина — Россия с одним законодательством, с одним правительством и одной границей. Следовательно, был неизбежен процесс смешения, скрещивания и взаимовлияния их языков. Словарный фонд калмыцкого языка значительно пополнился словами тюркского, русского и кавказского происхождения. Начавшийся в конце XVII в. тесный контакт с русским народом, а затем и украинским, привел к значительному влиянию их языков на калмыцкий, проникновению в последний большого количества слов славянского происхождения. Еще в самом начале XX в. в калмыцкий язык проникло много русских слов, которые впоследствии получили калмыцкое оформление: берданк (однозарядная винтовка, бывшая на вооружении русской армии с 1868 до 1891 гг.), балинг (валенки), тулуп, хаш (каша), бэс (бязь), беш (печь), плуг, яарм (ярмарка), базр (базар), школ (школа), болост (волость), катк (катух), кютр (хутор), загон, дугу (дуга), седелк (седелка), хамут (хомут), цан (сани), картус (картуз), писр (писарь), лавк (лавка), сад, ламп (лампа), сеглятр (секретарь), бинтрь (вентерь) и т. д. Таким обра-

зом, еще в дооктябрьский период словарный состав калмыцкого языка значительно пополнился за счет проникновения в него русских слов хозяйственно-бытового и административного характера. Обогащение калмыцкого языка произошло не в результате проникновения этнических элементов славянского происхождения, а в результате близкого контакта и усиления экономических связей. Однако в дореволюционной Калмыкии двуязычия не создалось. Абсолютное большинство населения говорило только на родном языке, знающих русский язык было очень мало. Русский язык, в основном, знали пастухи, работавшие на русских и украинских кулаков и скотопромышленников. Несколько больше пользовались русским языком калмыки Области Войска Донского и рабочие астраханских рыбных промыслов.

Калмыцкий язык сложился окончательно как самостоятельный язык в середине XVII в., о чем свидетельствует принятие в 1648 г. разработанного Зая-Пандитой* алфавита «Тодо бичг» и перевод им большого количества сочинений с тибетского и, возможно, монгольского и санскритского. Но это не исключает возможности существования в ойратском языке, в том числе тогдашнем калмыцком, остатков различных племенных диалектов древнемонгольского языка, взаимно понятных и очень близких друг к другу. Имеющиеся в современном калмыцком языке небольшие диалектные различия являются территориальными, продуктом отсутствия интенсивных связей между различными улусами и проживания в различном этническом окружении.

У приволжских калмыков, изолированных от Джунгарии политическими границами и огромным расстоянием, постепенно развивается самосознание национально-государственной общности с новой родиной — Россией. Объективной основой развития и формирования у калмыков отдельного от джунгарских ойратов национального самосознания являются все расширявшиеся экономические связи с обширными рынками Русского государства, общность территории и обогащавшийся за счет русских слов калмыцкий язык. Это тем более верно, что, согласно марксистско-ленинской философии, национальные чувства, национальное сознание не являются прирожденными, они подавляются экономическими и политическими интересами.

Калмыки участвовали во многих прогрессивных войнах России, которые велись против турецких, крымских и шведских феодалов в защиту общих интересов народов России. О том, что калмыки связали свое благосостояние, национальные интересы с интересами русского народа, видно из участия калмыков в ряде крестьянских восстаний России. Так, калмыки приняли активное

* Зая-Пандита (1599—1662) — известный ойратский ученый монах.

участие в народном восстании под предводительством Е. И. Пугачева. Калмыцкие конники вместе с башкирами составили основной костяк конницы восставших, многие повстанцы-калмыки остались верными Емельяну Пугачеву до конца. Участие большой массы калмыков в восстании русских крестьян явилось серьезным фактором роста национального самосознания калмыцкого народа. Вместе с тем восстание под руководством Е. И. Пугачева обнаружило классовое различие в национальном самосознании калмыков. Господствующий класс, сомкнувшись в своих классовых интересах с русским царизмом, участвовал в подавлении народного восстания. Нойонам и зайсангам были безразличны национальные интересы калмыцкого народа. Этот шаг был предпринят калмыцкими феодалами в то время, когда царизм ликвидировал существовавшую более 100 лет калмыцкую государственность — Калмыцкое ханство.

Отечественная война 1812 г. против наполеоновских захватчиков явилась мощным фактором сплочения и национального пробуждения не только русского народа, но и в какой-то мере всех народов России, участвовавших в ней. Калмыцкие полки выступали в этой войне под общим лозунгом защиты не только Калмыкии, но и своего Отечества — России, что видно из песни «Маштак боро», сочиненной калмыцкими воинами, вступившими вместе с русскими войсками в столицу Франции — Париж. В этой песне поется:

Рубили французов длинноносых,
Чтоб отразить их атаку,
Рубились с ними не потому,
Что хотели сражаться с ними,
Рубились ради спасения своей жизни...
Рубились мы с куце-черными французами
Ради защиты России.
Защищали Россию, чтобы
Вечно установился мир.*

Определенное влияние на развитие национального самосознания и национальной культуры калмыцкого народа оказало изучение передовыми русскими учеными его истории, этнографии и языка. Об этом свидетельствует всенародное движение за открытие в аймаках школ. Под влиянием общего революционного подъема в России начались отдельные выступления калмыков. В 1903 г. произошло волнение калмыцкой молодежи, обучавшейся в средних учебных заведениях Астрахани, о чем сообщила большевистская газета «Искра».[92] Отдельные калмыки — рабочие рыбных промыслов — пели «Марсельезу». В 1907 г. на Дону возникла культурно-просветительская организация — нелегальный союз

* Перевод автора.

калмыков-учителей под названием «Хальмг тангчин туг» (Знамя калмыцкого народа).[93] Общенациональное самосознание у калмыцкого народа, фактически сложившееся к середине XVIII в., продолжало развиваться и укрепляться в последующие века.

Сформировавшаяся или формирующаяся народность приобретает название в большинстве случаев стихийно, хотя этой стихийностью управляют объективные законы. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само...»[94]

Что касается этнонима «калмык», то необходимо отметить, что вопросом его происхождения занимались многие ученые. Одним из первых обратился к этому вопросу Паллас, который писал: «Элеты, именно та ветвь монгольского народа, которая известна в Западной Азии и Европе под именем калмыков... оставшиеся на родине элеты получили от своих соседей татар прозвище «калимак», т. е. оставшиеся позади».[95] Данное мнение опровергается тем фактом, что оставшимся на прежней родине ойратам название «калмык» не привилось. Их продолжали называть дербетами, торгутами, элетами и т. д. Б. Бергман, занимавшийся изучением калмыцкого фольклора, давал иное объяснение, согласно которому татары и монголы имели общую религию (т. е. были шаманистами — *У. Э.*). Когда монголы приняли буддизм, их стали называть отступниками — калмыками. Те монголы, которые не приняли буддизм, не назывались калмыками.[96] Известный французский монголовед Абель Ремюза пришел к выводу, что «калмыками называются те монголы, которые ушли вперед, а не оставшиеся позади».[97]

А. Позднеев указывал, что название «калмыки»» произошло от татарского слова «калмык» — отделившийся, отставший: этим именем называют западную ветвь монголов, местообитание которой — отчасти в пределах Российской империи, в Калмыцкой степи, между Волгой и Доном, на Алтае и т. д.[98] В. В. Бартольд полагал, что слово это выводится (вероятно, народной этимологией) от глагола «калмак» (оставаться) и что оно будто бы обозначает «оставшихся язычниками ойратов в противоположность «вернувшимся» (глагол «домек») вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски).[99] Ц.-Д. Номинханов, который сделал ряд предположений по данному вопросу, считает мнение В. В. Бартольда наиболее правильным. Слово «калмак» появилось в связи с распространением ислама среди народов Восточного Туркестана.

Ойраты-монголы не приняли ислам, остались шаманистами или буддистами.[100]

Все перечисленные высказывания различных авторов по вопросу о происхождении названия «калмык» представляют собой гипотезу, ни один из них не приводит сравнительных фактов, ограничиваются переводом с тюркских языков слова «калмак», притом приводят это слово по-разному. Одни переводят — «оставаться», а другие — «отделиться»; по-видимому, эти переводы отражали тогдашнее состояние науки. Еще неизвестен факт, когда народ получал свое название по религиозному признаку. Выдвигалось мнение, согласно которому слово «хальмаг» связано «со стремительным, летучим, мобильным образом жизни ойратов, вынужденных совершать стремительные конные переходы в борьбе с многочисленными врагами».[101] Историческая наука не знает фактов, когда народы мира приобретали свое название по признакам мобильности, подвижного образа жизни. Германцам их общее название дали соседи кельты, хотя германские племена не стали единым целым. Еще Л. Г Морган отмечал, что европейские завоеватели «имя того или иного индейского народа обыкновенно узнавали не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем собственное. В результате значительное число племен стало известно под именами, которые они сами не признают».[102] Нередко названием рода или племени становилось слово, означавшее его тотем, т. е. название какого-либо животного или птицы, с которым члены рода или племени считаются связанными сверхъестественным родством. Вполне возможно, что от названий тотемов образованы такие калмыцкие этнонимы, как «чонос», «керяд» и т. д. Бывало, что имя родоначальника при родовом строе становилось наименованием его потомков. Например, названия восточно-славянских племен «вятичи» и «родимичи» восходят к их прародителям Вятко и Родима.

Кажется еще более неудачной попытка вывести название «халимак» от слова «хольмг» — смешанный.[103] В этом случае народ назывался бы по имени руководящего племени, объединившего вокруг себя другие этнические группы. Это неверно даже с точки зрения лингвистики. «Хольмг» и «хальмг» — разные слова (и по происхождению). Буква «о» в слове «хольмг» не может переходить в «а» в слове «хальмг», так как «калмак» происходит от тюркского слова «кал» — оставаться, быть в остатке, сохраняться, оставаться на месте, пребывать, оказываться позади;[104] «мг» — суффикс, характерный для тюрко-монгольских языков.

По мнению В. В. Бартольда, слово «калмак», согласно мусульманским источникам, появляется не позже XV в. как географический термин. После изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только коренные области (юрт и ас-

ли), т. е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов отняли у них и это».[105] На надгробной надписи уйгурского кагана Моюнчура, относящейся к середине VIII в., встречается слово «калмысы» обозначавшее «оставшиеся».[106] Слово «калмык» и «калмысы» сходны как по форме, так и по содержанию. Термины этого времени «калмак» и «калмысы» не имеют никакого отношения ни к ойратам, ни к калмыкам. Название «калмык» дали ойратам, переселившимся в степи Нижней Волги и Предкавказья, их соседи — тюркоязычные народы. Г Ф. Миллер утверждает, что «калмыки» — татарское слово и произносится на этом языке «калмак». Но это слово употребляется только теми татарами, которые живут от Волги до Оби, тогда как «качинские, сагайские и прочие татары Красноярского и Кузнецкого уездов называют калмыков уйрятами»[107], т. е. ойратами. Это мнение подтверждается русскими архивными документами. Начиная со второй половины XVI в. ойраты, перекочевавшие на подвластные России земли, неизменно называются калмыками.[108] Те ойраты, которые остались в Джунгарии, именуются «зюнгары».[109]

Следовательно, термин «калмак», вошедший в русские исторические документы в конце XVI — начале XVII вв., постепенно стал самоназванием тех ойратов, которые образовали новую для Нижнего Поволжья этническую общность — калмыцкий народ. Это произошло в то время, когда прежние родоплеменные деления успели забыться. Конечно, новый этноним не мог прочно утвердиться за одно десятилетие. Прошло длительное время, пока он закрепился, вошел в сознание народа. Процесс формирования калмыцкой народности в степях Нижнего Поволжья, Прикаспия и Предкавказья занял почти два столетия (конец XVI — середину XVIII вв.) Принятие приволжскими ойратами этого имени является свидетельством того, что процесс сложения и формирования калмыцкой народности, в основном, завершился. Создание в 1648 г. самостоятельной калмыцкой письменности — неопровержимое свидетельство консолидации калмыков в народ. Маркс и Энгельс писали, что концентрация диалектов в единый национальный язык обуславливается «экономической и политической концентрацией».[110] Самоназвание «ойраты» было полностью вытеснено названием «калмыки», данным тюркскими соседями.

Внешним материальным свидетельством сложения самостоятельной калмыцкой народности является общекалмыцкий символ «улан зала» — красная кисточка на головных уборах всех слоев населения, известный ойратам еще в первой половине XV в. Отсюда выражение «улан залата хальмг», сохранившееся только у калмыков. Таким образом, калмыцкая народность сложилась из ойратов, переселившихся в самом начале XVII в. из Джунгарии в степи Нижней Волги и Предкавказья.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПОСЛЕ 1771 г.

По некоторым опубликованным данным, в России—в степях Нижней Волги, Дона и Предкавказья—насчитывалось около 12800 кибиток калмыков (по другим сведениям — не более 13—14 тыс.).[1] Положение их резко ухудшилось. Указом царя от 19 октября 1771 г. Калмыцкое ханство было ликвидировано, звание ханов и наместников отменено, астраханскому губернатору было приказано: «...держать всех калмыков на нагорной стороне Волги во все четыре времена года, а на луговую не перепущать».[2] С этим приказом был связан перевод калмыков, живших на левом берегу Волги, на ее правый берег. Владельцы улусов и зайсанги были прикомандированы к отрядам русских и калмыцких войск, действовавших на Кубани против татар. Трех наиболее влиятельных владельцев — дербетовского Цебек-Убуши и яндыковских Яндыка и Асарху отозвали в Петербург, и они больше в степи не возвратились. Астраханская губернская администрация организовала сторожевые отряды из калмыков и русских казаков, призванные охранять калмыков.

Так калмыки были поставлены под строгий надзор царской администрации. Между тем их продолжали использовать в качестве военной силы. На это указывает то, что в 1774 г. 2500 калмыков были размещены на кизлярской линии в районах станиц Шадринской и Червленой. Подобные принудительные переселения вызывали недовольство среди калмыков. Этим объясняется присоединение угнетенных калмыков к Крестьянской войне, развернувшейся в 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. По мере продвижения восставших в районы, где жили национальные меньшинства, калмыки приходили в движение. В работе М. Жижки сообщается, что в конце 1773 г. «бунтующих калмыков было более 5 тысяч человек». Установлено, что в командном составе восставших насчитывалось не менее 12 калмыков.[3] Среди них известны Федор Дербетев, Кашиитов, Царемджал и др. В районе Царицына к ним присоединилось более трех тысяч калмыков под командой Цендена. Одновременно с этим произошло волнение среди калмыцкого населения, жившего на левом берегу Волги.[4] Они остались верными Пугачеву до конца восстания. По мнению М. Жижки, после того как восставшие переправились на левый берег Волги, у Пугачева была большая группа из «...крепостных и заводских крестьян, работных людей, башкир, татар и калмыков».[5]

После ликвидации Калмыцкого ханства и подавления восстания под руководством Пугачева царское правительство последовательно ограничивало права калмыцкой знати и шло по линии

постепенного подчинения калмыков царской власти. В 1786 г. был закрыт калмыцкий суд (зарго), разбор гражданских и уголовных дел передавался уездным судам. В Астрахани создается калмыцкое правление во главе с царским чиновником, который называется впоследствии главным приставом калмыцкого народа. Улусами руководили улусные приставы. Таким образом, фактическая власть по управлению калмыцким народом оказалась в руках русских чиновников.

Эта административная реформа в значительной степени ущемила права калмыцкой знати. Царские чиновники не сумели установить необходимый порядок. Это видно из того, что в ответ на волнение, которое произошло в Эркетеневском улусе, часть его населения была расселена по другим улусам.

После смерти нойона Ценден-Дорджи Дербетовский улус разделился на два. Большая часть населения этого улуса перекочевала на Дон, а меньшая — осталась на Волге. В 1788 г. распад этого улуса на два был признан царским правительством. Правителем Большедербетовского улуса стал Екрем Хапчуков. Малодербетовский улус своим владельцем избрал сына Цендена-Дорджи Бабула, которого царизм вынужден был утвердить в этой должности, боясь дальнейших осложнений. Население улуса несколько успокоилось, тем более что в мае 1800 г. калмыки Большедербетовского улуса возвратились в пределы Астраханской губернии в район прежнего кочевья.

Однако после смерти нойона Большедербетовского улуса Екрема Хапчукова (умер в 1799 г.) и правителя Малодербетовского улуса Бабула (умер в сентябре 1799 г.) произошли новые осложнения в этой части Калмыкии. Владельцем Большедербетовского улуса стал младший брат Екрема Габун-Шарап, а нойоном Малодербетовского улуса — двоюродный брат Бабула Чучей Тундутов. Впоследствии Тундутов был утвержден грамотой Павла I от 14 октября 1800 г. наместником калмыцкого народа и получил от него в дар знамя, саблю, панцирь, соболью шубу. При новом наместнике был восстановлен суд зарго из 8 зайсангов. Ламаистскому духовенству во главе с ламой Собином была дарована свобода деятельности. Формально, таким образом, было восстановлено Калмыцкое ханство. Этой мерой царское правительство хотело успокоить общественное мнение. Однако власть наместника была весьма ограниченной. Это видно хотя бы из речи, которую произнес главный пристав Н. И. Страхов 13 июля 1802 г. на церемонии объявления Чучея Тундутова наместником калмыцкого народа. Церемония состоялась на речке Зельме, куда собралась вся калмыцкая знать. Текст речи Н. И. Страхова был обнаружен в ноябре 1961 г. в Государственном архиве Саратовской области. В ней говорится, что император, «благоволя» калмыкам, ожидает

от них, что «пребудут они верными Его императорского величества подданными, тщательными исполнителями Его воли и послушными законам Всероссийской империи». Далее сказано, что «Чучею Тайши Тундутову дарованы права и обязанности высокопочтенного наместника, которому вручена вся исполнительская власть, вменена обязанность заботиться о нуждах народных и каждого калмыка: следить за поведением обще всех и каждого человека, чтобы никто из зайсангов не выходил из должного повиновения, определять, сколько с каждого улуса поставить должно калмыцкого войска на службу Его императорскому величеству... Надлежит Ему... не приступить ни к каким насильственным законам ни для содержания своего довольствия... довольствоваться доходом с родового своего Дербетовского улуса». Далее Страхов призывал всех владельцев калмыцкого народа, зайсангов и духовенство проявлять «уважение достоинства и власти его», «оставить и предать вечному забвению» все прежние жалобы и ссоры, содействовать укреплению между владельцами и зайсангами «миролюбия и дружества», а между народом «братской друг к другу любви». Обращаясь к духовенству, Страхов просил не вмешиваться в «светские обстоятельства»: «яко дело не только им неприличное, но и предосудительное».[6]

«Следовательно, наместничество Чучея Тундутова,— как пишет Н. Н. Пальмов,— оказалось слабым напоминанием о былом ханском величии».[7] Он был окружен царскими чиновниками, без участия которых не мог решать ни административные, ни политические вопросы.

Однако несмотря на краткость своего правления (с 1800 по 1803 гг.) Чучей Тундутов добился калмыцкому народу известных прав. Н. Н. Пальмов пишет: «При общей хаотичности, какую приняла тогда калмыцкая жизнь, кочевникам трудно было беречь последние крохи того, что оставалось у них от прежних земельных богатств. Но в 1800 году мелкопоместному дербетовскому владельцу Чучею Тундутову, в бытность его в Петербурге, удалось приобрести расположение Павла I и обрисовать ему печальное положение калмыцкого народа вообще и, в частности, относительно земельной стесненности». В ответ вышел указ Павла I от 27 сентября 1800 г., где сообщалось: «Калмыцким Малого и Большого Дербета владельцам и другим калмыцким владельцам и чиновникам с народом их, в Астраханской губернии кочующим, все же жалуем владение все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморье, и, словом, все те места на коих до ухода за границу калмыки имели свое кочевье, исключая тех, кои по уходе именными указами пожалованы».[8]

23 мая 1803 г. Чучей умер, наместничество было ликвидировано, так как оно не оправдало себя. Наместник, не имея реаль-

ной власти, не сумел навести твердый порядок в тогдашней Калмыкии. Калмыки смотрели на Чучея как на простого исполнителя воли «белого царя». Некоторые владельцы даже не признавали его. Например, утвержденный в звании владельца Большедербетовского улуса Габун-Шарап не явился на торжественное провозглашение Чучея наместником, устроенное 13 июля 1802 г.

В результате в Дербетовском улусе не прекращались волнения. Торгутовские владельцы и знать смотрели на Чучея как на выскочку, так как все прежние калмыцкие ханы и наместники были потомками Хо-Орлюка — предводителя торгутов в период присоединения калмыцкого народа к России.

Восстановленный Павлом I калмыцкий суд не оправдал своего назначения. Судьи-зайсанги фактически выполняли волю владельцев, не опираясь на объективные данные, полученные в результате следствия. К тому же калмыцкие законы, которые служили руководством в судебном процессе, устарели, не соответствовали той обстановке, в какой жили калмыки XIX в. Поэтому царская администрация добилась того, чтобы суд (зарго) рассматривал с 1818 г. только одни гражданские дела по искам не свыше 25 рублей, а с 1821 г. — не свыше 5 рублей. Все уголовные и крупные гражданские процессы проходили в уездных и губернском русских судах, что было, несомненно, положительным явлением. Неписаные нормы обычного права, произвольно толковавшиеся в интересах калмыцкой феодальной верхушки, заменялись более совершенным и более разработанным правом. Но в то же время царское право носило ярко выраженный колониальный характер и было направлено на усиление колониального управления в Калмыкии.

В 1805 г. на основании свободного народного волеизъявления был произведен окончательный раздел Дербетовского улуса на Большедербетовский и Малодербетовский. К владельцу Малодербетовского улуса Эрдени-тайше отошло 3302 кибитки (семьи), а к владельцу Большедербетовского улуса Габун-Шарапу — 603. Этот раздел был утвержден Петербургом 14 июня 1809 г. Однако после смерти Габун-Шарапа (1809 г.) вновь обострились отношения между владельцем Малодербетовского улуса Эрдени-тайшой и претендовавшим на владение Большедербетовским улусом Очиром-Занджин-Убуши Хапчуковым, малолетним племянником покойного — сыном его брата.

Калмыки продолжали принимать посильное участие в борьбе России с ее внешними врагами. В начале XIX в. Россия оказалась во враждебных отношениях с наполеоновской Францией. Борьба была тяжелая и потребовала от Русского государства больших жертв. По требованию Российского правительства в 1807 г. «калмыцкие владельцы и зайсанги поставили 5200 под-

властных им калмыков, объединенных в 10 пятисотенных команд...» Владелец Хошеутовского улуса Сербеджаб Тюмень выставил 506 чел., к ним присоединился багацохуровский отряд в количестве 760 чел., торгутовские улусы снарядили отряд из 910 чел., во главе с Санджи-Убаши. Третий отряд состоял из 1154 чел. Торгутовского и Эркетеневского улусов под командованием владельца Эрдени. Четвертым отрядом численностью 1615 чел. командовал Эрдени-тайша Тундутов. Каждый человек имел по 2 лошади. Всего было выставлено 5129 рядовых калмыков во главе с 5 владельцами улусов и 52 зайсангами, которые участвовали во многих боях русской армии.

В Отечественной войне 1812 г. калмыки выставили три полка: два астраханских и один ставропольский. Первым астраханским калмыцким полком в составе 1054 человек из двух дербетовских улусов командовал Джамба-тайша Тундутов. Второй астраханский калмыцкий полк, состоявший из 1054 человек Торгутовского и Хошеутовского улусов, возглавлял хошеутовский владелец Сербеджаб Тюмень. Третий калмыцкий полк был выставлен ставропольскими калмыками в составе 1132 человек. Кроме того, калмыки Области Войска Донского участвовали в борьбе против французских захватчиков в составе казачьих частей Дона. Несомненно, они внесли существенный вклад в общее дело борьбы против наполеоновских захватчиков, участвуя в крупнейших военных сражениях и в заграничных походах русской армии. Вместе с ней калмыцкие полки вступили в столицу Франции — город Париж.[10] Этот факт нашел свое отражение в художественной литературе тех лет. Поэт Ф. Глинка писал:

Я видел, как коня степного
На Сену пить водил калмык,
И в Тюльери у часового
Сиял, как дома, русский штык.

Как отмечалось выше, феодальным правам нойонов и зайсангов был нанесен серьезный удар. Правда, нойоны сохраняли свои права на владение улусами, но сами они находились под контролем царских чиновников. Калмыцкая феодальная верхушка стремилась вернуть утраченные права и привилегии. Они начали подавать в Петербург жалобы и прошения. Особенно энергично действовали владелец Малодербетовского улуса Эрдени-тайша Тундутов и хошеутовский нойон Сербеджаб Тюмень, которые жаловались на жестокость русских чиновников и на то, что они (калмыки) лишены возможности судиться на основании своих древних законов, указывали на бедственное положение калмыцкого народа. В дополнение к этим жалобам в марте 1822 г. было созвано совещание владельцев улусов, зайсангов и представителей духовенства. Зензелинское постановление, принятое на этом сове-

щании, оставляло в компетенции местных судебных органов разбор уголовных дел и военных преступлений. Однако это куцое постановление царское правительство отклонило. 10 марта 1825 г были изданы «Правила для управления калмыцким народом»,[11] согласно которым управление последним передавалось из ведения Министерства иностранных дел в распоряжение Министерства внутренних дел. Следовательно, Калмыкия теперь рассматривалась царизмом как одна из внутренних областей Российской империи: она управлялась царскими чиновниками, а трудящиеся массы остались во власти нойонов и зайсангов, власть последних была несколько ограничена.

В последующие годы царское правительство продолжало урезывать права калмыцкой знати, сосредоточив управление калмыками в своих руках. 24 ноября 1834 г. было издано новое положение,[12] согласно которому в управление калмыцким народом была введена система «попечительства». Суть этой системы заключалась в том, что нойонам и зайсангам запрещалось дробить подвластные им улусы и аймаки между своими наследниками Владельцы лишались права продавать и дарить подчиненных им калмыков, хотя последние обязаны были платить повинность в пользу владельцев и зайсангов. Несколько иначе обстояло дело в казенных Багацохуровском и Эркетеневском улусах, здесь сбор с населения поступал на содержание управления калмыцким народом. Ламаистское духовенство, как и прежде, не имело права вмешиваться в светские дела, хотя были сохранены его права в отношении семейной жизни и нравов калмыцкого населения. Был утвержден твердый штат для каждого хурула.

23 апреля 1847 г. «Положение об управлении калмыцким народом» было вновь изменено.[13] Управление калмыками переходило от Министерства внутренних дел в ведомство Министерства государственных имуществ, т. е. Калмыцкая степь отдавалась во власть управляющего Астраханской губернской палатой государственных имуществ, который стал называться главным попечителем калмыцкого народа. Калмыцкий суд (зарго) был ликвидирован, все гражданские и уголовные дела должны были разбираться в русских судебных органах.

Улусами фактически управляли улусные попечители, наделенные административными и полицейскими функциями. Правда, в улусах и аймаках созывались улусные и аймачные сходы, которые соответствовали волостным и сельским сходам русских губерний. Владельцы реальной власти не имели, но сохраняли право взимать с населения налоги.

Попечители обязаны были заботиться о снабжении населения продовольствием, о расширении торговли, о медицинской помощи, а также наблюдать за его нравственным состоянием и

бытовыми условиями. Им также надлежало насаждать среди калмыков оседлость и земледелие путем предоставления льгот. Нойонам, желавшим жить оседло, отводилось по 1500 десятин земли; зайсангам, имевшим аймаки, — 400, не имевшим аймаков — 200, простым калмыкам — по 30 десятин земли.

Таким образом, царизм, русские помещики и капиталисты проводили в Калмыкии политику жестокого колониального угнетения и эксплуатации, рассматривали калмыцкий народ как объект порабощения. Совершенно другое отношение было у русского народа, всей прогрессивной России к свободолюбивым степнякам. Представители передовой русской интеллигенции внимательно и сочувственно относились к их нуждам, тщательно изучали их культуру, нравы, обычаи, свободолюбивые устремления. Великий русский поэт А. С. Пушкин писал в своем сочинении «История Пугачева», что калмыки «... верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностью от средоточения правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства...».[14] В своем труде о восстании Е. И. Пугачева и в повести «Капитанская дочка» он также отмечал активное участие калмыков и башкиров в крестьянской войне. Знаменитыми стали его обращение к калмыкам в стихотворении «Памятник», проникновенные строки стихотворного послания «Калмычке».

С большим сочувствием относился к калмыкам Н. В. Гоголь, посвятивший им специальное сочинение, где он рассказывает о географическом положении, численности населения, сословиях, в том числе о простолюдинах, образе жизни, материальной и духовной культуре, религии, фольклоре, о нравах и обычаях. Он отмечал: «Нравом калмык гостеприимен и подельчив. В обращении ровен и с богатым и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку наравне с другими... Не мстителен... Калмык способен верить чудесному и охотник до сказок. Иногда дня по три сряду слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит».[15]

Глубоко проник в Калмыцкую степь А. Ф. Писемский, который описывает степную природу, образ жизни, нравы, обычаи калмыцкого народа с гуманистических и реалистических позиций. Он пишет: «В пору юности моей, я, часто глядя на карту, представлял себе Саратов рубежом нашего обыденного, человеческого мира... а там, дальше, мне казалось, идет раздолье и приволье, среди которого кочуют дикие и воинственные племена... Теперь я сам уже несколько дней в этих степях, и — боже мой! — хоть бы на миллионную долю действительность походила на мое представление. Эти плодоносные степи, начинаясь с Каспийского мо-

ря и простираясь далее, представляют солончаковые бугры, на которых местами нет совсем никакой зелени, а если и есть, так лучше бы и не смотреть на нее: тощая, сухая, красноватая и, по пословице, трава травинку кличет... Вместо привольных вод, за исключением Волги и Кумы, текут речонки: Сарпа, Егорлыш, Маныш и другие, с солоноватой и горьковатой водой, которую пить даже невозможно... Посреди такого рода бедной обстановки природы живет и кочует целый народ, привязанный к своему быту, малознающий и не желающий другой жизни — народ этот калмыки. Монголы по происхождению, из союза четырех родов (дербен-ойратов), отделившиеся от своих соплеменников...». Устами извозчика А. Ф. Писемский отмечает что «народ дикий... а сердцем так прост... Прост: приезжай к нему теперь в кибитку хошь барин, хошь наш брат мужик, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчас тебе все поставит». И далее Писемский заключает: «...Как ни скудна и печальна жизнь этого народа, однако он... терпеливо сносит и свои нужды, и своего нойона, и своего попа, любит свой кочевой быт и склонен даже веселиться».[16]

Уважение к так называемым инородцам, правдивое изображение их жизни было традицией передового русского искусства и культуры. Оно находило свое выражение не только в произведениях поэтов и писателей, но и в сочинениях русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и др.

Калмыки привлекали внимание не только литераторов, но и русских художников-живописцев. Начиная со второй половины XVII в., к калмыцкой теме обращались такие выдающиеся представители русской живописи, как И. Аргунов, Ф. Рокотов, Д. Левицкий, И. Репин, В. Верещагин, О. Кипренский, Г. и Н. Чернецовы, И. Прянишников, П. Грузинский, Н. Дмитриев-Оренбургский и др. Они изображали женщин и мужчин разных возрастов, детей, представителей разных сословий, простых тружеников и воинов, бытовые сцены. Русские художники воспитали выдающихся художников, калмыков по происхождению — всемирно известного А. Е. Егорова, впоследствии ставшего профессором русской Академии художеств, и Ф. И. Калмыка. Известно также имя художника-калмыка Н. Н. Аберды, воспитанника Академии художеств.[17]

Много сделано русской наукой по изучению истории и культуры калмыцкого народа, особенно в XIX — начале XX в. Вспомним имена А. А. Бобровникова, К. Ф. Голстунского, В. Я. Котвича, А. М. Позднеева, И. И. Попова, Б. Я. Владимирцова и др. Они собрали и опубликовали произведения устного народного творчества, памятники права, писали историю калмыцкого народа, составляли программы, учебники, хрестоматии для калмыцких

народных школ. Нельзя обойти имена многих русских учителей и врачей, которые посвятили всю свою жизнь обучению и воспитанию калмыцкой молодежи и охране здоровья народа, среди них особенно дороги имена учителей Т. Д. Юрковой, Е. Ф. Дубянской и др., врачей С. Р. Залкинда, А. П. Цветкова, С. И. Цапко. Известный русский ученый И. И. Мечников в 1911 г. руководил экспедицией по изучению заболеваемости туберкулезом среди калмыков Астраханской губернии. Калмыки оказывали всем им посильную помощь. Например, степняки переправили А. Ф. Писемского через Волгу в период весеннего разлива, они сообщали путешественникам ценные исторические, этнографические и географические сведения. Все это способствовало расширению и укреплению русско-калмыцких культурных связей, духовному сближению народов России.

КАЛМЫЦКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Развитие капиталистических отношений

Крепостное право в Калмыкии было отменено царем 16 марта 1892 г. в интересах нойонов и зайсангов за большой выкуп. «Освобожденные» калмыки оказались в неоплатном долгу, составлявшем к 1895 г. 158150 рублей (только по шестирублевым кибиточным сборам).

Отмена крепостного права открыла новый период в истории калмыцкого народа. Капиталистические производственные отношения, созревавшие в недрах феодально-патриархального строя, получили более широкий простор для своего развития. Калмыкия хотя медленно, но неуклонно стала перестраиваться на капиталистический лад. Это находит свое выражение в классовом расслоении калмыцкой деревни. Увеличивается число разорившихся калмыков, уходивших на заработки, с одной стороны, а с другой стороны, основное богатство Калмыкии — скот сосредоточивается в руках численно небольшой эксплуататорской верхушки, что неопровержимо доказывается данными таблицы 1.*

Таблица 1

Хо-ва		Кол-во хоз-в	Всего скота	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы
Богатые	Общее число	3680	859131	20165	72563	144727	651676
	%	16,4	79,9	2,3	8,4	13,4	75,9
Бедные	Общее число	18778	215683	6063	11072	91618	104930
	%	83,6	20,1	2,8	5,2	42,9	49,1

В хозяйствах богатых калмыков, которых было в 5 раз меньше, чем хозяйств бедняков, содержалось гораздо большее поголовье животных (лошадей — более чем в 6 раз, овец — в 6, верблюдов — в 3 раза). Немногие семьи богатых калмыков фактически владели всеми пастбищами, сенокосными угодьями и водными источниками. Большинство калмыцкого народа составляли бедняки. Они все более разорялись, были вынуждены батрачить. В степи вырастала прослойка местной буржуазии, в лице знати — нойонов и зайсангов, развивавших товарное скотоводство, что

Таблица составлена по материалам работы: Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г., с. 62.

свидетельствовало, по словам В. И. Ленина, о переходе к капиталистическим формам[1] хозяйства. В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин писал: «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством».[2] В другой своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин писал: «...Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается «новая сила» — *капитал*... Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплуатации чужого труда; во-вторых, «пролетарского» крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу».[3] Развивающийся вглубь и вширь российский капитализм взрывал замкнутость и ограниченность калмыцкого скотоводческого хозяйства, втягивая его в товарно-капиталистические отношения. Калмыцкие богачи продавали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот десятками тысяч. Скот пригоняли на продажу в Калмыцкий Базар, в Черный Яр, Царицын, Астрахань, на ярмарки многих пунктов Области Войска Донского, Астраханской и Ставропольской губерний; лошадей продавали поуздечно, косяками, табунами; крупный рогатый скот — небольшими партиями из 50—100 голов, целыми стадами, овец — полусотнями и сотнями. В 1909 г. только один Икицохуровский улус продал 1551 верблюда, 2434 лошади, 7878 голов крупного рогатого скота, 37379 овец и 24 козы, всего — 49266 голов разного скота. Продавался не только скот, но и продукты скотоводства: кожа, шерсть, тулупы. По очень приблизительным данным, ежегодный сбор шерсти составлял 170—180 тыс. пудов, из них вывозилось не менее одной трети.[4] В рыночные отношения втягивались бедняки и батраки, которые были вынуждены, чтобы собрать средства на покупку пищевых и промышленных товаров, продавать не только скот, но и свою рабочую силу. Калмыкия становилась рынком сбыта промышленных товаров и источником сырья для легкой промышленности России.

В конце XIX — начале XX в. появились крупные скотопромышленники, кулаки, коннозаводчики, разводившие скот для продажи на всероссийском рынке. Князь Данзан Тундутов поставлял ежегодно в царскую армию по 600—700 верховых лошадей, каждая из которых стоила 115 руб.[5] Князь Тюмень Сербеджаб занялся разведением тонкорунных овец. В 1818 г. он имел 24 головы овец шленской породы. В 1832 г. он приобрел мериносовых

маток и производителей — всего 75 голов. Уже в 1863 г. у хошеутовского нойона было 1638 овец шленской породы и 496 мериносовых. В этом же году он получил около 140 пудов шерсти, которая была продана на месте по 6 руб. за пуд.[6] Тюмени были также крупными коннозаводчиками: они поставляли в царскую армию большое количество верховых лошадей.

Крупным землевладельцем и коннозаводчиком был и большедербетовский князь М. Гахаев, кони которого участвовали в скачках, устраивавшихся в различных губерниях Российской империи.

Все нойоны применяли в своем хозяйстве наемный труд. У них работали не только табунщики, пастухи, но и садоводы, кладовщики, повара, ключники, мастера различных дел, содержалась прислуга, часть которой, возможно, все еще была в феодальной зависимости от своего хозяина.

В Калмыкии начинают появляться относительно крупные капиталистические (товарные) хозяйства. Зайсанг Баруновского аймака Багацохуровского улуса Цебек Джал Онкоров был крупным коннозаводчиком. В 1915 г. он имел около 5 тыс. лошадей. Цаган-Убуши Леджинов располагал табунами более чем в 2 тыс. голов. Боваев, зайсанг Сальского аймака Малодербетовского улуса, согласно архивным документам 1916 г., имел 1200 лошадей. Они владели большим количеством и других видов скота. Тот же Цаган-Убуши Леджинов имел в 1916 г. 1300 голов крупного рогатого скота, овец — 2500, верблюдов — 200 голов, ежегодно сдавал в ремонт по 200 лошадей для царской кавалерии.[7] По нашим полевым материалам, зайсанг Большедербетовского улуса Опогинов имел во владении до 6000 голов скота калмыцкой породы и приобрел известность в тогдашней России как крупный скотопромышленник. Все эти факты свидетельствуют о постепенном приспособлении хозяйств калмыцких феодалов к утверждавшимся в России товарно-капиталистическим отношениям.

Случалось, что крупные скотопромышленники происходили не только из нойонов и богатых зайсангов, но из простолюдинов. Богатый калмык Эркетеневского улуса Манджи Гаряев имел 700 лошадей, 3000 овец, 170 верблюдов, 160 голов крупного рогатого скота. У Церена Бадмаева из Икицохуровского улуса в 1916 г. было до 700 голов крупного рогатого скота, 175 верблюдов и 3500 овец.[8] В 1914 г. бывший владелец Хошеутовского улуса нойон Тюмень сообщал чиновнику Министерства внутренних дел Кошкину, что среди калмыков существуют такие крупные скотоводы, как Кензеевы, Цембелевы, Убушиевы и др., скот которых «удостаивается первой премии на выставке в Ростове-на-Дону, Новочеркасске».[9]

Многочисленные кулаки-скотоводы имели по 500—700 голов

овец, по 100—250 лошадей, 100—150 голов крупного рогатого скота, 40—70 верблюдов. Это были скототорговцы, поставлявшие мясной скот на рынки юга России.

Были калмыки преуспевавшие и в области торговли. В 1914 г. в Яндыко-Мочажном улусе существовало до 10 лавок, принадлежавших небольшой группе хозяев, возглавляемых калмыком Буеевым. В Хошеутовском улусе братья Шонхоровы вели торговлю с годовым оборотом в 30—40 тыс. руб. В Манычском улусе торговлей занимались Кензеевы, торговый оборот которых достигал 100—150 тыс. руб. в год.[10]

Хурулы имели крупные скотоводческие хозяйства. Согласно данным отчета главного попечителя калмыцкого народа за 1874 г., калмыцким хурулам принадлежало 23893 головы всех видов скота.[11] В эту цифру не входит скот, который был у хурулов Большедербетовского улуса (Ставропольской губернии) и расположенных на территории Области Войска Донского.

В 1890 г. только шести хурулам принадлежало 15114 голов крупного рогатого и мелкого скота.[12] Надо отметить, что эти данные явно преуменьшены. Скота у них было намного больше, чем указано в документах. Не меньшим количеством скота располагали хурулы и в начале XX в. вплоть до начала коллективизации сельского хозяйства в СССР Хурулы были коллективными эксплуататорами трудящихся калмыков, применявшими наемный труд пастухов, чабанов, табунщиков, поваров, изготовителей кумыса. Верхушка ламаистского духовенства также относилась к господствующему классу, обогащалась за счет неравномерного распределения хурульных доходов. Бакша Цагалаевского хурула Дорджиев имел капитал в сумме 150 тыс. руб.[13] По сведениям Х. Б. Канукова, до революции некоторые ламы, бакши, зурхачи и гелюнги имели крупные хозяйства — по нескольку тысяч голов лошадей, скота, овец, верблюдов. Они строили себе роскошные дворцы (в Больших Дербетах и на Дону), приобретали автомобили, фаэтоны и ландо. Некоторые священнослужители хранили деньги в банках или отдавали мирянам взаймы под проценты. Отдельные гелюнги занимались земледелием. Бакши Сетенов (Большедербетовский улус), Буринов (донские станицы) имели пашни по 500 десятин, которые обрабатывались трудом сотен батраков, хлеб молотили паровыми молотилками. Перечисленные социальные группы относились к классу эксплуататоров, который не может «...хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян...».[14]

Несмотря на пережитки феодально-патриархального строя, сельское хозяйство все более приобретало торгово-предпринимательский характер. Породистый и упитанный скот нойонов, зайсангов и кулаков продавался по более высокой цене, чем скот ос-

тальных калмыков. Лошади трех-четырехлетнего возраста зайсанга Дондукова (Багачоносовский аймак), Кармыкова (Икичоносовский аймак) продавались по 100—130 руб., в то время как крестьянская лошадь того же возраста стоила всего 30—50 руб.[15] Богатые покупали породистых производителей из государственных конюшен для своих табунов, стад и отар как в Элисте, так и в соседних губерниях. Бедный же калмык не имел возможности улучшить породность скота. Его хозяйство оставалось экстенсивным, малопродуктивным. Ветеринарный врач, посетивший в 1900 г. Калмыцкую степь, писал, что коневодство рядовых калмыков «ведется первобытным образом — подбор маток не производится, жеребцов хорошей породы не имеется».[16]

Следовательно, главным источником дохода нойонов (их было всего три фамилии), богатых скотопромышленников и кулаков было товарное животноводство. Они поставляли скот не только на российские рынки, но и за границу. «Мраморное» мясо калмыцкого скота ценилось во Франции, Бельгии, Англии и в других странах. Скотопромышленники и нойоны держали свои деньги в банках Астрахани , Царицына, Ростова-на-Дону, Ставрополя-на-Кавказе и даже Петербурга, т. е. участвовали в банковских операциях России».[17]

Калмыкия, будучи составной частью Российской империи, находясь в окружении русских губерний, в тесном экономическом и культурном контакте с народами, идущими по пути буржуазного развития, не могла не подвергнуться «тлетворным влияниям» капитализма. Здесь уместно привести высказывание В. И. Ленина «... можно уже... открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет...».[18] Несмотря на наличие пережитков феодально-патриархальных отношений, калмыцкое общество медленно, но неуклонно наполнялось товарно-капиталистическим содержанием. В. И. Ленин говорил, что внутренний рынок зиждется на специализации отдельных районов. Он писал: «... в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. (...) В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому».[19]

Кроме крупных владельцев в степи были зажиточные, экономически крепкие кулаки, втянувшиеся в товарное хозяйство России, прибегавшие к эксплуатации чужого труда. К числу их от-

носились калмыки, имевшие свыше 50 голов крупного рогатого скота, 50—100 овец, 2—3 лошади. Количество их достигало 1329 кибитко-хозяйств.[20]

По официальным архивным документам 1926 г, кулаками считались те, кто имел более 40 голов крупного рогатого скота, Они использовали наемный труд сезонных рабочих, близких по своему положению к поденщикам, труд которых, по мнению В. И. Ленина, был непременным элементом в развитии капитализма в сельском хозяйстве.

Традиционно считалось, что калмыки, имевшие 3—7 коров, пару рабочих волов, 7—10 овец и одну лошадь, являются бедняками: они не прибегали к наемному труду. По данным литературы, бедной называлась семья, если у нее имелось 2—3 лошади, 5 голов рогатого скота и до 20 овец. Приведенный критерий относится к периоду только начавшегося приспособления калмыцкого хозяйства к характеру российского рынка, когда почти единственным источником существования абсолютного большинства калмыков был скот. В начале XX в., по сведениям 1910 г., к бедняцким относились семьи, имевшие от 5 до 20 голов крупного рогатого скота. Таких насчитывалось 13854 хозяйства.

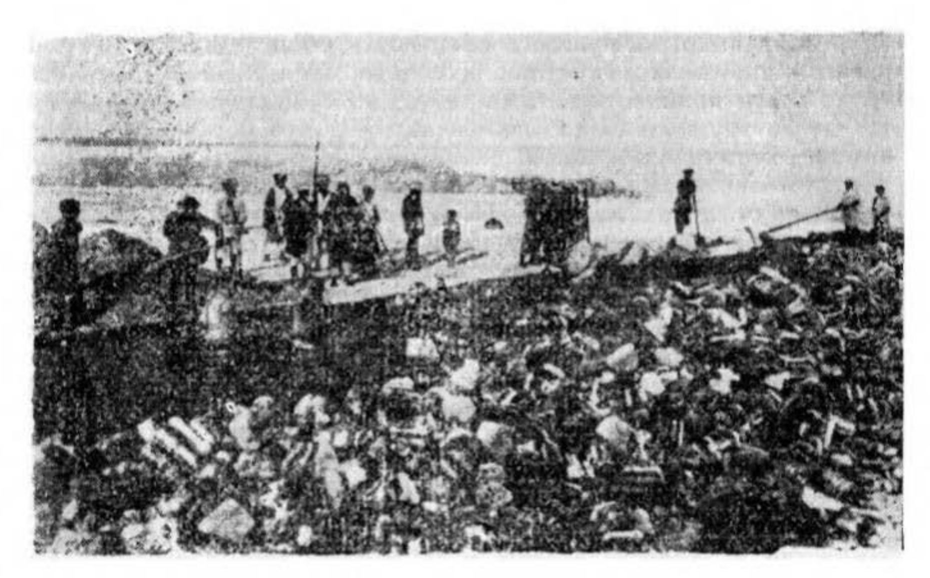
Середняками было принято считать тех, кто имел от 20 до 50 голов. Таких хозяйств было 2294.

Батраками считались те, кто имел от 1 до 5 голов крупного рогатого скота. Таких в Астраханской губернии было 2924, или 13% всех хозяйств.[21] По официальным архивным документам 1926 г., батраками считались те, кто имеют 1 или 2 головы крупного рогатого скота, бедняками — от 3 до 20, середняками — от 21 до 40, кулаками — свыше 40 голов.

Батраков, не имеющих скота, почти не было. В. И. Ленин писал: «Совершенно неимущий сельский рабочий — редкость, потому что в земледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством».[22] Это были мелкие крестьяне, обладавшие «...искусством держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей».[23]

Прямым результатом проникновения капиталистических отношений было ускорение процесса социального расслоения в калмыцком обществе. Об этом можно судить по архивным материалам. С каждым годом ухудшалось положение батрацких и маломощных бедняцких семей. В 1897 г. в рапорте попечителя калмыцкого народа сообщается о том, что «в результате тяжелой и продолжительной зимы 1895—1896 гг. разорилось более 100 семейств... Неурожайный 1897 г. ухудшил еще более положение калмыков. Рыбопромышленники не нанимали степных калмыков, не знающих русского языка... Летом 1897 года калмыки партиями человек в 11—13, после тщетных повсеместных поисков работы,

возвращались истощенные, голодные и требовали дать им какую-либо работу, объясняя, что у них нет положительно никаких средств для приобретения жизненных припасов».[24] Число калмыков, уходивших из улусов на заработки, в конце XIX — начале XX вв., не уменьшилось. В 1891 г. более 20 тыс. калмыков Астраханской губернии уходили в поисках заработка. В 1912 г., по более полным данным, на рыбных промыслах было занято 5702, на сельскохозяйственных и других работах — 1848 калмыков.[25]

Калмыки на солеломне

Положение отходников, особенно рыбопромысловых рабочих, было тяжелым, о чем можно судить по свидетельствам современников. Бывший попечитель калмыцкого народа К. Костенков писал: «Говоря о неутомимости калмыков и привычке их к работам, нельзя не заметить, что это не проходит для них даром: очень многие из них страдают страшными ревматическими болями, скорбутом (цингой — У. Э.) и т. п. болезнями».[26]

Жизненный уровень калмыцкого населения, занимавшегося рыболовством, был самым низким в России. Из 25 семей, поселившихся около Образцовского промысла Сапожникова, только одна семья имела 4 коровы, 3 семьи — по одной корове. Одна семья имела козу, остальные не имели и того. Большинство населения жило в кибитках, покрытых чаканом. Страшная бедность вынуждала работать детей 12—13-летнего возраста. Среди них

наблюдалась высокая смертность. Многие страдали дизентерией. На том же Образцовском промысле в редких семьях было по несколько детей, чаще встречались семьи бездетные. В одной семье в течение шести лет умерло десять детей.

Большая смертность наблюдалась среди промысловых рабочих, особенно мужчин. На Образцовском промысле И. А. Житецкий встретил несколько женщин в преклонном возрасте и ни одного мужчины старше 60 лет. На Воробьевском промысле (35 кибиток) был только один пожилой мужчина.[27]

Такая высокая мужская смертность объясняется тем, что на рыбных промыслах работали, в основном, мужчины, а условия труда были крайне тяжелыми, труд, по существу, не охранялся. Не менее трудным было положение тех, кто оставался в своем аймаке. Богачи прикрывали эксплуатацию бедных родственников различными видами благодеяния и покровительства. Нередко богатый калмык нанимал на работу супружескую пару. Жена выполняла всю работу по домашнему хозяйству: доила коров, готовила пищу, выкуривала араку, изготовляла и заготовляла кизяк, обрабатывала овчину, шерсть и т. д. Муж работал чабаном, пастухом или разнорабочим, за что хозяин платил им натурой: одеждой, скотом, шерстью, кошмой (часто старой), необходимой для покрытия кибитки. Батраки получали от нанимателя немного денег, на которые приобретали промышленные и продовольственные товары.

Встречались факты, когда состоятельные семьи брали на воспитание детей, родители которых умерли. Обычно это были родственники. Дети помогали своим опекунам во всем: в домашнем хозяйстве, в уходе за скотом, в заготовке сена, в строительстве теплых помещений для скота. Затем богатые «воспитатели» выдавали девушек замуж, справляли приданое, а парней женили на бедных девушках, наделяя молодых небольшим количеством скота, поголовье которого почти никогда не увеличивалось. Они фактически становились крепостными и работали на своих покровителей в течение всей жизни.

Нередко состоятельные хозяева отдавали своим бедным родственникам дойную корову или необученных диких волов во временное пользование, причем богач давал скот с осени, когда животные переходили на стойловое содержание. Хозяин выигрывал во всех отношениях: его скот круглый год содержался бесплатно, через год или два он получал обратно хорошо обученных рабочих волов.

Бедняк обращался к своему богатому родственнику за помощью, тот давал овцу, шерсть, старую кошму. При этом по всей округе распространялся слух о щедрости и доброте того, кто дал

многосемейному разорившемуся человеку овцу или оказал какую-нибудь другую помощь.[28]

Все перечисленные виды «благодеяния», покровительств и помощи были по своему экономическому содержанию своеобразной формой феодальной эксплуатации бедных богатыми скотоводами, прикрытой старыми феодально-патриархальными отношениями.

Следовательно, в Калмыкии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись многие пережитки феодально-патриархальных отношений: сословность — нойоны, зайсанги, духовенство, харчуды (простолюдины) и т. д., общинные формы землепользования, выгодные эксплуататорской верхушке, огромное влияние ламаистской религии на многие стороны жизни калмыцкого народа, приниженное положение женщин, бескультурье, невежество, почти сплошная безграмотность не только социальных низов, но и большинства представителей господствующих классов.

Мы ставим термин «феодальный» на первое место потому, что по своему характеру общественные отношения в Калмыкии были феодальными. И в то же время они были переплетены с остатками патриархальных традиций и обычаев, которые сохранились от более ранней стадии развития.

В конце XIX — начале XX вв. царская Россия, вступившая в высшую и последнюю стадию капитализма — империализм, резко усилила национально-колониальный гнет в Калмыкии. Царская администрация в лице попечителей отнимала у трудящихся калмыков землю под видом оброчной аренды, обирала народ поборами и налогами, всячески подавляла развитие национальной культуры и образования, поддерживала феодально-патриархальный гнет нойонов, зайсангов и ламаистского духовенства, которые вкупе с царизмом замедляли темпы развития и утверждение капиталистического уклада. Калмыкия оставалась сельскохозяйственным краем, в котором ведущую роль продолжало играть экстенсивное животноводство. Калмыцкое общество находилось на первой стадии развития товарного хозяйства. В ней утверждалось товарное скотоводство, цель которого состояла в разведении товарного скота и в производстве животноводческих продуктов для российского рынка. В Калмыцкой степи проявлялись все мрачные стороны капитализма: образовалась хроническая резервная армия труда. Но особенности этого этапа развития состояли в том, что прогрессивные процессы происходили под влиянием русского капитализма, который не мог существовать и развиваться без колонизации новых земель и без разрушения и втягивания близлежащих некапиталистических окраин в орбиту своего движения. Внутреннего рынка в Калмыкии не образовалось в силу экономи-

ческой и культурной отсталости и наличия многих докапиталистических пережитков. В. И. Ленин указывал, что «в России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое (как и на западе — *У. Э.*) устройство земледелия. И помещичье и крестьянское хозяйство эволюционируют именно в этом направлении. Но чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*».[29] Это последнее положение относилось и к Калмыкии, которая оставалась феодально-патриархальной окраиной России.

О формах землепользования

История землепользования у калмыков недостаточно исследована. Н. Н. Пальмов посвятил пятый том своих «Этюдов по истории приволжских калмыков» земельным делам. В нем рассматриваются взаимоотношения, возникшие в связи с проникновением русских и украинских крестьян в Калмыцкую степь. В этой работе Пальмов отметил, что калмыцкие земли составляли предмет «общественного пользования»,[30] а также сообщил об отдельных фактах выделения в частную собственность небольших земельных участков.[31] В «Очерках истории Калмыцкой АССР» обращено внимание только на взаимоотношения калмыцкого и русского населения, возникшие в связи с русской колонизацией Нижнего Поволжья, особенно в XVIII в.[32] Вопрос о формах землепользования не стал предметом специального разбора. Автор книги, опираясь на литературные данные и полевые материалы, ставит своей целью пролить свет на эту малоисследованную проблему.

Во всех документах царской администрации подчеркивается, что территория, занимаемая калмыками, отдана им во владение, пользование.

В первые десятилетия обитания калмыков на степных просторах Нижней Волги и Предкавказья не произошло особых изменений в формах землепользования. По мнению Н. Н. Пальмова, в связи с освоением низовья Волги калмыками, ногайцы, кочевавшие между Уралом и Волгой, переправились на правый волжский берег и отошли в район нынешней Ногайской степи, в результате «ногайская сторона опустела, а русское население ютилось в немногих тогдашних городах Нижнего Поволжья и вблизи них».[33]

В период, который предшествовал времени образования Калмыцкого ханства, вся пастбищная территория находилась во владении отдельных нойонов — владельцев улусов. Это было время, когда у волжских ойратов не было общего руководителя, хана. В дальнейшем, в связи с образованием зависимого от России Калмыцкого ханства, установившаяся в первые десятилетия форма землепользования начала уступать место другой форме — соб-

ственности на землю хана, который должен был копировать, по крайней мере первое время, тот общественный строй и ту форму землепользования, какие ему и господствующему классу калмыцкого общества были известны на их прежней родине. Б. Я. Владимирцов утверждает, что у монголов (включая ойратов — *У. Э.*) в XIV — XVII вв. существовала частная собственность на землю, кочевья, пастбища и различные угодья, в том числе охотничьи, т. е. вся земля принадлежала «господам и царевичам еще в XIII в. Владелец указывал, кому и где кочевать и пасти скот, а не раздавал кочевья, даже он мог объявить тот или иной район Монголии запретным для других».[34] В Джунгарии утвердилась эта же форма землепользования. Известно, что ойратский хан был номинальным собственником всех земель, находившихся в пользовании не только у ойратов, но и у всех подвластных народов и племен. Он являлся сюзереном, который распоряжался районами кочевья, раздавал их не только сыновьям, подвластным нойонам — владельцам улусов, зайсангам — владельцам аймаков, но и чужеплеменникам. Об этом свидетельствуют следующие исторические факты. «В октябре 1748 г. убийца одного из казахских ханов Абулхаира султан Барак из боязни кровного мщения откочевал к границам Средней Азии и отправил владельцу Джунгарского ханства нарочных с просьбой, чтобы тот принял его (Барака) под свою протекцию и показал бы ему место, где кочевать».[35]

Эти соображения подтверждаются данными из истории калмыков. Н. Н. Пальмов отмечал, что «полнота власти над народом сосредоточилась в руках хана: тайши должны были оказывать ему повиновение всегда и во всем».[36] П. Небольсин писал: «Тайша был правителем целого поколения, называющегося «тангачи» и разделявшегося на улусы. Лучшим и обширнейшим улусом тайша (читай: хан — *У. Э.*) заведовал сам непосредственно, а менее обширные раздавал в управление и в кормление сыновьям и братьям».[37] В основе этих отношений лежала узурпация обширной собственности на землю, пастбища и луга феодальной аристократией во главе с ханом, превращение их в свою собственность, а непосредственных производителей (скотоводов) в класс феодально-зависимых — «албату», прикрепление их к определенным кочевьям — пастбищам, превращенным в монопольную собственность хана, а также зависимых от него нойона и зайсанга. В «Монголо-ойратских законах 1640 года» сказано: «Кто в заповедном месте князей будет потреблять диких коз, с того взять десяток с верблюдом во главе».[38] Ниже говорится: «Человек, перешедший от другого владельца, возвращается в место своего (прежнего) жительства с тем (имуществом), с каким пришел».[39] «Аюк-хан беспощадно расправлялся с подвластными, не останавливался перед вооруженным нападением на тех, кто уходил са-

мовольно на Дон или Урал, а также на поселения крещеных калмыков».[40] Вместе с тем калмыцкие ханы всячески оберегали занятые калмыками земли от любых покушений со стороны других народов. Достаточно вспомнить жалобу Убуши-хана, приехавшего в Астрахань 20 сентября 1765 г., губернатору И. А. Бекетову.[41] Н. Н. Пальмов писал, что калмыцкие «земли не относились к казенному земельному фонду,— они составляли по точному смыслу указа от 27 сентября 1800 г. собственность калмыцкого народа в его целом...». «Поэтому-то правительство (царское — *У. Э.*) относилось к ним раньше не без осторожности, и передачи их в пользование русского крестьянства и киргизов производились... обходным путем».[42] Русский царь объявил себя верховным собственником калмыцких земель на том основании, что он стал преемником калмыцкого хана, титул и ханство которого были ликвидированы в 1771 г. Этим объясняется осторожный подход, о котором говорит Н. Н. Пальмов.

Уход в 1771 г. большей части калмыков обратно в Джунгарию имел не только большие политические последствия — ликвидацию Калмыцкого ханства, представлявшего собой государственность калмыков, но и значительные изменения в земельных вопросах. Н. Н. Пальмов писал: «Калмыки лишились защиты своих прав вследствие упразднения национальной власти... Захватчикам открывался простор действия даже в тех ограниченных районах калмыцких кочевий, где теперь группировались остатки прежних больших улусов».[43] На самом деле по распоряжению царской администрации с каждым годом калмыцкие пастбищные территории уменьшались. С 1787 по 1796 гг. было роздано помещикам 145487 десятин удобной и 670014 десятин неудобной калмыцкой земли, на которые было переселено 11 тысяч крепостных и государственных крестьян.[44]

В XIX в. усилилась колонизаторская политика царизма и сложились более сложные формы землепользования. Одним из проявлений колонизаторской политики царского правительства были так называемые оброчные статьи, введенные правилами от 23 февраля 1837 г., где говорится: «Калмыцкому народу принадлежащие земли... дозволяется отдавать в оброчное содержание всем инородцам и прочим людям для скотоводства, хлебопашества и сенокошения... Деньги, поступающие за содержание оброчных калмыцких степей, суть принадлежность улусов и определяются на пособие разоренным несчастными случаями калмыкам покупкою для них рогатого скота».[45] В результате проведения в жизнь правил об оброчных статьях к 1885 г. было изъято из калмыцких пастбищ и сенокосных угодий не менее 705581 десятины земли,[46] что привело к сокращению пастбищных пространств и подрыву кормовой базы калмыцкого скотоводства. Площадь об-

рочных статей увеличивалась легально и нелегально. Н. Н. Пальмов писал, что «русское крестьянство, в первую очередь кулачество, внедрялось в калмыцкие оброчные статьи, захватывало подходящие для себя участки и устраивалось на них по своему усмотрению».[47]

Оброчные статьи приносили значительный доход калмыцкому капиталу. В 1885 г. по этим статьям поступило 24002 руб., в 1907 г. доход с них составил 57124 руб., а в 1913 г. поступило 171175 руб.[48] На какие цели израсходованы эти средства, неизвестно. Только одно ясно: торги на земле калмыцких оброчных статей открывали широкие возможности для злоупотреблений со стороны аймачных и улусных чиновников царской администрации.

В селах с русским и украинским населением, возникших на территории Калмыкии, сложилась примерно такая же форма землепользования, какая утвердилась у калмыков Астраханской губернии. Пастбища стравливались сообща, правда, крестьяне обрабатывали одни и те же земельные участки под пашни из года в год, хотя они официально не принадлежали ни одному из земледельцев, косили траву там, где была их пашня.

После отмены крепостного права в Калмыкии, согласно съемке 1892 г., калмыки Астраханской губернии занимали 560212703 десятины удобной и 512207921 десятину неудобной земли, всего 1072420624 десятины без земли оброчных статей и без десятиверстной приволжской полосы. Вся эта территория считалась распределенной между восьмью улусами, внутри улусов — между аймаками. Однако точных границ между ними обнаружить не удалось, за исключением Малодербетовского и Манычского улусов, между которыми соблюдались установленные в 1892 г. границы. Эти границы (как между улусами, так и аймаками) проходили по буграм, балкам, отдельным урочищам и курганам, и ими руководствовались при перекочевках.

Вся калмыцкая земля в пределах Астраханской губернии юридически находилась в общинном пользовании аймаков и анги.[49] Землей распоряжались аймачные сходы (или сходы анги в Абганеровском аймаке Малодербетовского улуса). Решением общего собрания можно было сдать какую-то ее часть (пастбища, сенокосные угодья и т. д.) во временную аренду. И. А. Житецкий пишет, что хотоны Ивана Бережнова и Чиликова (по-видимому, это крещеные калмыки) Ульдючиновского аймака Манычского улуса, не имея орудий труда и рабочего скота, отдавали землю в аренду русским, располагающим волами и сельскохозяйственным инвентарем. То же самое делали калмыки поселка Червленого Северного аймака Малодербетовского улуса. Они сдавали русским и татарам в аренду участки около пруда под огороды, а сами уходили ежегодно на заработки в колонию Сарепту[50] (те-

перь южная часть г. Волгограда). Подобные факты встречались в Нойнахинском анги Абганеровского аймака. Члены этой сельской общины решением своего схода сдавали отдельные участки земли русским крестьянам села Киселево Черноярского уезда на лето, а арендаторы убирали сено на арендованном участке или использовали его под пашню или пастбище. Все приведенные выше факты свидетельствуют о том, что фактически владельцем земли были аймаки и анги (в Абганеровском аймаке). Общинная форма землепользования была характерна для калмыков Астраханской губернии.

На рубеже XIX — XX вв. у рядовых калмыков стали возникать начальные формы частной собственности на землю, в основе которой лежало владение пахотной землей. Эта очень незрелая форма «собственности» на пахотную землю имела место в Малодербетовском и Манычском улусах. Распаханные под зерновые культуры огороды, занятые садами земли оставались по существу общинными, но другие калмыки не предъявляли на них каких-либо претензий, пока эти участки продолжали обрабатываться тем или иным калмыком-земледельцем. По-видимому, так было и в других улусах. Например, в Калмыцком Базаре, расположенном выше Астрахани на 8 км одни и те же хозяева продолжали занимать одни и те же участки земли, хотя эти участки за ними не были закреплены и их фактическими хозяевами не куплены.

К началу второй половины XIX в. относится возникновение в Калмыкии частной собственности на отдельные земельные участки. Калмыцкие феодалы узурпируют пастбища, сенокосные угодья и плодородные земли. Нойоны вступали в сговор с царской администрацией, в результате чего им удавалось совершать земельные захваты. В 1862 г. владелец Малодербетовского улуса Тундутов получил два земельных участка в северной части этого улуса, один из которых находился в урочищах Аржанец и Лапшино — площадью в 2553 десятины и 100 кв. саженей, а второй участок был расположен в урочище Солянка (более 60 десятин). В 1885 г. калмыки Оргакинского аймака манычской части Малодербетовского улуса отвели нойону Тундутову 500 десятин земли в урочище Бурата, где впоследствии он поставил дом со службами.[51] Кроме того, он имел владение на территории Амта-Бургуста, где расположен в настоящее время районный центр Приозерного района — поселок Советское. Ему же принадлежали пастбища в урочище Зоста (на территории современного совхоза им. А. Ч. Чапчаева), а также в районе пос. Червленое и на речке Тингута.

Зайсанг Кирипов получил в собственность в урочище Шара-Далинг (далнг — *У. Э.*) более 1198 десятин земли. В долине реч-

ки Тингута некоему Джаджиеву был отведен земельный участок в размере 10 десятин.[52] По архивным документам и полевым материалам известны факты отведения отдельным калмыкам земельных участков, что мотивировалось их переходом на оседлость.

Владельцы Хошеутовского улуса имели крупные земельные участки в виде дач, приобретенных ими для совместного пользования с хошеутовскими калмыками. Но постепенно потомки Тюменей стали рассматривать эти земли как свои собственные. По своему усмотрению они сдавали их русским кулакам в аренду. Эти земельные захваты сокращали пастбища и сенокосные угодья, что приводило к дальнейшему усилению социального расслоения в аймаках и резкому усугублению без того тяжелого положения простых калмыков. На этой почве возникло известное в истории «Шамбайское дело» — крестьянское движение в Хошеутовском улусе, длившееся с 1904 г. вплоть до начала первой мировой войны.[53]

Были отдельные случаи приобретения ламаистскими монахами права иметь земельную собственность. Лама Багацохуровского улуса Орчи получил в свое монопольное владение 3100 десятин удобной и 16500 десятин неудобной земли между казачьими станицами Копановской и Ветлянинской, по обоим берегам Волги и р. Ахтубы. После его смерти это владение было передано хурулу в постоянное пользование.[54]

Крупным земельным собственником был нойон Большедербетовского улуса Гахаев. Его земли располагались в районе с. Башанты (ныне г. Городовиковск). В 1905 г. этот владелец арендовал у калмыков своего улуса 40 тыс. десятин земли, обязуясь платить им по 50 коп. за десятину. Эту землю он в свою очередь сдал субарендаторам — русским кулакам по 5 рублей за десятину, нажив, таким образом, 180 тыс. рублей чистой прибыли. О грабительском характере аренды, практиковавшейся князем Гахаевым, говорит жалоба калмыков того же улуса, поданная ими в 1910 г. чиновнику Министерства внутренних дел. В ней изложено следующее: «Умерший нойон Гахаев десятки лет почти даром арендовал громадные пространства, наживая на наших землях сотни тысяч рублей; с его смертью мы думали вздохнуть свободно, но теперь его жена, несмотря на то, что ей одной после мужа осталось 3000 десятин, все-таки нас обирает и не хочет нам платить долгов своего мужа».[55]

Таким образом, со второй половины XIX в. владельцы улусов, отдельные зайсанги и состоятельные калмыки начали проявлять заинтересованность в личном владении богатыми пастбищами, покосами и плодородными землями, которые использовались ими под посевы, сады и огороды. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции нойоны и зайсанги имели огромные

площади земель, передававшихся по наследству и неприкосновенных для других.

Если в улусах Астраханской губернии продолжала существовать общинная форма землепользования, то в оседлом Большедербетовском улусе обрабатываемая под пашню земля была распределена между калмыцкими хозяйствами, которые использовали участки по своему усмотрению. Отдельные калмыки могли сдавать свои наделы в аренду. Н. Бурдуков писал, что калмыки не обеспеченные сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом, сдавали свои паи за долю урожая крестьянам сел Медвежьего, Красной Поляны, Преградного, Тахты, Сандаты и Яшалты, а также колонистам — немцам.[56]

В Калмыкии земля не была предметом купли и продажи Н. Н. Пальмов утверждает, что «фактов продажи земель в Калмыкии нет».[57] Полученные калмыками Большедербетовского улуса земли не являлись их собственностью, они были даны в постоянное пользование, а пастбища использовались гражданами аймака сообща, сенокосные угодья распределялись по жеребьевке, после уборки травы они поступали в общее стравливание.

Донские калмыки-казаки были составной частью казачьих войск России, в распоряжении которых находились большие земельные массивы. Согласно положению, утвержденному царем в 1896 г., для казачьих станиц отводилось по 30 десятин земельных угодий на каждую мужскую душу,[58] начиная с 17-летнего возраста, на правах общинной собственности. В названном выше положении говорилось, что «земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность».[59] В. И. Ленин видел в этой форме землепользования ее крепостническое происхождение. Он писал: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ...»[60] Далее он утверждал, что поразительная раздробленность мелких производителей «...была неизбежным следствием патриархального земледелия...», которое обусловило «...старинные формы хозяйства и жизни с их вековой неподвижностью и рутиной...».[61] Следовательно, общинное устройство казачьих станиц тормозило развитие производительных сил, консервировало патриархальные черты калмыцкого казачьего быта, убеждало казаков, что они являются временными владельцами своих наделов. Каждый казак-станичник использовал земельный надел по своему усмотрению. Он мог сдать его в аренду тем, кто нуждался в земле.

Таким образом, в процессе развития в Калмыкии капиталистических отношений, в результате последовательного осуществления царизмом колониальной политики возникали довольно разнообразные переходные формы землепользования, от общинной до частной капиталистической собственности. В кочевых скотоводческих улусах вплоть до Октябрьской революции сохранялись общинные формы землепользования. В полуоседлых улусах, хотя общинная форма землепользования была господствующей, сложилась начальная форма частного владения землей, в основе которой лежало неоспаривавшееся, никем не писанное, неприкосновенное право земледельца на сохранение обрабатываемой им земли до тех пор, пока он ее не забросит. В оседлом Большедербетовском улусе утвердилась надельная форма землепользования, в основе которой лежало владение пахотной землей. Для всех калмыцких улусов (кроме казачьих станиц) характерны ежегодные переделы сенокосных угодий по жребию между хозяйствами (особенно эта форма бытовала в западных улусах). В центральной части степи имело место право сильного, т. е. право косить сено, где угодно. Нойоны, богатые зайсанги, скотопромышленники и кулаки, сосредоточившие в своих руках основную массу скота, фактически владели пастбищами, водными источниками, сенокосными угодьями, закрепленными юридически за аймаками и анги. Им была выгодна общинная форма землепользования.

Административная реформа 1910 г. Начало проникновения революционных идей в Калмыкию

После реформы 1892 г. нойоны и зайсанги остались господствующим классом не только в области экономической, но и в области политической. Эта титулованная верхушка калмыцкого общества продолжала участвовать в управлении калмыцким народом и представлять его в Петербурге. Депутатом I Государственной думы от калмыцкого народа был избран Церен-Давид Тундутов. В 1907 г. на выборах в царскую думу боролись за депутатское место нойон Хошеутовского улуса Тюмень, зайсанг тукчиновского анги Арлуев и гелюнг Кармыков, сын спекулянта-торговца скотом, крупнейшего скотопромышленника, зайсанга Икичоносовского аймака Манычского улуса.[62] Социальной верхушке выгодно было держать калмыков забитыми, темными, верными феодально-патриархальным традициям.

Калмыцкий народ был лишен всяких прав, в том числе политических. Практически он даже не имел права жаловаться на произвол царских чиновников, нойонов, зайсангов и богачей. Избирательная система была недемократичной. На сход собирались старшины, старосты и один представитель от каждых 10 киби-

ток.[63] Не было на этом сходе ни одного представителя трудящихся.

В конце XIX или в начале XX вв. Астраханскую губернию посетил князь В. П. Мещерский. До нас дошел его дневник, в котором он писал о жизни простолюдинов-калмыков. «Оказывается, что пока крепостное состояние успело совсем забыться, как предание, на Руси, и все русские подданные пользуются правом свободного человека, то... единственные русские подданные, лишенные этого права и закабаленные под безграничную власть своих местных попечителей,— это калмыки. Оказывается, что они не имеют права собираться, рассуждать ни о своих нуждах, ни своих страданиях, оказывается, они не только не имеют права обращаться с молениями к Русскому царю, но если они придут в дом своего министра, то швейцар имеет право сказать: «Ступайте прочь, вы не имеете права ни лично, ни через поверенных приходить сюда, просить или жаловаться, на то у вас есть местные попечители».[64]

Земская, судебная, военная и другие реформы, проведенные в 60—70 гг. XIX в. вслед за отменой крепостного права, не коснулись калмыков. Между тем, система управления калмыками не отвечала интересам русского царизма, стремившегося укрепить свое господство над калмыками и усилить их колониальную эксплуатацию. Согласно циркулярному письму министра внутренних дел от 13 июня 1909 г., на территориях улусов Астраханской губернии насчитывалось 230 аймаков, некоторые из них состояли из нескольких десятков кибиток. Калмыки, оказавшиеся по различным причинам на территории чужого улуса или аймака, образовали особые общества и не подчинялись местным властям.[65] В 1910 г. была проведена реформа аймачных управлений с целью отстранить зайсангов и «родовых» старшин от власти, ослабить сохранившиеся пережитки родовых начал, утвердить единую систему управления подвластными калмыками, близкую той, какая установилась в России после 1861 г.

Согласно положению были созданы 38 аймаков вместо 230, существовавших до 1910 г., во главе с выборным старшиной, избиравшимся на аймачном сходе; в каждый аймак входило примерно 2000 кибиток (хозяйств, семей), расположенных по соседству или близко кочевавших. В результате этой реформы был нанесен удар по пережиткам родового строя. Аймаки теперь формировались по территориальному признаку. В каждом аймачном управлении вводилась должность писаря. Вся переписка велась на русском языке.

Но такая выборность позволяла влиятельным богачам захватить в свои руки аймачное управление или в крайнем случае поставить во главе аймака своего, угодного зайсангам, скотопро-

мышленникам и кулакам, старшину. Таким образом, выборная система аймачных старшин узаконила реальную власть господствовавшего тогда в калмыцком обществе класса, служившего верой и правдой царизму. В результате происходило сращивание местной аристократии с колониально-чиновничьим аппаратом царской администрации и вливание части калмыцкой аристократии в состав общероссийской.

Реформа аймачных управлений была одной из буржуазных реформ, проведенных царизмом после отмены крепостного права. Калмыки приравнивались к сельским обывателям остальной России, по крайней мере формально, но при этом законодательно закреплялось колониальное положение Калмыкии в интересах русских помещиков и буржуазии.

Согласившись с ликвидацией сверху ряда отживших феодально-сословных и патриархальных институтов, нойоны и зайсанги добивались новых политических прав и нужных им привилегий. Они выступали за вступление в казачество с тем, чтобы сохранить для себя обширные пастбища, препятствовать все усиливавшемуся расхищению калмыцких земель русскими скотопромышленниками и кулаками, а также царской администрацией, отнимавшей у калмыков наиболее удобные для земледелия и пастбища земельные угодья под видом оброчных статей, сдававшихся с торга царской администрацией.

В докладной записке, поданной в 1914 г. на имя чиновника Министерства внутренних дел Кошкина, хошеутовский нойон Тюмень сообщает о расхищении калмыцких земель и необходимости принятия мер, направленных на «защиту интересов трудового народа». Под флагом защиты народных интересов в 1906 г. выступали в Большедербетовском улусе.

Как и в других национальных окраинах России, в Калмыкии, особенно с конца XIX в., усилилось движение интеллигенции и народных масс за просвещение. В 1907 г. в среде донского учительства возникло общество «Хальмг тангчин туг» во главе со студентом Улановым,[66] сыном богатого донского калмыка. Позднее в это общество вступили народные учителя Х. Б. Кануков, Лялин и др. Таким образом, в деятельности этого культурно-просветительного общества наряду с умеренными националистами из богатой верхушки донских калмыков, прикрывавшими свои эгоистические требования народными интересами, участвовали и представители демократически настроенной, крайне малочисленной в то время национальной интеллигенции.

В период первой русской революции 1905—1907 гг. усилилось влияние революционно-демократических идей на учащуюся и грамотную часть калмыцкой молодежи, что убедительно доказывается рядом исторических фактов. Известный калмыцкий поли-

тический деятель и писатель А. М. Амур-Санан в юности настойчиво приобретал знания путем чтения произведений русских писателей, создавал личную библиотеку. Он писал: «Библиотека моя выросла до тысячи томов. Книги я выписывал от Вольфа, Сытина и других издательств». Более того, благодаря знакомству с дочерью русского журналиста Соколова Софьей Александровной, состоявшей членом социал-демократической партии, он прочитал «Коммунистический манифест».[67]

Это был не единичный случай. В Ставропольском краевом государственном архиве было обнаружено сообщение ставропольского губернатора о том, что 8 декабря 1912 г. у политически неблагонадежного безаймачного зайсанга Большедербетовского улуса А. М. Михайлова-Идэрова найдены книги. По-видимому, необходимо более внимательное изучение деятельности А. М. Михайлова-Идэрова, которого губернская администрация обвиняла в недозволенной деятельности и в хранении запрещенной литературы, в том числе марксистской.

Нельзя считать случайным волнение калмыцкой молодежи, обучавшейся в астраханских учебных заведениях, о котором сообщала большевистская газета «Искра» 15 мая 1903 г. Слушатель Астраханской мужской гимназии выходец из Бага-Бухусов Малодербетовского улуса Степан Мучулаев был исключен из гимназии за связь с революционными организациями. Калмыцкие учащиеся и студенты пели «Марсельезу». В 1904—1908 гг. на квартире учителя Мацака Будаева были обнаружены жандармами две книги: «Женщина и социализм» Августа Бебеля, «Социализм и социальное движение» Вернера Зомбарта, отдельные сочинения французского философа Жан-Жака Руссо, тетрадь с записью революционных песен, в том числе «Марсельезы».[68]

Член КПСС с 1918 г., бывший военный комиссар Калмыцкой автономной области А. Г Маслов рассказывал автору этой работы, как он возвращался на летние каникулы через уездный город Черный Яр и ставку Малодербетовского улуса. По пути заехал к гражданину Ики-Манлан (возможно, Ики-Бухус), сын которого по имени Му-Цаганов учился в Петербургском университете, затем заболел туберкулезом легких и умер. От сына осталась небольшая библиотека. «Отец покойного,— рассказывал А. Г Маслов, — подарил мне одну книгу, которая оказалась знаменитой работой Карла Маркса «Капитал». С этой книгой я зашел к попечителю Малодербетовского улуса с просьбой отправить меня домой в Абганеровский аймак на почтовых лошадях. Попечитель взял эту книгу, обругал меня и не возвратил».

Подвергались преследованию со стороны полиции учащиеся Казанской инородческой гимназии А. Ч. Чапчаев, К. Д. Никитин, последний был сослан в Астраханскую губернию под надзор

полиции, а А. Ч. Чапчаев остался в гимназии благодаря протекции архимандрита Гурия.

Одним из профессиональных революционеров из среды калмыцкого народа был Н. А. Хасаков (из оренбургских калмыков-казаков), отдавший всю свою жизнь делу борьбы за социальное и национальное освобождение эксплуатируемых и угнетенных классов. Вплоть до Февральской революции он подвергался преследованию со стороны царизма за революционную пропаганду, богохуление «и за оскорбление его императорского величества». Судили его неоднократно в Казани, Астрахани, в Верхнеуральске, Харькове и Оренбурге. В 1919 г. Н. А. Хасаков пал смертью храбрых в боях с японскими захватчиками под городом Балаганском Иркутской губернии.[69]

В среду калмыцкой молодежи начала проникать социал-демократическая и марксистская литература, хотя осмысленной пропаганды марксистского учения не было. Для этого не было никаких условий. Отсутствовала какая-либо организованная партийная группа. Народ, отсталый во всех областях, был рассеян в ра ных губерниях. Поэтому проникшие в среду передовой молодежи из Петербурга, Астрахани, Казани, Ростова-на-Дону и Ставрополя революционно-демократические идеи не доходили до народных масс, оставались локальными, изолированными от трудящихся.

Этот период национального движения калмыков характеризуется известным единством, отсутствием каких-либо политических распрей и борьбы. Явление это можно объяснить фактическим господством феодально-патриархальных элементов, крайне медленным процессом разрушения национальных форм хозяйства, сравнительно слабым вызреванием буржуазных отношений и колониальным режимом, тормозившим или насильственно задерживавшим рост национальных окраин империи, в том числе Калмыкии. Однако следует указать на то, что в национальном движении калмыцкого народа в канун Октябрьской революции постепенно обозначились два течения. Одно из них возглавлялось нойонами, богатыми зайсангами, скотопромышленниками и ламаистским духовенством,* искавшими соглашения с царизмом. Другое — демократическое крыло, подвергшееся влиянию передовой общественной мысли, вело калмыцкое общество по революционно-демократическому пути, к союзу с рабочим классом и революционным крестьянством России, с трудящимися массами всех угнетенных ее народов.**

---

* Оно возглавлялось нойонами Д. Д. Тундутовым, Тюменями, мелкобуржуазной интеллигенцией: Н. Очировым, С. Б. Баяновым, Улановым и т. д.

** Демократическое крыло руководилось А. Ч. Чапчаевым, Х. Б. Кануковым, А. М. Амур-Сананом и др.

Вопреки политике царизма, направленной на изоляцию национального движения от революционного движения русского рабочего класса, несмотря на национально-колониальное угнетение происходил процесс экономического сближения Калмыкии с общероссийской экономикой, обогащения национальной культуры под влиянием прогрессивной культуры русского народа и других народов России, создавались условия для совместной борьбы трудящихся калмыков, русского рабочего класса и всех трудящихся России против общих врагов — царизма, помещиков, буржуазии нойонов, зайсангов, скотопромышленников и ламаистского духовенства.

ХОЗЯЙСТВО

Скотоводство

Скотоводство в хозяйстве калмыков в течение многих веков играло ведущую роль. Однако нет ни одной работы, посвященной этой отрасли экономики. Почти все исследователи ограничивались только тем, что указывали на кочевое скотоводство как на главную отрасль калмыцкого хозяйства, перечисляли виды скота и приводили некоторые сведения о численности поголовья. Поэтому система ведения скотоводческого хозяйства оставалась неизученной. В этой главе автор пытается воссоздать основные черты калмыцкого скотоводческого хозяйства конца XIX — начала XX вв.

Географические условия оказали большое влияние на направление хозяйственной жизни калмыцкого народа. Обширные степные пространства Приволжья, Дона и Северного Предкавказья с их роскошными лугами и тучными пастбищами благоприятствовали скотоводческому хозяйству. Несмотря на большие потери, случавшиеся при каждом стихийном бедствии и эпизоотии, у калмыков всегда был скот, обеспечивавший население молоком, мясом, шерстью и сырьем для домашнего производства и ремесел. Об этом можно судить по нижеследующим цифровым данным: всех видов скота в 1803 г. было 1232808 голов, в 1863 г. — 1090588, в 1909 г. — 1073897 и в 1913 г. — 965981 голова.

Официальные данные не отражали действительного количества скота, которым располагали калмыки. Следует отметить также, что цифровые материалы, которыми пользуются исследователи, относятся только к калмыкам Астраханской губернии. По мнению Номто Очирова, судить по официальным данным об увеличении или сокращении калмыцкого скотоводства невозможно, ибо богатые калмыки всегда скрывали количество своего скота, стремясь уменьшить сумму налога и число повинностей, исчислявшихся тогда, исходя из количества скота. Пересчитать многочисленные табуны лошадей и стада овец не было никакой возможности, а указать точное количество путем расспроса соседей трудно.

Массовое разведение скота было возможно при условии содержания его на подножном корму. Для большого количества скота, которое имели калмыки, нужны были обширные незаселенные пространства, пригодные для летних и зимних пастбищ. По мнению Л. П. Потапова, для содержания одной головы скота в зимнее время требуется примерно 8—10 га естественных пастбищ среднего качества[1] Пригодные для пастьбы участки не всег-

да находились рядом. Поэтому калмыки совершали периодические перекочевки с места на место со стадами не только летом но и в остальное время года. Судя по данным, относящимся еще к XVIII в., зимой они останавливались на Черных землях (Хара газар) П. С. Паллас пишет, «что калмыки со стадами своими зимою кочуют в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря, но всегда в некотором отдалении от реки Яика, при которой тогда кочуют киргизы (казахи — У Э.)... При Каспийском море имеют они довольно камышу для употребления вместо дров, и снегу там выпадает столь мало, что скотина сама находит себе корм на полях. По наступлении весны подаются они помалу северу и стараются в то время, когда Волга уберется в свои берега и оставляет в лощинах богатый корм, сыскать холмистые и ключами обильные места в средней степи».[2]

Академик И. И. Лепехин (XVIII в.) сообщает о том, что современные ему калмыки много «...содержат скота, и в зиму для оного ничем не запасаются, к чему служат их привольные и обширные степи, лежащие между Уралом и Волгой, начиная от Каспийского моря даже до Самарской линии. Степь сия служит им обиталищем в летнее время, а в осень перебираются за Волгу, где кочуют по Кубанской степи, начиная от самой Волги даже до реки Кумы, а вверх до царицынской линии».[3]

Перегон скота на Черные земли и обратно происходил по строго установленному маршруту, по местам, где имелись сочные травы и хорошие водопои.

Переход многочисленного стада затрудняли переправы через водные преграды, в частности через Волгу, при которых гибли животные, особенно молодняк. Поэтому в приволжских улусах организации переправ уделялось большое внимание. Судя по сведениям середины XIX в., переправа через Волгу происходила в тихую погоду так: «Калмыки приготовляют для этого собственные дощанки, на которые вводят верблюдов, коров, овец и маленьких жеребят и переправляют на противоположный берег; что же касается конных табунов, то их косяки вместе с подросшими уже жеребятами, двухгодовалыми и третьяками, пускают через реку вплавь... Дети и жены перебираются по реке на дощанках или на лодках, которые перетаскивают из одной реки в другую волоком, по гривкам, не залитым водой».[4] Калмыки, как и монголы, сооружали для переправы через реку плоты из связок камыша, к которым прикреплялись надутые воздухом цельные шкуры овец и крупного рогатого скота. Молодые мужчины переправлялись вплавь, придерживаясь за хвост или за седло плывущей лошади. В конце XIX в. Черные земли продолжали служить зимним пастбищем. И. Житецкий писал: «Всякое, более или менее крупное скотоводческое хозяйство степей с востока от берегов

Волги, с северо-востока Эргенских гор, стягивается к зиме на так называемые «Черные земли», где сгруппируется со всех концов степи огромное количество скота со всеми пастушескими хотонами, а на лето весь этот скот расходится по разным углам степи.»[5] Начиная с XVIII в. Черные земли постоянно использовались для зимнего выпаса скота.

Калмыки междуречья Волги и Дона постепенно выработали определенный порядок чередования пастбищ, методы и приемы выпаса скота. Они имели постоянные зимовки, откуда население уходило на весенние и летние пастбища. В Хошеутовском улусе калмыки проводили осень и зиму на правом нагорном берегу Волги, занимая пастбища, простиравшиеся на юге до современного п. Нарын Худук, а ранней весной они переправлялись на левый волжский берег, где были богатые луга. Скотоводы Эркетеневского улуса зимовали вблизи Состинских озер, в Мочагах, преимущественно в районе Белого озера, где находилась зимняя ставка улуса, а летом они уходили на северо-запад и располагались вблизи худуков (колодцев): Балбарха, Меклета, Адык, Санзыр, Яшкуль и вплоть до балки Элиста. Население Икицохуровского улуса зимовало около Можарской соляной заставы: по ильменям и разливам р. Кумы, а после 1860 г., когда, согласно новой границе, к Ставропольской губернии отошли лучшие земли, оно располагалось на зиму близ озера Яшкуль, вокруг Состинских озер и по долине Восточного Маныча. Летом этот улус кочевал около озера Джамтыр или Шара-Олгота, далее к северу до озера Цаган-Нур и по балкам восточного склона Ергеней.

«Кочевники Харахусо-Эрдниевского улуса занимали земли для пастбищ к востоку от Икицохуровского улуса вплоть до берегов р. Волги, а в зиму проводили по займищам р. Волги и в Мочагах: часть их оставалась в степи около худуков. Калмыки Багацохуровского улуса зимовали большей частью на луговой стороне р. Волги, в ее займищах и на волжских островах, покрытых кустарниками и лесом; летом они переходили на правый нагорный берег, где кочевали между русскими казачьими станицами Ветлянской и Копановской, в урочище Кюрягин-Боро или Эмчин-Боро. Население Яндыко-Мочажного улуса оставалось в течение всего года по берегам ильменей, заливов волжской дельты и на западном берегу Каспийского моря, за исключением скотоводов Багутовского аймака, остававшихся постоянно в степи».[6]

Такие же переходы (цоволгон) совершали калмыки Малодербетовского. Большедербетовского улусов и Области Войска Донского. Бывший в детстве пастухом О. И. Городовиков писал: «Кочевье — это вечная погоня за кормом для скота. Весной он (скотовод) гонит свое стадо на пастбище на север, где и проводит с ним [illegible] лето до поздней осени, здесь много корма для скота.

К зиме степь становится суровой. На ее открытых просторах разгуливают ветры. Трава за лето выгорает, и скоту нечем питаться. Надо подаваться на юг, где еще есть трава, и кочевник начинает перекочевывать к Манычу, и дальше, к низовьям Терека и Кумы». Сообщения об этом мы находим и в трудах других авторов.[7]

Радиус кочевок был невелик. В зависимости от состояния пастбищ он колебался в пределах 7—18 км. Только перегоны скота на зимние пастбища были большими — до 200 км (Черные земли).

Но не все калмыки пользовались Черными землями. Бедные и даже зажиточные семьи в Малодербетовском улусе проводили весну, лето и значительную часть осени в пределах Ергенинской возвышенности. Известно, например, что скотоводы, жившие на территории нынешнего Чапаевского сельсовета Малодербетовского района, снимались с зимовок, расположенных вокруг озера Хан, и уходили со своими стадами на запад, занимая своими кочевьями верховья рек Сал и Онт, а также часть территории современных Садовского и Уманцевского сельсоветов. Скотоводы Абганеровского аймака (нынешнего Приозерного района) проводили зимовку у подножья Ергеней, известного под названием Салвру, откуда ранней весной уходили в горные части с тем, чтобы сохранить от потравы свои зимние пастбища. Благодаря такому традиционному порядку стравливания, пастбища получали отдых в течение нескольких месяцев и были всегда в хорошем состоянии.

Большинство калмыцкого населения почти до начала второй трети XIX в. не строило помещений и не вело заготовку кормов для скота. По традиции, на зиму калмыки выбирали более низкие места — в балках, лощинах, котловинах на берегах Сарпинских и других озер, а также у рек Маныч и Кума, в камышовых зарослях, где скот был защищен от холодных ветров и степных буранов. О. И. Городовиков рассказывает, что «среди камышовых зарослей в любую погоду можно было легко укрыть овец, куда пастух, табунщик и чабан торопились загнать свои стада во время зимних буранов, где овцы сбиваются в кучу»,[8] тогда как рогатый скот и лошади пасутся, беспрерывно бродя в камышах, не отрываясь от стада, друг от друга. Во время снежных бурь которые нередко заставали стада на открытых степных просторах, скот, сбившись в кучу, двигался по ветру, а пастух всеми силами старался чтобы ни одно животное не отстало от стада, и направлял их до ближайшего естественного укрытия.

У калмыков веками складывалось неписаное правило тебеневки для домашних животных в период выпадения глубоких снегов. Вперед пускали табуны лошадей, которые разгребали копытами снежный покров, поедая верхушки трав, за ними следо-

вал крупный рогатый скот, а затем шли овцы и козы, съедавшие траву до корней.

В степях Калмыкии часто бывали суровые зимы. Глубокие снега, гололедицы и порожденная ими бескормица наносили огромный урон калмыцкому скотоводству. Костенков писал: «Ежегодно гибнет у калмыков по нескольку тысяч голов скота от болезней, шурганов и бескормицы, только в страшную зиму 1798 г. погибло более полумиллиона голов скота».[9] Не успев оправиться от этой тяжелой потери, в начале тридцатых годов прошлого столетия калмыки снова лишились почти половины своих стад. Посетивший тогда Калмыцкую степь профессор Казанского университета А. В. Попов приводит официальные данные, извлеченные из архива Управления калмыцким народом[10] (табл. 2)

Таблица 2.

Годы	Всего скота	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы
1827	803035	45985	160910	124690	459036	12693
1837	245447	7377	19024	33308	168999	6739

В течение десяти лет, 1827 по 1837 гг. (произошло резкое снижение поголовья скота. В 1833 г. из-за гололедицы и связанной с ней бескормицы скот был изнурен, вспыхнули эпизоотии, вследствие чего в одном только Малодербетовском улусе погибло 13025 лошадей, 2881 верблюд, 44218 овец и коз и 13900 голов крупного рогатого скота. Потери скота в других улусах были также исключительно велики.[11]

Подобные катастрофические потери, очевидно, явились причиной появления калмыцкой поговорки: «Чтоб убить богатыря; достаточно одной пули, а разорить богача — одной стоянки» (зимней).

Массовый падеж скота в течение короткого времени, с одной стороны, и пример соседнего русского населения, у которого скотоводческое хозяйство меньше зависело от случайностей, — с другой, привели к тому, что в традиционном ведении кочевого скотоводческого хозяйства произошли большие изменения. Так, с 30-х гг. XIX в. калмыки начали заниматься сенокошением и заготовлять на зиму сено, чтобы во время бескормицы подкармливать скот. В литературе отмечено, что после 1833 г. в Малодербетовском улусе многие калмыки занимаются сенокосами и запасают на зиму столько кормов, что их хватает не только на период зимовки, но даже остается избыток. В Хошеутовском улусе на зиму заготовлялось около трех миллионов снопов сена разного веса, но не менее 7 фунтов каждый. По словам П. Небольсина, в XIX в. многие калмыки связывали заготовленное сено в

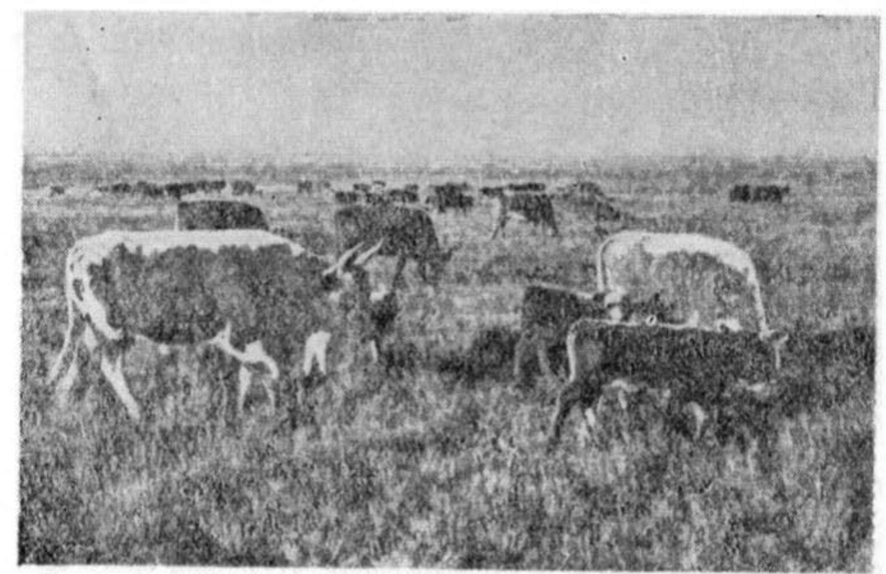
снопы, которые складывались в стога, состоявшие из 1000 снопов. Если же их было более тысячи, то эта кладка называлась ометом.[12] По данным 1909 г., все хозяйства Калмыцкой степи уже имели запасы кормов: сена — 9086844 пуда, камыша — 923106 и соломы — 677015 пудов (всего 10686964 пуда). Причем наибольшие запасы были сделаны в Манычском (2997632), Малодербетовском (2737978) и Икицохуровском (1493760) улусах.

Мужчины косили сено обыкновенными русскими косами (литовками), которые назывались у калмыков «шалга» («хаджи»). Скошенное сено сгребалось при помощи деревянных граблей («маджур») Калмыки жали траву для кормления мелкого скота неподалеку от хотона серпами («хадур»). В первой четверти XX в. в богатых хозяйствах вошли в употребление сенокосилки, конные грабли, которые приобретали в собственность или брали у русского населения напрокат. В 1908 г. в Икицохуровском улусе у богатых калмыков было уже 22—27 сенокосилок. Заготовленные корма подвозили летом к зимним стоянкам и складывали в скирды. Пользование сенокосами не было урегулировано законом. И нередко оно было основано на праве сильного, вследствие чего лучшими сенокосными угодьями пользовались только богачи.

В 1897 г попечитель Эркетеневского улуса писал: «...косить травы можно было на любом месте степи».[13] При таких условиях беднякам доставались самые худшие неурожайные сенокосы. Несколько иным был порядок в Малодербетовском и Манычском улусах, где номинально существовало паевое деление сенокосных угодий.[14] В этих улусах избранная на общем сельском сходе комиссия делила сенокосные угодья по жеребьевке, исходя из количества и качества луговых трав. Однако и здесь лучшие покосы оказывались в руках богатеев. Видимо, это явление отражало общий процесс развития кочевых народов. Подобные факты перехода к стойловому содержанию скота имели место в Туве.[15]

Крупный рогатый скот больше нуждается в стойловом содержании, так как он не может добывать себе корм даже из-под незначительного снежного покрова, молодняк требует продолжительного и внимательного ухода.

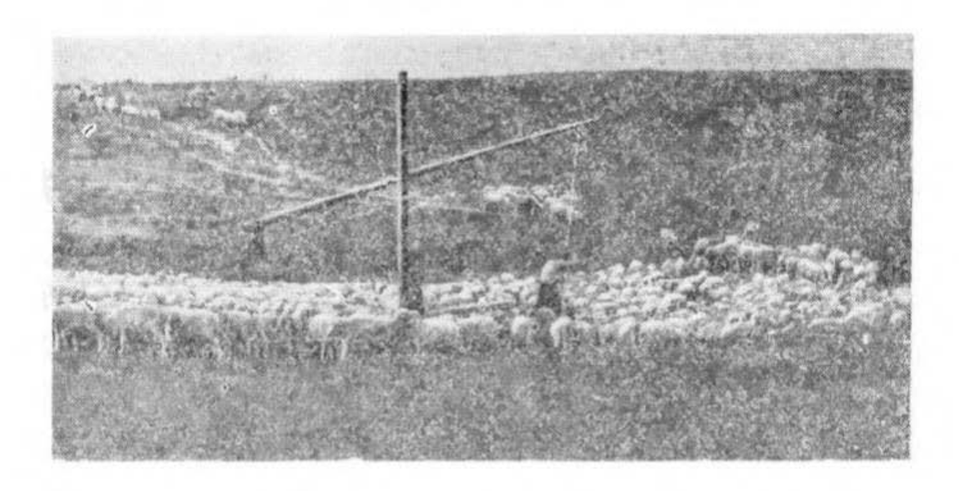
Крупный рогатый скот пасся стадами вольно, без специальных пастухов, а телята под присмотром детей выгонялись в противоположную от выпаса коров сторону. К вечеру коровы по необходимости сами приходили к стоянкам. Осенью калмыкам часто приходилось верхом на лошади отправляться за скотом и подгонять его к жилью. В зимнее время (в XX в.) крупный рогатый скот держали в открытых холодных загонах, а молодняк — в крытых помещениях. Телят и дойных коров подкармливали лучшим

Скот калмыцкой породы на пастбище

сеном, отделив их от остального стада, особенно на ночь; в полуоседлых улусах их загоняли в зимнее время в теплое помещение. В снежную зиму скотоводы делали из сугробов валы вокруг загонов, чем создавалось некоторое затишье. За высокими снежными заборами животные спасались от холодных ветров. Корм давали скоту прямо на землю, под ноги. В местах, где не было рек и проток, поили скот из глубоких колодцев, возле которых обычно стоял вкопанный в землю журавль, но иногда доставали воду ведрами вручную. В ергенинских улусах поили скот из речек или родников, а в июле и августе — из копаней. Весной скот довольствовался талой водой, которая стекала с высоких мест в низины, балки, озера. Летом и осенью поили скот три раза, а зимой — два раза, утром и вечером. После дождя в степи образовывались лужи («цандыг»), которые также нередко использовались для водопоя.

Важнейшей отраслью скотоводческого хозяйства калмыков было разведение крупного рогатого скота. О количестве его можно судить по нижеследующим цифрам. В 1863 г. калмыки имели 143345 голов.[16] в 1909 г.—206363, в 1916 г.—252581 голову скота.[17] Более 70 процентов этого поголовья было сосредоточено в Ергенях и приергенинской низменности, особенно в Малодербетовском и Манычском улусах. Здесь находилось 59,6 процента всего количества крупного рогатого скота калмыцкой породы.

Овцы на одопое

Быстрый рост поголовья крупного рогатого скота, конечно, не был случайностью. Будучи важнейшим источником благосостояния в условиях степи, скот, кроме того, стал пользоваться все растущим спросом на всероссийском рынке и за границей. Особенно ценилось так называемое «мраморное» мясо.

Несмотря на неблагоприятные условия содержания, калмыцкая порода скота была признана одной из лучших в России. По сведениям Оренбургского научно-исследовательского института молочно-мясного скотоводства, хозяйств Сальского округа и записям племенных книг довоенного времени калмыцкий скот имел весьма хорошие показатели: живой вес импортной коровы шортгорнской породы равнялся 373,5 кг, казахской — около 350, калмыцкой — 425 кг. Рекордные экземпляры достигали даже 655 — 776 кг. Вес туши составлял 393—463, сала —51—67 кг [18].

Эти положительные качества скота калмыцкой породы обусловили довольно широкое распространение его в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.

Калмыцкий скот отличается высокими рабочими качествами. К. Костенков и другие авторы писали, что «русские чумаки и земледельцы всегда отдавали предпочтение неприхотливым относительно корма и водопоев выносливым калмыцким быкам».[19] Поэтому можно считать, что калмыцкий скот был преимущественно мясо-рабочего направления.

Несмотря на пастбищное содержание и отсутствие какой-либо подкормки ,суточный удой с новотельной коровы колебался от 6 до 15 литров. Жирность молока достигала 4,2—4,8%,[20] что

еще сильнее подчеркивает ценность животных этой породы. По данным Калмыцкой зоотехнической станции, 10 калмыцких коров показали среднегодовой удой от 876 до 2180 кг.[21] Трудно найти другую породу, которая могла бы так хорошо оплачивать скудный и грубый корм, какой давался скоту калмыцкой породы. Малейшее улучшение условий содержания приводило к заметному увеличению среднесуточного привеса молодняка.

Калмыцкая порода скота сохранена и улучшена многовековым кропотливым и повседневным трудом калмыцкого народа.

Одной из главных отраслей калмыцкого скотоводческого хозяйства было овцеводство. Овцы составляли до 70,6% всего скота. Так если в 1803 г калмыки имели 767398 овец,[22] то в 1863 г. их поголовье составило 803941, т. е. на каждую душу населения приходилось почти по 7 овец.[23] Правда, к 1913 г количество овец уменьшилось до 709470 голов.[24] По-видимому, это было следствием большого забоя овец в те годы. Только в одном Икицохуровском улусе в 1909 г было продано и заколото 62825 овец.[25]

В большом количестве разводили овец в Малодербетовском, Манычском и Икицохуровском улусах, где было сосредоточено 59,1% всего поголовья дореволюционной Калмыкии.[26]

Наиболее распространенной породой была калмыцкая курдючная овца. Характерные признаки ее — высокорослость и большая голова с повислыми ушами. Длинные ноги делали калмыцких овец способными к передвижениям на большие расстояния и тебеневке на степных просторах. Именно поэтому их разводили в условиях кочевого и полукочевого скотоводства. Это были овцы мясного направления. Живой вес курдючной овцы составлял 4—6 пудов, а иногда более 7 пудов. Вкусовые качества калмыцкой баранины чрезвычайно высоки. Ценным продуктом являлось и сало (от 25 до 50 фунтов с туши)[27] Шерсть овец калмыцкой породы длинная, толстая, грубая и вьющаяся. Стригли овец два раза в год (в начале лета и осенью), предварительно выкупав в глубокой проточной воде. Если поблизости ее не было, овец обмывали водой из колодцев. При летней стрижке с каждой овцы получали 3—5 фунтов шерсти. Осенняя шерсть ценилась выше, чем летняя: она короче и мягче. Поэтому осенняя шерсть, как правило, шла на удовлетворение собственных хозяйственных нужд, тогда как летняя поступала в продажу.

Наряду с овцами калмыцкой породы (в связи с проникновением в Калмыкию товарно-денежных отношений) богатые калмыки в большом количестве начали разводить овец других пород.[28] По официальным данным, в 1886 г. у астраханских калмыков было 3057 тонкорунных овец,[29] но в 1891 г их количество уменьшилось до 2100 голов.[30] Кроме того, калмыки разводили волошских овец с широким хвостом и белой шерстью и так назы-

ваемых «русских» овец длинно-тощехвостой породы. В 1863 г. в Хошеутовском улусе, например, насчитывалось волошских овец около 900 голов.[31]

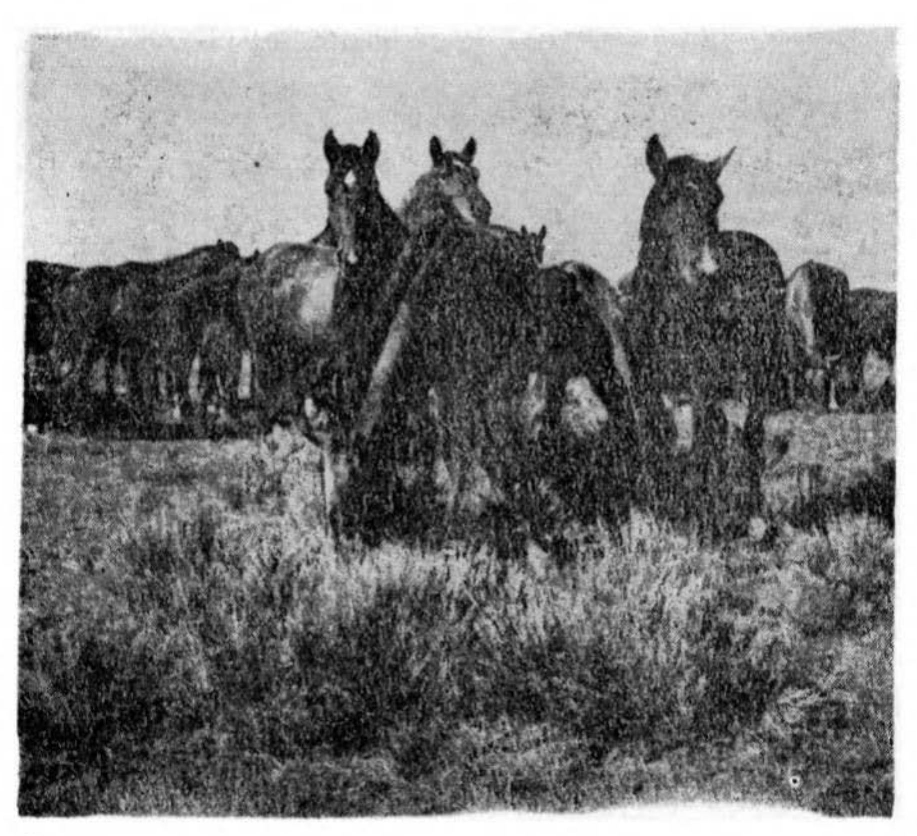
Количество тонкорунных овец неуклонно увеличивалось с каждым годом. В 1904 г на территории Большедербетовского улуса было 74794 головы тонкорунных овец.[32] В 1912 г. астраханские калмыки имели 23088 голов тонкорунных овец.[33]

Разведение мериносов связано, несомненно, с развитием товарного скотоводства, со стремлением богатых скотоводов к производству шерсти на продажу.

Из всех видов скота мелкий рогатый скот, особенно овцы калмыцкой породы, лучше всего приспособлены к существованию на подножном корму. Они находили его там, где не могут найти прочие виды домашних животных, добывали себе пропитание даже при наличии значительного снежного покрова. Неприхотлив и молодняк. Так, например, ягнята после окота требуют лишь двух-трехдневного ухода, а затем могут свободно передвигаться за отарой. Следует отметить, что калмыцкие овцы, в отличие от крупного рогатого скота, находились под постоянным надзором чабанов не далее 4—6 км от жилищ, к вечеру их пригоняли к стоянке, в жаркое время года — на водопой.

Начиная со второй половины XIX в., зимой овец стали содержать в крытых загонах — саманных катухах, никогда не убиравшихся крытых помещениях с недостаточной вентиляцией и плохим освещением. В этих катухах под ногами животных накапливался к весне слой помета, который использовался как топливо.

Коз калмыки держали очень мало, это было отмечено Палласом еще в XVIII в.[34] Цифровые данные подтверждают это наблюдение. В 1827 г., например, коз было 13144. В 1844 г. общее поголовье коз равнялось 35694,[35] в 1863 г. уменьшилось до 12712, что составляло 1,1% общего поголовья всех видов скота.[36] По официальным данным, поголовье коз в 1891 г. увеличилось до 13573.[37] В статистических данных начала XX в. нет сведений о поголовье коз. Такая малочисленность коз в Калмыцкой степи объясняется плохим качеством козьего мяса и малым весом туши. Козья шерсть и шкура почти не употреблялись в хозяйственных целях. В снежную зиму козы плохо выдерживали тебеневку. Коз разводили чаще в бедняцких и батрацких хозяйствах ради молока и приплода, так как козы быстро размножались. Ежегодно уже в годовалом возрасте они приносили по козленку, иногда по 2 и более. Коз пасли в одном стаде с овцами хотона или поселка: в бедных хозяйствах они находились рядом с поселениями под присмотром детей. Зимой их помещали вместе с овцами или телятами, кормили сеном.

Табун в степи

Видное место в калмыцком крестьянском хозяйстве принадлежало лошади, необходимой прежде всего для верховой езды. Огромные степные просторы легко преодолевались на коне. В нем нуждался пастух в условиях полукочевого и кочевого скотоводства. Калмыки использовали лошадей как упряжное животное для езды на телеге, при перевозке грузов. Кроме того, лошадь давала мясо, молоко, конский волос, из которого калмычки изготовляли прочные веревки. Конская шкура шла на изготовление кожаной посуды, различных ремней, конской, воловьей и верблюжьей сбруи, из жил делали нитки. Поэтому каждый калмык стремился иметь лошадь, причем бедняк предпочитал содержать кобылицу, которая являлась не только средством передвижения, но и обеспечивала потребности семьи в молоке и приносила приплод.

В конце XIX — начале XX вв. у многих скотопромышленников были огромные табуны, предназначенные для продажи казне, т. е. для снабжения кавалерийских частей царской армии. Князь Д. Д. Тундутов на комплектование драгунских и других полков царской армии ежегодно направлял по 600—700 лошадей. Коневодство было ведущей отраслью товарного направления лишь в хозяйствах немногих богачей. Так, в 1909 г. 6 хозяйств владели 76,6% всех лошадей.[38]

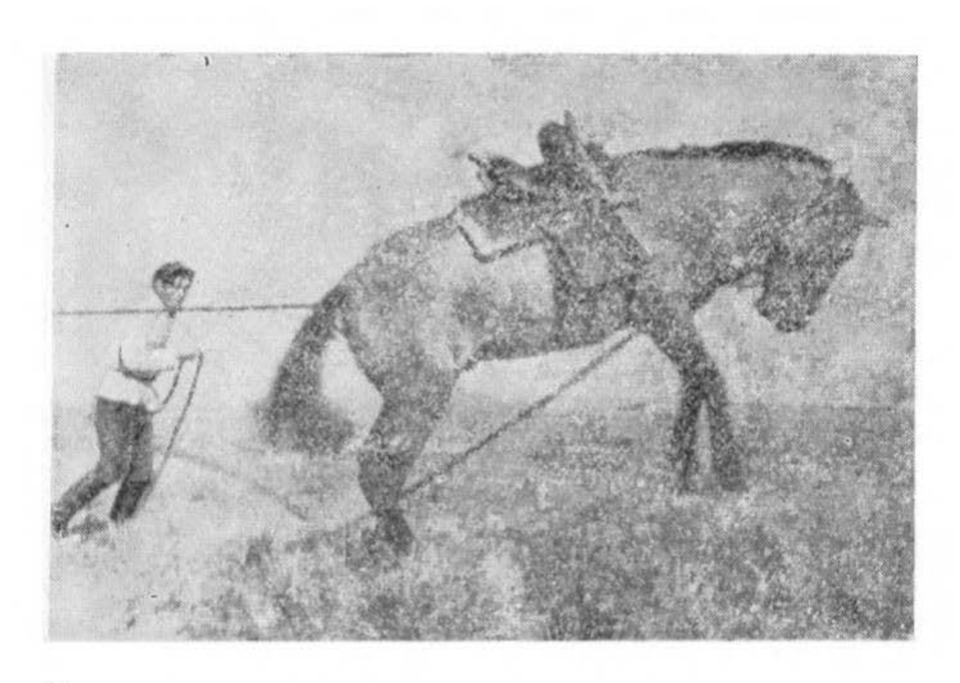
Коневодство в Калмыкии на протяжении ряда веков оставалось одной из ведущих отраслей хозяйства. Обратимся к цифровым данным прошлого. В 1803 г. на 1232808 голов животных приходилось 238330 лошадей, или 19,3%,[39] в 1863 г. поголовье последних составляло 114690,[40] в 1916 г. в связи с резким увеличением торговли лошадьми для военных нужд их количество уменьшилось до 87037 голов.[41]

В основе калмыцкой породы были лошади, приведенные предками калмыков в Россию в начале XVII в. Они упомянуты во второй половине XVIII в. П. С. Палласом.[42] Позже наиболее крупные и лучшие экземпляры калмыцкой лошади подвергались скрещиванию с породными типами верховых лошадей: башкирской, казахской, кабардинской, донской, англо-арабской и орловской. В Элисте существовала государственная конюшня племенных жеребцов, которых брали коннозаводчики для улучшения породы своих лошадей. Хороших производителей для своих животных стремились достать и богатые и рядовые калмыки. В этом выражалась забота большей части населения об улучшении породы.

В течение всего года лошади паслись табунами на подножном корму под присмотром табунщиков, бродя круглые сутки по степи. Правда, в начале XX в., при больших снегопадах, те, у кого было немного лошадей, подкармливали их хорошим, доброкачественным сеном. Верховых и рабочих животных подкармливали сеном, смешанным с ржаной мукой, овсом и ячменем. Такую заботу о лошадях проявляли в скотоводческо-земледельческих хозяйствах Малодербетовского, Манычского, Большедербетовского улусов и у донских калмыков. Во всех остальных улусах, где земледелием занимались мало, лошади находились круглый год на подножном корму.

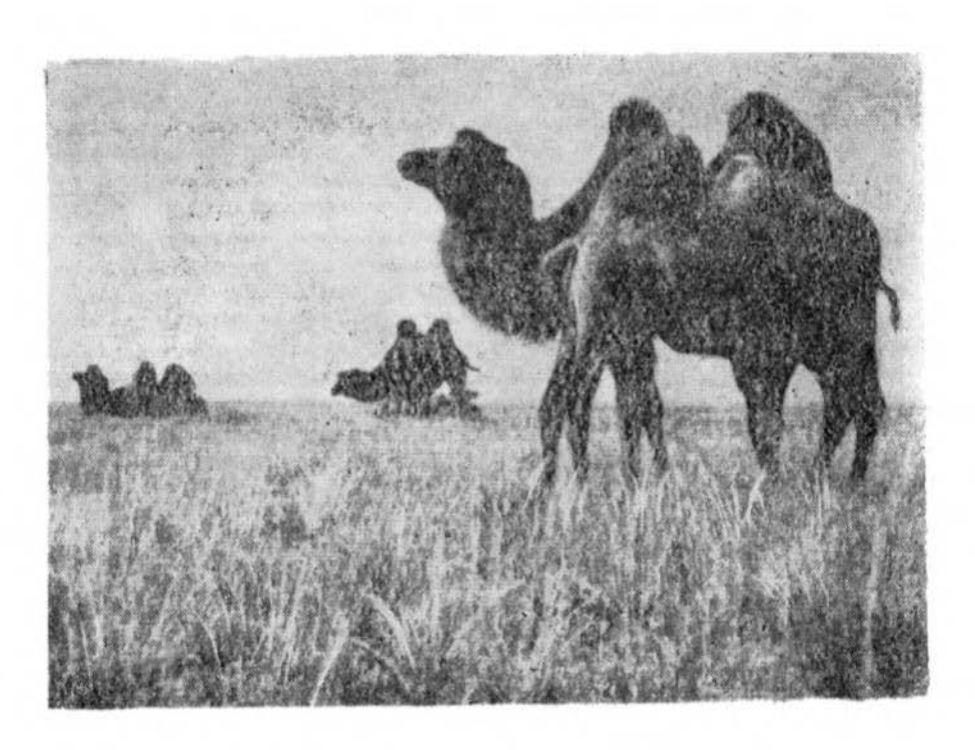
В бедняцких и середняцких хозяйствах вышеназванных улусов и на Дону лошадей на ночь переводили в теплое крытое или полукрытое помещение, сено давали под ноги или в ясли, сделанные из досок, камыша.

Значительную роль в калмыцком хозяйстве играли двугорбые верблюды. Они употреблялись для верховой езды и в транспортных целях. Наличие у них двух горбов облегчало верховую езду. Они давали много мяса, которое использовалось в пищу,

Обучение неука

особенно зимой. Из их шкуры изготовлялась кожаная посуда, различные ремни и сбруя рабочих животных. Верблюды давали хозяевам молоко и шерсть, из которой делали нитки, веревки. Излишки шерсти продавали государству, производившему закупку в связи с введением в царской армии форменных башлыков из верблюжьей шерсти. Шерсть снимается у верблюдов в конце мая или в июне в период их линьки способом простого обирания. Стрижка производилась очень редко. За неимением цифровых материалов конца XIX — начала XX вв. приведем данные начала второй половины XIX в. В 1863 г. калмыками Астраханской губернии было снято верблюжьей шерсти до 7 тыс. пудов, из которой третья часть была продана государству, а остальное израсходовано для собственного употребления.[43] Калмыки поставляли верблюдов в царскую армию, где их использовали в обозах. В период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. царским правительством было куплено у калмыков для 2-й действующей в Молдавии армии 1000 верблюдов с войлочными попонами и полным снаряжением для вьюков и 300 верблюдов для транспорта кавказского отдельного корпуса. В 1840 и 1854 гг. калмыки поставили в царскую армию новые партии верблюдов.[44]

Верблюды на пастбище

По нескольку верблюдов держали в середняцких хозяйствах, очень редко держали верблюдов бедняки, и в основном для транспорта, ради получения молока и шерсти. Верблюды как транспортные животные могли использоваться в более тяжелых природных условиях (в пустынях, полупустынях и сухих степях) Они довольствуются самой скудной пищей, поедают разнообразную растительность, в том числе солянку, полынь, кустарники, колючки, могут пить всякую воду — соленую, застоявшуюся, испорченную и даже обходиться без воды в течение нескольких дней. Однако они требуют большего, по сравнению с другими видами скота, ухода, не могут добывать себе из-под снега корм в условиях холодной и снежной зимы. В этот период их приходится держать в попонах и подкармливать. Поэтому верблюдоводство приносило значительно меньший доход, чем остальные отрасли животноводства.

Верблюды размножаются весьма медленно — матка носит детеныша тринадцать месяцев и, как правило, приносит одного верблюжонка в два года. Появляется он на свет совершенно бес-

помощным, требует специального и заботливого ухода. Калмыки ухаживали за верблюжатами, как за детьми. Во всех улусах летом верблюды паслись круглые сутки в степи без всякой охраны, вблизи населенных пунктов. В жаркие дни они сами приходили на водопой. На ночь хозяева по очереди пригоняли их, обычно этим занимались подростки. Богатые скотоводы нанимали людей, которым поручали пасти стадо верблюдов. Верблюдоводство получило значительное развитие у русского населения соседних с Калмыкией сел и деревень Области Войска Донского, Астраханской, Саратовской и Ставропольской губерний.

В целом состав калмыцкого скота примерно такой же, как у других кочевых народов.[46]

Под влиянием соседнего русского населения калмыки начали разводить свиней и домашнюю птицу. Свиноводства как самостоятельной отрасли хозяйства у калмыков не было. Однако имеются данные, указывающие на наличие свиней у калмыков Астраханской губернии. В 1841 г у них была 281 свинья, в 1842 г.— 351, 1843 г.— 659, а в 1844 г. количество свиней уменьшилось до 337 голов, в 1879 г их стало 436.[47] В 1904 г. калмыки Большедербетовского улуса имели 1295 голов свиней,[48] у астраханских калмыков поголовье свиней продолжало падать. В 1912 г. их насчитывалось 260 голов.[49]

Птицеводство никогда в прошлом не играло сколько-нибудь заметной роли в хозяйстве. Некоторые калмыки держали домашнюю птицу, прежде всего кур, таких же, как у соседнего русского населения. Как свиньи, так и куры содержались без особого присмотра и ухода.

С проникновением элементов капитализма в Калмыкию и в связи с переходом к оседлости и полуоседлости происходит изменение в структуре калмыцкого скота, что видно из таблицы 3.

Из данных, приведенных в таблице 3, можно сделать ряд выводов: во-первых, во второй половине XIX — начале XX вв. несколько стабилизировалось общее поголовье скота. Если в 1863 г. всего скота было 1090588 голов, то в 1909 г.— 10748114, что по-видимому объясняется переходом калмыков к оседлому и полуоседлому образу жизни. Они стали заготовлять корм на зиму, вводить стойловое содержание животных. Во всех улусах, расположенных по Ергенинской возвышенности, по берегам Волги и Каспийского моря, имелись животноводческие помещения (открытый хлев для крупного скота и крытые катухи для мелкого скота) и сложенное в скирды сено. Согласно полевым материалам, даже в кочевых улусах встречались зимние стоянки, состоявшие из открытых, иногда крытых построек, заготовленного на зиму запаса сена, возле которых зимой калмыки ставили свои кибитки. Запасы сена были довольно значительны. По данным

Таблица 3.

Годы	Всего скота	Верблюды		Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы		Козы		Свиньи	
		гол.	%	гол.	%	гол.	%	гол.	%	гол.	%	гол.	%
803	1232808	60452	4,9	238330	19,33	166628	13,52	737398	62,25	—	—	—	—
1837	235421	7377	3,13	19024	8,08	33308	14,15	168999	71,78	6733	2,86	—	—
1842	663259	30834	4,65	11746	1,77	96743	14,59	509495	76,81	14090	2,13	351	0,05
18[illegible]4	955124	18161	1,90	46769	4,90	128246	1[illegible],42	725917	76,00	35694	3,74	337	0,04
1863	10[illegible]0588	16900	1,55	114690	10,52	143345	13,14	802941	73,62	12712	1,27	—	—
1909	1074814	26228	2,44	83635	7,78	20[illegible]345	19,20	758606	70,58	—	—	—	—

Таблица 4

Улус	Вид занятий	Всего хозяйств	Всего скота	Верблюды		Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы	
				гол.	%	гол.	%	гол.	%	гол.	%
Малодербетовский	скотоводство земледелие	5263	210043	1836	0,9	15748	7,5	61184	29,1	131216	68,2
Манычский	скотоводство земледелие	3041	225581	3491	1,6	13163	5,8	55122	24,4	153815	68,2
Икицохуровский	скотоводство	2108	228357	7658	3,4	23679	10,4	24941	10,9	172079	75,3
Харахусовский	скотоводство	1220	96925	4624	4,8	5798	6,0	9306	9,5	77197	79.7

1909 г., полученным путем подворного обследования, для содержания действительного количества скота требовалось корма 13446190О пудов,[51] фактически было заготовлено 10686964 пуда разных видов корма.[2] В отдельных аймаках и улусах корм скоту заготовляли в достаточном количестве. В Малодербетовском улусе, по данным 1909 г., в каждом хозяйстве было кормовых запасов в пудах: в Северном аймаке — 465, в западных — 414, в Абганеровском — 721, в восточных — 682, в центральных — 388, в Приволжском — 458, в пос. Кегульта — 264 и по улусу — 520. Иначе говоря, на одну голову скота приходилось кормовых запасов: в Северном аймаке — 31, в западных — 27, в Абганеровском — 45, в восточных — 30, в центральных — 29, в Приволжском — 40, по улусу—35 пудов.[53] По ныне существующим нормам на одну условную овцу требуется 200 кг, т. е. 12 пудов грубого корма. Следовательно, можно считать, что скот Малодербетовского улуса был вполне обеспечен кормовыми запасами для успешного проведения зимовки.

В отдельных хозяйствах были излишки, которые продавались на сторону В Малодербетовском улусе восточные аймаки продавали сено калмыкам западных аймаков и населению соседних русских сел, а отдельные калмыки принимали на зиму скот соседнего русского населения. Нередко встречались скирды сена, оставленные после зимовки в качестве запаса. По сообщению экспедиции 1909 г., в общем количестве кормов большое место занимали неиспользованные остатки от предыдущих лет. В 1908 г. в Маныческом улусе они составляли 43,6% от общего количества заготовленного корма.[54] Даже в кочевых улусах обнаруживались остатки сена от прошлых лет. В том же 1909 г. в Харахусовском улусе осталось от предыдущих зим 53246 пудов сена, в Багацохуровском этот остаток составил до 40% всего заготовленного на 1909 г. запаса корма.[55]

Таким образом, во-первых, оседлый и полуоседлый образ жизни и стойловое содержание скота в течение зимних месяцев, несомненно, оказали благоприятное воздействие на сохранение поголовья.

Во-вторых, произошли заметные изменения в структуре калмыцкого скота. С 1803 по 1909 г уменьшилось количество верблюдов с 60453 до 26228, составляя 2,44% стада вместо 4,9; число лошадей за это же время сократилось с 238330 голов до 83635, то есть до 7,8%. В то же время поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 39617 голов, т. е. с 13,5% до 18,2%, а количество овец осталось примерно на уровне начала XIX в. Таким образом, увеличилось количество крупного рогатого скота, связанного с оседлым образом жизни и товарно-капиталистическим хозяйством России, и сократилось число лошадей и верблюдов,

характерных для кочевого скотоводства, основанного на подножном корму. Эта тенденция хорошо прослеживается на материалах двух скотоводческо-земледельческих и двух чисто скотоводческих улусов (табл. 4).[56]

Увеличение удельного веса крупного рогатого скота и уменьшение верблюдов в общем поголовье сельскохозяйственных животных характерно не только для Калмыкии, но и для всех кочевых скотоводческих народов России, вступивших на путь капиталистического развития и переходивших к полуоседлому и оседлому образу жизни. Например, у алтайцев также преобладающую роль в хозяйстве играл крупный рогатый скот. Эту тенденцию в развитии скотоводства горных алтайцев Л. П. Потапов склонен объяснить тем, что крупный рогатый скот, маралы и овцы связаны с товарным производством.[57] По мнению Ф. Фиельструпа, у оседлых казахов-бедняков, живших по течению Эмбы, крупный рогатый скот являлся основой хозяйства; также в стадах полуоседлых племен тама и алимов крупному рогатому скоту принадлежало первое место, за ним шли овцы, лошади, последнее место занимали верблюды.[58]

Из приведенных фактов видно, что сокращение поголовья верблюдов наблюдается именно в оседлых и полуоседлых улусах, где скотоводство сочеталось с земледелием. По полевым материалам, в оседлом Большедербетовском улусе и в станицах донских калмыков роль верблюдов в хозяйстве была еще меньше, их количество уменьшалось с каждым годом. Известно, что в улусах оседлых и полуоседлых основным рабочим животным был вол. С его помощью молотили собранный урожай, производили заготовку сена, кочевали с одного пастбища на другое на больших воловьих подводах (мажарах). Основным верховым животным была лошадь, которую запрягали в повозки для быстрых поездок. Правда, нередко запрягали верблюдов в повозки или ездили на них верхом, но их рабочая роль была весьма незначительной. В восточных районах Калмыкии, в которых население вело кочевой образ жизни и страдало от отсутствия воды, больше всего разводили верблюдов. Такого же мнения придерживается профессор Ф. Фиельструп в отношении казахов, кочевавших южнее р. Эмбы в неблагоприятных условиях. Они разводили главным образом верблюдов, овец и лошадей.[59] Экологические факторы не играли сколько-нибудь заметной роли в уменьшении количества верблюдов у калмыков. Это и доказывается тем, что верблюды, согласно археологическим материалам, были распространены на территории Калмыкии и в смежных с ней районах еще с глубокой древности.[60] В кургане на реке Маныч найдена бронзовая поясная пряжка с изображением верблюда.[61] Об этом же свидетельствуют античные письменные источники.[62] То же самое

наблюдается в более позднее время. В XV—XVI вв. н. э. ногайцы разводили наряду с другими животными верблюдов и перевозили свои крытые войлоком юрты на двухколесных арбах, запряженных верблюдами.[63]

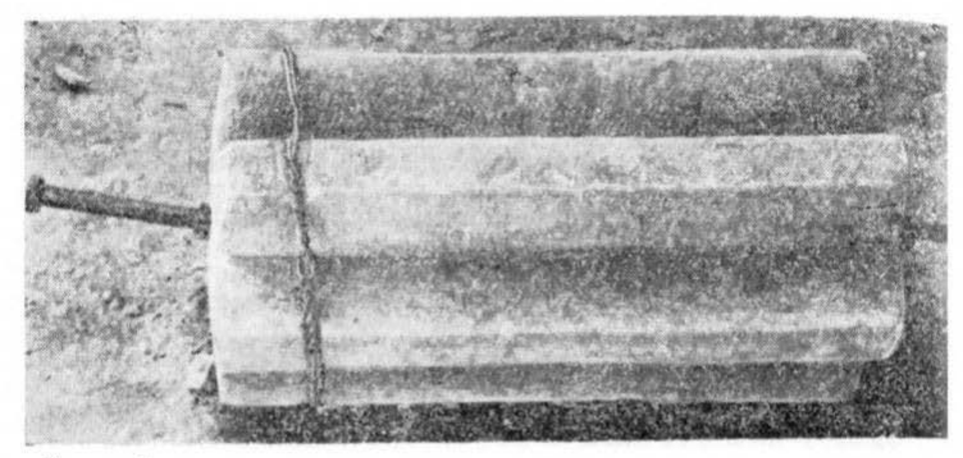
Таким образом, в Нижнем Поволжье, в частности в Прикаспийской низменности и в бассейне реки Маныч, верблюдоводство имеет многовековую традицию, по крайней мере она известна нашему региону с рубежа новой эры, с сарматской эпохи.

Земледелие и рыболовство

Земледелие. В историко-этнографической литературе сложилось мнение о калмыках, как о кочевниках-скотоводах, которым не было известно земледелие. По утверждению И. А. Житецкого, «история земледелия в Калмыцкой степи недавняя, не ранее 1878 г.». Такого же мнения придерживается Н. Бурдуков в отношении Большедербетовского улуса. Он утверждает, что «калмыки начали заниматься хлебопашеством, начиная с 1871—1881 гг.». Архивные документы и отдельные упоминания в литературе XIX в. содержат сведения, что калмыки постепенно начали заниматься земледелием, которое, судя по археологическим материалам,[64] было их предкам известно ранее.[65] В исследуемый период наметился переход к земледелию, вызванный прежде всего, массовым разорением скотоводов, особенно бедняков, в результате гололедиц («зудов»), эпизоотии и т. п.

А. В. Попов, посетивший Калмыцкую степь в 30-х гг. XIX в., сообщает, что «в Малодербетовском улусе первый приступ к земледелию» сделали два калмыка Хара и Чжамбо. Хара устроил себе хутор при речке Аршань-Зельмень, протекающей в лощине между Ергеней. Тут же у него была выстроена русская изба. Однако землю обрабатывал у него малороссиянин, который один вспахивал плугом несколько десятин земли, сеял и только во время жатвы имел у себя помощников. Все плоды земледелия Хара делил на две половины: одну сдавал монашеской братии, а другую — бедным однородцам. Чжамбо, калмык Ульдючинского аймака, кочевал в долине речки Бурата, по Манычу. В первый год он обработал около 15 десятин с помощью приглашенных им нескольких русских крестьян, у которых учились его сородичи. На другой год Чжамбо не имел уже нужды в посторонних наставниках. Калмыки под его руководством распахали вдвое больше десятин земли по сравнению с предыдущим годом. Они сеяли рожь, пшеницу, просо, гречиху и овес, развели бахчи с арбузами, дынями, тыквой и огородные культуры. На третий год посевная площадь увеличилась до 60 десятин.

Хошеутовский князь Сербеджаб Тюмень также заставлял подвластных ему калмыков заниматься земледелием. «Он снача-

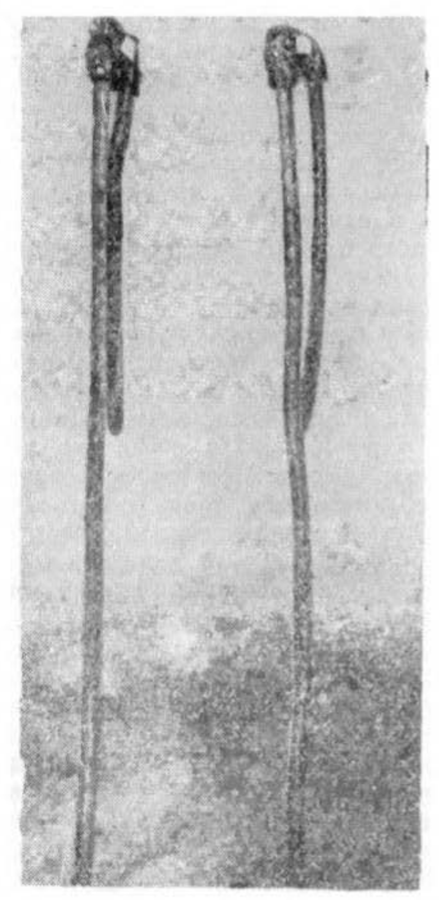

Каменный каток

ла сам делал опыт посева зерновых и посадки огородных культур, а потом передавал его (опыт — *У. Э.*) уже своим, во всех работах употреблял своих калмыков».[63] У Небольсина мы имеем сообщение о том, что в «саду Тюменя были маленькая бахча с арбузами, пробный засев кукурузы, маленькая табачная плантация, пашня с пшеницей». По его мнению, это была для Астраханского уезда образцовая ферма, любопытная редкость.[67] Земледелием занимался не только хошеутовский нойон, но и другие калмыки П. Небольсин, отмечая наличие земледелия у части калмыков, пишет, что они сеют пшеницу, просо и горчичное семя. Пахали плугами, изготовленными улусными работниками.[68]

В конце 50-х — начале 60-х гг. земледелие развивается и в других улусах, увеличивается число калмыцких хозяйств, занимающихся хлебопашеством и разведением бахчевых и огородных культур. В 1863 г в одном только Яндыко-Мочажном улусе занималось хлебопашеством 15 семейств на 22 десятинах. В Багацохуровском улусе под хлеб и бахчи было занято 69 десятин, принадлежащих 13 семьям. В Харахусовском — 10 семейств занималось хлебопашеством и разведением бахчей на площади 35 десятин.

В Малодербетовском улусе число хозяйств, занимавшихся земледелием, и посевная площадь были значительно больше, чем в других улусах. Под хлебопашество и бахчеводство на Ергенинской возвышенности было занято около 500 десятин, находившихся в руках 65 семейств. Кроме того, посевами горчичного семени было занято 50 десятин и табаком — 10 десятин. Собранный урожай (около 1000 пудов) горчичного семени продавали на

Цепы для молотьбы хлеба

Ступа

горчичные заводы в Сарепте (Царицын), а табак (около 2000 пудов) был реализован среди калмыков и продан приезжим торговцам. Хлеб потреблялся на месте.[69]

Развитие земледелия шло и в Большедербетовском улусе, входившем в состав Ставропольской губернии. На это указывает увеличение поголовья рабочих волов. В 1887 г было у калмыков 634 головы рабочего скота, в 1888 — 666, в 1890 — 923, в 1893 г. — 1307 голов. Ежегодное увеличение рабочего скота происходило у тех калмыков, кто начинал обрабатывать свои земли в содружестве с сородичами или крестьянами. Однако следует отметить, что наряду с самостоятельным хлебопашеством продолжали прак-

тиковать обработку земли за часть урожая. Основными орудиями земледельческого труда калмыков были двухлемешные плуги, рала, бороны с 20-30 железными четырехгранными зубьями.* В плуг запрягались обычно 3, редко 4 пары волов, в рало—4 пары.

Система обработки земли была такой же, какая практиковалась в соседних русских селах. Весной сеяли пшеницу, ячмень, горчицу, овес, просо; осенью — рожь, в Малодербетовском улусе —лен в очень незначительных размерах. Сеяли вручную.

Уборка хлебов производилась в июне и в июле косами, деревянными граблями, а также употреблялись жнейки, приобретенные коллективно или индивидуально** или взятые у соседнего русского и украинского населения напрокат. Молотили хлеба каменными катками или «потаптывали» их, прокатывая телеги, запряженные парой волов. Сзади повозок часто привязывали быков или лошадей, которые ускоряли процесс обмолота своими ногами. Люди, вооруженные вилами и граблями, снимали обмолоченную и перемятую солому, переворачивали несколько раз нижние слои соломы, и весь процесс обмолота повторялся сначала. Цепы, которыми молотили хлеб, были вытеснены только после Октябрьской революции. Веяли хлеб ручной веялкой, которую покупали или брали напрокат у русских крестьян в соседних селах. Специальных помещений в виде амбаров или клетей для хранения хлеба было мало. Очищенное от мякины зерно хранилось в кожаных (тулумах) и холстяных мешках.

Калмыкам-земледельцам приходилось возить хлеб на телегах и вьюками на верблюдах в соседние русские села на помол. По сообщению Главного попечителя калмыцкого народа Костенкова, калмыки получили весной 1863 г. пять ручных мукомольных мельниц, изготовленных сарептским мастером, что явно не могло удовлетворить потребности населения Калмыцкой степи.[70] Положение с помолом не улучшилось и в последующие годы. В документах Управления калмыцким народом сказано, что в 1904 г. в Большедербетовском улусе было 8 мельниц.[71] В 1912 г. в улусах Астраханской губернии было зарегистрировано 11 мельниц.[72] В 1909 г. на всю Калмыкию была одна мельница с двуконным приводом. Очевидно поэтому калмыки продолжали пользоваться ручными мельницами или толкли зерно в ступах вплоть до 20-х годов текущего столетия.

Наряду с полеводством в конце 40-х гг. XIX в. калмыки сделали первые шаги в развитии огородничества. П. Небольсин пишет, что калмыки выращивали дыни и арбузы. В 1863 г. в Яндыко-Мочажном улусе у 15 хозяев были свои огороды и бахчи

* Согласно официальным данным, во всех улусах в 1909 г. было плугов 160, буккеров — 24, культиваторов — 8, борон — 130.

** В 1909 г. числилось жнеек — 76, веялок — 6, сеялок — 4.

на 22 десятинах; в Хошеутовском улусе 35 семейств имели огороды на 20 десятинах. Некоторые калмыки Багацохуровского и Харахусовского улусов также занимались огородничеством. В Малодербетовском улусе в 1863 г. были посажены табак и капуста.[73] В 80-х гг. XIX в. посевы под огородные культуры несколько расширились. В улусах Астраханской губернии в 1887 г. количество табачных и овощных плантаций увеличилось до 100, особенно в Малодербетовском улусе.[74]

По сообщению В. А. Хлебникова, долго работавшего в ставке Малодербетовского улуса, только в его северной части в 1890 г. табаководством занималось около 125 кибиток.[75]

В начале XX в. произошел известный перелом в развитии огородничества и бахчеводства. В 1909 г. под огородами было занято 395,6 десятины земли, главным образом, в Малодербетовском (299,5 десятины) и в Манычском (96,1 десятины) улусах. Что касается бахчеводства, то им занимались во всех улусах, но опять-таки больше всего в Малодербетовском (90,95 десятины) и Манычском (42,1 десятины), а также немного в Яндыко-Мочажном (36 десятин). Во всех остальных улусах под бахчевыми культурами было занято 22,34 десятины земли. В таком же положении было и табаководство.[76] В 1912 г. зарегистрирован в астраханской части Калмыкии 231 огород на 980 десятинах.[77]

Товарное направление огородничество и бахчеводство получили в Северном аймаке Малодербетовского улуса (ныне частично входящем в состав Волгоградской области), который был расположен вдоль железнодорожной ветки Владикавказской железной дороги. Ежегодно калмыки отправляли арбузы в Петроград, Москву, Воронеж и в другие города со станций: Тундутово — около 500 вагонов, Тингута — более 1500, Абганерово — 20—30, Сарепта — 500 вагонов.[78] Возможно, эти данные преувеличены, так как сюда могла входить и продукция русских крестьян.

Арбузы, дыни, выращенные в Хошеутовском и Яндыко-Мочажном улусах, поступали на астраханский рынок, продавались скупщикам для реализации на вывоз и в пределах улусов. От продажи урожая в 1912 г. было выручено 296051 руб., из этой суммы на долю Яндыко-Мочажного улуса падало 253550 руб.[79] Во всех остальных аймаках и улусах огородничество и бахчеводство носило потребительский характер, имело подсобное значение.

В Хошеутовском и Яндыко-Мочажном улусах под огороды и бахчи отводились участки, которые во время весенних разливов заливались водой. В Малодербетовском и Манычском улусах они устраивались по балкам, оврагам и речкам с проточной водой или возле родников. Поливали их при помощи журавлей речной водой или водой из колодцев. Для полива использовался чигирь — большое колесо, на ободе которого укреплялось несколько же-

лезных (в редких случаях деревянных) ведер. По-видимому, чигирь был заимствован из Средней Азии через Астрахань.

Некоторое развитие получило садоводство потребительского, скорее всего любительского, характера.[80] По архивным данным, в 1872 г. делается попытка к лесонасаждению и разведению фруктовых садов. В отчете за тот же год указывается на существование 13 лесных и двух садово-лесных плантаций на средства, отпущенные из калмыцкого капитала. Кроме того, частными лицами было разведено 7 фруктовых садов, в том числе: 5 — в Малодербетовском улусе, по одному — в Хошеутовском и Багацохуровском.[81] В 1887 г. число общекалмыцких лесных плантаций и частных фруктовых садов достигло 53. В Икицохуровском улусе, в урочище Нюкюн-Худук калмык Леджин Ходжигоров развел фруктовый сад из 185 корней.[82]

По официальным данным, в 1909 г. сады занимали на всей территории Калмыкии (без Большедербетовского улуса) 263,8 десятины земли, из них 169,3 было сосредоточено в Малодербетовском улусе, 92—в Манычском, 2,5—в Хошеутовском.[83] А по данным 1912 г., в улусах Астраханской губернии было 58 садов. занимавших более 194 десятин земли. Часть их урожая была продана скупщикам в развозах, в ближайших русских селах, в городах Черный Яр и Астрахань.[84]

Накануне Октябрьской революции в Малодербетовском улусе существовали два крупных сада. Один из них — в районе нынешнего рабочего поселка Советское — принадлежал 9 хозяевам. Второй находился в верховье р. Сал, на территории современного совхоза «Кануковский» Сарпинского района.

В садах обычно преобладали яблони, вишни, груши, которые выращивались в соседних русских и украинских селах. Встречались груша «бергамот» и сливы, проводились опыты возделывания винограда.

Таким образом, первые очаги земледелия у калмыков появились в 30-х гг. XIX в. Оно получило распространение прежде всего на Ергенях, занятых кочевьями Малодербетовского улуса, и в низовье р. Волги, в Хошеутовском улусе. По своему характеру оно было земледелием южно-русского типа.

Земледелие чаще всего играло подсобную роль, сочеталось с главным занятием — скотоводством, сопутствовало ему. Но в северном и северо-западных аймаках Малодербетовского улуса, особенно расположенных вдоль железной дороги Тихорецк — Царицын, в первом десятилетии XX в. начался процесс развития товарного земледелия наряду с ростом товарного скотоводства. Вторая половина XIX в. была переломной в области земледелия у кочевых народов. Именно в этот период произошли серьезные

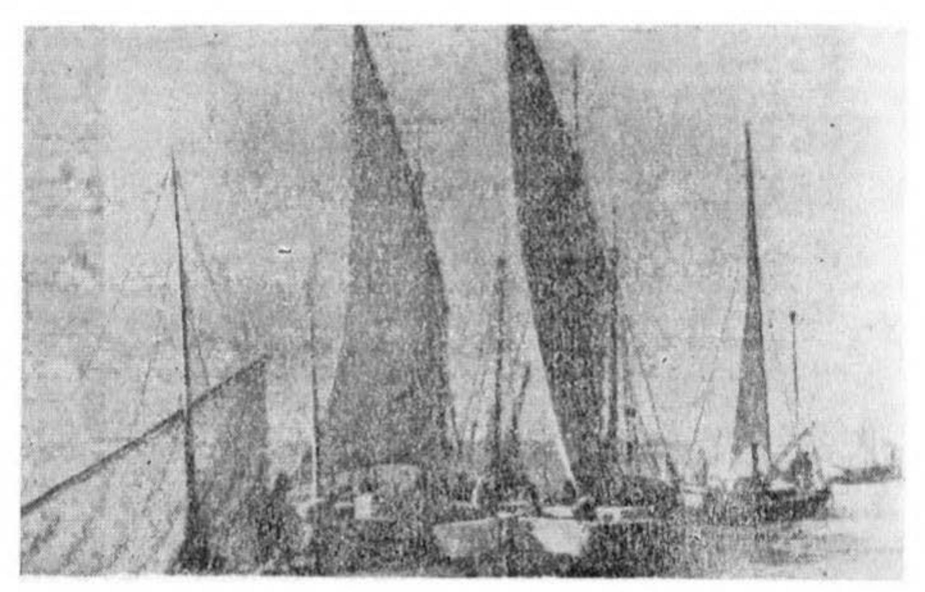

Калмыки-рыбаки

сдвиги в земледелии не только у калмыков, но и у казахов, тувинцев, хотя оно не стало у них основным занятием.

Рыболовство. В конце XVIII в. и на протяжении почти всего XIX в. периодически повторявшиеся тяжелые зимы ускорили процесс массового разорения скотоводов. Разоряясь, они вынуждены были обращаться к рыболовству, не порывая, впрочем, связи со скотоводством. Появление вольных ловцов-калмыков прослеживается еще с 50-х годов XIX в. П. Небольсин указывал, что все берега Волги и Каспийского моря составляли собственность немногих частных лиц или состояли в пользовании откупщиков рыболовных вод у казны. Поэтому калмыки, не претендуя на право ловли красной рыбы, ловили сазанов, карасей, лещей, окуней и тарань.[85] В 80-х гг. XIX в. количество вольных ловцов увеличилось. В урочище Ута-Газр Яндыковского улуса около 100 семей постоянно занималось вольным рыболовством. Представители кереитов в количестве шести кибиток во главе с Эльзятой Лабгаевым прожили здесь 43 года в качестве вольных ловцов.[86] По официальным данным 1909 г., в одном Яндыко-Мочажном улусе было зарегистрировано 2051 хозяйство, занимавшееся рыболовством, имевшее 344 подчалки, 1109 бударок и 39854 сети.[87]

Вольные ловцы делились на две группы. Первая группа —

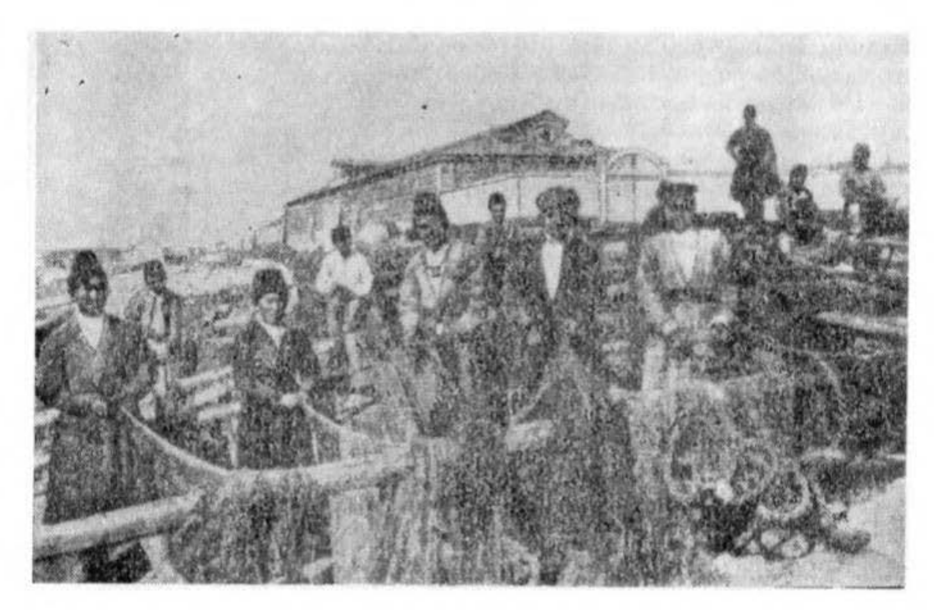

Рыбаки уходят в море

это те, которые сдавали добытую рыбу на промыслы, где цены им казались наиболее выгодными. Вторая группа — это фактически зависимые ловцы, обязанные сдавать весь свой улов в течение всего года тем рыбопромышленникам — владельцам вод, у которых ценой больших расходов приобретали право ловить рыбу в арендованных ими водах.[88]

Заработок ловцов второй группы, лишь номинально вольных, значительно снижался большой арендной платой. Рыба, выловленная вольными ловцами обеих групп, в основном продавалась скупщикам-рыбопромышленникам. По рассказам старых калмыков, вольные ловцы промышляли рыбу по озерам, заливам, ильменям, рукавам и протокам реки Волги и Каспийского моря, часто заросшим камышом и чаканом.

Приемы и орудия рыболовства калмыков специфичны. Ловили рыбу плавными и ставными неводами (шюгил) и сетями (гелм), какие применялись во всем Астраханском крае. Практиковались запоры (бодог) — перегораживание рукавов, проток и заливов в их узкой части плетнями, сделанными из камыша и чакана, особенно в момент захода рыбы в протоки, когда ветер дует с моря. Из крючковых снастей у калмыков повсеместно использовались удочки (гахули), блесны. Били рыбу острогою (серя) весной, когда она заходила в заливы, протоки и рукава метать икру, а также в период ухода воды обратно в море (после моря-

Починка сетей

ны). Бинтр (по-видимому, это вентерь) применялся при ловле рыбы в прорубях. По мнению И. А. Житецкого, изготовлению рыболовных сетей калмыки научились у русских.[89] В рапорте главного попечителя калмыцкого народа астраханскому губернатору от 24 февраля 1897 г. указывается, что «живя вперемежку с русским населением, калмык заимствовал от него многие мелкие практические познания, научился строить сети и лодки и давать предпочтение оседлой жизни перед кочевой».[90]

К концу XIX — началу XX вв. у большинства бедных калмыков, живших по берегам Волги и Каспийского моря, рыболовство превратилось в главное занятие. И. А. Житецкий писал, что «в Мочажных окраинах степи калмыки постепенно и последовательно обращаются к рыболовству как основному труду, сделали его своим постоянным анятием... «Рыболовс для многих сделалось наследственным занятием».[91] В 1885 г. калмыки заключили контракт с 42 рыбопромышленными предприятиями: ниже Черного Яра не было пункта, где не было бы рыбаков-калмыков.[92]

Экономической базой дореволюционного калмыцкого общества в большинстве улусов оставалось скотоводство, которое в Малодербетовском и Манычском улусах сочеталось с земледелием. Бытовавшее в Эркетеневском и Яндыко-Мочажном улусах

наряду со скотоводством рыболовство постепенно превращалось в ведущую отрасль хозяйства.

Развитие рыболовства среди калмыков, начавшееся еще в XVIII в., несомненно, увеличило их жизненные ресурсы и укрепляло в известной мере экономическую основу калмыцкого общества. Многие калмыки стали хорошими мастерами рыболовного дела.

Вместе с развитием производительных сил ускорился переход калмыцкого народа к новым, более прогрессивным общественным отношениям — утверждению капиталистического уклада и разложению феодально-патриархального быта. Этот процесс углублял классовую дифференциацию и обострял классовую борьбу в калмыцком обществе в виде постоянных конфликтов между рабочими и рыбопромышленниками, в ходе которых складывалась солидарность между угнетенными слоями русского и калмыцкого народов.

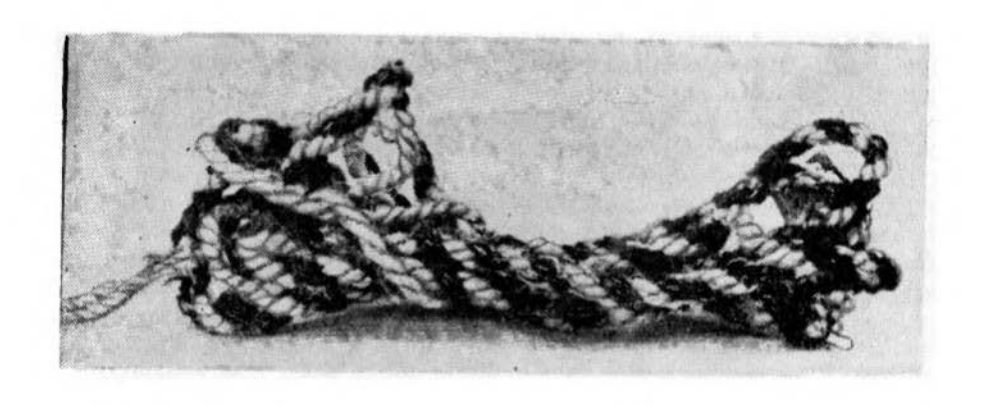
Домашнее производство

Довольно развитым было домашнее производство. В литературе встречаются отдельные упоминания предметов, изготовлявшихся калмыками.[93] Подробно описал их только И. А. Житецкий.[94]

Одной из важнейших отраслей домашнего производства были обработка шерсти и изготовление из нее различных изделий. Обработка шерсти — очень трудоемкий процесс. Настриженная шерсть сортировалась по цвету, так как калмыцкие курдючные овцы были различных мастей — белой, рыжей, черной и серой. После сортировки шерсть мыли в проточной речной воде или в большом корыте, наполненном колодезной (иногда родниковой) водой.

Следующим этапом обработки шерсти были начесывание и взбивка, отнимавшие у женщин много времени и продолжавшиеся в течение всего лета и осени. Расчесанная и взбитая шерсть скручивалась в свертки (мошкасан носон) около 1,5—2 метров длины. После такой тщательной обработки она становилась мягкой и прочной — отличным сырьем для изготовления шерстяных изделий.

Наиболее трудоемким был процесс изготовления войлока. Валяние войлока производилось совместным трудом жителей всего хотона, преимущественно молодых. Прежде всего, во избежание загрязнения будущего изделия, на землю стелили старую кошму или другие материалы. На этих подстилках опытные мастерицы укладывали слой черной, рыжей или серой шерсти. Затем 2—3 женщины ходили босыми ногами по уложенной шерсти, сбрызгивая ее теплой водой (через слегка растопыренные пальцы).

Веревка из шерсти

По окончании этой операции шерсть и кошма, на которую была уложена шерсть, скатывались в толстый рулон и обвязывались веревками, изготовленными преимущественно из мягкой верблюжьей шерсти; вдоль свертка зигзагами располагали аркан, а потом поворачивали рулон так, чтобы зигзаги, образованные арканом, оказывались внизу. Оставшейся частью аркана захватывали образовавшиеся петли и туго стягивали. После этого начиналось катанье, в процессе которого делалось до 1500—2500 ударов рулона об землю. Как правило, вся работа по изготовлению одной кошмы шириной 2,5 м и длиной до 4 м завершалась в течение одного дня.

По-видимому, такой способ выделывания войлока бытовал только у калмыков. В Монголии и Башкирии войлок катают по ровному полю всадники на верховых лошадях, расположившись по обе стороны рулона друг против друга, а в Киргизии и в Туве — пешие.

Кошмы из белой шерсти шли не только на покрытие кибиток, но и на изготовление постельных принадлежностей и подстилок внутри жилища.

Войлоки из чистой шерсти предназначались, как правило, для потников, подкладывавшихся под седло. Валики хомутов для лошадей и верблюдов, а также попоны для последних изготовлялись как из черного, так и белого войлока.

К числу весьма распространенных изделий относились войлочные чулки, которые зимой носили калмыки всех возрастов, мужчины и женщины.

В домашнем производстве широкое применение нашли шерстяные нитки из овечьей или верблюжьей шерсти. Для этой цели из хорошо начесанной шерсти делали тюдиги — маленькие мот-

ки, наматывая шерсть на указательный палец левой руки. Для прядения ниток употребляется до сих пор веретено (иг), состоящее из деревянного кружка-пряслица с отверстием в центре.

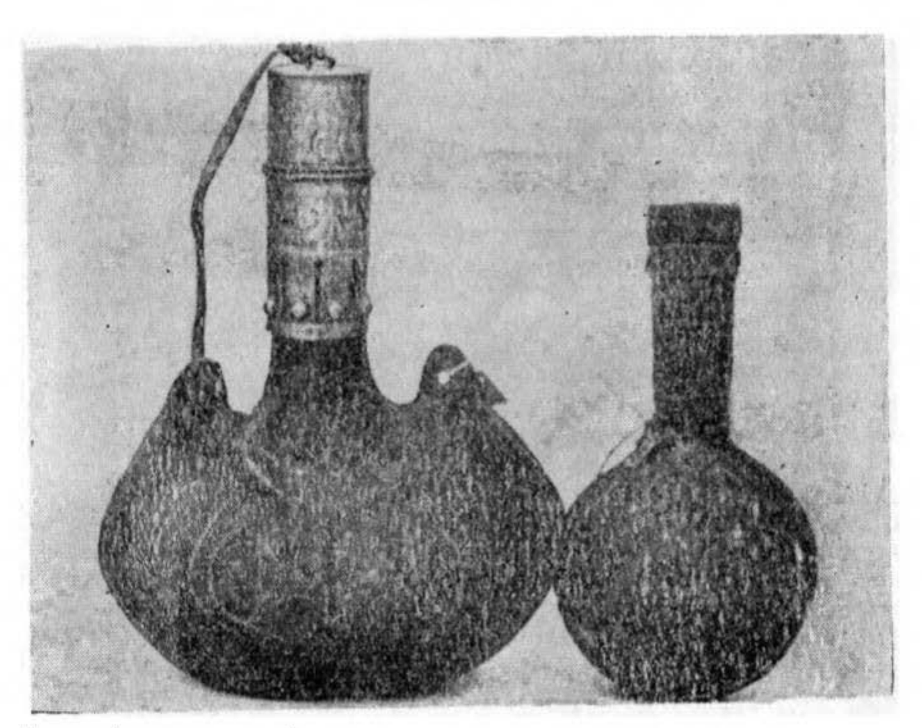
Готовые шерстяные нити шли на изготовление тесьмы для кибиток. Из овечьей и верблюжьей шерсти и конского волоса изготовляли веревки различной толщины и длины в зависимости от того, для чего они предназначались. Они служили для прикрепления кибиток к земле во время сильных ветров с тем, чтобы предотвратить их падение. Из них делали воротца, куда привязывали телят, изготовляли конские путы, налыгачи для волов, ошейники для телят и т. д. Самыми прочными считались веревки, свитые из конского волоса. Ими ловили лошадей-неуков, они употреблялись в качестве чумбура, служившего для привязывания коня и удержания его спешившимся всадником. Из обработанной шерсти делали небольшой толщины зэг — тесемочки, которыми обшивали края кошемных покрытий кибиток.

Калмычки изготовляли нитки также из сухожилий крупных животных — для сшивания кожаных сосудов и шуб. При свежевании домашнего скота отрезали сухожилия максимальной длины, держали их в растворе бозо (гуща, остающаяся после перегонки молочной водки) в течение 3—4 дней, после чего сушили на солнце. Высушенные сухожилия обрабатывали, ударяя по ним деревянной колотушкой. В результате они становились мягче и легко расщеплялись на тонкие нити, из которых калмычки сучили ручным способом длинные и очень прочные сухожильные нитки. В начале XX в. сухожильные нитки изготовлялись редко. Фабричные нитки стали вытеснять самодельные.

Большую роль в хозяйственной жизни играло домашнее производство циновок из стеблей чакана, произраставшего в степных озерах, ильменях, по берегам Волги и Каспийского моря. В конце августа калмыки косили чакан косами или срезали серпами. После сушки с каждого растения сдирали верхние тонкие слои: из них калмычки плели циновки, которыми бедняки укрывали свои кибитки, ими же застилались земляные полы вокруг очага внутри жилища с тем, чтобы предохранить от загрязнения белые войлочные ширдыки — ковры. И. А. Житецкий писал, что циновка из чакана в 2,5 аршина длиной и в 1 аршин шириной изготовлялась одним человеком в течение 10 часов.[95] Плетение циновок было распространено повсеместно в Калмыкии, особенно в тех улусах, где рос камыш и чакан.

Большое место в калмыцком домашнем производстве занимала обработка шкур домашних животных, производившаяся, как правило, летом и в самом начале осени.

Прежде всего, все шкуры крупных домашних животных очищались от мездры (слой подкожной клетчатки), жира и пленки.

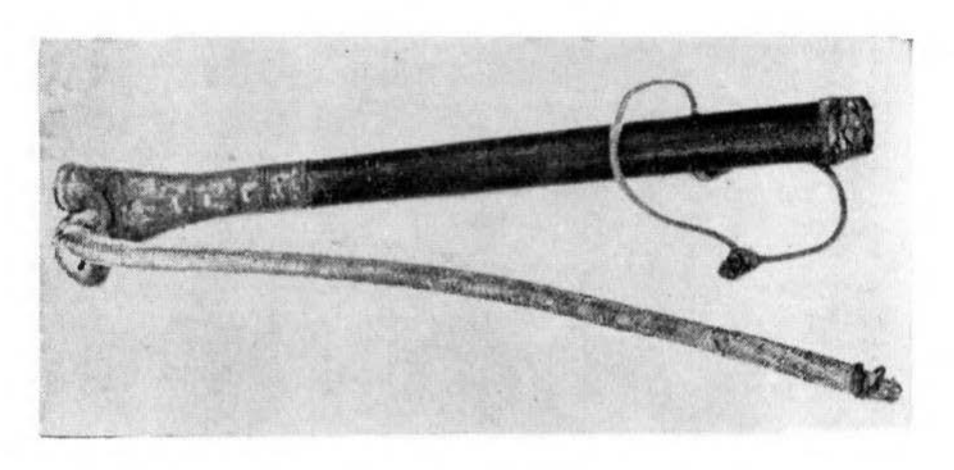
Бортхо (сосуды из кожи)

Затем в растянутом виде шкуры просушивали на воздухе, либо раскладывая на траве шерстью вниз, либо вывешивая на распялке или шесте и других возвышавшихся предметах.

После сушки шкуры держали в течение нескольких дней в кадке со смесью, состоявшей из сыворотки или бозо, разбавленных соляным раствором. Затем их очищали от шерсти и вновь высушивали на открытом воздухе.

Просушенную шкуру размягчали ударами деревянной колотушки (до 1000—1500 ударов). Размятая таким способом кожа употреблялась для изготовления кожаных изделий, находивших в конце XIX — начале XX вв. довольно широкое применение. Вплоть до XIX в. калмыки делали из кожи лошади, вола или верблюда сосуды большой емкости (архад), в которых приготовляли кумыс из кобыльего и чигян — из коровьего молока. В них перевозили пресную воду.

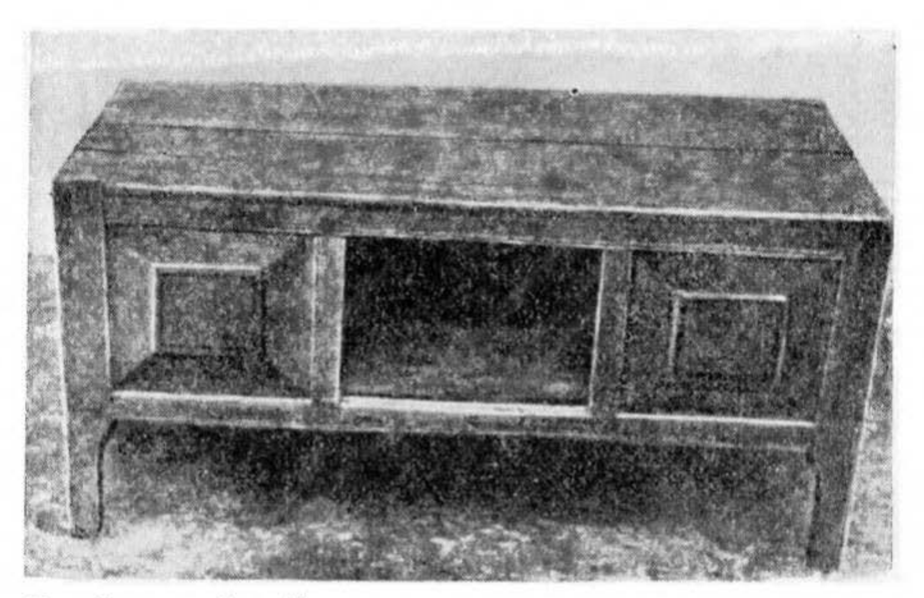
Кожу головы крупных животных использовали для изготовления своеобразных крупных фляг (бортхо, тортхо), предназначавшихся для хранения молочной водки — арьки (араки). Они

Маля (калмыцкая плеть)

сшивались из двух половин одним швом, а затем набивались песком, золой, редко глиной и перегноем для придания им нужной формы. Из кожи ног и живота крупного животного делали охотничьи сумки, ведра и другие сосуды, а также ремни, которые шли на поделку различных шорных изделий, уздечек, недоуздков, поводов, чумбуров, подпруг, тебеньков, нагрудников и подхвостников, треног или пут, хомутов, шлей, вожжей, а также кожаных тонких ремней, которыми скреплялись кибиточные решетки (терме). Калмыки широко пользовались плетеными из ремня плетьми (маля) и кнутами. Они изготовлялись мастерами-шорниками. Маля считалась не только плетью, но и оружием. Ударом плетки калмыки убивали зверей, в том числе волков.

Несколько иным был прием обработки козьих и овечьих шкур, в том числе мерлушки. Только что освежеванную шкуру (овец, коз и других животных) посыпали солью, а если животное было слишком жирным, то к соли добавляли немного мелкого песка или глины. Растянув до отказа во все стороны, ее натирали рассолом, смешанным с бозо. Это повторялось до 8—10 раз. В результате шкура делалась очень мягкой. После сушки счищали оставшуюся на ней корку бозо и мяли вручную, применяя специальную палку длиной 70—80 см, с одной стороны зазубренную, а с другой —хорошо отполированную. После этого овчины и меха натирались своеобразным мелом, полученным путем пережигания гипса, содержавшегося в обнажениях глины речек, балок. Выделанная таким способом овчина отличалась исключительной мягкостью, сухостью и белизной и не имела неприятного запаха. Из них калмычки шили шубы, тулупы. Обработанные

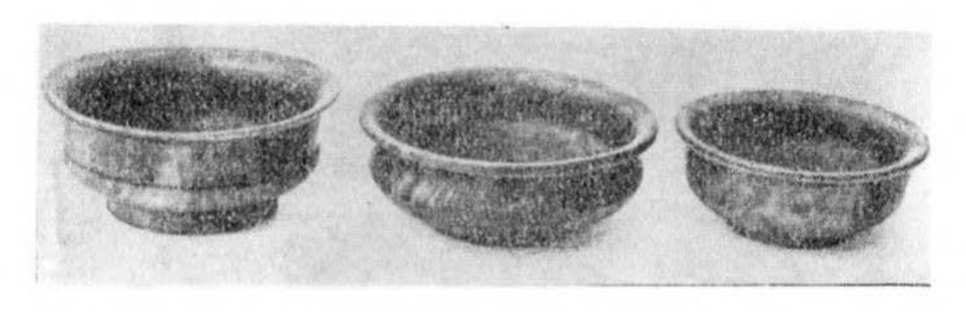
Укюг (деревянный шкаф)

козьи шкуры шли на зимние теплые штаны, а мерлушки и меха употреблялись для шитья высоко ценившихся у калмыков шуб, шапок, рукавиц. Из нестриженых обработанных шкур ягнят раннего окота шили зимние теплые одеяла.

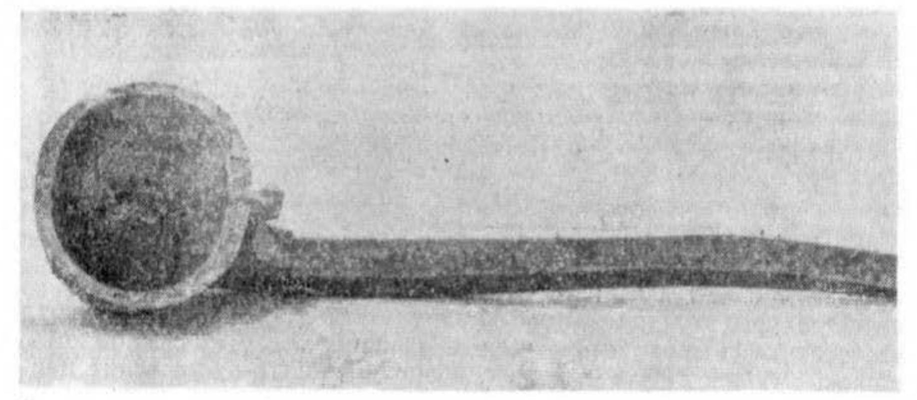
Калмыцкая степь относится к числу почти безлесных местностей, поэтому дерево употреблялось в самом минимальном количестве. Калмыки приобретали необходимое количество дерева на ярмарках, устраивавшихся в соседних русских селах, куда обычно его привозили из Астрахани — для приволжских, приморских и центральных степных улусов; для Малодербетовского — из Царицына и Котельникова; для Большедербетовского — через Сальск и Ростов, а также с Кавказа.

Дерево было необходимо прежде всего для изготовления деревянного остова кибитки. Этой работой занимались, как правило, специалисты — плотники из среды калмыков. Они располагали национальными инструментами.

Изготовлением седла также занимались специалисты по этому виду ремесла. Все части седла — деревянные, кожаные и металлические — изготовлялись одним и тем же мастером. Часто калмыцкие седла украшались белой жестью (иногда — серебром). Бытовали мужские и женские седла. Последние отличались мень-

Деревянные чашки.

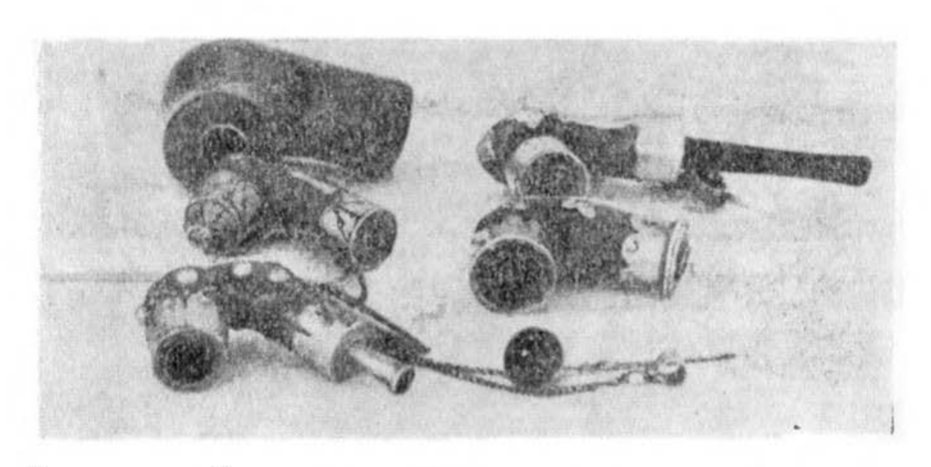
Деревянный долбленый половник

шим размером и изяществом. Часто они изготовлялись для продажи или для подарка.

В каждом хотоне жили мастера, которые занимались изготовлением деревянных кроватей, а также больших деревянных сундуков и шкафов (укюг), в которых хранились запасы продуктов. Часто их украшали различным орнаментом. Калмыцкие мастера делали из дерева и сосуды: кадки различных размеров для кумыса, чигяна и хранения воды, домбо (кувшин) для чая и ведра, которые имели вставное дно и металлические обручи.

Кроме цорго — коленчатых труб для перегона молока на араку, делали для этой цели и большое корыто. Существовали специальные деревянные корыта — тазы для стирки белья. Все они были снабжены ушками. Крышки для котлов состояли из отдельных дощечек.

Большое распространение имели деревянные чашки (модон ага) различных размеров и сортов. Они выдалбливались из сырого наплыва, клена, ольхи, березы, иногда из карагача и ореха.

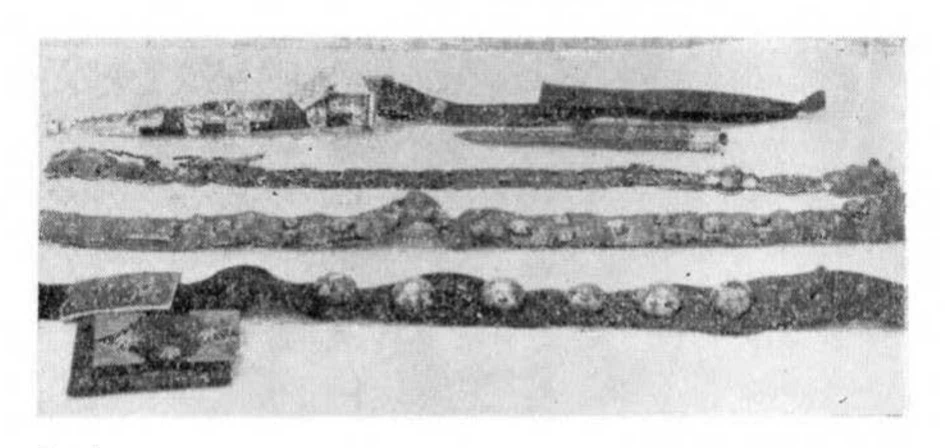
Курительные трубки

Из одного куска дерева вытачивались деревянные половники (шанга) и таваг — посуда с граненным глухим поддоном. Из цельного дерева вырезались также курительные трубки и приделывавшиеся к ним короткие чубуки. Верхние края головки трубки окантовывались жестяными или серебряными кольцами, в свою очередь, нередко орнаментированными.

По свидетельству И. А. Житецкого, среди калмыков получила некоторое развитие художественная резьба по дереву, правда, она была сосредоточена в хурулах. Резьбой украшали жертвенные столики, подсвечники, целые здания, особенно молитвенные дома. Мастера изготовляли также резные рамы для икон, украшенные ветками, лепестками и изредка цветами и рельефными линиями, сплетавшимися в различных комбинациях. Привлекало внимание сочетание ярких красок: красной, зеленой, белой, фиолетовой, розовой, черной и т. д.

В области обработки металлов наибольшее значение имело кузнечное дело, которое удовлетворяло потребности хозяйства, а также домашнего быта. Существовавшие в XVIII в. кузнечные меха были утрачены. Поэтому в конце XIX — начале XX вв. железо в Калмыкии нагревалось на открытом костре. Многие скотоводы и земледельцы производили ремонт сельскохозяйственных орудий, телег, а специалисты изготовляли металлические принадлежности к конской сбруе, умели производить ремонт посуды. Они чинили лопнувшие чугунные котлы, ведра и другие металлические предметы, накладывая на них своего рода заплаты.

Из привозной стали и железа делались ножи различных размеров и назначений. Мужские ножи, подвешивавшиеся к поясу

Серебряные пояса

на левом боку в футлярах, часто украшенные белой жестью или серебром, употреблялись для убоя скота и разделки туши, шорного дела, для работы по дереву. Кроме того, из различных обломков железных кос (литовок) изготовлялись женские ножи — балыг, двухдужные щипцы для очага, штампы для таврения, также различные пряжки к поясам и ремням, обручи, крючки.

Ювелирным делом занимались особые мастера — урчуд. Они делали серебряные мужские и девичьи пояса, кольца, серьги, пуговицы округло-овальной формы для женской одежды, токуг (женское украшение для кос), производили окантовку курительных трубок, украшали охотничьи принадлежности, седла, уздечки, изготовляли бляшки различных форм и размеров для конского подхвостника и нагрудника, покрывали их различными узорами.

Ювелиры работали, главным образом, на заказ, чаще всего с материалом заказчика. Изделия изготовлялись из высокопробного старого серебра.

Калмыцкие мастера умели чернить поверхность своих изделий — покрывать их смесью олова, серебра (менген), меди, буры и серы. Для изготовления такой смеси в коровий рог насыпали немного серы, вливали расплавленные раскаленные металлы и замазывали рог глиной. Затем этой смесью заполняли бороздки, вырезанные на поверхности изделия режущим инструментом.

Калмыцкие мастера умели также без особых приспособлений украшать предметы позолотой. Это достигалось следующим образом: смоченный азотной кислотой предмет натирался при помощи металлического стержня амальгамой — смесью старого

Цекце (серебряные чашки)

золота (алтан) и ртути (менген усун). Затем предмет нагревали на открытом огне.[96]

Искусные золотых и серебряных дел мастера существовали во многих улусах. Изготовленные калмыцкими ювелирами изделия зачастую достигали совершенства. Для них были характерны чистота отделки, необычайный блеск, красота и прочность. Калмыцкие мастера подняли ювелирное дело до уровня искусства. Их изделия находили большой спрос, особенно среди богачей, принося мастерам значительный дополнительный заработок к доходам от небольшого хозяйства, которым они продолжали заниматься наряду со своим ремеслом.

Серебряных и золотых дел мастера не делали из своего мастерства секрета для других и сами охотно учились у золотых дел мастеров соседних народов. Удивительный искусник Балтык Дегаев учился своему ремеслу у одного гелюнга, а русский мастер научил его умению золотить серебряные вещи.[97] Известно, что ювелирным производством занимались астраханские татары, некоторые из них даже жили в Эркетеневском улусе. Не исключена возможность, что калмыцкие мастера перенимали у дагес-

танских, кабардинских, балкарских и других горских ювелиров отдельные приемы ювелирного дела. Некоторые элементы орнамента, нанесенного чернением, сходны с кавказскими.

* * *

Древние этнические и культурные связи калмыцкого народа с народами Центральной Азии обнаруживаются во многих предметах калмыцких домашних производств и в технике их изготовления. Те же способы и приемы обработки шерсти, выделки шкур и кожи, изготовления ниток и веревок, какие применяли калмыки, встречаются у монголов, бурят, тувинцев, южных алтайцев и, отчасти, у киргизов. Обращает на себя внимание тот факт, что за сотни лет орудия и техника домашнего производства калмыков не подвергались заметному изменению, оставались почти такими же, какими они были в XV—XVII вв.

Домашнее производство, ремесла были общенародным производством, в котором участвовали в той или иной мере все слои населения, передававшего трудовые навыки и многовековой опыт из поколения в поколение. Об этом свидетельствуют сообщения П. Небольсина, что каждое мастерство переходит у калмыцких мастеров из рода в род, от отца к сыну, от деда к внуку.[98] Однако в этом общенародном производстве существовали определенные традиционные отрасли: одними занимались мужчины, другими — женщины. Женщины обрабатывали шерсть, кожу, шкуры, меха, шили одежду. Шорное, кузнечное, плотничное ремесла, выделывание некоторых видов кожаных сосудов (бортхо, архад), шитье обуви с XX в. были мужскими производствами. Правда, были такие отрасли, в которых участвовали и мужчины и женщины. Например, взбивание шерсти и катание войлока производилось совместным трудом женщин и молодых мужчин. Весной кизяк приготовлялся мужчинами, летом — женщинами.

Домашние промыслы, существовавшие в рамках скотоводческого хозяйства, как его составная часть, призваны были удовлетворить внутренние потребности хозяйства степных скотоводов. Изделия, изготовлявшиеся ими, как правило, не шли на рынок. Этим объясняется то, что большинство домашних промыслов не развилось до уровня ремесла. Исключением здесь явились ювелирное и кожаное производство, плотницкое дело, которые стали для отдельных бедняков едва ли не основным средством существования. П. Небольсин писал, что мастерство экипажное, мебельное, оружейное, литейное, токарное, плотничное, слесарное, кузнечное имеет тоже везде своих представителей; в улусах есть мастера золотых и серебряных дел, портные, портнихи, вязальщицы, сапожники и сапожницы, скорняки. Каждое занятие,

составляя особый промысел, ограничивает круг своих действий только родным улусом, а за черту его редко переходит.[99]

Приведенные факты подтверждаются архивными документами. В отчете главного попечителя калмыцкого народа за 1872 г. сообщается о том, что «калмыки заняты обработкой шерсти, овчин и ремней, приготовлением деревянной посуды, шитьем одежды и обуви и отчасти изделий из железа, серебра и меди. Все эти ремесла дают некоторые средства к жизни занимающимся ими. Ремесла развиты преимущественно в улусах, соприкасающихся с более оседлым населением. Всех мастеровых в улусах считается 307 человек».[100]

В этом документе речь идет о тех, кто профессионально занимается перечисленными выше ремеслами и отраслями калмыцкого домашнего производства.

В другом месте тот же П. Небольсин сообщает, что около владельческого орге (кибитки-«дворца» нойона) жили кетчинеры (слуги), которые вытачивали курительные трубки, выдалбливали чашки, изготовляли железные и стальные изделия с серебряными насечками, продавая их богачам и тем, кто нуждался в предметах этих производств; за чашку кетчинер мог получить полбарана, за остальные изделия с украшением из серебра — коня.[101]

Следовательно, большинство калмыцких промыслов не выходило за рамки домашнего производства. Но к концу XIX — началу XX вв. появились мастера-специалисты, занятые плотницким и ювелирным ремеслом, продукция которых находила сбыт внутри Калмыкии. Однако эти ремесленники продолжали иметь свое небольшое скотоводческое хозяйство.

В конце XIX в. калмыки начали приобретать на рынке многие предметы, изготовлявшиеся ранее калмыцкими ремесленниками. По свидетельству И. А. Житецкого, на ярмарку, состоявшуюся в с. Тундутово в августе 1885 г., из Черноярского уезда были привезены харачи, кибиточные двери, укюги и сундуки, из города Царицына и Черноярского уезда — унины. Кроме того, продавались кошма, материалы для терме, ювелирные изделия.

Так началась конкуренция между промышленным производством и более развитыми ремеслами России, с одной стороны, и калмыцкими домашними производствами — с другой: последние быстро вытеснялись, ускорялся процесс распада старых традиционных форм хозяйствования. Однако проникновение капиталистических отношений в быт и традиционные феодально-патриархальные формы хозяйства калмыцкого населения оказалось довольно поверхностным и не глубоким, так что многие старинные отрасли калмыцкого домашнего производства сохранились вплоть до коллективизации сельского хозяйства, обеспечивая потреб-

ности в шерстяных, шорных, кожаных, кузнечных, деревянных изделиях. Живучесть домашнего производства у калмыков объясняется сохранением значительных остатков феодально-патриархальных отношений и полунатуральным характером мелкокрестьянского хозяйства.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Средства и способы передвижения

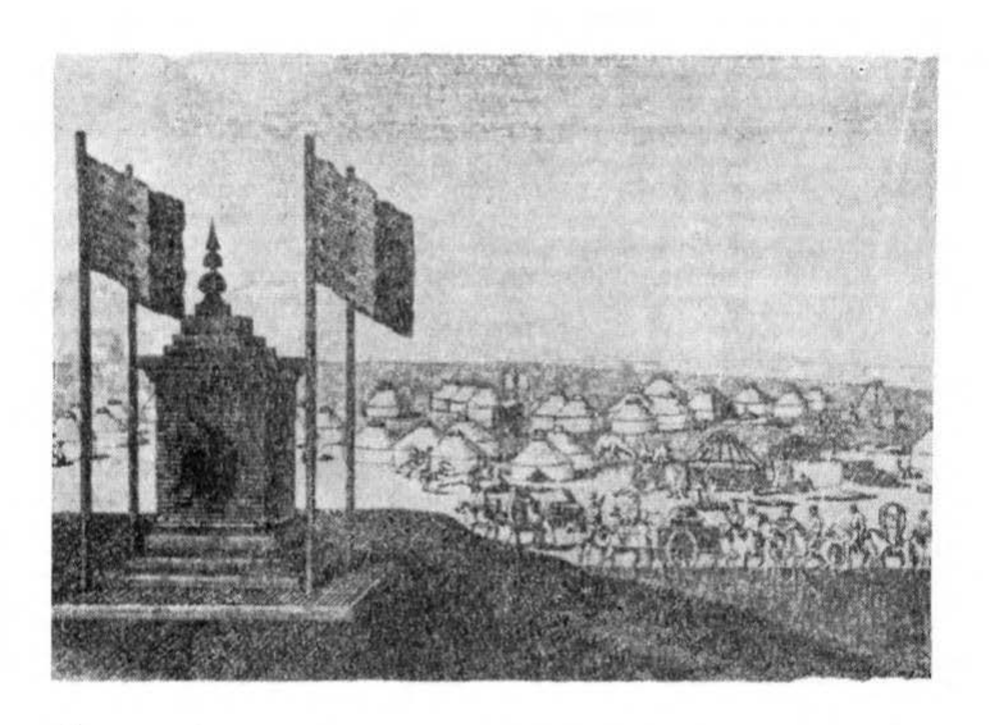
Одним из основных традиционных способов передвижения калмыков испокон веков была верховая езда на лошадях. Об этом неизменно говорится в исторических преданиях, произведениях устного народного творчества, в частности, в героическом эпосе «Джангар».

В степи

При верховой езде калмыки отдавали предпочтение меринам. Однако это не исключало возможности широкого использования кобылиц и жеребцов, особенно в бедняцких и середняцких хозяйствах. Ездили обычно в седле.

В отличие от своих предков-ойратов, у которых лошадь не знала упряжи, калмыки запрягали лошадей в телегу. Хомуты со

В хурул на богослужение

шлеей, седелка и дуги были заимствованы калмыками у русского населения.

Начиная с 80-х гг. XIX в. у зажиточных калмыков появились пассажирские повозки. Телега на деревянном ходу, небольшая по размеру и легкая по весу, была распространена по всей Калмыкии. Обычно она предназначалась для быстрой езды и перевозки малогабаритных грузов. В нее впрягалась одна лошадь, но иногда рядом с коренником запрягались пристяжные на постромках.

Менее распространены были дроги (длинные повозки с продолговатыми брусьями, соединявшими заднюю ось с передней). В дроги впрягали пару лошадей. Богатые калмыки, особенно знатные хурульные ламы и багши, приобретали крытые тарантасы на рессорах. В августе 1885 г. И. А. Житецкий встретил на территории современного Чапаевского сельсовета Малодербетовского района до десяти крытых экипажей, в которых перекочевывали с летних стоянок на зимние отдельные духовные чины и перевозилась хурульная святыня.[1] В тарантас обычно запрягали

Верблюжья упряжка

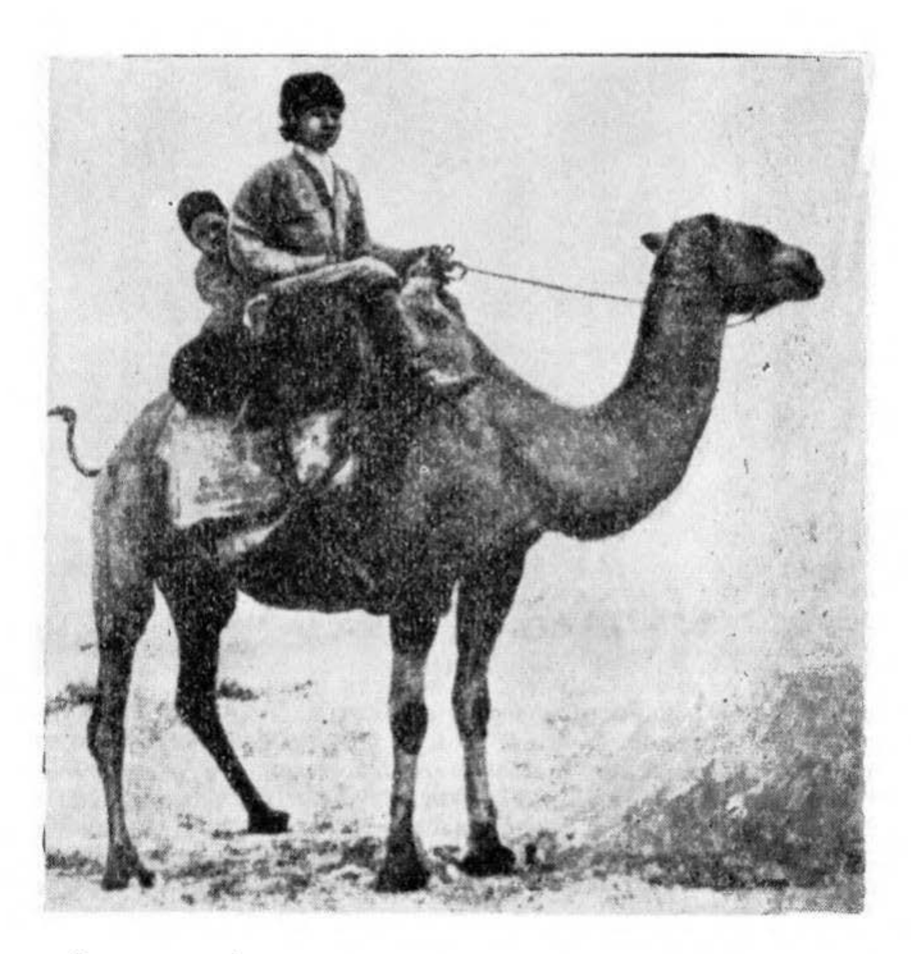
двух или трех лошадей. В тройке одна и них ходила под дугой (коренник), а две другие были пристяжными.

В приволжских и прикаспийских районах почти повсеместно употреблялись одноосные двуколки—арбы, имеющие хомутно-оглобельную упряжку для одной лошади. Возможно, что они были заимствованы калмыками от кундровских татар, которые жили вперемежку с калмыцким населением в XVII—XVIII вв., на что указывает сообщение П. С. Палласа: «...для переношения сих кибиток с места на место ставят они (кундровские татары — *У. Э.*) их на высокую двухколку, телегу (арбу)...».[2]

В конце XIX—начале XX вв. во всех северных и западных улусах широко распространенным видом транспорта была крупногабаритная четырехколесная телега мажара, которую имело почти каждое хозяйство. В нее запрягали волов. На таких телегах перевозили сено к зимним стоянкам, разобранные кибитки во время перекочевки с одного пастбища на другое, ездили на ярмарки в соседние русские села, на них грузили зерно, муку, строительные материалы, отправляли женщин и детей в хурулы на религиозные праздники.

В Малодербетовском, Большедербетовском, в северной части Манычского улуса, а также в Багацохуровском улусе зимним средством передвижения служили сани двух родов: воловьи и конские. У отдельных богатых калмыков были легкие сани с высокими загнутыми полозьями и кузовом, снабженным высокой спинкой. Они употреблялись для быстрой езды.

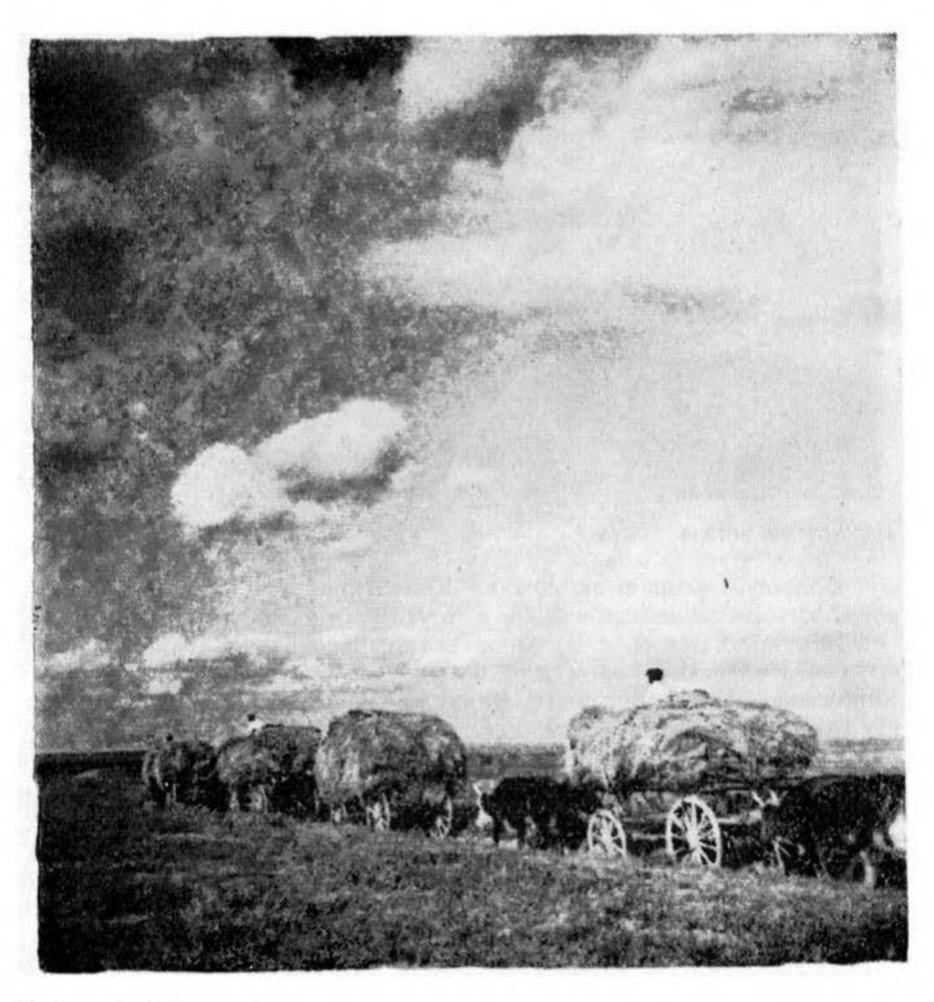
Исстари калмыки использовали верблюдов в качестве ездовых, вьючных и упряжных животных. Это и понятно: они обладают большой силой, выносливостью. Из четырех верблюдов, бывших на выставках, организованных в середине XIX в., самый сильный самец в возрасте 11 лет поднял более 87 пудов. Верблюд (самец 7 лет), участник выставки в Яшкуле в 1872 г., свободно шел под тяжестью в 83 пуда. Вьюк весом 40—50 пудов пе-

Вдвоем на верблюде

ревозится на этих животных довольно легко. Навьючить верблюдов нетрудно, так как они ложатся на землю. На спине верблюда перевозились части кибитки и узлы с домашними вещами, а по бокам привязывались мешки с кошмой, коврами и кожей; часто на них усаживались дети и даже взрослые. Верблюдов запрягали в небольшие телеги, иногда парами, при помощи хомута.

Верблюдов использовали и для верховой езды. Специального седла для поездки верхом на верблюде не было. Сиденьем для ездоков могли служить подушки, потник из-под седла ло-

Заготовка сена

шади, но без стремян, хотя часто стремена делались из прочной веревки.

Для передвижения по Волге, по ее притокам и рукавам, а также по Каспийскому морю и его заливам у калмыков не было самобытных, оригинальных плавучих средств. По-видимому, они пользовались дощатыми лодками, плотами из 5—6 бревен и паромами, которые встречались у местного русского и татарского населения. Были заимствованы все виды рыболовецких судов.

Перекочевка хотона

Большую роль в экономике Калмыкии играли грунтовые дороги, которыми пользовались в течение многих лет.

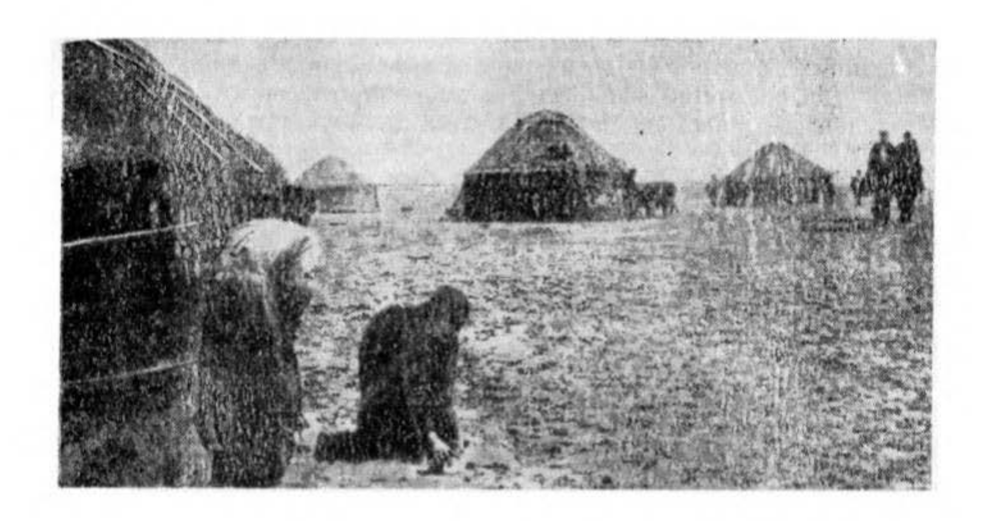
Эти дороги имели большое экономическое значение не только для Калмыкии, но и для всего Юга России. Они связывали нижневолжские пристани с Кавказом. По ним фурщики,* чумаки из украинских и русских сел перевозили рыбу, железо, лес, вина, спирт и всевозможные товары, необходимые для населения Астраханской, Ставропольской губерний и Закавказья. По этим дорогам иногда шли царские войска. В период царствования Петра I из Царицына на Кавказ прошел томский полк по тракту, проложенному у подножья Ергенинской возвышенности: этот путь даже назывался Томским.[5] Он служил почтовым трактом, по которому шла почта и передвигались царские чиновники.

Помимо упомянутых дорог, степь была перерезана всевозможными полевыми дорогами и тропинками. Они связывали между собой калмыцкие хотоны и русские села. По ним шли подводы с разными грузами, стада домашних животных, совершались перекочевки с одного пастбища на другое.

Поселения и жилища

Дореволюционные этнографы, эпизодически посещавшие Калмыцкую степь, ограничивались указанием на то, что калмыки селятся хотонами, живут в войлочных кибитках; для хотонов

* Погонщики на фурах — больших длинных крытых повозках для клади.

Хотон

характерно круговое расположение кибиток, в центре такого кольца оставалось свободное пространство, куда загоняли на ночь скот.

В среднем хотон составляли четыре—десять (очень редко 20—50) кибиток, которые принадлежали родственникам по отцовской линии. Нередко хотоны назывались по имени старшего в патронимии,* наиболее авторитетного человека. Принцип административно-родственной группировки кибиток постепенно вытеснялся классовым; теперь около кибитки богатого скотовода группировались жилища бедных родственников и батраков. Большое хозяйство кулаков и скотопромышленников требовало много рабочих рук: чаще всего это были наемные работники. Богатый калмык имел большую кибитку с белым кошмовым покрытием, на зимней стоянке у него был поставлен хороший деревянный дом, обширные помещения и скирды сена для его многочисленных стад. В хотоне кибитка богача ставилась на южной стороне, которая считается почетной и где обычно стояли кибитки людей богатых и старших в роду.

Наряду с этим получил распространение трудовой принцип группировки кибиток. Селились и кочевали вместе представители разных родственных групп. Их объединяла совместная, соседско-общинная обработка земли под разные сельскохозяйственные

* Группа родственных семей, имеющих определенное хозяйственное и общественное единство, общее (по имени старшего) наименование.

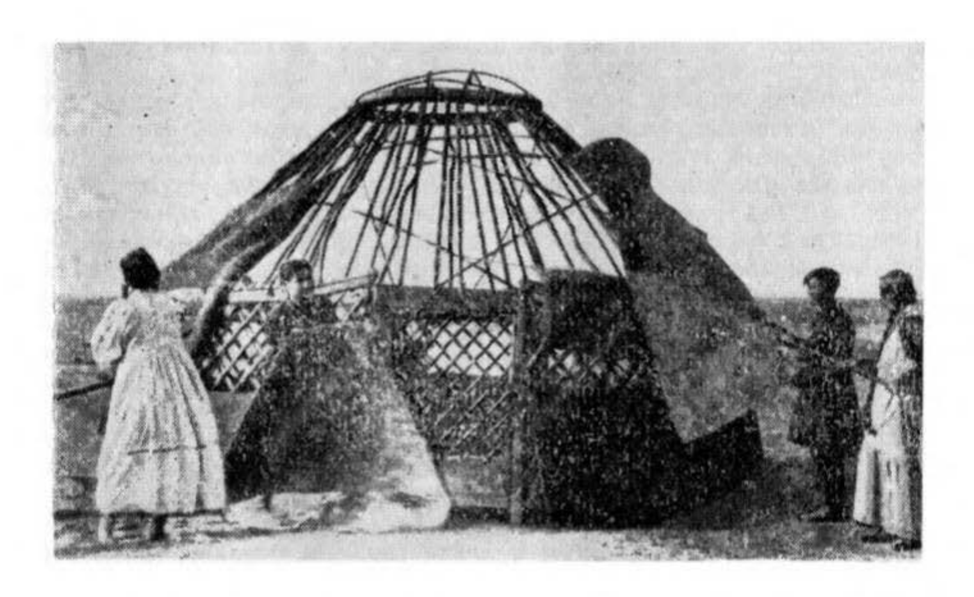
культуры, совместная уборка сена для скота. Это была трудно различимая для постороннего наблюдателя переходная форма между упомянутыми выше двумя принципами группировки кибиток, она не укладывалась ни в один из двух указанных типов хотонов.

В 60-70-х гг. XIX в. в связи с переходом к земледелию у калмыков возникли первые постоянные поселения, где скотоводы проводили осень, зиму и значительную часть весны. В одном Хошеутовском улусе перешло к оседлому образу жизни более 300 семей, часть их жила в деревянных домах и глиняных мазанках, но большинство обитало в так называемых «турлушках», построенных из плетня, обмазанных глиной, снабженных печным отоплением.[6] Такие турлушки не встречались в степных улусах. Они продолжали бытовать в приволжских улусах вплоть до Октябрьской революции.

В работе К. Костенкова сообщается о том, что на отведенных для оседлости участках «...построено очень много деревянных и из земляного (глинобитного) кирпича домов... загонов для сбережения скота в зимнее время... заготовляется калмыками на зиму корм для скота и топливо».[7]

В 70-х годах XIX в. калмыки, обитавшие в донских степях, переходили на полуоседлую жизнь. Член статистического комитета Войска Донского А. Крылов, посетивший калмыцкие поселения на Дону и в Большедербетовском улусе, писал: «В Зимовниках есть постройки на зиму, из которых некоторые очень хороши, например, домики из глины... У калмыков 16 деревянных хурулов, 126 деревянных домов... При зимних постройках находятся отличные сараи, каких я не видел даже у казаков в станицах и у крестьян в слободах: есть хороший плодовый сад и огород».[8] Такие поселки отмечены в Малодербетовском улусе». В Зетовом «роде» их было около 40. В поселке Червленый вблизи Сарепты жилые здания сгруппированы в правильную улицу и окружены огородами, скотными постройками и местами для склада хлеба и сена... Всех жилых зданий в поселке более 30, большинство домов деревянные, а часть — плетневые мазанки, вытянулись в одну линию, вдоль пруда, образованного искусственной плотиной, построенной самими калмыками».[9]

Примерно такой же процесс происходил в Большедербетовском улусе. В 1891 г. для крещеных калмыков Князе-Михайловского поселка было построено около 15 домов, их кибитки уничтожены. У многих калмыков дома появились гораздо раньше, чем у княземихайловцев. В Бюдермисовском аймаке (Кердате) был прекрасный дом в несколько комнат, с крашеными наличниками, дверьми, полами, под железной крышей, с крытой стеклянной галерееей.[10]

Ставят кибитку

Зимовки строились при дельтах речек, у пересыхающих притоков, известных среди населения бывшего Малодербетовского улуса под названием «салвру» (дословно: разветвление). В этих селениях жители и скот снабжались водой из колодцев артелью из 2—3 хозяйств: зимой пользовались снегом, а ранней весной — талой водой. Для зимних стоянок выбиралось место, не заливаемое талыми или дождевыми водами. Так создавались поселки из 10—50 дворов. Родственники и здесь старались селиться вместе. Часто население таких деревень состояло из нескольких родственных групп — трех-пяти, но не больше. В этом случае они носили названия по географическим наименованиям урочищ, рек, балок и т. д. При всей их разбросанности и хаотичности размещения можно было выделить некоторое подобие улиц, линий основных дорог поселка, направлявшихся к соседним зимовьям, местам заготовок сена, водным источникам, летним пастбищам и т. д.

Сюда калмыки прикочевывали в сентябре и проводили здесь зиму, а весной, с наступлением теплых дней, покидали зимовье.

В приергенинских улусах отдельные калмыки, занимавшиеся земледелием, совсем покидали зимовья и строили свои постоянные селения в верховьях ергенинских речек и балок, где удобно было заниматься хлебопашеством и огородничеством, имелись необходимые водные источники и хорошие пастбища. Они рас-

полагались, как правило, на значительном расстоянии друг от друга.

В конце XIX—начале XX вв. основным видом жилищ у калмыков оставалась покрытая войлоком решетчатая кибитка (ишкя гер) общемонгольского типа. Деревянный остов состоял из 6-8 складных решеток (терме), двухстворчатой двери (уден), круглых или квадратных в разрезе и заостренных на верхнем конце жердей (унин) от 66 до 146 штук и верхнего круга (харачи)

Кошмовое покрытие кибитки состояло из четырех плечиков (эмчи), четырех кошм для терме (иргевче), четырех нижних квадратных кошм (турго) и двух верхних кошм (девер), покрывавших верхнюю часть кибитки от харачи до головок терме, дверной кошмы и кошмы, которой закрывался верхний круг жилища (орк). Внешний вид кибитки отражал имущественное состояние владельца. Кибитки, покрытые добротной белой кошмой, как правило, принадлежали богатым, гелюнгам (священникам) и новобрачным, а черной с закопченным войлоком — беднякам.

Многие бедные семьи вынуждены были жить в шалашеобразных полукибитках — джолум и дегля гер, представляющих собой одну купольную часть кибитки (без стенных решеток), которая устанавливалась прямо на землю. Дегля гер отличался тем, что в нем не было дымового отверстия, а унины просто связывались вверху между собой в пучок. Бедняки заменяли кошмы циновками из чакана. И. А. Житецкий отмечал, что в приморских улусах у большинства кибиток кошмовые иргевче были заменены чаканами; впрочем, он видел кибитки, в которых не только иргевче, но и другие кошмовые части (турго, девер) были заменены циновками. В таких кибитках зимой было очень холодно. Поэтому их на зиму обкладывали толстым слоем камыша или чакана, а в приморских улусах — высокой болотной травой.[11]

Площадь кибитки, принадлежавшей старшим, многосемейным и состоятельным семьям, была значительно больше, чем площадь жилища семей бедных, малочисленных и молодых. В кибитке размещали все домашнее имущество, исполняли религиозные обряды, в ней принимали гостей, зимой спасали от холода новорожденных телят, ягнят, верблюжат. Число живущих в кибитке площадью 18—22 кв метра в среднем могло быть 8—12 человек. Народным обычаем был выработан строгий порядок размещения всех домашних вещей, жестких и мягких предметов.

Все внутренние стены кибитки у состоятельных калмыков и гелюнгов занавешивались сплошной ситцевой или коленкоровой занавеской, а земляной пол застилался ширдыками (кошма) или коврами. В бедных семьях ширдык подстилался как сиденье для почетных гостей. Зимой земляной пол утеплялся бараньими, козьими, телячьими, сайгачьими шкурами и изношенной кошмой.

Ночью кибитка освещалась так называемым «шумуром» — светильником, заполнявшимся салом. Фитилем служила тряпица, иногда же просто насыпали кизяк или золу, смешав ее с маслом или пропитав салом. В рыболовецких районах сало иногда заменялось рыбьим жиром. В употребление вошла и керосиновая лампа, особенно в приволжских и прикаспийских улусах. В богатых семьях (у зайсангов) встречались свечи.

Наиболее близкое сходство калмыцкой кибитки обнаруживается с войлочными юртами монголов, бурят, южных алтайцев, хакасов, тувинцев — как по строительным и конструктивным особенностям, так и по внутреннему убранству. В значительной степени это объясняется общностью исторических судеб и ближайшим соседством в прошлом.

Но калмыцкая кибитка отличалась от юрт тюркоязычных народов Средней Азии. У тюрок юрты имели слабо изогнутые жерди, тогда как у калмыцкой кибитки жерди (унины) были прямые, что обусловливало конусную форму ее кровли, а не круглую, какая характерна для юрт тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

Изобретение и многолетнее бытование войлочных кибиток как у калмыков, так и у других кочевых народов вовсе не было показателем отсталости или консерватизма кочевников и полукочевников. Кибитка — наиболее приспособленное к условиям кочевого скотоводства сборно-разборное жилище, очень удобное, прочное, легкое и простое по устройству.[12] Это жилище и его добротное войлочное покрытие хорошо выдерживали резкие перемены климатических условий; в жаркие летние месяцы в ней было прохладно, а зимой кибитка защищала людей от холодных ветров, морозов и атмосферных осадков. Все положительные стороны войлочных кибиток отмечаются еще античными средневековыми авторами.[13]

В связи с первыми шагами в земледелии в Малодербетовском улусе появились и первые постоянные жилища. В урочище Аршань-Зельмень был построен в 30-х гг. XIX в. первый дом южно-русского типа. В Ульдючиновском аймаке было поставлено 5 домиков из дикого камня.

Во второй половине XIX в. увеличивается число постоянных построек у астраханских калмыков. Наглядное представление об этом дают цифровые материалы (табл. 5).[14]

Процесс оседания калмыков, как мы уже отмечали выше, протекал неравномерно. В улусах, где развивалось земледелие, он шел быстрее, чем в чисто скотоводческих районах. И. А. Житецкий сообщает, что «летом дербетовские калмыки живут в кибитках, а на зиму многие из них переселяются в теплые помещения разного вида и размера, и по количеству построек эргенские кал-

Таблица 5

№№ п/п	Название построек	1875 г.	1886 г.	1891 г.
1.	Каменные дома	4	5	6
2.	Деревянные —«—	451	665	841
3.	Глинобитные —«—	84	155	432
4.	Из земляного кирпича —«—	91	160	279
5.	Мазанки	272	1001	1356
6.	Мельницы	6	2	4
7.	Лавки и амбары	107	2576	3211
	Итого гражданских строений	1015	4664	6129
8.	Монастырские строения			
	а) каменные	11	18	17
	б) деревянные и глинобитные	133	133	116
	Всего	1159	4815	6262

мыки резко выделяются из среды степняков». По официальным данным, в 1865 г. в Калмыцкой степи числилось 4277 зданий.[15]

Н. Бурдуков, посетивший в 1898 г. Большедербетовский улус, писал, что «...в 1874 г. домов во всем улусе было всего 39 на 1759 кибитко-владельцев, что составляет 2,2%. В 1881 г. число домов возросло до 68, причем в тех родах, где не имели в 1874 г. домов... К 1898 г. число кибиток увеличилось с 1759 (в 1874 г.) до 2380, а число домов достигло в 1898 г. не более и не менее как 503. Дома круглые из деревянного материала в 3 комнаты с сенями...»[16]

В других улусах постоянных построек встречалось очень мало. И. А. Житецкий сообщает, что в степной части Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов встретилось одно саманное здание местного богача Зунгруева и станционные клетушки калмыцкой почты. В Харахусовском улусе, в центре степи, жилых калмыцких построек не было; в Икицохуровском, кроме полуразвалившихся поселений крещеных калмыков, встретилось лишь 3—4 домика, принадлежавших богатым калмыкам.[17]

Участники экспедиции, работавшей в Калмыцкой степи в 1907—1908 гг., сообщают, что «всех построек в степи было 3958 деревянных и саманных жилищ, 9863 амбара, база и катуха, около оседлых жилищ было вырыто 4171 колодец и худук.[18] Сюда не вошли хурульные (монастырские) здания, жилища гелюнгов, которые имели собственные дома, преимущественно деревянные так как духовенство было весьма обеспеченным слоем общества.

В начале второго десятилетия XX в. количество постоянных помещений, характерных для оседлого населения, продолжало увеличиваться. В 1912 г. всех строений было 15961, из которых жилыми были 7231.[19] Наибольшее число построек по-прежнему

встречалось в Малодербетовском, Манычском и Яндыко-Мочажном улусах, около рыбных промыслов. Из 15961 помещения калмыкам первых двух улусов принадлежало 11273 постройки постоянного типа, в Яндыко-Мочажном — их было 1921.

Среди зимних калмыцких жилищ наиболее типичными и абсолютно преобладающими были саманные дома — землянки. Это местное название наземного помещения, в котором жили представители всех социальных групп населения, что объясняется, очевидно, трудностью получения лесоматериалов. По своему типу и технике строительства саманные жилища не отличались от саманных домов русского и украинского населения Калмыцкой степи. Самым дорогим материалом при постройке дома был лес, который привозился из ближайших городов. Иногда покупали лес, привозимый на ярмарки в близлежащие русские села. Деревянных домов было немного, в лучшем случае один-два в аймаке. Их покупали в соседних русских селах и перевозили в разобранном виде. Ставили их специально приглашенные плотники, часто русские. Саманные же жилища строили сами калмыки с помощью родственников и соседей. Бывший калмыцкий попечитель Костенков пишет, что появились мастеровые из числа калмыков, проживавших в русских селениях. Один из них (в Икицохуровском улусе) оказался мастером на все руки: архитектор, столяр, печник, маляр, стекольщик. Под его руководством было построено множество домов, землянок и загонов для скота.[20]

В новых жилищах—саманных домах—традиционный для калмыцкой кибитки порядок размещения домашних вещей часто нарушался. Только предметы буддийского культа неизменно размещались в глубине дома над изголовьем хозяйской кровати. Вдоль боковых стен ставили укюги, сундуки и другие ценные вещи, вокруг печи находилась посуда, все наборы воловьей и конской упряжи держали в сенях. Стулья и столы у калмыков встречались редко. В глубинной половине дома расстилались на полу ширдыки, кошмовые половики (в зажиточных семьях ковры), на которых сидели днем, а ночью спали гости и некоторые члены семьи.

Накануне Октябрьской социалистической революции калмыки Большедербетовского улуса жили уже оседло. Об этом свидетельствуют не только полевые материалы, но и архивные документы. В 1905 г., стремясь иметь в Государственной думе своего депутата, калмыки этого улуса выдвигали в качестве аргумента то, что они «живут оседлой жизнью», тогда как ставропольские мусульмане и астраханские калмыки-кочевники не могут «проникнуться нашими нуждами, им ненавистны интересы оседлого населения».[21] В документе, датируемом 1936 г., указывается, что Западный улус (бывший Большедербетовский — *У. Э.*)

«перешел на оседлость до 1909 г.».[22] Калмыки Области Войска Донского вели оседлый образ жизни, вели скотоводческо-земледельческое хозяйство,[23] а калмыки Манычского, Малодербетовского, приморских и приволжских аймаков Хошеутовского и Яндыко-Мочажного улусов и западных аймаков Икицохуровского улуса вели полукочевой образ жизни, имели постоянные зимние поселки, состоявшие из жилых помещений, хозяйственных построек, где хранились запасы заготовленного сена и камыша, сложенные в скирды. По мнению Н. Очирова, хорошо знавшего жизненный уклад калмыков того времени, центральные улусы (Икицохуровский, Багацохуровский, степные аймаки Эркетеневского и Яндыко-Мочажного улусов), занимавшиеся по-прежнему скотоводством, продолжали свою кочевую жизнь, хотя убежища для скота были не редки.[24]

Народная одежда и украшения

В конце XIX — начале XX вв. все виды легкой одежды калмыков изготовлялись из русских фабричных тканей. Для верхней теплой (зимней) одежды и головных уборов, в основном, использовались различные шкуры, шерсть, войлок и т. д.

Национальная мужская одежда была однотипна для всего калмыцкого населения, каких-либо особых различий не отмечалось.

Нательное белье мужчины состояло из рубахи и штанов. Обычно их шили из тонких тканей белого и серого цветов. Верхние брюки бедняки шили из темного материала, преимущественно из нанки, богатые и зайсанги — из черной шерсти или сукна.

По сообщению И. А. Житецкого, в конце XIX в. брюки такого типа у знатных людей украшались нашивными лампасами (тасамте шалвур) из позумента.

Поверх рубахи калмыки носили бюшмюд, который, судя по рисунку, опубликованному П. С. Палласом, уже бытовал в XVIII в.[26] Его носили в праздничные дни, в зимнее время — при поездке в другие хотоны.

Вторым видом верхней одежды взрослых мужчин был распашной эрмег — армяк из толстого верблюжьего сукна серого (чаще темно-серого) цвета, шитый в талию со многими сборками на поясе, с разрезом спереди.

Обычной зимней одеждой калмыков всех улусов была овчинная шуба, шитая в талию со стоячим воротником из мерлушки. По покрою она представляла собой тот же бюшмюд. Подолы и края рукавов обшивались каймой из цветной ткани или меха (из мерлушки, у богатых и знатных — из выдры, бобра, соболя, куницы)

Мужской национальный костюм бюшмюд

Овчинная шуба

Высоко ценилась жеребковая шуба (доха) свободного покроя, сшитая из шкур скинутых или павших жеребят, шерстью наружу. Воротник делали из черной мерлушки. Доха была доступна только богачам, имевшим табуны лошадей.

В сильные морозы, отправляясь в дальнюю дорогу, зажиточные калмыки надевали овчинные некрытые тулупы. Само название калмыцких тулупов указывает на то, что они были заимствованы у русских соседей.

Из зимней одежды также широко распространены были овчинные брюки, шитые шерстью внутрь, укреплявшиеся на поясе при помощи гашника.

Калмыцкая знать (нойоны, богатые зайсанги) и зажиточные люди носили дорогие нарядные шубы — йучи, которые делались из белой и черной мерлушки (хурсх йучи), а также из шкур соболя, бобра, горностая, хорька, белки. Они покрывались темной дорогой тканью. Полы и края рукавов обшивались мехом собо-

Национальные мужские прически

ля, бобра, чаще шкурой молодых барашков (ягнят). Такие шубы высоко ценились и являлись предметом гордости богачей и гелюнгов.

Мальчики носили нательное белье, бюшмюд, шапку, обувь, шубу, какими пользовались мужчины. В богатых и знатных семьях они носили бюшмюд кавказского типа. П. Небольсин видел, что калмыки украшали свой бюшмюд галунами и газырями — нашивками для патронов. Так одет на фотографии, датируемой 1905 г., сын князя Тундутова. Бюшмюд и шубы перетягивались сверху узким поясом.

На левом боку калмык, как правило, носил нож в серебряных или кожаных ножнах и огниво, которое прикреплялось к поясу.

На безымянном пальце левой руки мужчины из состоятельных семей носили кольцо, а в левом ухе—серьги из серебра, золота.

Распространенным головным убором были меховые шапки

(хурсха махла) Пожилые калмыки носили шапку, околыш которой делался из черной мерлушки (хаджилга). Верхние края мерлушковых околышей обязательно оторачивались выдрой, а верхушка (ора) делалась из какого-либо яркого, но не желтого сукна, центр отмечался кружочком, куда пришивалась кисть из красных шелковых нитей, поэтому калмыки называют себя «улан залата хальмг», т. е. «калмыки с красной кисточкой». (По-видимому, «улан зала» означает солнце, которое почиталось калмыками, а шелковые нити —его лучи.)

Начиная с середины XIX в., в калмыцкую среду стали проникать привозные городские головные уборы. По сообщению П. Небольсина, хошеутовские калмыки иной раз летом носили фуражки с глянцевыми козырьками и красными околышками,[27] заимствованные от астраханских казаков. В 80-х гг. XIX в., согласно свидетельству И. А. Житецкого, летом зайсанги носили обыкновенно серые фуражки с зеленым околышем и красными кантами.[28] В XX в. фуражки городского производства получили широкое распространение, их носили все калмыки, начиная от мальчиков и кончая пожилыми.

Килиг — женская (нательная) рубаха, надевавшаяся через голову, была совершенно аналогична по крою мужской рубахе. У пожилых она имела прямой разрез спереди и застегивалась на белые пуговицы фабричной работы или на металлические крючки.

Поверх рубашки в качестве повседневной рабочей одежды калмычки носили длинные до пят платья (хутцан). Лиф платья имел прямой разрез на груди сверху донизу, юбочная часть была широкой. Обе стороны нагрудного разреза украшались золотыми и серебряными галунами, часто узкими позументами.

К повседневной одежде относилась и длинная до пят безрукавка (цегдег) из тканей темного цвета. Женщины носили ее летом.

В качестве теплой одежды у калмычек бытовал стеганый кафтан на вате (хаваста) из тканей черного цвета с длинными рукавами и низким стоячим воротником.

К праздничной женской одежде относятся нарядные терлег и цегдег, бытовавшие до 30-х годов XX в. Их шили всегда в талию, длиной до щиколоток, из лучших сортов шелка, бархата, тонкой парчи ярких расцветок, за исключением белого, желтого и черного цветов. Края подола, грудной разрез, рукавные проймы, обшлага на рукавах украшались каймой вышивки, в которой сочетались гарусные нитки разных цветов, а затем пришивался позумент.

Зимней одеждой для калмычек служила некрытая шуба совершенно такого же покроя, как и мужская, но женская была

Женский национальный костюм цегдег с терлегом

Женское национальное платье хутцан

менее просторна, шили ее всегда в талию. Края подола, полы и рукава оторачивались мерлушкой, у богатых, хотя и редко — выдрой, бобром и обшивались каймой из цветного материала.

Кроме овчинной шубы богатые и знатные женщины носили йучи — шубу на легком меху, покрытую дорогой тканью.

Замужние женщины и вдовы в отличие от мужчин и девушек никогда не подпоясывались. Волосы их разделялись на две половины и заплетались в косы, которые укладывались в бархатные или шерстяные чехлы (накосники) — шиверлиги, спускались на грудь, пропускались через петли, пришитые сбоку на платья, на уровне пояса. На конце каждой косы замужние калмычки привязывали по серебряной подвеске (токуг), призванной от-

Калмычка в национальном головном уборе камчатка

гонять чертей (шулмусов), пристававаших, по представлениям калмыков, к длинным женским волосам. Женщины ходили в шапках. Считалось, что простоволосой быть неприлично.

Наиболее распространенным повседневным головным убором калмычек была маленькая круглая шапочка, которую пожилые женщины носят и сейчас.

Вторым типом женского головного убора была так называемая «тамша»—круглая плисовая шапочка с закругленным верхом. Старинный головной убор замужней молодой и средних лет женщины — халмаг, круглая по форме и довольно тяжелая по весу шапка. Ее кошмовая основа обтягивалась черной шелковой материей (нередко парчей) и украшалась вышивкой из золотых или серебряных ниток.

Существовал еще один головной убор, известный у калмыков под названием «устя халмаг»— меховая женская шапка четырехугольной формы, околыш которой делался из дорогого меха (соболя, бобра, выдры).

Пожилые и преклонного возраста женщины носили шапку хаджилга, довольно высокую и объемистую, околыш ее делался из черной мерлушки, иногда из шкурки ягненка-выкидыша (каракульчи).

Калмычки в национальных костюмах и головных уборах

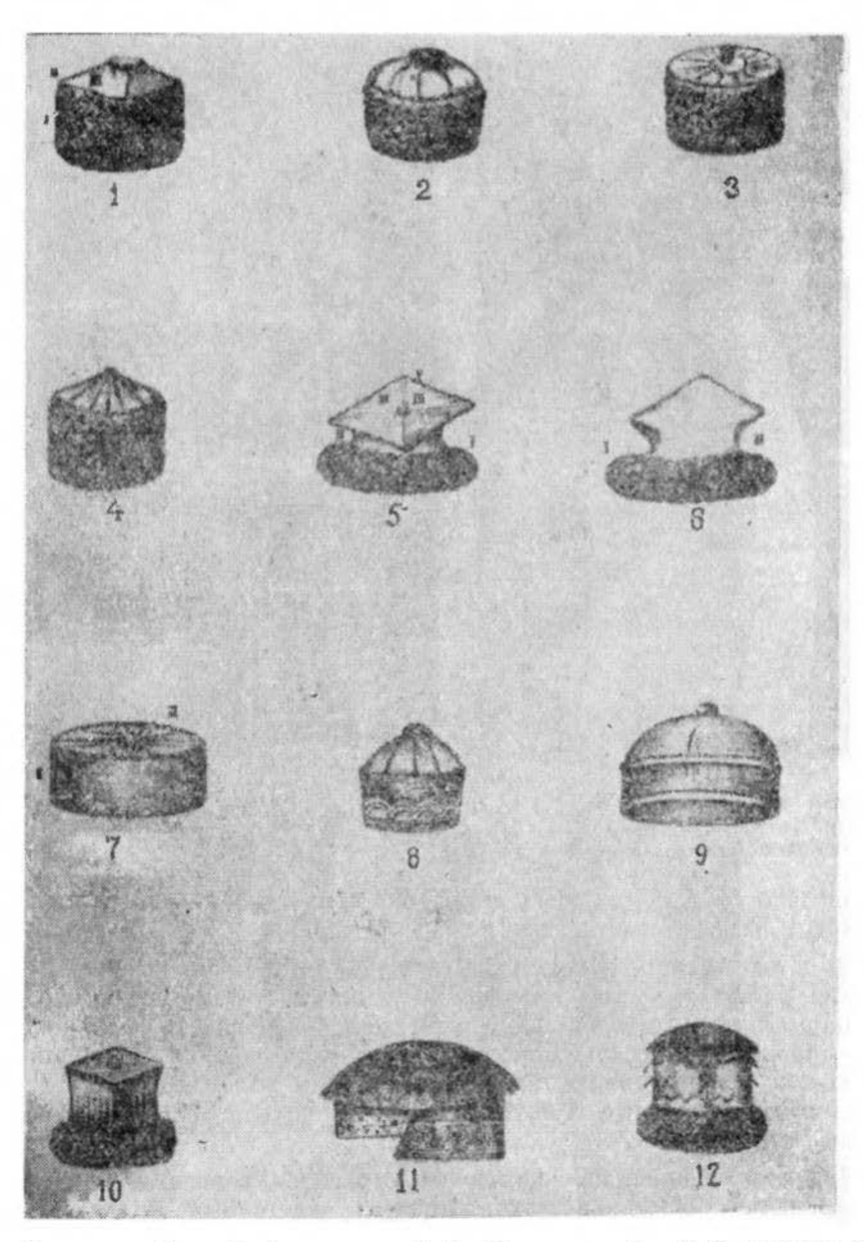
Одежда девушек и девочек была мало специфична. По калмыцкому обычаю девушки обязательно носили поверх нижнего белья сшитый из материи, чаще из холста, желятиг — жилет, представлявший собой не что иное, как своеобразный корсет (камзол) без рукавов.

Поверх желятиг девушки надевали особый бюшмюд (он назывался часто «бииз»), изготовлявшийся из шерсти, шелка и ситца более нарядной расцветки.

Теплой зимней одеждой для девушек служила овчинная шуба, ничем не отличавшаяся по покрою от женской, а в богатых семьях легкая шуба на меху.

В начале XX в. в качестве праздничного головного убора девушек и молодых женщин встречались высоко ценившиеся нарядные камчатки — низенькие шапочки, украшенные эффектными вышивками, заимствованные, по всем данным, у татарского населения г. Астрахани. Иногда такие шапочки носили пожилые женщины из богатых и знатных семей. В начале XX в. распространение получили фабричные платки.

Большого различия между обувью мужской и женской не существовало. Повседневной обувью как мужчин, так и женщин

Головные уборы: 1—4 — торцог: 5, 6, 10 — хаджилга: 7, 9 — тамша: 11 — халмаг: 12 — устя халмаг

Девушка в националь-
ном платье бииз и го-
ловном уборе камчатка

Женщина в калмыцкой
национальной одежде

были сапоги. Для мужчин шили преимущественно из сафьяна (булгар) черного цвета, для женщин — красного.

В конце XIX в. среди мужчин широкое распространение получили фабричные сапоги. Во время летних работ мужчины носили башмаки, изготовленные по русскому образцу. В годы первой мировой войны большое распространение получили поршни, сшитые из сыромятной кожи. Зимой носили валенки. Обувь надевали на войлочные чулки, шерстяные носки, шерстяные обмотки — онучи.

К числу ювелирных украшений относятся серьги и кольца, изготовленные в основном калмыцкими мастерами. Замужние женщины носили серьги в обоих ушах. Девушки — только в правом ухе. Кольца изготовлялись для богатых заказчиков из се-

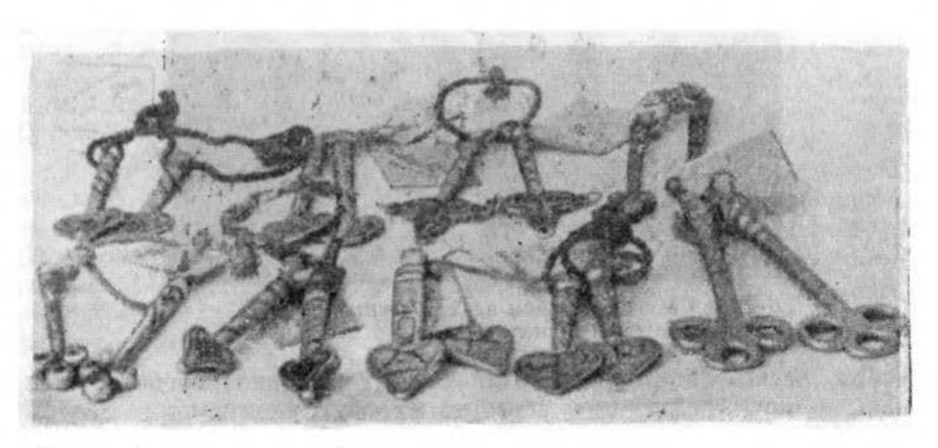

Девушка в национальном платье бюшмюд и головном уборе халмаг

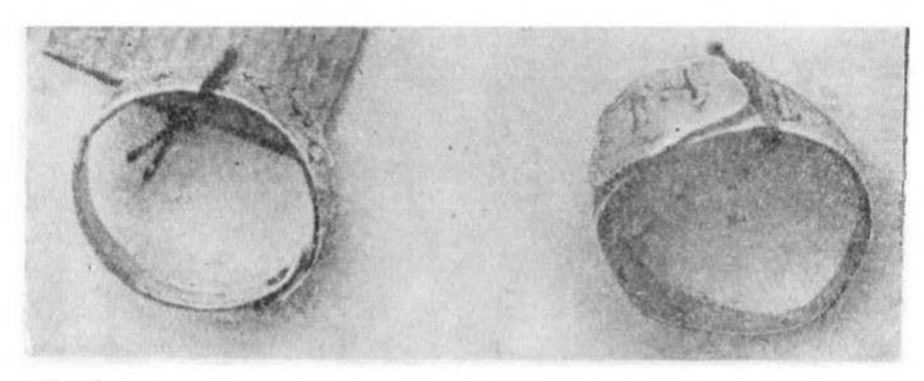
ребра, редко — из золота, а для бедных — из низкопробного, так называемого «польского» серебра, а также из меди.

К числу женских украшений относились упомянутые выше токуги. Браслеты не получили распространение в быту калмыков.

Женские пуговицы

Токуги (подвески к косам)

Серебряные кольца

Мужчины носили бюс — пояс, металлическая часть которого делалась из серебра, «польского» серебра или сплава (фраже), часто покрытых чернью.

Пища и напитки. Утварь

Основу пищи калмыков конца XIX—начала XX вв. составляли молоко и мясо, из которых приготовляли разнообразные кушанья. При этом мясо могло быть ежедневно в рационе только у более зажиточной части населения. В пище основной массы калмыков преобладали молочные продукты: мясо входило в меню редко. В приволжских и прикаспийских улусах основными в пищевом рационе были рыбные блюда.

Молочная пища. Большую роль в питании всего калмыцкого населения играл так называемый калмыцкий чай, который варили с молоком, маслом и солью, пили его с лепешкой. Он употреблялся ежедневно. Всех гостей без исключения, независимо от общественного, имущественного положения, пола, возраста и национальности, калмыки сначала угощали чаем и только потом—другой пищей. Этот обычай обнаружен у цайдамских монголов, во Внешней Монголии и в Бурятии. Из народов немонгольского происхождения такой чай употребляют южные алтайцы, хакасы и тувинцы, т. е. тюркоязычные народы — соседи монголов и ойратов. Калмыцкий чай был заимствован соседним русским населением, проживавшим на территории современных Ставропольского края, Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей, и даже многими народами Кавказа: кумыками, чеченцами, ингушами, кабардинцами, адыгейцами, ногайцами и т. д.

Повседневную пищу калмыков составляли молоко и изготовленные из него продукты. Из коровьего молока получали сметану, сливки, масло. Значительная доля молока использовалась для

Чаепитие у кибитки

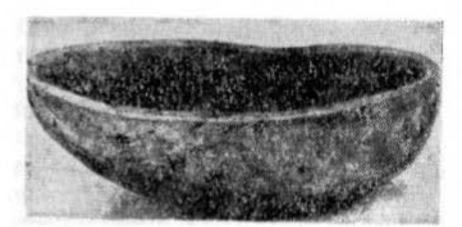
приготовления чигяна (кислого молочного напитка), из которого выкуривалась молочная водка — арака разной крепости. Калмыки не употребляли водки до очень пожилого возраста. Перегонкой чигяна на водку занимались в основном с целью получения бозо—так называлась гуща, остающаяся после выкуривания араки. Из натурального и отжатого, отпресованного бозо женщины готовили разнообразные молочные продукты и блюда: эдмег, керцег, адмаг, шюрмег, хурсун и т. д. Им же обрабатывали шкуры (об этом мы рассказывали выше) и кормили домашних животных.

Перегонка чигяна на араку была распространена среди монголов, бурят, тюркоязычных южных алтайцев, хакасов, тувинцев. Это объясняется общностью их историчских судеб и многовековым соседством, а у монгольских народов их генетическим родством

Кумыс, приготовлявшийся из кобыльего молока, не играл какой-либо существенной роли в питании большинства населения. Некоторые семьи изготовляли кумыс в лечебных целях. Лечили им больных туберкулезом легких или детей, страдающих бронхиальными и желудочными заболеваниями. Кумыс употреблялся

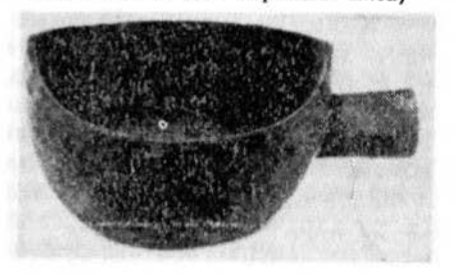
Кадка для изготовления чигяна и кумыса

Тевиш (блюдо для вареного мяса)

Тавыг (чаша для вареного мяса)

Деревянная чашка для водки

лишь в богатых и знатных семьях, особенно буддийскими монахами и гелюнгами ламаистских хурулов, которые содержали для его приготовления целый штат батраков.

Мясная пища. Характерной чертой пищевого режима калмыков был его сезонный характер. Мясные блюда в теплое время года употреблялись редко, в основном питались молочными продуктами. Зимой же преобладали блюда растительные и мясные, дополняемые некоторыми молочными.

Наиболее распространенным и любимым видом мяса у калмыков была баранина, которая (особенно мясо яловых взрослых овец) считалась целительной, лекарственной. Бульоном из баранины калмыки лечили некоторые болезни.

Калмыки охотно ели и едят конину, мясо крупного рогатого скота, верблюда, а также свинину, хотя свиней калмыки разводили очень мало. В пищу шло также мясо всех домашних птиц: уток, гусей и кур. Из дичи употреблялось мясо зайца, сайгака и дикого кабана. Но мясо птиц и диких животных играло незначительную роль в питании калмыцкого населения.

Сразу после разделки туши овцы калмыки обычно варили все внутренности (дотур), в том числе печень, почки, сердце и легкие. Съедали это блюдо коллективно, всем хотоном.

При угощении самой почетной частью туши считалась баранья голова. Предварительно от нее отделялась нижняя челюсть, и в таком виде голова подносилась самому старшему в семье или самому уважаемому гостю. При этом следили, чтобы она все время была обращена мордой к тому, кому ее подавали.

Особый почет выражали также, подавая баранью лопатку (даал) старикам или высокоуважаемым гостям-мужчинам. Пожилым мужчинам полагалось подавать большую берцовую, тазовую и лучевую кости, а женщинам старшего возраста — бедренную кость. Девушкам было принято давать грудинку, мальчикам — почки, уши; разрезанное по вертикали сердце подавали девочкам.

Калмыки знали различные способы сохранения мяса от порчи и заготовки его впрок. В жаркий период года мясо сушили на солнце, предварительно чуть подержав в соленой воде. Зимой коптили его, вывешивая у дымохода на верхнем круге кибитки. Разрезанное на куски мясо солили, смешивали с нарезанным чесноком, лавровым листом, гвоздикой. В таком виде оно помещалось в овечий рубец, этот «мешочек» завязывался и вывешивался на харачи. Мясо подвергалось копчению, что также обеспечивало сохранение его питательной ценности.

Калмыки знали различные мясные блюда, но наиболее распространенным был мясной бульон (шолюн) без приправы. Только с середины XIX в. под влиянием русского населения к супам стали прибавлять небольшое количество картофеля, а также лук и капусту. В дальнейшем картофель, лук, капуста, помидоры и другие овощи постепенно вводились в меню.

Довольно широкое распространение в быту калмыков имело блюдо из нарезанного на мелкие кусочки мяса, к которому прибавляли лапшу из пресного теста, преимущественно из пшеничной муки.Очевидно, оно было воспринято калмыками у русского населения.

Мясо жарили в собственном соку в сковороде, закрытой другой сковородой и зарытой в горячей золе.

Очень вкусным кушаньем был кюр. Приготавливался он следующим образом: баранью тушу и курдюк разрезали на куски.

Всю эту массу с добавлением приправ вкладывали в хорошо очищенный от пленки и тщательно промытый рубец овцы и завязывали. В вырытой яме разводили костер. Затем, в образовавшуюся золу клали наполненный мясом рубец, засыпали слоем земли и на ней разводили огонь. Мясо под воздействием этого жара тушилось в собственном соку без доступа воздуха. Это кушанье приготовлялось пастухами и, несомненно, относилось к числу блюд очень древнего происхождения.

Одним из интересных кушаний является колбаса (чиксен махан), приготовляемая из прямых бараньих кишок, начиненных нарезанными тонкими жгутиками диафрагмой и сеткой. Кишки лошади или коровы не начинялись, а сразу варились. Приготовление колбасы известно у монголов еще с XIII в.[29]

Калмычки готовили блюдо, которое называлось «бёрг». Мясо, искрошенное на мельчайшие кусочки, заворачивали в тонко раскатанные кружочки теста и варили в котле.

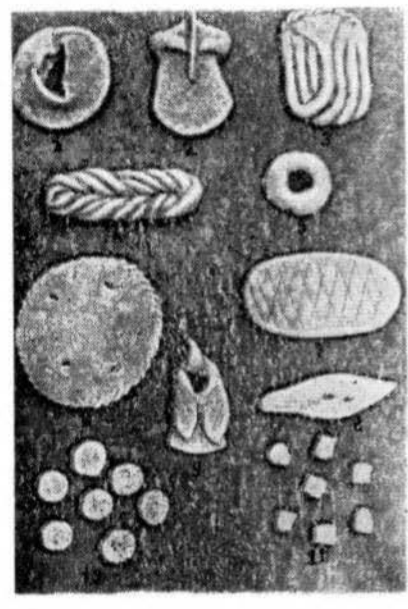
Вкусное кушанье приготовляли из верхней части грудинки, вырезанной вместе со шкурой (керсенг). Шерсть палили на огне, и мясо, хорошо промытое в теплой воде, жарили на сковороде.

В конце XIX в. в меню богатых зайсангов, особенно живших на окраине Калмыцкой степи, можно было встретить обыкновенный суп, котлеты, жаркое, но их готовили лишь для русских гостей.

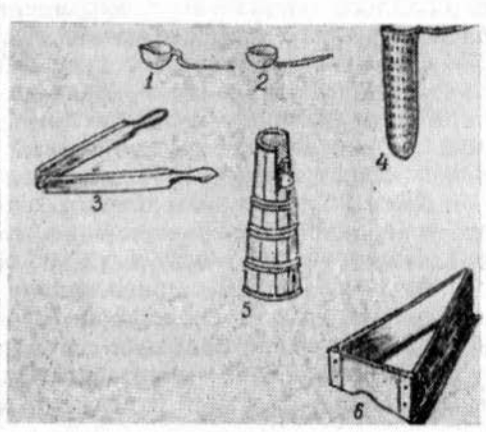
Из жиров калмыки употребляли больше всего сливочное масло, которым заправляли калмыцкий чай. Топленое масло использовали реже. Из животных жиров лучшим считалось баранье сало, затем конский и верблюжий жир и, наконец, свиное сало. Из растительных жиров употребляли, хотя и редко, горчичное, подсолнечное, иногда конопляное масло. Их, как правило, покупали в соседних русских селах.

В рыболовецких районах из рыбы приготовляли разные кушанья. Довольно распространенным блюдом была уха. Особенно ценилась уха из осетровых рыб. Летом и осенью в период массового лова рыбы калмыки производили заготовку ее впрок на зиму. Для этого вареную рыбу сушили на солнце. Рыбу ели и в жареном виде. Из икры, добавив к ней немного муки, выпекали лепешки (обычно — в дальнюю дорогу).

Мучные и крупяные блюда. Общение с русским и другими земледельческими народами усилило потребление хлеба и мучных блюд. По свидетельству П. С. Палласа, во 2-й половине XVIII в. калмыки покупали хлеб и крупу у россиян и «употребляли оного немного».[30] Но, начиная с 30-х гг. XIX в., когда калмыки стали постепенно заниматься земледелием, особенно в дербетовских улусах стала выше и доля мучных продуктов в пищевом рационе.

Борцоги (жареные мучные изделия): 1, 7 — китэ; 2 — хуцэ (баран); 3 — мошкмур; 4 — джола; 5 — тогш; 6 — цельвиг; 8 — шовгор; 9 — птица; 10 — таслмыр борцог; 11 — хорха борцог

Домашняя утварь: 1, 2 — деревянные половники; 3 — шахлур (дощечки в виде щипцов, употребляемые при варке чая); 4 — шюр (холщовый мешочек) для чая: 5 — дамбо для чая: 6 — тявцэ (подставка) для котла.

Из муки пекли в горячей золе пресные лепешки (гуйр). Калмычки месили тесто на воде с солью или на воде с примесью молока, сметаны, масла и животных жиров. Уже с середины XIX в. лепешки пекли и на сковородках.[31] Этот способ печения пресных лепешек бытует у южных алтайцев,[32] монголов, бурят, тувинцев, казахов и башкир. В условиях единоличного крестьянского хозяйства употреблялся ржаной хлеб, особенно в тех районах, где не занимались земледелием. Пшеничная мука, даже крупного «крестьянского» размола, доступная немногим, была роскошью для абсолютного большинства семей.

Борцоги, которые приготовлялись из пшеничной муки, жарили в масле, животном или растительном и, как правило, в котле. Борцоги относились к числу любимых кушаний. Их употребляли редко, как праздничное блюдо, ими угощали гостей.

Излюбленным блюдом калмыков был булмаг. Он приготовлялся следующим образом: на дне горячего котла растапливали

сливочное масло, сметану, сливки, животные и другие жиры. Затем туда подсыпали муку, беспрерывно помешивая ложкой и добавляли чуть соленую воду. В результате получалось заваренное месиво — очень питательное блюдо, которое бытует и сейчас у калмыков и бурят.

Одним из распространенных кушаний у бедняков, особенно в осеннее и зимнее время, был будан. В котлах кипятили молоко, разбавленное водой, туда подсыпали муку, непрерывно помешивая половником. В будан клали мелко нарезанное мясо, заправляли его маслом или животным жиром.

В конце XIX—начале XX вв. под влиянием русского населения большое распространение получили различные каши, особенно пшенная, затем рисовая, манная, гречневая, заправленные маслом или животным жиром.

Пища, приготовляемая из диких растений, не играла сколько-нибудь существенной роли в питании калмыцкого народа.[33]

Домашняя утварь. Хрупкая стеклянная и глиняная посуда не годилась для кухни кочевников. Она изготовлялась из кожи, дерева, металла. В любой калмыцкой семье был чугунный котел, в котором варили все жидкие блюда. Лишь богатые семьи имели особые котелки для чая. Имелась также деревянная треугольная подставка для котла (тявца), была распространена деревянная поварешка — шанга. В богатых семьях, у гелюнгов и сравнительно редко в семье среднего достатка приготовленный чай переливался из чугунного котла в специальный сосуд — домбо (дондӂиг). Этот сосуд изготовлялся из твердого дерева, иногда даже из ореха, и обтягивался медными, часто высеребренными обручами.

Для приема жидкой пищи (чая, супов, чигяна, кумыса) употреблялись круглые неглубокие деревянные чашки (ага). Мясо подавали в специальных деревянных корытцах или больших долбленных чашах (таваг), ели его, как правило, руками.

С конца XIX в. старый кухонный инвентарь быстро вытесняется обычной городской посудой, бутылками, штофами, стеклянными четвертями, металлическими сосудами и т. д.

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. произошли заметные изменения в бытовом укладе калмыцкого народа, в его культуре и психологии. Они являются результатом перехода значительной части калмыков к полуоседлости, оседлости, земледелию и рыболовству, а также усилившегося влияния русского населения и проникавших в хозяйство капиталистических отношений.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Семья и общественный быт, пожалуй, наименее изученный раздел калмыцкой этнографии. Семья является одной из самых важных сторон общественной жизни народов. Она составляет низовую социальную ячейку, «молекулу общества», своеобразно отражающую процесс исторического развития человечества. В настоящем разделе автор пытается дать более или менее полное описание семейной и общественной жизни калмыков в конце XIX—начале XX вв. Основным источником при его написании послужили полевые материалы, собранные автором во время работы этнографического отряда Института этнографии Академии наук СССР и командировок в районы Калмыцкой АССР, а также некоторые литературные данные.

Семейные отношения

В конце XIX — начале XX вв. господствующей формой семьи у калмыков была малая моногамная семья, состоявшая из родителей и несовершеннолетних детей. Барон Ф. Бюлер пишет, что «многоженство дозволяется, но примеров его нет».[1] П. Небольсин указывает на то, что степные калмыки ни в чем не изменили своей старине, родным обычаям и предписаниям религии, повелевающим им только единоженство.[2] По сообщению Я. П. Дубровы, калмыки почти все без исключения строго придерживаются моногамии.[3] Многоженство не бытовало в калмыцком обществе. Встречались отдельные факты двоеженства в богатых и знатных семьях, в случае отсутствия детей от первой жены (аваль) и с ее согласия. И. А. Житецкий сообщает, что в икицатановом «роду» зайсанг взял вторую жену с разрешения первой, так как дети от нее умерли, и старая жена продолжала жить с ними в силу привязанности.[4] Нам известно двоеженство, имевшее место в Абганеровском аймаке Малодербетовского улуса в начале XX в. Состоятельный человек Дорджи Бадмаев женился вторично ввиду бездетности первой жены.

Очень долго, вплоть до Октябрьской революции, сохранялись пережиточные формы неразделенной семьи. Никаких сведений о численном составе такой семьи ни в архивных документах, ни в литературных источниках не имеется. Согласно данным, собранным нами, такая «большая семья» состояла максимально из представителей трех поколений: родителей (отца и матери), детей (семей их сыновей) и внуков.

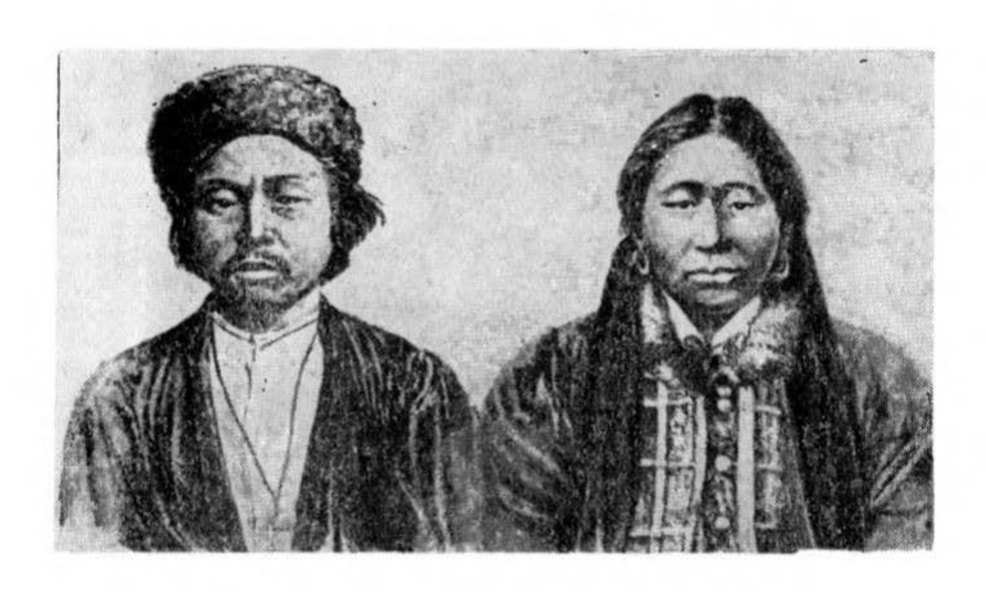
Во главе такой семьи обычно стоял отец — старик, очень редко — мать. Если он(она) потерял трудоспособность, стал дряхлым, то всем хозяйством и общественной жизнью руководил старший сын. Все остальные члены семьи должны были подчиняться

Калмыцкая семья

ему как главе семьи и беспрекословно выполнять все его распоряжения. Однако он не обладал всей полнотой власти. Он регулировал семейные дела, распределял работу между членами своей неразделенной семьи. Все важные вопросы решались сообща.

Домашним хозяйством руководила мать, затем жена старшего брата. П. Небольсин свидетельствует о том, что «жены зани-

Муж и жена в старинной национальной одежде

маются работами в большой же кибитке, и старуха-мать освобождается от всех трудов по хозяйству, которое переходит в главное заведывание старшей снохи».[5] Старуха-мать помогала снохам в уходе за детьми, в обработке сырья (кожи, шерсти) и шитье одежды и т. д., а девочки-подростки и девушки помогали во всем родителям и женам братьев, работали под наблюдением старших. Женщины выполняли всю домашнюю работу: варили пищу, доили коров, носили воду, шили одежду, обрабатывали шкуры и шерсть, летом занимались заготовкой кизяка, переработкой молочных продуктов. Особенно тяжелым было положение младшей снохи. Она должна была вставать раньше всех, выполнять самую тяжелую работу, вынуждена была соблюдать самые унизительные в патриархальной семье обычаи и обязанности. Она последней уходила из большой кибитки домой на ночной отдых.

Тяжелое положение младших снох часто служило поводом для раздела общего хозяйства. Братья, желая отделиться, указывали на ссоры снох, не желавших уживаться в большой семье. Смерть родителей, которые цементировали патриархальную семью, также часто служила поводом ее дробления. Нередко бывали случаи отделения женатых сыновей и при жизни родителей-стариков. Последние оставались вместе с семьей одного из сыновей, с женой которого они жили в ладу. Выделившиеся семейные пары продолжали жить в том же хотоне, где жили родители и род-

ственники главы семьи. Встречались отдельные факты, когда они укочевывали в хотоны родных жены или уходили в батраки в соседние хотоны или русские села.

Порядок раздела семейного хозяйства был основан на нормах обычного калмыцкого права, какой-либо сложностью он не отличался. Дележу подлежали скот, основные орудия производства, утварь и прочее домашнее имущество, все, что считалось общим достоянием большой отцовской семьи. Личная собственность: одежда, обувь, головные уборы, предметы украшения и мелкое домашнее имущество, приобретенное при вступлении в брак,— не делилась.

Каждая семейная пара имела свою кибитку, которая также не подвергалась дележу. Большая кибитка отходила к родителям или к тому сыну, с которым будут жить старики-родители. К отцу отходили постоянное жилое помещение (саманная изба, деревянный дом), а также надворные хозяйственные постройки, поставленные на зимних стоянках.

Несмотря на то, что калмычка находилась в полном подчинении у мужчины и под его контролем, она пользовалась известной свободой и самостоятельностью в домашнем хозяйстве и быту. П. Небольсин пишет: «Калмыки тем разнятся от племен, исповедующих ислам, что у них женщина имеет человеческое, а не рабское значение. У многих мухаммедан, хотя и не у всех и не в одинаковой степени, она исключена из общения с мужским полом не только в забавах, но даже и в молениях. У калмыков права женщины уравновешены и в том и в другом случае с правами мужчины». И далее: «...Мужчина, хотя бы это был сам владелец (улуса — *У. Э.*), заметив, что встретившаяся ему женщина хочет сойти со своего коня, должен сам спешиться и помочь ей соскочить с седла. Женщина, жена или дочь, сама угощает почетных гостей».[6] Это соображение подтверждается другим наблюдателем: калмыки «...в домашней своей жизни, равно и в отношениях к жене, далеко не деспотичны и в дела жен не любят вмешиваться. Если и бывают драки между мужем и женой, то случается это только лишь в состоянии опьянения мужа или жены... Напротив, по моим наблюдениям, калмыки всячески избегают ссор с женами и «заводить их с женщиной», хотя бы и женой, считают ниже своего достоинства. К тому же мужчины (не говорю уже о женщинах) совершенно чужды сквернословия: всякую ругань считают «кислым словом» и презирают любителей «словесной кислятины».[7] Положение той или иной калмычки в семье и обществе определялось не только возрастом, но и ее социальным происхождением. Женщина, происходившая из богатой и влиятельной семьи, вела себя сравнительно свободно, пользуясь поддержкой своих родных. В калмыцкой семье бытовало строгое

Муж и жена с детьми в старинной национальной одежде

соблюдение патрилинейности, счет родства велся по отцу, наследниками которого считались только жены и сыновья. П. Небольсин писал: «Сестры при братьях — не наследницы».[8] То же самое писал Я. П. Дуброва.[9]

После распада «большой семьи» патриархальные обычаи и традиции в значительной мере сохранялись для женщин. По-прежнему невестка не могла называть по имени всех старших родных мужа — его отца, мать, дядьев с любой стороны, а также жен старших по положению, ей нельзя было показываться старшим родным мужа с босыми ногами и без головного убора. Если имя старшего совпадало с именем младшего, то она заменяла имя последнего другим.[10] Жена не называла своего мужа по имени. Ей приходилось пользоваться словами: натка кюн (другой человек), одака кюн (тот человек), герин эзн (хозяин дома), мана

кюн (наш человек). Она могла называть своего мужа только на «вы», в ее словаре не существовало в обращении к мужу слова «ты», чем подчеркивалось неравноправие женщины с мужчиной.

Женщина не имела права перешагнуть через нагайку, укрюк (шест с петлей для ловли лошадей), охотничье ружье или задеть их подолом своей одежды; ей запрещалось «перерезать» мужчине дорогу, высыпать мусор, когда идет представитель мужского пола. Молодым снохам нельзя было находиться в той части жилища, где расположены кровати, имущество и бурханы (иконы) хозяев — старших по отношению к их мужьям. Их место было там, где размещается домашняя утварь.

Женщина фактически была отстранена от участия в основных процессах главных отраслей калмыцкого хозяйства, с каждым годом усиливалась ее экономическая зависимость от мужчины. Мужчины были пастухами, табунщиками и чабанами. Они же занимались земледелием и заготовкой кормов для скота, рыли колодцы, строили пруды и плотины, теплые и холодные помещения для сельскохозяйственных животных. Мужчины были и основными строителями жилых зданий. Развитие капиталистических отношений в Калмыкии укрепляло неравноправие мужчин и женщин. П. Небольсин писал: «Калмыки-рыболовы круглый год в тяжелой работе... жены их одни исправляют все домашние работы и, по бедности в стадах, более занимаются изысканием способов продержать свои семьи не в крайности, в ожидании того вожделенного дня, когда калмыки, мужья их, воротятся с ватаг, с заработками».[11] В ловле рыбы, на солеломнях и в других отходнических работах женщина почти не участвовала. Энгельс писал: «...ограничение ее (женщины — *У. Э.*) труда домашней работой,— эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнение в правах с мужчиной, невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом.[12]

Дети воспитывались в духе уважения и беспрекословного подчинения родителям и старшим. Обычай обязывал как мужчину, так и женщину оказывать искреннее почтение и внимание старшим по возрасту и положению, держать себя при старших корректно, не вмешиваться в их разговоры. Строго осуждалась развязность при обращении к старшим. Ни один молодой человек не осмеливался попросить у старших прикурить, тем более выпить, не садился до тех пор, пока старший не скажет: са-

дись. Я. П. Дуброва отмечал, что «в отношениях между собой старики пользуются большим почетом и уважением — молодежь безгласна пред ними. «Стар человек» — лицо, застрахованное от оскорбления».[13] Утверждение, что перед стариками молодежь безгласна, вряд ли точно. Поведение молодежи (особенно юношей) не было регламентировано такими строгими правилами, какие существуют у некоторых других народов. Молодые люди могли находиться в общественных местах, свободно появляться там, где считали нужным, сидеть и слушать разговор старших, участвовать в сходках, высказывать свое мнение, если это необходимо.

Брак и свадебные обряды

У калмыков категорически запрещаются браки между родственниками любого поколения по отцовской линии. И. А. Житецкий сообщает, что «по мнению бакши Ики-Багутова хурула Эркетеневского улуса невозможен брак до 10-го колена, а по утверждению духовенства Ики хурула в Малых Дербетах (бакши, зурхачи) — до 49-го колена. В 80-гг. XIX в. зайсанг Яндыковского улуса Кекшин Оргичкеев хотел женить сына на девушке Керетовского рода Эркетеневского улуса, но родители невесты отказали, мотивируя тем, что они были близкие родственники и составляли один род до удаления части калмыков из России, т. е. до 1771 года».

Вплоть до Октябрьской революции у калмыков встречались отдельные факты института левирата, сороратные браки. В быту калмыков имели место отдельные факты приймачества.

Заключение брака путем похищения невесты, хотя и встречалось, но было крайне редким явлением. Браки с умыканием сурово осуждались общественным мнением.

В подавляющем большинстве случаев бракосочетание у калмыков было связано с уплатой выкупа за невесту (калыма) с одной стороны и требованием приданого — с другой. Как только семьи молодых давали взаимное согласие на брак, они тут же договаривались о размерах калыма, который назначался родными невесты произвольно. Брали выкуп обычно натурой: например, просили дорогостоящую шубу из мехов пушных зверей и мерлушки отцу девушки, ее брату — лошадь с седлом.

Право выбора невесты для сына, жениха для дочери принадлежало родителям и близким влиятельным родственникам. После того, как выбор был сделан и сошлись мнения всех, кто имел голос в этом совете, родители жениха обращались к родным девушки, к ее отцу, брату или влиятельному родственнику.

В случае согласия на брак молодых начиналось исполнение свадебных обрядов, обязательных для всех социальных слоев общества. Родные жениха совершали трехкратную поездку к ее

родителям с недорогостоящими подарками (одно бортхо, два бортхо и три бортхо араки и подарки для детей).

После завершения сватовства калмыки соблюдали три главных обряда свадебных торжеств (хюрюм), которым придавалось большое общественное значение. Во время этих торжеств молодежь усваивала нравственные и правовые нормы. Это было важное событие не только в жизни самих молодых, но и всех родственников, хотона в целом. Свадьба для обеих семей была связана с большой хозяйственной подготовкой. Промежуток времени между обручением и свадьбой был до года, а то и до трех лет. За этот период родные жениха готовили для новой семьи остов кибитки со всем кошмовым покрытием. Совершались трехкратные, установленные обычаем, свадебные поездки жениха с большой группой людей к родным невесты; церемонии, связанные с этими поездками, были сопряжены со значительными хозяйственными расходами. Семья девушки готовила всю домашнюю обстановку: сундуки (абдар), укюг (шкафчик для продуктов), посуду, часть принадлежностей кибитки (хошлинг — широкая тканая тесьма), волосяные и шерстяные веревки, комплект одежды замужней женщины на несколько лет, постельные принадлежности, подарки для родных жениха.

Девушку увозили в хотон жениха только в третью поездку. Гости обычно приезжали днем, оставались ночевать. При всех обстоятельствах участники свадьбы не ложились спать, продолжали веселиться до раннего утра. На заре происходило шуточное сражение (кюке булаха): жених и его родственники, награждаемые ударами молодых женщин, девушек, а иногда и парней — родных и близких невесты, пытались прорваться в кибитку, чтобы вынести приданое и вывести невесту.

В хотон жениха девушку провожали ее родные. Количество провожатых иногда доходило до 20—25 человек, в числе которых обязательно были мать невесты и самая молодая сноха (берген) — жена брата или родственница по отцу. Если матери не было в живых, ее заменяла самая старшая сноха — жена родственника или старшего брата. После прибытия свадебного поезда начинались взаимные приветствия и угощения, а затем отдых.

Во второй половине дня исполнялся обряд приема невесты в род мужа (бере мергюлгн) — поклонение молодой очагу и роду родных, т. е. предкам мужа. Все его родные готовились к исполнению этого обряда. Молодая садилась у порога, с наружной стороны, перед ней держали занавеску, закрывая ее лицо от сидящих в кибитке. Мужчина, который первым коснулся девушки накануне вывода ее из родительской кибитки, заставлял молодую трижды поклониться бурханам и с криком «бурханд мерг-

мю»,* трижды отдать поклон желтому солнцу (шара нарандан мергмю) — источнику света, тепла, жизни. Трижды кланялась молодая и в сторону большой берцовой кости овцы (шага чимгенде мергмю), положенной внутри кибитки; эти поклоны символизировали моление о даровании ей сына, который будет играть в альчики. Затем молодую заставляли поклониться очагу (гал гулматан мергмю) — символу семьи и семейного очага, счастья, без которого существование семьи не мыслилось. То же самое повторялось в честь духов предков (эки-эцкин сякуснд мергмю) и, наконец, следовали поклоны отцу и матери мужа, при этом сопровождавшие девушку мужчины бросали в них кусочки сала из полной чаши, заблаговременно поставленной у порога. После всех обрядовых поклонов находившиеся около молодой громко спрашивали, желают ли родители жениха принять свою невесту.

Переступив порог своего нового дома, молодая брала кусочки сала и кизяк, бросала их в огонь. Все присутствующие говорили молодым благопожелания: желали счастья, много детей, долгих лет жизни, высказывали различные поучения. Здесь же девичье имя молодой заменяли по желанию родных жениха (нэр сольх) каким-нибудь другим именем. Ее родные дарили родителям жениха дорогостоящие платья и широкие штаны из простого материала — матери, этот символический подарок делали в знак благодарности чреву матери, родившей сына. Этот обряд исполнялся в кибитках дядей по отцу, старших братьев и других близких родственников жениха.

В день прибытия свадебного кортежа поздно вечером специально выделенные замужние женщины расплетали девичью косу молодой, делили волосы на две половины, заплетали их в две женские косы и укладывали в шиверлиги (чехлы для кос). Молодую одевали в полный костюм замужней женщины.

Молодая женщина навсегда расставалась с девичьей свободой, какой она пользовалась в доме родителей. Она по закону и традиции порывала со своими родителями, полностью лишалась права переступать порог родных как по отцу, так и по матери, вступала в родню мужа, в его анги, аймак и улус (если она из другого аймака или улуса).

Многие обычаи и обряды, существовавшие у калмыков в конце XIX — начале XX вв., были далеко не нейтральными. Следует указать, что со временем отдельные вредные пережитки постепенно отходили в прошлое, но в целом система обычаев и обрядов, унижавших человеческое достоинство женщины, сохранялась.

---

* Этимология слова «мергмю» неясна, возможно это означает: «сим кланяется вам».

Для изучающих историю семьи, как социального института, большое значение имеет исследование терминологии родства. До сих пор ученые обращали очень мало внимания на термины родства, бытующие среди калмыков. Между тем отдельные термины родства отражают общественную структуру, реально существовавшую в эпоху матриархально-родового строя. В терминологии родства у калмыков прослеживается классификационная система родства. Ряд терминов обозначает лишь строго определенную категорию родственников. Вся родня по матери независимо от возраста носит общее название «нахцнар», тогда как родственники по отцу называются общим наименованием «терлмюд» (от слова «терх» — «рожать»). Дети родных сестер называют друг друга «беле», «белнер», независимо от степени родства и пола, тогда как дети братьев именуют себя по отношению друг к другу «уйе», «уйнер» («колена»), независимо от возраста и степени родства. Наличие у калмыков пережитков классификационной системы родства подтверждается тем, что калмыцким обычаем не запрещается жениться юноше на дальней родственнице матери. Более того, по рассказам калмыков, брак юноши с родственницей матери считался счастливым и прочным. Что это было именно так, говорят отдельные факты левирата и сорората. Возможно, этим объясняется то, что все старшие родственники мужа и их жены для невестки являются «хадма», она для них «бере», а младшие братья и сестры зовут ее «берген».

На наличие отдельных пережитков матриархата указывает тот факт, что все родственники и родственницы матери по отношению к ее детям, считаются старшими, независимо от возраста, пола и степени родства. Жены сыновей не имеют права произносить имена родных мужа по линии его матери, снимать при них головные уборы, появляться необутыми. Это правило невесткой соблюдалось не только по отношению к взрослым, но и к детям — родственникам матери мужа. Вольности и грубости в обращении со старшими не допускались, даже если невестка достигала почтенного возраста. Это наше наблюдение подтверждается бытовавшим у калмыков в былые времена правилом — в тяжелые моменты жизни родственники матери первыми приходили на помощь своим племянникам (зээнер), были первыми их советчиками. Племянникам и племянницам родные их матери оказывали большое внимание. При любых торжествах и праздничных трапезах они наделялись почетной долей мяса — ножками овцы (хеня шире), а если они жили далеко и не приехали, то им даже посылали это мясо. Известно много случаев, когда вдова уезжала со своими детьми к своим родным, при поддержке и повседневной помощи которых она жила и воспитывала детей.

Термины, которые обозначают родственников как со стороны отца, так и со стороны матери, четко выделены.

Дед по отцу — овке (эвке), ава; дед по матери — нахц эцке, нахц ава; бабушка по отцу — эмге эке, эдже; бабушка по матери — нахц эке, нахц эдже; отец — эцке, бава; мать — эке, ака; брат старший — аха; брат младший — дю; сестра старшая — экче; сестра младшая — дю кюкен; дядя по отцу — авга; дядя по матери — нахцха; двоюродный брат (старший) по отцу — уйе аха; двоюродный брат (младший и старший) по матери — нахцха (бичкин нахцха, ики нахцха); двоюродная сестра по отцу — уйе кюкен; двоюродная сестра по матери — нахц экче; внук по отцу — ача; внук по матери — зе кевюн; внучка по отцу — ача кюкен; внучка по матери—зе кюкен; племянник по отцу—ача кевюн; жена старшего брата — берген; жена младшего брата — бере; жена дяди по матери — нахц берген; невестка по отношению к отцу и матери мужа — бере; родители мужа—хадма, свекор — хадма эцке; свекровь — хадма эк; зять, жених — кюрген: тесть — хадма эцке; теща — хадма эке; муж старшей сестры — кюрген аха: младший брат жены—кюр дю; жена старшего брата жены — хадма берген; жена младшего брата жены — кюр дю бере; свояки по женам — базнар; свояченицы по мужьям — базнар; родня по отцу — терл; родня по матери — нахцнар; мужчина — залу кюн; муж — залу; женщина — кюкед кюн; жена — герген.

Большой интерес представляет тот факт, что весьма немногие термины подчеркивают половую принадлежность: например, ава, авга, аха, эцке обозначают представителей мужского пола, тогда как гага, эдже, берген, бере — только представительниц женского пола.

Некоторые термины отражают возрастные различия: эвген (старик), эмген (старуха), кевюн (мальчик), кюкен (девочка, девушка). Так, например, гага (тетя), берген, бере, аха, дю употребляются без различия возраста людей, к которым эти термины относятся. До революции в калмыцкой терминологии родства каких-либо заимствований у других народов не наблюдалось.

Термины родства у калмыков во многом совпадают с терминами родства у монголов и бурят. Они одинаковы не только по значению, но и по звучанию, что может быть объяснено общностью их происхождения и близостью, особенно усилившейся в период существования монгольских государств с конца XII в. вплоть до середины XVIII в.

Обряды, связанные с рождением детей и похоронами

Рождение ребенка в калмыцкой семье всегда рассматривалось как большое и радостное событие, отмечали его торжествен-

но. Рождение мальчика встречалось с большим удовлетворением, ибо он — продолжатель отцовского имени, будущий кормилец родителей, защитник чести семьи и рода. По традиции повитуха криком на весь хотон прямо из двери того жилища, в котором были роды, возвещала, что у такого-то (называлось имя отца) родился сын. Рождение девочки встречалось менее восторженно. Правда, отсутствие дочерей тоже считалось несчастьем для семьи и круга близких родственников. Известно много случаев, когда приглашали гелюнгов, которые читали молитву и делали жертвоприношение очагу, чтобы в семье родилась девочка, призванная роднить людей. Рождение девочки в семье, где одни мальчики, вызывало много радости, в связи с этим устраивалось большое пиршество. Еще в начале XX в. роды у калмычек принимались в антисанитарных условиях. Обычно женщина рожала у себя дома, в кибитке (или избе), на разостланной на земле постели. Роды принимали женщины во главе с самой опытной и пожилой, известной у русских под именем «повитуха».

У новорожденного отрезали пуповину специально приготовленным для этой цели, хорошо наточенным ножом, подобным тому, который обычно калмыки носили на поясе. Этот нож хранили как семейную реликвию в закрытом сундуке. Если в это время появлялся отец, то с его головы «похищали» головной убор и он должен был «выкупить покражу».

Если обряд наречения происходил без участия зурхачи (хурульный астролог), то ребенку присваивалось имя, одобренное большинством или предложенное наиболее уважаемыми родственниками. Особого согласия матери в данном случае не требовалось. В семьях, где дети часто умирали, рождавшимся давали презрительные имена: Муноха (плохая собака), Ноха (собака), Гаха (свинья), Мукебюн (паршивый мальчик). Часто давали имя знакомого русского, татарина или представителя другого народа. По понятию суеверных родителей, эти имена должны были обмануть духов, насылавших смерть.

Все участники торжества, устроенного в честь новорожденного, делали матери и ребенку всевозможные подарки. Дарили деньги (в том числе серебряные монеты — символ богатства), детские рубашки, отрезы на платье, скот и т. д.

Мать по традиции вела счет прожитым ребенком дням. Для этого к занавеске пришивался длинный ремешок, шнурок или шелковая лента, на которых по прошествии недели завязывался узелок.

Калмыки придавали большое значение обряду срезания первородных волос, которых еще никогда не касались ножницы. Срезание волос у ребенка проводилось в пятилетнем возрасте; срезанные волосы собирались матерью в платочек и сохранялись в

сундуке или зашивались в подушку ребенка. У мальчиков пучки волос оставляли на темени, затылке, висках и спереди надо лбом, а у девочек волосы подрезали в кружок вокруг головы. Присутствовавшие при этом пожилые люди говорили какое-либо благопожелание ребенку, делали ему подарки. Судя по сообщению К. В. Вяткиной о монгольских дербетах, стрижка первородных волос у детей отмечалась предками калмыков — ойратами как большой праздник.

Обязательным был обряд кормления только что родившегося ребенка курдючным салом. Эта весьма негигиеничная «соска» могла внести инфекцию и тем самым вызвать расстройство желудка у младенца.

Некоторый интерес представляет калмыцкий способ ухода за недоношенным новорожденным. В этом случае обращалось внимание на правильную организацию условий внешней среды. Ребенок содержался в тепле, даже на солнце, иногда его помещали в особую шапку, которую подвешивали на головке терме так, чтобы солнечные лучи, проникающие через харачи, попадали на ребенка. Его часто мыли в теплой воде, старались оградить от шума, громких разговоров, не допускали к нему посторонних.

Похоронный обряд калмыков не отличался особой сложностью и соблюдался не так строго, как у других народов. Тяжелобольные калмыки, потеряв надежду на выздоровление и чувствуя приближение смерти, заранее прощались с родными и близкими. Отец, умирая, давал членам своей семьи наставления, благословлял детей, молился бурханам, заказывал в последний раз любимое кушанье. К умирающему приглашали зурхачи и других гелюнгов, которые читали молитву, ставили возле него светильник с маслом и ватным фитилем — зул эрке.

Как только наступала смерть, кибитку покидали все родные, кроме самых пожилых. День и порядок выноса тела умершего определяли зурхачи. Калмыки стремились провести похороны как можно скорее — не позже третьего дня.

Перед выносом тело умершего обмывали. Это поручалось гелюнгам или пожилым родным. На покойника надевали чистое белье, бюшмюд, затем заворачивали в белое полотно, клали на ковер или постель, лицо закрывали белым покрывалом. Приходили все родные, в том числе дети, в их присутствии гелюнги читали молитвы. Родные и близкие подходили к покойнику, делали у его ног три земных поклона, если он был старшим в семье. Перед младшими, женой и мачехой, совершать такой обряд не полагалось. После этого покойника обертывали белым войлоком. К месту похорон тело умершего везли на подводе. Тело покойника устанавливали ногами вперед, по направлению движения похоронной процессии, а головой — в сторону дома, «чтобы он не воз-

вратился». Хоронили его в могиле без гроба. Как и все кочевые народы, калмыки не знали кладбища. Провожали покойного или покойницу только мужчины.

Калмыки кладут умершего в могилу головой на восток, надеясь, что мертвые отправятся в сторону, куда обращены их ноги. Это, по-видимому, связано с представлением калмыков о том, что страна мертвых находится там, где заходит солнце, то есть на западе.

Существовал и другой погребальный ритуал. По свидетельству П. Небольсина, трупы знатных сжигали в котле или прямо на костре. Пепел в сосуд не собирали, а сметали в одну кучу на песок, на котором калмыки ставили так называемый «цаца» или «бумба» — каменное надгробие, где помещали бурханы и жертвенные курения. Над всем этим сооружали субурган (типа часовни), верх которого завершался очиром — ламаистским символом, сделанным из металла. Вход в захоронение находился с восточной стороны, он запирался на замок.[14] На существование у калмыков обряда сжигания покойника указывает наличие в калмыцком языке слова «чиндерлган» — сжигать труп. Возможно, этот обряд проник в Калмыкию вместе с ламаизмом.

Общественный быт

Родоплеменная структура калмыков, пройдя сложный и длительный путь развития, давно изжила себя. Встречались лишь пережитки патриархально-феодального быта, прикрывавшие давно утвердившиеся классовые отношения. До сих пор нечетко определен смысл, вкладываемый каждым в понятия: терл, арван, аймак, нутуг, улус, род и племя. Часто один и тот же термин обозначает различные социальные организации, и, наоборот, одна и та же организация обозначалась разными терминами. Большую путаницу в терминологию, которая бытовала среди калмыков, внесла царская администрация. Очень часто во многих архивных документах аймаки отождествлялись с родом. Аймачные школы назывались родовыми. В именном списке личного состава калмыцких полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г., употребляются термины «чоросов род», «баргасов род», «читлегутов род»[15] и т. д. Эти ошибочные термины, бытовавшие в официальных документах и в литературе дооктябрьского периода, до сих пор используются в работах некоторых советских авторов. По мнению И. Глухова, калмыцкий народ разделяется на 7 родовых союзов (улусов).[16] Такого же мнения придерживался Т. Борисов, который пишет: «Калмыки разделялись на 2 племени: торгоутцы и дербетцы, а эти в свою очередь — на «роды». Он очень часто употребляет термины: «родовой быт», «члены рода», «родовые взаимоотношения».[17] Они имеют хождение до сих пор. В литера-

туре встречаются выражения: «калмыцкие племена — дербеты, торгуты, хошуты, феодальные племена», «аймаки делились на роды».

Приступая к изложению фактического материала, следует отметить, что термин «улус» появился в период разложения первобытно-общинного строя у монгольских народов и утверждения у них феодальных отношений, когда понятия род (обох), племя (ирген) утрачивали свой первоначальный смысл и происходил процесс смешения различных племен, живших на одной и той же территории. Термин «улус» означает «народ-удел», «народ-государство». Улус — это не племенное объединение, это понятие территориальное, связанное с государственным принципом организации жизни предков калмыцкого народа. Процесс дробления, смешения и ассимиляции инкорпорируемых групп никогда не прекращался в период пребывания калмыков на нынешней территории. Улус равнозначен нутугу — кочевью: калмыки отождествляли термины «улус» и «нутуг»: бага-дервд нутуг, хошуд нутуг, ики-дервд нутуг и т. д.

Бытовавшее вплоть до 1930 г. деление Калмыкии на улусы было окончательно узаконено царским правительством при императрице Екатерине II, после ухода в 1771 г. большей части калмыков с волжских просторов обратно в Джунгарию. Однако калмыцкие улусы не были постоянными и навсегда установленными. Дербетовский улус был разделен в начале XIX в. на Большедербетовский и Малодербетовский, последний подвергся разделу в начале XX в. на Малодербетовский и Манычский. Еще раньше Яндыко-Икицохуровский улус был разделен на Икицохуровский и Яндыко-Мочажный. Их границы менялись вплоть до рекогносцировочной съемки, проведенной Савицким в 1892 г., в результате чего сложились довольно устойчивые границы улусов. Последние делились на аймаки, которые состояли из мелких единиц, обозначавшихся термином «арван» — десяток. Исключением из этого правила были отдельные аймаки, которые делились на анги. Термин «анги» — появился очень давно. «Учреждение Анги, — говорит Н. Бичурин, — приписывается Галдан-Церену (1727—1745 гг.) Анги ни названий (собственных имен), ни определенных границ не имели: ибо сии уделы не были постоянно наследственными в одном и том же доме. В последнее время считалось двадцать один анги, принадлежавшие разным тайцзиям».[18] В конце XIX — начале XX вв. на анги делились только Абганеровский и Сальский аймаки и Туктун (Хорха-Туктун), входивший в состав Цаган-Нурского аймака. Известно, что Абганеровский аймак Малодербетовского улуса, имел в своем составе шесть анги — сельских общин, каждая из которых в 1930—1940 гг. представляла собой самостоятельный сельский Совет. Ныне они составляют ос-

новное ядро Приозерного района. По-видимому, большой по количеству населения и по территории Абганеровский аймак принадлежал одному зайсангу вплоть до 1892 г. Вполне возможно, что этот аймак когда-то имел своего владельца-нойона, так как имеется нойонахинский анги — основной удел нойона.* Анги состоял из арванов (десятков). Небольшие административные единицы присоединялись к другим. В одном архивном документе говорится: в 1903 г. керетов род обратился в Калмыцкое попечительство с просьбой отделить его от генданякиновского рода, мотивируя тем, что около 50 лет тому назад они «составляли отдельное общество со своим зайсангом, после его смерти... род был передан во владение зайсана под официальным названием Керетова рода».[19] Бакшин Шебенеры и Деде-Ламин Шебенеры Малодербетовского улуса были объединены с Шебенеровским (Ики-Хурульским) аймаком того же улуса, Джуджинкины — с Шарнутовским и т. д.

Калмыцкие улусы и аймаки, когда-то образовавшиеся на развалинах ойратских родоплеменных структур, в процессе многовекового развития превратились в обычные территориальные, административные районы, население которых состояло из различных по своему происхождению этнических групп. По материалам, собранным и опубликованным И. А. Житецким, после ухода Убуши-хана с большей частью подвластных ему калмыков Эркетеневский улус взбунтовался, за что царское правительство расселило часть его населения по другим улусам. В Малодербетовский улус была включена 31 кибитка с их зайсангом Зунчи Мазановым. Возможно, в советское время их потомки вошли в состав вновь образованного Хапчиновского сельсовета, включенного в Абганеровский аймак Малодербетовского улуса, а их сородичи — хапчины — продолжают жить до настоящего времени на территории бывшего Эркетеневского улуса. В Хошеутовский улус был включен тоочин-эркетеневский род, а в Икицохуровский — яргчино-эркетеневский род. На территории донских калмыков оказалась выселенной тоже группа эркетеневцев, где они известны как «эркетеневский род».[20] В Икицохуровском улусе был Хошеутовский аймак, судя по названию, образовавшийся из хошеутов. Все шебенеровские аймаки образовались из крепостных калмыков, пожертвованных хурулам нойонами и зайсангами.

Особенно большое смешение различных групп произошло в XIX в., когда усилился процесс разорения и расслоения в калмыцком обществе в связи с проникновением товарно-денежных отношений. Это хорошо прослеживается по архивным докумен-

* По архивным документам, владельцем Абганеровского аймака был в 20-х гг. XIX в. Менке-Очир.

там. В 70—80 гг. прошлого столетия в одном только Яндыко-Мочажном улусе, в его так называемой мочажной части, жили выходцы из Харахусовского, Эркетеневского, Икицохуровского, Багацохуровского, Малодербетовского и Манычского улусов.[21] В 1961 г. нам приходилось встречать их потомков в г. Каспийском и в прилегающих к нему населенных пунктах. За малейшие проступки отдельные семьи и родственные группы могли быть выселены владельцем из своего улуса в другие улусы или из одного аймака в другой. Так представители меркетов Эркетеневского улуса оказались в Туктунах Малодербетовского улуса.

Таким образом, калмыцкие улусы и аймаки постоянно подвергались перестройке, иногда коренной. Границы между этими кровнородственными объединениями в Калмыкии периодически нарушались. Их сложный состав не укладывается в родовую схему, используемую в работах некоторых дореволюционных и советских исследователей калмыцкой истории и культуры. Можно предполагать, что в состав административных объединений, когда-то основанных на кровном родстве, по разным причинам беспрерывно включались чуждые им этнические компоненты. Улусы и аймаки являлись еще в XVII в. (а может быть и ранее) территориальными, административными владениями, подвластными отдельным владельцам (нойонам) и их вассалам — зайсангам до 1892 г. В некоторых ойратских улусах еще в самом начале второго тысячелетия н. э. существовали такие признаки государства, как территориальное деление, налоги и повинности, отдельные от народных масс государственный аппарат и вооруженные силы (феодальные дружины).

Анги, из которых состояли отдельные аймаки, представляли собой также сельские общины, территориальные объединения неродственных между собой поселенцев, составлявших различные арваны. В нойонахинском анги Абганеровского аймака жили баруны, хонуды, хошуды, менчкюды, беджякины, асмуды и другие арваны. Это простое перечисление наименований неопровержимо свидетельствует о том, что анги не имели ничего общего с родовой общиной. В основе их (анги) могли быть люди не одной кости или племени, рода и даже части последнего. На это указывает наличие в составе малодербетовских цоросов цаган-цоросов, хара-цоросов — потомков тюркоязычных кочевников и шара-цоросов — тоже чужаков, влившихся в состав цоросов. Такое смешение различных по происхождению этнических компонентов могло быть результатом того, что слабые в экономическом отношении и небольшие числом аймаки и арваны подчинялись или добровольно соединялись с более крупными и сильными в период какой-либо опасности. Кроме того, большую роль в смешении различных по происхождению и этнической принадлежности групп в составе

анги играли часто повторявшиеся насильственные переселения, какие применялись господствовавшими в прошлом классами калмыцкого общества и царской администрацией. Калмыцкие аймаки и анги были соседскими общинами, близкими к сельским общинам, названным Марксом «... первым социальным объединением людей, свободных, не связанных кровными узами».[22]

Обычно аймачное общество объединяло несколько сот хозяйств. Согласно народным преданиям, Багачоносовский аймак включал в свой состав 700 хозяйств, Абганеровский по одним данным—1000, а по другим—1500 хозяйств и т. д. Дела, касавшиеся всего аймака, решались на общем аймачном сходе, на котором, как это видно из многих архивных документов, выбирались должностные лица аймака, обсуждались земельные вопросы, вопросы ремонта и строительства школьных зданий и помещений аймачных учреждений, жилых помещений письмоводителей, открытие новых школ, приглашение учителей и установление им зарплаты, жалованья аймачным должностным лицам[23] и т. д.

В июле 1916 г. в Сатхало-Хошеутовском аймаке состоялось аймачное собрание, на котором была предпринята попытка разверстать скот для сдачи на нужды действующей царской армии. Аймачное собрание Багутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса пыталось организовать добровольные пожертвования от населения в пользу воюющей русской армии.[24] На таких собраниях могли участвовать, как правило, мужчины — полноправные хозяева. Женщины (с правом голоса) допускались на такие собрания лишь в том случае, если их мужья умерли и они возглавляют свое хозяйство.

Практиковались ангин хург — сходы в аймаках, состоявших из нескольких анги, каждый из которых насчитывал до 300—350 кибитко-хозяйств. На них разбирались примерно те же вопросы, что и на аймачных сходах. Анги, из которых состояли аймаки, владели территорией, имевшей более или менее очерченные границы, имели свои хурулы, выборных старшин (анги ахлачи), дарги (сборщиков налогов), т. е. они обладали многими функциями, которыми пользовались аймаки, сравнимые с русскими волостями. По-видимому, калмыцкие анги имели примерно такие же права, какие имели русские сельские общины. Но анги не имели своего особого тавра, оно было общеаймачным. Например, все шесть анги Абганеровского аймака имели единое тавро в виде кружочка с язычком (телег тамга).

Термином «арван» обозначается небольшая родственная группа, насчитывающая от 40—60 до 100 семей. Сам термин арван (десять), вероятно, восходит к названию самого мелкого воинского подразделения монгольских войск эпохи Чингисидов — арвана, который комплектовался из представителей семей близ-

ких родственников. Члены арвана считали себя кровными родственниками, соблюдали принцип экзогамии в брачных отношениях. Брак между молодыми людьми одного и того же арвана запрещался, но допускалось заключение брака между представителями разных арванов. Члены этой группы имели общее название, (барун арван, хошуд арван, хонуд арван и т. д.), были связаны обязанностями взаимопомощи и т. д. В условиях кочевого и полукочевого хозяйства члены арвана образовывали одну кочевую группу, как правило, пользовавшуюся одним и тем же пастбищем (урочищем). У арвана не сохранились какие-либо организационные основы. Не исключена возможность, что арван представляет собой пережиток, рудимент поздней формы родовой организации, а именно отцовского рода, который состоял из семейно-родственных групп, например, из терл, связанных друг с другом более близким родством.

Терл у калмыков состоял из семей нескольких поколений, связанных между собой происхождением от одного общего предка. Каких-либо форм управления у терл не существовало; не было и официального главы, облеченного какими-либо правами. Но строго соблюдалось старшинство, которое устанавливалось не по возрасту, а по родству с отцом, т. е. старшими в терл считались старший сын или старшая дочь того мужчины, который был старшим по происхождению. Члены терл активно участвовали во всех важных семейных событиях: наречениях новорожденных, свадьбах, похоронах, несли определенные обязанности в отношении друг к другу. Гостей в доме, старших на пиршествах обслуживали самые молодые мужчины и женщины. Наличие у того или иного калмыка большого числа родственников повышало его авторитет и влияние в обществе, было предметом гордости. Солидарность и родственные связи играли большую роль в жизни человека.

По-видимому, терл — это такая общественная форма, которую большой советский специалист в этой области М. О. Косвен назвал патронимией.[25] Это соображение не противоречит мнению других исследователей. Так, С. М. Абрамзон фактически отождествляет семейно-родственную группу с патронимией, которая рассматривается им как поздняя форма рода.[26] Многие калмыцкие арваны мало чем отличаются от терл, разве только численностью людей их составляющих. По-видимому, арваны образовались в результате сегментации одной большой патриархальной семьи. Стадиально они аналогичны или близки к казахским пастбищно-кочевым общинам и аальным общинам у тувинцев. В отличие от них калмыцкий арван был численно большим объединением.

Арваны назывались либо по имени общего предка, либо по имени влиятельного лица, жившего в их роду, или по националь-

ной принадлежности родоначальника арвана. Например, орсуд арван (русский десяток), мангад арван (татарский десяток), хасгуд арван (казахский десяток), шеркеш арван (черкесский, кабардинский десяток) и т. д.

Одной из наиболее стойких форм проявлений общественной жизни калмыцкого общества были праздники, многие из которых уходят корнями своими в глубокую древность, связаны с различными добуддийскими верованиями народных масс. Большинство праздников носило светский характер, но со временем ламаистская религия поставила их на службу своим интересам, преображая их различными путями.

Главным и наиболее торжественным праздником калмыцкого народа был Цаган Сар (буквально: белый месяц) или просто Цаган, отмечавшийся ежегодно ранней весной, в конце февраля или в самом начале марта. Судя по сообщению Марко Поло, этот праздник существовал и у других монгольских народов еще в XIII в., задолго до принятия ламаизма.[27]

Празднование длилось от 1 до 30 дней Это был праздник весны, отмечавшийся в честь благополучного выхода скотоводов из зимы, в честь выгона скота на пастбища и обилия молочных продуктов. В первый день праздника калмыки варили чай, мясо, жарили борцоги, развешивали лучшую свою одежду в кибитке на специально протянутой веревке, сами нарядно одевались, утром рано приглашали в гости своих родных и однохотонцев, поздравляли друг друга с благополучным выходом из тяжких зимних испытаний со всем семейством и скотом, здоровались, прикасаясь ладонями правых рук, младшие дарили старшим мускатный орех, старшие младшим — конфеты, серебряные и медные монеты, семьи обменивались борцогами. Девушки и молодые женщины дарили парням украшенные вышивками кисеты.

Праздник этот отмечался массовыми развлечениями. Парни и девушки, а также молодые мужчины и женщины, подростки собирались на вечеринки, где танцевали под домбру, скрипку, гармошку, пели песни, играли в различные игры. Такие вечеринки часто продолжались с вечера до утра. Молодежь организовывала их по очереди у себя дома.

Столкнувшись с вековой устойчивостью этого большого народного праздника, ламаистское духовенство решило приспособить его к своим целям, превратить Цаган Сар в религиозный праздник в честь победы богини Окон-Тенгир над мангасами (чудовищами). Навязанная ламаистским духовенством религиозная окраска праздника была воспринята народом внешне, калмыки почти не ездили в хурулы.

Важным моментом в жизни скотовода был перегон скота на летние пастбища, с чем связан праздник Йур Сар или Йурс, от-

мечавшийся в конце мая — начале июня каждого года. Йурс праздновался в течение 2 дней. В обрядах этого праздника большую роль играло зеленеющее дерево, ветви которого обвертывались белой овчиной, заплетались разноцветными лентами и тесьмой, как символ плодородия и воскресшей жизни. Скот в эти дни опрыскивался смесью молока и топленого масла. Празднование сопровождалось массовым угощением калмыцким чаем, борцогами, чигяном, кумысом, мясными и другими блюдами и завершалось спортивными играми и состязаниями — скачками, борьбой, выступлением силачей.

И этот праздник был использован ламаистским духовенством в целях пропаганды религии. В праздничные дни гелюнги вспоминали три момента в жизни Будды (бурхан-бакши): день его рождения, «просветления» (т. е. достижения им состояния святого на 35-м году жизни) и день смерти в возрасте 80 (60) лет.

Другим праздником был Мядрин (Майдрин) эркце — круговращение бога Майдари (Мядра) — буддийского мессии, который якобы «спасает человечество, погрязшее в грехах». Обычно отмечался этот праздник летом, в конце июля — начале августа, как правило, в Чере-хуруле при огромном стечении верующих калмыков со всех мест, где жило калмыцкое население. Женщины, дети и старики приезжали на подводах, а молодежь — верхом, устраивая по пути скачки. Важно то, что здесь калмыки, жившие в разбросанных на огромных степных просторах хотонах, встречались с родными и знакомыми, особенно это было радостно для женщин, выданных замуж в другие аймаки и улусы и иногда в течение года не имевших никаких сведений о родных и близких. Во время таких праздников верхушка калмыцкого общества решала общекалмыцкие вопросы как экономического, так и политического характера. Праздник заканчивался грандиозными общекалмыцкими народными гуляниями и спортивными состязаниями — скачками и борьбой силачей, выставлявшихся от улусов.

Приведем также описание еще одного праздника, отмечавшегося в конце ноября — начале декабря каждого года — праздника Зула (Новый год). Каждая семья изготовляла корытце из крутого теста, в него вставлялись завернутые в вату стебельки трав. Каждому члену семьи посвящалась отдельная такая «свечка», состоявшая из стольких стеблей, сколько исполнялось лет каждому члену семьи. В корытце наливали топленое коровье масло, свечки зажигались и светились до полного сгорания.

В этот день к возрасту каждого калмыка добавлялся один год — независимо от того, когда он родился. Случалось, что ребенок родился за день перед Зулой, но несмотря на это, он ста-

новился двухлетним, так как у калмыков возраст исчислялся с момента зачатия и считалось, что к моменту рождения ребенку исполняется год, а во время следующего празднования Зулы годовалый ребенок считался трехлетним. В конце XIX — начале XX вв. калмыки не ездили на хурульное богослужение, устраивавшееся гелюнгами в честь Нового года. Следовательно, это был праздник начала зимы и наступления Нового года. Возможно, он связан с зимней фазой солнцестояния: в этот день молениями стремились обеспечить благополучие семьи в новом году.

Положительной стороной этих праздников было то, что они в монотонную жизнь степняков вносили некоторое разнообразие. Люди отвлекались от повседневных домашних и других забот, встречались с калмыками других хотонов, анги, аймаков, улусов, участвовали в массовых развлечениях, покупали необходимые для них промышленные товары и продукты, продажей которых занимались приезжие разъездные торговцы из соседних русских сел и городов. Отрицательным в этих праздниках было еще сильное влияние религии и духовенства, которое, пользуясь случаем, прославляло различные буддийские божества, насаждало среди населения реакционные обряды, отвлекало народ от активной борьбы с эксплуататорами и обрекало его на пассивное ожидание помощи от бога. Однако народ постепенно освобождался от идеологического дурмана. Как уже говорилось неоднократно, многие калмыки (и в особенности бедные и неимущие) не посещали молебнов в хурулах, так как они были поглощены добыванием средств существования для семьи.

Калмыки уделяли большое внимание нравственному воспитанию молодежи, соблюдению определенных этических норм, регулировавших поведение людей, их отношение друг к другу, к различным классам и т. д. Нормы эти поддерживались силой общественного мнения, воспитанием и традициями, передававшимися из поколения в поколение.

В конце XIX — начале XX вв. происходит некоторый перелом в общественном сознании калмыцкого народа. Под влиянием русского рабочего класса трудящиеся калмыки постепенно начали сознавать свои национальные и классовые интересы, выходить на дорогу революционной борьбы против угнетателей и становиться союзниками рабочих и крестьян России в их борьбе за свержение царизма. В ходе этой борьбы ускорился распад феодально-патриархальных отношений в Калмыкии и началось формирование революционного сознания и нового общественного быта.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Калмыки к периоду добровольного вхождения в состав России имели богатую литературную традицию. Еще в XIII в. монголы, в том числе племена, явившиеся предками современных калмыков, пользовались старописьменным монгольским алфавитом, созданным на основе уйгурского письма, бывшего в свою очередь вариантом согдийского алфавита, восходящего к арамейскому.

Но в связи с зарождением государственности, развитием торговых отношений и сложением самостоятельного ойратского языка в 1648 г. известным ойратским ученым монахом Зая-Пандитой (1599—1662) был создан новый алфавит на основе старомонгольского письма, известный под названием «Тодо бичиг». Заяпандитским письмом калмыки пользовались вплоть до 1924 г.

Создатель новой письменности Зая-Пандита происходил из хошутов. С 1617 по 1639 гг. жил в Тибете, где изучал тибетский язык, логику, буддийскую философию и «науку», т. е. теорию и практику ламаистской религии. Вернувшись на родину в качестве проповедника и пропагандиста буддизма, Зая-Пандита столкнулся с неумением калмыков читать тибетские книги. Этим, очевидно, было вызвано его решение перевести на ойратский язык тибетскую литературу. Им было переведено большое число тибетских сочинений, главным образом, религиозного содержания. Среди них знаменитые произведения «Алтан Герел» («Золотой луч», «Золотой свет»), «Сидди кюр» («Волшебный мертвец»).

В архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится около 400 рукописей, переведенных на калмыцкий язык. Они имеются и в библиотеке Академии наук МНР В Западной Германии немецкий ученый В. Хэйсиг обнаружил около 150 калмыцких рукописей, относящихся к XVII — XVIII вв.

Калмыцкий письменный и народный язык сложился на основе тех диалектов, на которых говорили различные монгольские племена, вошедшие в состав ойратов. Обогащение словарного состава ойратского языка происходило в связи с общением ойратов с другими племенами и народностями. Судя по «Тодо бичиг», к 40-м гг. XVII в. ойратский язык стал самостоятельным языком с присущими ему отличительными чертами. Что касается степени грамотности населения, то можно предполагать, что она была крайне низка. Грамотными были только представители господствующей верхушки и духовенства.

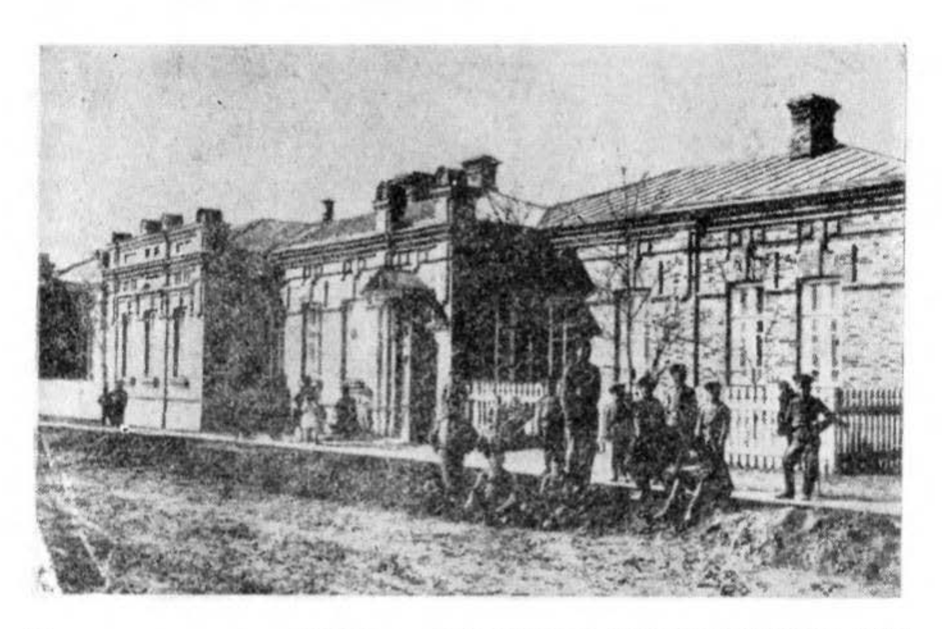

Зая-Пандита (1599—1662) — создатель ойратско-калмыцкой письменности (Худ. Г. О. Рокчинский)

Народное образование

Светское образование зародилось в Калмыкии лишь в середине XIX в. До этого калмыцких детей обучали грамоте в индивидуальном порядке. Обучение, преимущественно мальчиков, проводилось на дому у учителя и сводилось к заучиванию заяпандитского алфавита.

Только в конце 40-х гг. был сделан первый шаг по пути просвещения калмыков — были открыты первые школы европейского типа — для калмыцких детей. На основании положения от 23 апреля 1847 г. при Главном управлении калмыцким народом в

Здание двухклассного училища в ставке Башанта Большедербетовского улуса

г. Астрахани 6 декабря 1848 г. было открыто Калмыцкое училище на 50 воспитанников. 11 октября 1862 г. при этом училище было учреждено особое отделение фельдшерских учеников на 10 мест, а в 1864 г. царское правительство разрешило организовать при нем отделение на 10 человек гимназистов (число их было увеличено в 1867 г. до 15 человек). Кроме того, в 1871 г. в Калмыкии были открыты две частные школы. По архивным документам, в 1872 г. во всех шести улусах Астраханской губернии насчитывалось 6 улусных школ, в которых учились 182 мальчика и 111 девочек,[1] всего 293 учащихся.

В середине 80-х гг. XIX в. в Калмыкии народное просвещение продолжало оставаться на низкой ступени развития. Количество учебных заведений не только не увеличилось, а наоборот сократилось. Калмыцкое женское училище было закрыто. В действовавшем Астраханском Калмыцком мужском училище число учеников сократилось с 50 человек в 1872 г. до 30 учащихся в 1886 г. Соответственно в 6 улусных школах численность учащихся уменьшилась с 293 до 122 человек. В это же время в Астраханской гимназии училось 6 человек, реальном училище — 4, городском училище — 9, в ветеринарном институте — 1 и в Икицохуровской приходящей школе — 2. Следовательно, во всех учебных заведениях в 1886 г. было 174 калмыцких учащихся.[2] Судя по

данным, опубликованным Н. Ш. Ташниновым, на территории Большедербетовского улуса, входившего в состав Ставропольской губернии, была одна школа.[3]

В конце XIX в. под влиянием общедемократического движения в России и первых результатов приобщения небольшого числа калмыцких детей к культуре русского народа тяга к просвещению трудового калмыцкого народа, находившегося под гнетом нойонов, зайсангов, невежественного ламаистского духовенства и царизма, резко усилилась. В 1896 г. попечитель пос. Калмыцкий Базар сообщает главному попечителю калмыцкого народа о том, что школы до сего времени нет, а стремление иметь ее большое: собрали добровольно на школу 400 руб. Попечитель Харахусовского улуса пишет, что «стремление к просвещению все более и более» увеличивается, «нет в улусе школы, необходимо ее открыть, грамотность 0,1% всего населения». В декабре того же 1896 г. попечитель Яндыко-Мочажного улуса докладывает главному попечителю: «В улусе одна школа, кончают ее ежегодно 2—3 мальчика, что составляет весьма малый процент на 35 тысяч населения улуса, женского образования нет. Увеличение первоначальных школ крайне желательно». В рапорте попечителя Александровско-Багацохуровского улуса сказано: «В улусной школе 15 учеников. Необходимо расширить до 25 воспитанников».[4] Стремление калмыков к открытию новых школ было повсеместным. В 1896 г. калмыки Багабурульского, Бюдермисовского, Багатуктуновского и Икичоносовского аймаков Большедербетовского улуса обратились к ставропольскому губернатору за разрешением построить здания для начальных школ, обязуясь содержать их на средства общества».[5]

Однако организация общеобразовательных начальных школ шла крайне медленно. В начале XX в. стремление калмыцкого народа открыть школы резко усилилось. Об этом свидетельствуют архивные документы. Заведующий южной частью Малодербетовского улуса в 1904 г. пишет, что «...есть масса калмыков, слишком охотно идущих навстречу школьному образованию, можно было бы без всяких затрат со стороны казны иметь школу также с интернатом, но платным». В 1906 г. население Сальского аймака тоже потребовало открытия школ, ассигновав на строительство школьного здания 121 руб. 55 коп.[6] Царское правительство вынуждено было сделать какую-то попытку к расширению сети начальных школ в улусах и отдельных аймаках. В своем отчете за 1904 г. попечитель Малодербетовского улуса пишет, что в отчетном году открыты три школы.[7] Это сообщение подтверждается данными отчета главного попечителя калмыцкого народа, согласно которому были открыты три начальных школы грамоты: «две в Малодербетовском и одна в Александровском улусе».[8] В шко-

лах всех типов в 1904 г. обучалось всего 190 человек, из них лишь 9 детей зайсангов. В 1906—1907 гг. усилием учительницы Т. Д. Юрковой и врача С. Р. Залкинда на средства калмыков было построено здание Манычской улусной школы.[9] По данным архивных документов, в 1913 г. на территории калмыцких улусов, входивших в состав Астраханской губернии, было 23 школы и одно училище (Калмыцкое училище в г. Астрахани), в которых обучалось всего 605 детей, из них 69 девочек. Большинство девочек (53) воспитывалось в двух женских школах, открытых в Манычском и Малодербетовском улусах. Во всех калмыцких школах училось 39 русских детей (из них 12 девочек) и в Калм-Базаринской школе четверо учеников было татарской национальности.[10] В 1916 г. в 40 калмыцких школах Астраханской губернии обучалось уже около 900 человек.[11] В Большедербетовском улусе в 1916 г. функционировали одна улусная двухклассная школа (в Башанте) и 14 сельских школ грамоты, в которых обучалось 569 детей, из них 134 девочки.[12] Таким образом, в 55 школах первоначального образования, расположенных в калмыцких улусах и аймаках, в 1916 г. училось не более 1470 учащихся.

Главную задачу школ, открывавшихся в Калмыкии, царская администрация видела в подготовке кадров переводчиков и мелких чиновников, воспитанных в духе глубокой преданности самодержавию. Попечитель калмыцкого народа К. Костенков писал: «Калмыцкое Астраханское училище открыто собственно для надобностей администрации... Воспитанники, окончившие, назначаются предварительно для практических занятий письмоводством и переводами в Главном управлении, а потом распределяются по улусам на штатные должности переводчиков, толмачей и наставников улусных школ».[13] Некоторые руководящие работники царской администрации считали необходимым вместо просвещения распространять среди калмыков христианство. Действительный член Областного Войска Донского статистического комитета А. Крылов писал: «Закончившие курс в окружном училище, даже учившиеся в гимназии, мало или даже совсем не влияют на соседнее население. Скоро почти все... делаются тем, чем они были прежде, т. е. калмыками-степняками. Чтобы добиться **слияния калмыков с русскими** (подчеркнуто мной — *У. Э.*), надо распространить христианство. А христианство внесет новую жизнь в среду калмыков, сделает из них верных сынов государства».[14] Такую же мысль проводит в своей статье некий П. Шестаков. Он утверждает: «...более основательное религиозно-нравственное образование есть важнейшее средство как к отпору посторонних антихристианских влияний на инородцев, так и к прочному и надежному их обрусению».[15] Вопреки желанию царизма, через эти школы началось распространение среди калмыков русской грамо-

ты. Хотя обучалось в школах весьма незначительное количество учеников, но калмыцкие дети учились читать, писать по-русски, говорить на русском языке, что оказывало известное влияние на расширение общего кругозора калмыцкой молодежи, открывало путь для проникновения элементов русской культуры в гущу придавленного колониальным гнетом калмыцкого населения.

Отдельным представителям калмыцкой молодежи из числа окончивших Калмыцкое училище удавалось продолжать образование в гимназиях, семинариях и в высших учебных заведениях России. В 1872 г. гимназистов-калмыков насчитывалось 15 человек, в 1896 г. в Астраханском четырехклассном училище обучалось 30 мальчиков.[16] В конце XIX в. закончил Петербургский университет и преподавал в нем выходец из семьи зайсанга Дорджи Джаваев. В Калмыцком училище преподавал родной язык Найман Бадмаев. В числе образованной калмыцкой молодежи был Н. Очиров, вышедший из простой семьи, получивший образование в Петербургском университете, занимавшийся научной работой.[17]

Получившие в этих школах образование первые представители калмыцкой интеллигенции выступили позже организаторами народного просвещения, здравоохранения, многие из них возглавили борьбу трудящихся Калмыкии за установление и укрепление Советской власти в нашей степи.

Несмотря на некоторые принятые меры, Калмыкия продолжала быть одной из отсталых в культурном отношении окраин России. Большинство калмыков конца XIX — начала XX вв. было совершенно неграмотным и не владело русским языком. Общая грамотность среди калмыцкого населения, согласно переписи 1897 г., не превышала 6,5%. Грамотных мужчин насчитывалось 10,3%. Процент грамотных женщин был еще ниже — 2,2%. Грамотными считали тех, кто едва умели писать свое имя и фамилию по-русски.

Устное народное творчество

Хотя предки калмыков ойраты принадлежали к числу старописьменных народов, однако вплоть до утверждения в России Советской власти почти единственным средством передачи из поколения в поколение народных чаяний и устремлений было устное поэтическое творчество.

Для калмыцкого устного народного творчества характерны различные жанры: героический народный эпос, сказки, исторические, лирические, обрядовые (свадебные) песни, меткие пословицы, поговорки. Во многих из них явственны следы древней мифологии.

Джангарчи Ээлян Овла

Развитым жанром дореволюционного калмыцкого фольклора был героический эпос. Среди произведений этого жанра особое место занимает народный эпос «Джангар», вошедший в сокровищницу мировой культуры, благодаря переводам на русский и некоторые другие языки народов СССР, а также на монгольский. Правда, о бытовании у калмыков этого произведения было известно давно. Но впервые только в 1803—1804 гг. были изданы Б. Бергманом две песни на немецком языке. В 1854 г. А. А. Бобровников опубликовал в переводе на русский язык одну песню, записанную в торгутских улусах.[18] В 1864 г. профессором К. Голстунским были опубликованы на калмыцком языке две песни, записанные у джангарчей. Эти песни переиздавались А. М. Позднеевым в 1892 г. и в 1911 г.[19] В 1910 г. было издано десять песен «Джангара», которые составили более полный его цикл, записанный у джангарчи Ээлян Овла. Тогда же у него была зафиксирована В. Л. Котвичем и мелодия исполнения эпоса.[20] «Джангар» пользовался в народе большой любовью.[21] Его исполнение, как правило, происходило при большом стечении народа. Сказитель сопровождал свое пение игрою на домбре. Хранителями и создателями героического эпоса «Джангар» были не только

джангарчи, но и весь калмыцкий народ, постоянно выдвигавший из своей среды искусных певцов-исполнителей.

Одна из главных идей народного эпоса «Джангар» — идея преодоления междоусобиц феодалов, прекращения губительных для народа кровавых столкновений, идея объединения всех ойратов вокруг хана (типа Джангара), который бы регулировал взаимоотношения между феодалами, прекратил кровопролитие и утвердил общество, где потомки не будут делать зла друг другу.

Ведущая тема всех песен «Джангара» — воспевание героических подвигов богатыря Джангара и двенадцати его сподвижников, отстаивающих независимость своего отечества. Предки калмыков прошли большой исторический путь. Ойраты всегда мечтали о прочном и длительном мире, мечтали создать общество без угнетения. Это искреннее стремление народа нашло свое отражение в эпической поэме «Джангар», выразившееся в мечте о «стране Бумба», где все почитаемы, нет бедняков, нищих и сирот, люди живут дружно, в довольстве и изобилии, не деля ничего «на мое и твое», сообща владеют всем добром, живут вечно и не стареют после двадцати пяти лет.

Последняя глава эпоса завершается пиршеством в честь победы над захватчиками, которое длилось семью семь — сорок девять дней. В нем участвуют народы, говорящие на семидесяти языках.

Язык эпоса «Джангар» исключительно богат, красочен, образен, т. е. поистине народен. Его изобразительно-выразительные средства, весь художественный строй являют лучший образец калмыцкого эпического творчества.

Джангарчи в основном ограничивались исполнением одних и тех же десяти песен. В 1960—70 гг. кандидатом филологических наук А. Ш. Кичиковым обнаружены записи неизвестных версий Джангариады. Под его руководством был подготовлен к изданию эпос «Джангар» в составе 25 песен (бэлг). В 1978 г. они вышли из печати в двух томах. По утверждению Г. И. Михайлова, джангароведами зафиксировано существование около трех десятков песен.

Вызывала интерес некоторых исследователей этимология слова «джангар». Б. Я. Владимирцов полагал, что «само имя «Джангар» есть не что иное как заимствованное имя «Джахангир» (завоеватель мира).[22] Однако Б. Я. Владимирцову не удалось установить прямую связь между именами Джахан-гир и Джангар.

В 1962 г. А. Ш. Кичиков опубликовал небольшую статью,[23] в которой он предпринял попытку установить этимологию слова «джангар». Опираясь на языковый материал монгольских и тюркоязычных народов, он пришел к заключению, что слово «джан-

гар» означает «одинокий», «единственный, сирота», что по его мнению, хорошо согласуется с текстом «Джангара» — главный герой был «сирота, одинокий». Согласно утверждению Г И. Михайлова, нельзя отказать аргументации А. Ш. Кичикова, в убедительности. Однако вывод А. Ш. Кичикова вызывает сомнения, так как Джангар — очень древнее имя, а А. Ш. Кичиков пользуется данными современных языков, не оперирует материалами древних языков.[24] В его работе не учитывается тот факт, что у эпических богатырей редко бывали братья. Арыг Улан Хонгор не имел ни одного брата. По-видимому, строгий Санал не имел брата, так как он говорит только об отце, матери, жене и о подвластной ему стране. Судя по тексту, у Джангара был один сын.

Относительно времени возникновения и окончательного формирования эпоса «Джангар» в науке еще не сложилось единого мнения. Одно ясно, что эпос был известен не только калмыкам, но и их предкам ойратам. Следовательно, эпос был привезен ойратами на Нижнюю Волгу с Алтая и верховья р. Иртыш. Абсолютная хронология героического эпоса, установленная С. А. Козиным, базируется только на данных самого эпоса и охватывает весьма ограниченный отрезок времени, хотя он указывает на то, что в поэме содержатся более древние элементы.[25] Г И. Михайлов, опираясь на данные, полученные им путем сопоставления сюжетов «Сокровенного сказания» с сюжетами героических эпосов монгольских народов, пришел к выводу, что героические эпосы этих народов сложились в конце прошлого и начале нынешнего тысячелетия.[26] Однако абсолютная хронология, опирающаяся на собственные эпические данные, не может быть признана достаточно обоснованной, так как она не базируется на комплексе источников, в том числе археологических. Правда, археологические вещи разрозненны. На двух бронзовых бляхах из Ордоса, датируемых III—I вв. до н. э., изображена сцена борьбы двух спешившихся всадников. Кони стоят сзади борющихся, что абсолютно сходно с описанием единоборства богатырей в эпосе «Джангар» и эпосах других народов Южной Сибири и Центральной Азии. На паре золотых поясных блях, относящихся к V — III вв. до н. э., найденных в степном междуречье Оби и Иртыша изображена следующая сцена: под деревом лиственной породы сидят мужчина и женщина, на коленях которых лежит второй мужчина, мертвый или спящий. Двух оседланных коней держит сидящий мужчина с помощью чумбура. Перед нами картина оживления женщиной убитого или лежащего в полном забытье богатыря. Вспомним для сравнения, как Зандан Герел спасла умиравшего в глуши Хонгора. На серебряном кубке из Красноярска, относящемся к VII—X вв. н. э. выгравированы сплошные цепи гор, покрытых лесом, выше их скачут на лошадях всадники и

бегут какие-то животные.[27] Все это поразительно сходно с описанием бега богатырских коней в героическом эпосе «Джангар». Очевидно, все эти сюжеты сложились не позже второй половины первого тысячелетия до н. э., т. е. в героическую эпоху в истории народов Центральной Азии и Южной Сибири. Но окончательное оформление калмыцкого героического эпоса «Джангар», очевидно, произошло не позже конца XVI в., когда все ойраты были подвластны одному властителю. Гибель Джунгарского ханства под ударами феодального Китая и движение больших групп ойратов в сторону Волги и Кукунора положило конец новым напластованиям в эпосе. Следовательно, время возникновения и окончательного завершения поэмы и абсолютной хронологии укладывается в пределах второй половины первого тысячелетия до н. э. и XVI в. н. э.[28]

Поистине неисчерпаемым кладезем народной мудрости являются калмыцкие сказки. Но не было лиц, профессионально занимавшихся сбором и хранением сказок, как «Джангаром». Их рассказывали повсеместно люди всех возрастов, от мала до велика, мужчины, женщины, дети. Они передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Существовала неписаная традиция рассказывать сказки, когда все дневные дела уже закончены и люди приготовлялись ко сну, особенно в длинные зимние вечера. Речи сказочников привлекали внимание слушателей на долгие часы. Обычно время от времени сказочники прерывали себя и обращались к присутствующим: «Не спите ли?» Получив отрицательный ответ, они продолжали сказку и умолкали только тогда, когда не следовал ответ на очередной вопрос: «Спите?» Особенностью калмыцких сказок является то, что все они прозаические, стихотворные формы не известны. Начало их изучению было положено Б. Бергманом. Запись и опубликование сказок продолжается и поныне.

Дошедшие до сегодняшнего дня калмыцкие сказки отличаются большим разнообразием. Как правило, они связаны со скотоводческим кочевым бытом народа. Исследователи отмечают четыре основных сказочных жанра: а) сказки о богатырях, б) волшебные или фантастические, в) бытовые (новеллистические), г) аллегорические сказки о животных. Всем им присущ сложносюжетный характер. Калмыцкие сказки — это завершенные художественные произведения, в которых используются веками сложившиеся приемы и способы отображения трудовой жизни и восприятия природы. Сказки каждой из групп своеобразны, их выразительные средства носят ярко проявляющуюся национальную окраску.

По популярности первое место занимают сказки о богатырях, которыми всегда восхищались калмыки, особенно молодежь. К

сожалению, таких сказок записано и опубликовано немного. Герой сказок гиперболизирован, он обладает сверхъестественными, невероятными для обычного человека качествами. Например, Дамбин-Улан, герой сказки «Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его» («Давшургин хурдун-хара») съедал за один присест целую кобылицу, крупные кости выплевывал изо рта, мелкие кости выдувал через нос, выпивал вина подряд семьдесят чаш, каждую из которых с трудом поднимали семьдесят человек, курил из трубки величиной с голову быка, наполнял ее охапкой табака, размером с верблюжью голову, прикуривал от огромной, с лошадиную голову, тлеющей головни. Он был настолько силен что, когда сжимал сандаловую рукоять плети, по его пальцам капал сандаловый сок. Конь богатыря тоже обладал не присущими другим животным качествами.

Важное место в калмыцком фольклоре занимают волшебные или фантастические сказки, значительные по объему и сложные по композиции. Их героями являются те же богатыри и мудрые кони, как в сказках о богатырях. Герои попадают в трудные положения, им приходится преодолевать одно препятствие за другим. В их титанической борьбе со злыми силами общества и природы помогают волшебные слова, домашние животные, в первую очередь лошадь, часто спасающая человека от смертельной опасности. Как правило, все их похождения заканчиваются победой героев сказки, торжеством справедливости. Женские персонажи волшебных сказок, независимо от их социального положения и происхождения, наделяются умом и смекалкой.

Острый ум, исключительная находчивость, природная одаренность и знание жизни обнаруживаются у выходцев из простого народа в сказке «Семьдесят две небылицы» («Далан хойр худл»).[29] Содержание ее таково. У одного хана была дочь на выданье, не отличавшаяся ни красотой, ни умом. Для ханских сынов она не подходила, была глупа для сынов мудрецов, смотреть на нее не хотели сыновья богатых, а сыновья бедняков боялись ханского гнева. Между тем дочь хана начинала стареть. Владыка объявил, что отдаст треть своей страны и выдаст свою дочь замуж за того, кто ради овладения знатнейшей девицей расскажет ему (хану) семьдесят две небылицы. Вот как начал свой рассказ сын бедняка, решивший попытать счастье:[30]

Родившись раньше отца,
Я прадеда пас табун.
И вот, с аргамаками стоя в степи,
Вдруг возле деда,
На высокой горе,
Что-то сверкнувшее я увидел.
В седло я вскочил,
Погнал коня,

Средь летнего жаркого зноя
Вода, что покрылась крепчайшим льдом,
На высокой белой горе
Никак не давала покоя.
Что же мне делать,
Как же мне быть?
Положенье создалось тяжелое.
Я, сняв свою голову,
Ударил по льду.
Лед проломился, из проруби той
Вода полилась ключевая.
Табун напоив свой
И постояв немного,
Дальше продолжил я путь.
Навстречу мне ворон,
Мой старый дружище,
Уставший, худой, ко мне подлетел.
— Друг мой! — вымолвил он.—
Просо, посеянное дедом твоим,
Семь лет на корню простоявшее,
Мои соплеменники —
Вороны жадные —
Клюют, насмехаясь над тобой,
И скоро выклюют весь твой посев.
Ступай разберись ты во всем,—
Так ворон закончил, хрипло пропев.
— Что предпринять?— подумал,
Теленку, еще неродившемуся,
Надел я ярмо.
Что еще не изготовлено,
Не ступив на поле,
Зерно покосил.
Еще не скосив,
В стога сложил,
Еще не сложив,
Начал возить,
Не начав возить,
Домой привез
И дальше продолжил свой путь.

Парень закончил свой рассказ следующими словами: «Все, что я рассказал,— истинная правда. Если в ней есть хоть слово лжи, пусть я утону на вершине горы, в утекшей воде, пусть сгорю в потухшем огне, пусть выклюет мне глаза сдохшая ворона, пусть дерево, еще не взращенное, могилу мою осенит, пусть манджи (послушник), еще не рожденный, прочтет по душе моей заупокойную».

«Нет,— сказал вероломный хан,— я не отдам тебе свою дочь. Ты, лгун, рассказал не семьдесят две, а семьдесят три небылицы». И сын бедняка был прогнан.

Интересно то, что произведениям данного жанра калмыцкого фольклора, присуще не только сочетание обыденного с возвышенным, но и с неправдоподобным.

Калмыцкие сказки о животных просты по сюжету, несложны по композиции и по объему небольшие. В них действуют дикие звери и животные — волки, лисицы, барсы, львы, слоны, зайцы; домашние животные — бараны, верблюды, козлы; птицы — воробьи, вороны, павлины, петухи, совы; грызуны — суслики, мыши; из насекомых чаще всего фигурирует комар.

Сказки эти аллегоричны: под видом хищников выведены ханы, нойоны, зайсанги и другие представители эксплуататорского класса. В образе барса, льва, волка изображаются глупые, безжалостные люди, в образе лисы — обманщики, хитрецы, лжецы, в образе слона и верблюда — сильные, но ленивые и не любящие трудиться. Совершенно ясно, что в этих сказках осуждаются дурные, несправедливые дела и несовместимые с народной моралью отрицательные поступки представителей эксплуататорского класса. В образе птиц, очевидно, выведены люди невинные, попадавшие по своей наивности в сети обманщиков, угнетателей, различных притеснителей в классовом обществе того времени.

Одним из наиболее специфических жанров устного народного поэтического творчества калмыков является «яса кемялгн». По существу, это диалог, который ведется вокруг двадцать пятого (последнего) позвонка барана, якобы случайно попавшего в руки беседующих. Этот позвонок имеет 12 изгибов и выступов, аллегорическое значение каждого поэтически объясняется в кемялгн. Любой калмык хорошо знал даже мельчайшие детали этой кости, так как все они служили своеобразным мнемотехническим средством. Обычно калмыки заучивали кемялгн с детства со слов своих родителей: дети задавали друг другу вопросы и отвечали на них. Исполнялся кемялгн, как уже сказано, в виде диалога двумя лицами: один задавал вопросы, а другой отвечал на них. Это был своеобразный экзамен на знание истории своего народа, его обычаев и традиций, проверка остроумия, сообразительности, находчивости человека — эти качества высоко ценились и были любимы всем народом. Достойное исполнение кемялгн рассматривалось не только как блестящая защита собственной, личной чести калмыка, но и как поддержка чести, достоинства семьи, рода, даже аймака, улуса. Испытание в знании кемялгн входило в круг брачных обрядов. Оно устраивалось, как правило, родными невесты для родных жениха во время свадебных пиршеств с целью узнать, насколько знает калмыцкие обычаи их будущая родня. Приведем пример кемялгн в переводе на русский язык, сделанном народным поэтом Калмыкии С. К. Каляевым.[31] Обращение к гостю примерно таково:

Росла она позади двадцати четырех позвонков.
Росла впереди кости, известной под названием «копчик».
Заключено в ней двенадцать признаков мудрости.

Именуется «ара-хара-ясан».
Про эти двенадцать признаков мудрости
Мы и просим Вас, уважаемый брат, рассказать.

Ответ: «Ладно, я согласен».

И далее начинался диалог:

— Это как называется?

— Бошхон-Тошхн (Серая гора).

— Почему Серая гора?

— Нет, я ошибся. Это — благодатная гора, редкая гора.

— Почему благодатная, редкая гора?

— Именно потому, сказывают, благодатная, редкая гора, что люди, зимующие на южном склоне, живут в изобилии сала и масла, а зимующие на северном — живут в изобилии айрана и чигяна.

— О, замечательная гора! Гора-покровительница! А это как называется?

— Крыло царь-птицы орла.

— Почему крыло царь-птицы орла?

— Нет, я ошибся. Это крыло быстролетного, удачливого беркута.

— Почему крыло быстролетного, удачливого беркута?

— Именно потому, сказывают, крыло быстролетного, удачливого беркута, что, охотясь, облетает он южный склон благодатной горы еще до полудня, а северный склон облетает до вечера.

— О, удивительная быстрая птица! (И так далее).

Значительное место в калмыцком фольклоре занимают йорелы (благопожелания),[32] которые как особый жанр устного народного творчества бытуют очень широко и в настоящее время. Йорел — это выражение чистых, душевных, искренних чувств человека, который желает счастья, здоровья, успехов и т. п. тому, кому йорел высказывается. Калмыцкое благопожелание всегда жизнеутверждающе, оптимистично, в основе его — несокрушимая вера народа в конечное торжество добра над злом, справедливости над несправедливостью. Известны своего рода специалисты по йорелам — йорелчи, но обычно йорел произносится экспромтом кем-нибудь из старших по возрасту (независимо от пола) на свадьбе, в честь гостей, по случаю рождения ребенка, приема приплода (т. е. окота или отела) и т. д.

Калмыцкие благопожелания (йорелы) не знают канонического раз и навсегда принятого текста. Каждый йорелчи сочиняет йорел на ходу, произвольно, придерживаясь только общепринятого направления.

В калмыцком фольклоре видное место занимают пословицы и поговорки (ульгюр). Эти доходчивые и меткие выражения прививают любовь к труду, родной земле, воспитывают честность,

доблесть, храбрость и мужество, высмеивают и клеймят пороки. осуждают зло.

У калмыков много пословиц и поговорок на тему труда. Вот некоторые из них: «Если руки работают, то и рот работает», «В доме ленивого нет топлива, в доме обжоры нет пищи», «Ремеслу учиться — нет старости», «Кто рядом с сажей — сажа, кто рядом с мастерством — мастер», «Кто мясо крошит, тот облизывает руки», «Лентяй и в своей кибитке мяса не достанет» (т. е. ему лень даже готовое взять), «У иноходца нет жира, у беспутного нет спокойствия».

Есть пословицы, которые воспитывают любовь к родине и чувство коллективизма, долга перед обществом: «Одинокое дерево — не лес, одинокий человек — не общество», «Птица сильна крыльями, человек — помощью», «Человека узнают по тому, кто его окружает», «Потеряешь любимого друга — семь лет вспоминаешь, покинешь родину — до смерти будешь ее помнить».

Имеются пословицы о пользе учения: «Вселенная освещается солнцем, человек — знанием», «Силой можно победить одного, знанием — многих», «Учение — родник ума», «В середине озера — утка красивая, в кочевьях — ученый», «Солнце вечно светит, а ученье — слаще сахара и меда», «Учение — источник счастья, лень — исток мучений».

Калмыцкое гостеприимство также нашло свое выражение в пословицах и поговорках: «Лучшей пищей угощай гостя, лучшую одежду надевай на себя», «Если скуп в угощении — друзья далеко». «Сначала напои, потом спрашивай, зачем приехал», «В темную ночь дорога далека, скупому человеку товарищи далеки».

Много пословиц посвящено проблемам воспитания и нравственности. В них осуждаются пьянство, воровство, болтливость, подхалимство: «Водка крушит все, кроме своей посуды», «Воровством не разбогатеешь, ложью — праведником не будешь», «Вода идет с возвышенных мест в низину, преступление возвращается к преступнику», «Не копай человеку яму, сам попадешь туда», «Не обижай, называя дурным: нельзя сказать, что с ним будет, не хвали заранее хорошего: неизвестно, каким будет», «После дождя солнце жжет, после лжи стыд жжет», «У коварного удача бывает раз, у искусного — дважды», «Нельзя постоянно говорить только потому, что под носом находится рот», «Умный скрывает достоинства в сердце, глупый держит их на языке», «Хорошего человека по началу речи узнают», «Лучше меньше слов, но со смыслом».

Имеются пословицы, связанные с основными занятиями и, прежде всего, со скотоводством: «Богач — до первого бурана, богатырь — до первой пули», «Зимней погоде нельзя доверять»,

«Пусть зима мягкая, но все же — зима», «Хотя и был дождь, но не оставляй скот без воды».

Есть пословицы, которые осуждают людей неблагодарных, быстро забывающих оказанную им помощь: «Позаботишься о беспутном человеке — голова будет в крови, позаботишься о скотине — во рту будет масло», «После переправы лодка не нужна, после исцеления врач не нужен». Другие же отражают угнетение бедных богатыми: «Заденешь нойона — останешься без головы, поиграешь с собакой — останешься без полы», «Подачка хана — что весенний снег», «Знатному — забава, простолюдину — смерть». «Богачу и на краю пропасти — рай», «С богатырем не спорь из-за пищи, с богачом не спорь из-за счастья».

В ходе истории одни пословицы и поговорки вышли из употребления, а другие получили распространение. Вошли в народную речь новые пословицы и поговорки, направленные против ламаистского духовенства. Например: «Сайгак жиреет на хорошем корму, гелюнг богатеет, когда много покойников», «Падению в пропасть способствует черт, похоронам — гелюнг», «Молитвой богу дело не поправишь».

Калмыки придавали пословицам и поговоркам большое значение: «Горный ястреб летит к горе, сын мудрого отца говорит поговорками». К месту, вовремя сказанное меткое слово действительно приобретает глубокий смысл и мудрое значение.

По своему строю и предельной лаконичности к пословицам и поговоркам близки загадки, которыми очень богат калмыцкий фольклор. К сожалению, до сих пор они не стали предметом специально организованной записи и исследования. Между тем, калмыки, в первую очередь дети, страстно увлекались ими. Это было своеобразное развлечение молодежи в нерабочее время, упражнение в сообразительности и в умении сравнивать и сопоставлять явления, какие людям приходилось наблюдать в окружающем их мире.

В загадках охватываются явления природы, общественной и семейной жизни, особенности анатомии человека и животных. Приведем некоторые примеры: «Шубу дедушки невозможно перешагнуть, а шубу бабушки —свернуть!» (небо и земля), «У пламени величиной с чашку греется все человечество!» (солнце), «Верблюд обошел миллионные площади земли» (облако).

Многие из калмыцких загадок связаны со скотоводством, земледелием, рыболовством, охотой. Имеются загадки о зверях и птицах, насекомых, пресмыкающихся.

К очень древним загадкам относятся калмыцкие триады, т. е. загадки, ответы на которые состоят из трех частей. Например: «Три белых на свете, что это?» Ответ: «Кости покойника, зубы смеющегося человека, волосы старого человека». «На свете три

черных, что это?» Ответ: «Хотон, где нет овец; гелюнг, не знающий молитвы; женщина, у которой нет детей». Вопрос: «Три красных на свете?» Отгадка: «Хороший охотник (мужчина), который не возвращается без добычи; вечерняя заря на небе; лоно домовитой женщины, рожающей много детей, в том числе сыновей».

У калмыков, как и у всех монгольских народов, над очагом ставится тулга — треножник (таган), очаг считается святыней, куда строго запрещается лить воду, втыкать нож и т. д. Треножники служили и своеобразным символом высшей власти верховного владыки. Возникает вопрос: не являются ли калмыцкие триады и треножники косвенным отражением существовавшего некогда культа домашнего очага и связанного с этим культом ритуала? Тем более, что в некоторых триадах действующими лицами являются мужчина-охотник, женщина, делающая жертвоприношение очагу, а также овца, приносимая в жертву.

Обращает на себя внимание тот факт, что в героическом эпосе «Джангар», в героических и волшебных сказках калмыков для определения длительного времени действия часто применяется выражение «семью семь — сорок девять дней». По представлению калмыков, небосвод состоит из 49 небес, расположенных одно над другим; на самом верхнем небе обитают боги. По мнению ламаистов, душа покойника обитает поблизости от своего мертвого тела в течение 49 дней, после этого срока она вынуждена покинуть тело и отправиться на суд к Эрлик-Номин-хану. Таким образом, число «семью семь — сорок девять» приобретает значение высшей точки, вершины, за которой начинается возвращение к исходному положению. Не заложена ли в этом выражении философская категория отрицания, утверждающая развитие мира через постоянные переходы из одного состояния в другое, через возвращение к исходной позиции.

Важное значение в становлении и развитии различных жанров калмыцкого фольклора имели межнациональные взаимовлияния. В науке существует мнение, что известный цикл сказок «Сидди кюр»* заимствован из индийских героических сказаний. Нельзя также считать случайным наличие в некоторых калмыцких сказках слова «ганг», по-видимому эквивалентного названию индийской реки Ганг.

В калмыцком фольклоре есть общие элементы, характерные для народов Центральной Азии и Южной Сибири. Это обнаруживается в героических поэмах о степных конных богатырях, добывавших себе в жены «предназначенных судьбой». Общим для всех героических эпосов саяно-алтайских народов является склон-

* На русском языке издан под названием «Волшебный мертвец».

ность их героев к дружбе и побратимству, к защите обиженных и другие мотивы.

Музыкально-танцевальный фольклор

Вопросы искусства калмыков специально не рассматривались. В литературе встречаются небольшие сообщения об отдельных сторонах народного искусства. В советское время оно почти не затрагивалось исследователями. Нашей задачей является рассмотрение основных видов народного искусства конца XIX — начала XX вв.

Искусство калмыков досоветского периода развивалось только в народной форме. Ни один из его видов не достиг уровня профессионального развития в силу культурной и экономической отсталости Калмыкии и колониального гнета царизма, не проявлявшего заботу о развитии калмыцкого искусства.

Большое место в музыкальном фольклоре занимает самобытная, так называемая протяжная песня, известная под названием: «уту дун» или «шаштр дун» (буквально: длинная песня), исполнявшаяся коллективно группой в составе 2—4 человек. Следует обратить внимание на то, что уту дун, по мнению специалистов, характеризуются свободной мелодической и ритмической импровизацией и не укладываются в привычные тактовые деления. В них часты пятидольные и семидольные размеры. Нередко один слог текста приходится на несколько нот.

Уту дун исполнялась в честь гостей, на свадьбе или во время различных народных праздников. Ее пели, обычно поднимая чашу, наполненную аракой, и становясь перед теми, кому она предназначалась. Пропев несколько куплетов, певцы подносили свои чаши присутствовавшим по очереди, строго соблюдая старшинство. Пение продолжалось до тех пор, пока все старшие не будут почтены, независимо от пола и национальности.

Обычно калмыки посвящали песни крупным событиям в своей жизни. До сих пор бытует у калмыков песня, в которой осуждается увод Убуши-ханом значительной части калмыков в Джунгарию. До сегодняшнего дня поется народная песня «Маштаг боро» («Серый конь»), посвященная Отечественной войне 1812 г., в которой участвовали три калмыцких кавалерийских полка. Отрывок из этой песни в нашем подстрочном переводе мы приводили выше.

Исторические песни могут служить одним из источников при изучении истории Калмыцкой АССР. Они не потеряли до сих пор своего патриотического и воспитательного значения.

Бытовали лирические песни, преимущественно любовные, исполняемые от имени мужчины. Для них характерны яркая образность, многочисленные сравнения, эпитеты, метафоры.

В песне «Коку» (имя девушки) поется:

Видел однажды я Коку, Коку,
Э-эй... Девушка легко скользила
Через озеро по льду.
След я причудливый вижу, вижу!
Э-эй... Вижу след моей любимой,
Как во сне за ней иду!
Спелое яблоко — Коку, Коку!

Э-эй... Шаловливей ты лисенка,
Легкой ласточки быстрей!
Золота ярче ты, Коку, Коку.
Э-эй... Взгляд очей воды прозрачней.
Жарче солнечных лучей.

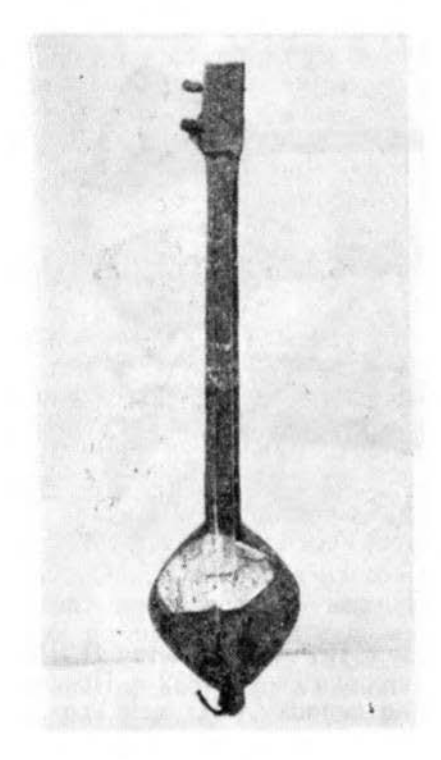
В калмыцких народных песнях нередко поется и о тяжелой доле батраков-пастухов. В одной из песен говорится:

Сидел я, стирая свою рубашку
Холодной колодезной водой,
Однако не покидала голову
Мысль о заботливой моей маме.
Сидел я, мыл руки
Соленой колодезной водой,
Однако скучал о маме,
Родившей меня....

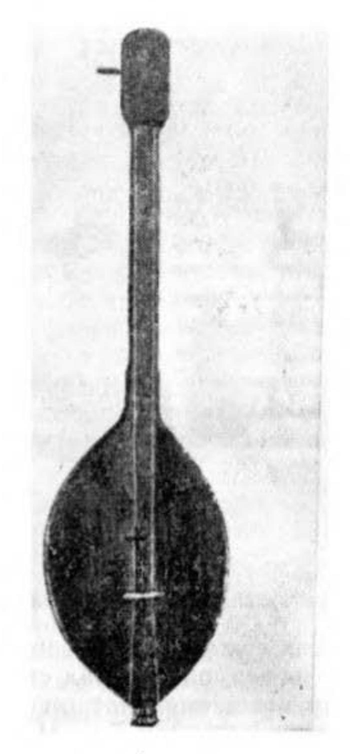
В калмыцком музыкальном фольклоре большое место занимали обрядовые (свадебные) и трудовые песни. Исполнение песни «Чикндян дельднг» выливалось в целую постановку с пляской, в шуточной форме показывающей тяжелый трудовой день калмычки, длившийся с восхода солнца до его заката. Некоторые песенно-танцевальные произведения исполнялись, как правило, в сопровождении домбры, редко в сочетании с игрой на саратовской гармошке, при исполнении произведений этого жанра вводилось пощелкивание пальцами по стенке домбры (ташкнулх), удары колокольчиков гармоники. Игра на саратовской гармошке более всего была распространена в поселке Калмыцкий Базар, что связано с влиянием татар, живших в этом поселке. Известное воздействие русской городской песни прослеживается в отдельных песнях приволжских и прикаспийских калмыков, трудившихся на рыбных промыслах совместно с русскими рабочими. В музыкальном творчестве донских калмыков заметны отдельные интонации, характерные для донского казачества.

По своей идейной направленности музыкальное творчество калмыцкого народа не было однородным. В лучших песнях нашли отражение демократические тенденции народа, его протест против произвола власть имущих, вековые мечты о лучшей жизни.

В конце XIX — начале XX вв. сохранился ряд относительно древних инструментов, на которых народные музыканты умели передавать сравнительно сложные мелодии. Самым распростра-

Старинный калмыцкий музыкальный инструмент товшур

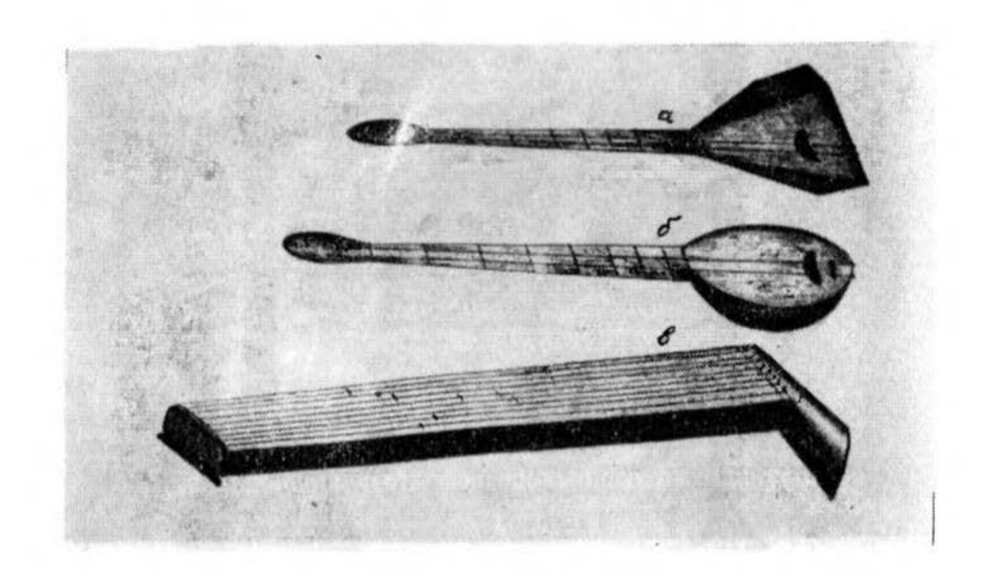

Калмыцкая домбра

ненным инструментом была домбра (домбр), представлявшая собой двухструнный щипковый инструмент.

Был и другой музыкальный инструмент типа горизонтальной арфы или лютни — ятха (по утверждению И. А. Житецкого, редко встречавшийся даже в 80-х гг. XIX в.), бытовавшая в состоятельных семьях, особенно у знати. Ятха имела довольно большой корпус (длиной более 1 м), изогнутый в одном месте под тупым углом. Короткая часть изгиба служила ножкой. По свидетельству М. Л. Тритуза, один экземпляр ятхи сохранялся в Астраханском краеведческом музее вплоть до 1929 г. (он был экспонирован еще в 1890 г. на промышленной выставке в городе Казани). Звук ятхи был мелодичным, как бы журчащим, напоминал звучание украинской бандуры. В 1962 г. нам удалось послушать приятный звук этого инструмента во время республиканского смотра художественной самодеятельности.

Одним из древнейших музыкальных инструментов, известных

Музыкальные инструменты: а, б — домбры: в — ятха

героям эпоса «Джангар», является хур. По свидетельству П. Небольсина, он бытовал сравнительно широко еще в 1852 г. По своему внешнему виду он был похож на скрипку. На нем играли посредством смычка. Но уже в начале XX в. хур встречается у калмыков крайне редко, а у других монгольских народов бытует и в наши дни.

Из струнных щипковых инструментов необходимо упомянуть товшур, экземпляр которого поступил в Калмыцкий республиканский краеведческий музей из Татарского государственного музея. Корпус его грушевидный, долбленный из цельного дерева, с декой. Подобный инструмент был распространен у народов Южной Сибири, у алтайцев, хакасов и тувинцев. Игрой на товшуре калмыки сопровождали эпические сказы. По-видимому, в начале XX в. товшур уже не играл существенной роли в музыкальной жизни Калмыкии.

Нередко встречалась своеобразная свирель (хулсн бюшкюр), изготовлявшаяся почти во всех улусах из стебля камыша. Иногда камыш вставлялся в рог, как это наблюдалось у кумских и терских калмыков.

Специфичные духовые и ударные инструменты применялись в хурулах. Использование их в обычной жизни запрещалось. Для изучения истории музыкальной культуры эти инструменты имеют большое значение. В 1931 г. они были успешно использованы в

массовом музыкальном спектакле «Улан сар». Некоторые музыковеды и композиторы считают, что при создании калмыцкого народного оркестра им должно быть отведено большое место.

В XIX в. калмыцкая музыкальная культура начала обогащаться под влиянием музыкальной культуры русского народа. Калмыцкая учащаяся молодежь пела русские песни. По свидетельству И. А. Житецкого, в 80-х гг. XIX в. у калмыков были русские музыкальные инструменты — скрипка (скрипк), гармония (гармонь), рояль (роель), аристон, музыкальный ящик. У хошеутовского нойона даже существовали домашние духовые оркестры, оркестрантами были калмыки простолюдины (музыканты-самоучки), но среди них были хорошие скрипачи и гобоисты. Оркестры с участием таких солистов нередко исполняли произведения Моцарта, Россини и других композиторов. До сих пор в народной памяти хранится предание о талантливом виолончелисте Дорджи Манджиеве из Богданкинов, выступавшем с концертами на петербургской сцене.

Сама игра на музыкальных инструментах у калмыков обозначается различными терминами.[33]

Одним из видов массовых развлечений молодежи были самодеятельные вечера — няр, которые устраивались в свободное время по инициативе девушки или парня, молодой четы или группы девушек и парней. Такие вечера назначались на определенный день, проводились в одной из кибиток, как правило, принадлежавшей молодым супругам, куда приходили, а порой и приезжали на подводах, на лошадях издалека. Участники исполняли сольные номера под домбру, много пели, танцевали, играли. Это была своеобразная художественная самодеятельность, существовавшая в условиях полного отсутствия каких-либо культурно-просветительных учреждений.

Калмыцкие танцы характеризуются многообразием танцевальных па и приемов, требующих довольно высокой исполнительской техники. Они то нежны и грациозны, то спокойны и плавны, то энергичны и стремительны. Танцевали парами, став друг против друга, и вчетвером. Женщины танцевали спокойно. плавно, выполняя рисунок танца мелким шагом, а руками как бы паря в воздухе. Для мужских танцев характерны энергичные, временами стремительные движения. Распространен был танец «чичирдыг» (дословно: трястись). Танцующий трясется всем телом, руками парит в воздухе.

По всей Калмыкии бытовал парный танец «ишкимдыг», для которого характерны плавность и неторопливость.

Одним из интересных был танец, сопровождавшийся пением,— «домбрин чикинд келлгн» (дословно: говорить под головку

Танец зайца (туула би)

грифа домбры). Бытовал танец зайца — это подражание зайцу мимикой.

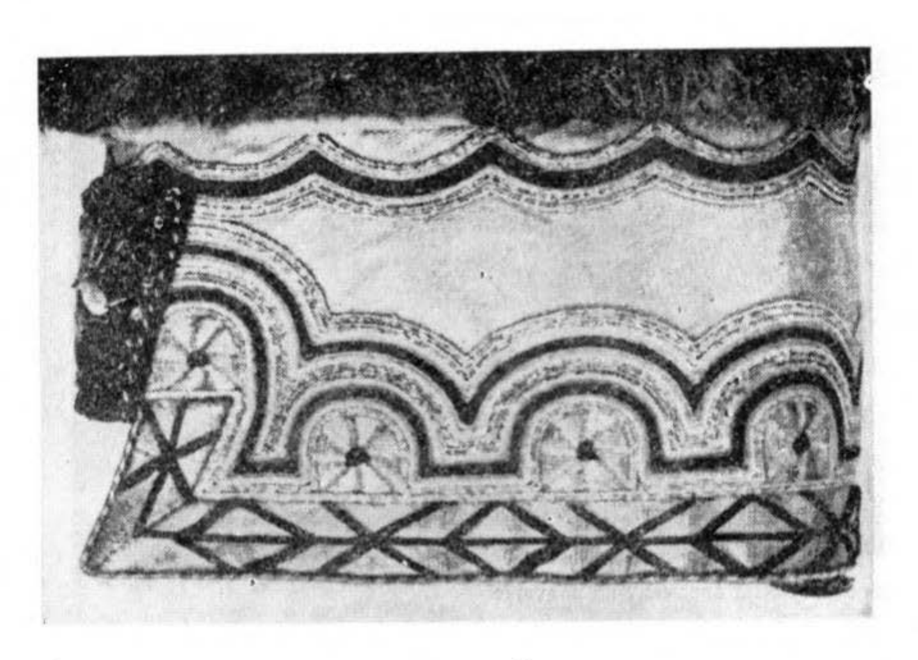
Взмахи и движения рук, по-видимому, были подражанием взлетавшим птицам. Такое понимание семантики жеста подтверждается и криком присутствовавших: «Пари, как коршун!» Об этом говорит наличие термина «танец журавля». В дальнейшем калмыцкие танцы подвергались определенному влиянию танцевального искусства других, особенно кавказских и татарского народов.

Почти во всех улусах отмечены пляски с платком. Возможно, что эта особенность заимствована у русских и татар. Воспитанники Астраханского училища исполняли почти все русские танцы, в том числе бальные. Отдельные молодые калмыки хорошо умели исполнять кавказские (лезгинку, шембеля), украинский (гопак), русские (вприсядку, яблочко) и другие танцы.

Изобразительное искусство и архитектура

Прикладное искусство. Еще менее исследовано калмыцкое прикладное искусство. В конце XIX в. И. А. Житецкий опубликовал только несколько образцов вышивки на женской одежде.

Одно из первых мест в народном прикладном искусстве зани-

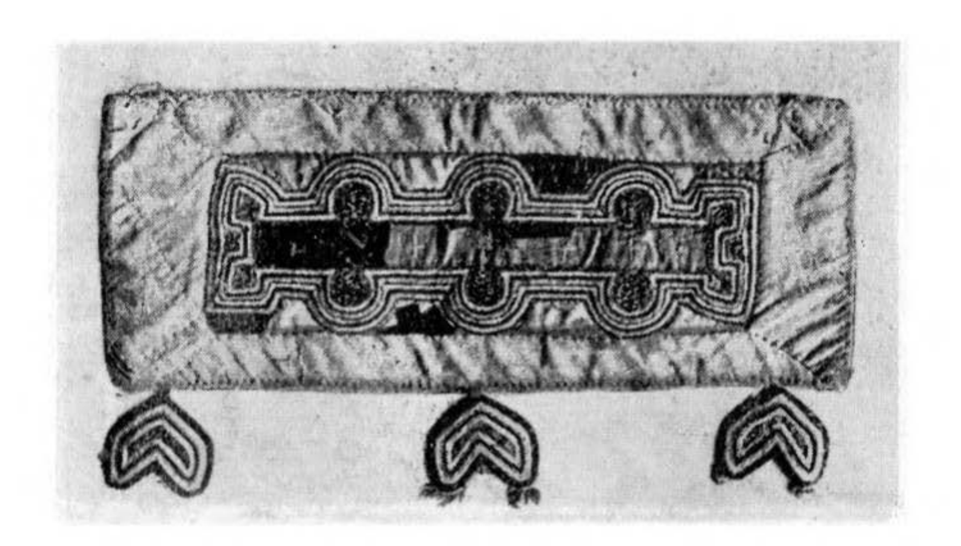
Образец орнамента на женском головном уборе

мала вышивка, известная еще героям эпоса «Джангар», где нередко говорится о том, что только одно «закаблучье их (сапог — *У. Э.*) выстрачивали двести девиц».

Оригинальным орнаментом отделывались женские цегдег, терлег, иногда хутцан, девичьи бюшмюд (бииз), манишки, головные уборы (халмаг, камчатка, джатаг), различные сумки, кисеты, подушки (бокцо — подголовные, кел бокцо — под ноги) и т. д. Черный цвет был центральным, оттенял и объединял остальные цвета.

Живопись. Развитая в далеком прошлом у предков калмыков живопись оказалась впоследствии монополизированной духовенством. Почти во всех хурулах были монахи-живописцы (зурачи), которые были вынуждены изображать в основном растительный антураж, фигуры различных буддийских божеств и святых. И. А. Житецким опубликованы рисунки двух гелюнгов.[34] Созданные художником Дорджи изображения четырех Дара-эке были переданы База-бакшой в музей Академии.[35] Н. Очиров пишет, что в Хошеутовском храме существовала художественная мастерская живописи.

Художественных училищ и школ в нашем понимании не существовало в Калмыкии. Желающий стать живописцем учился у

Распространенный орнамент на подушке

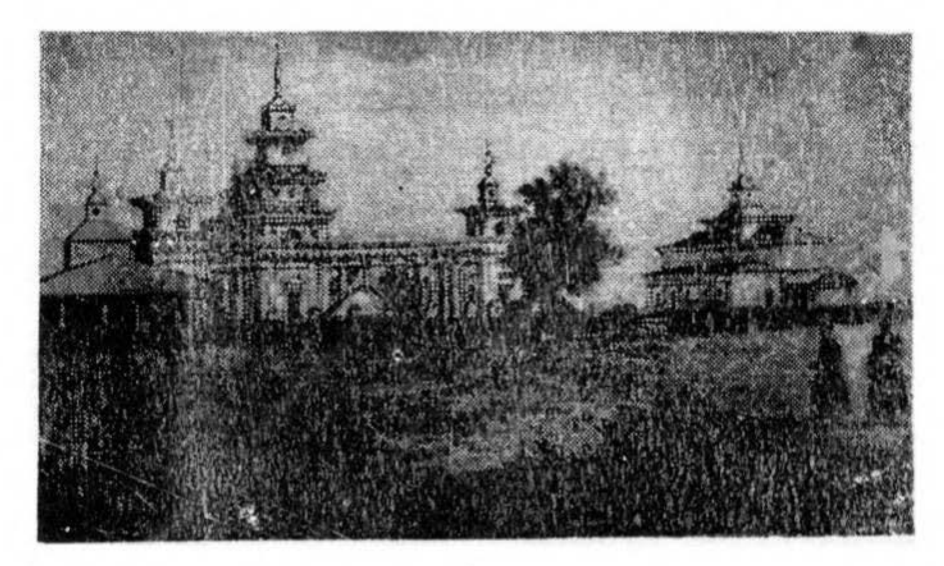
лучших художников, при крупных монастырях, а затем сдавал экзамены при Главном управлении калмыцким народом. Обыкновенно зурхачи рисовали на бумаге или полотне (коленкор, белый холст), которое предварительно промазывали клеем (рыбьим, собственного изготовления). Делая копию рисунка, восковкой снимали очертания изображения, по ним накалывали трафарет (загбар).* На изготовленном таким путем полотне художники расписывали изображение различных буддийских божеств и святых (лам, бакшей и др.) красками при помощи тонких русских кистей (узюг), копируя оригинал или меняя расцветку деталей иконы по своему вкусу.

С распространением ламаизма развитие живописи в Калмыкии получило однобокое культовое направление. Однако художникам удалось сохранить мастерство тонкой линии; привлекает красочность, умение художников-самоучек подбирать тона и сочетать разнообразные краски в условиях строгой каноничности и абсолютного господства ламаистского духовенства, сосредоточившего в своих руках изобразительное искусство.

Архитектура. Утверждение о наличии у калмыков архитектуры вызывало у многих весьма скептическое отношение. Между тем полевые материалы, литературные источники и архивные данные неопровержимо свидетельствуют о существовании в недавнем

---

* Заг — слово тибетское, бар — печатание (калм.).

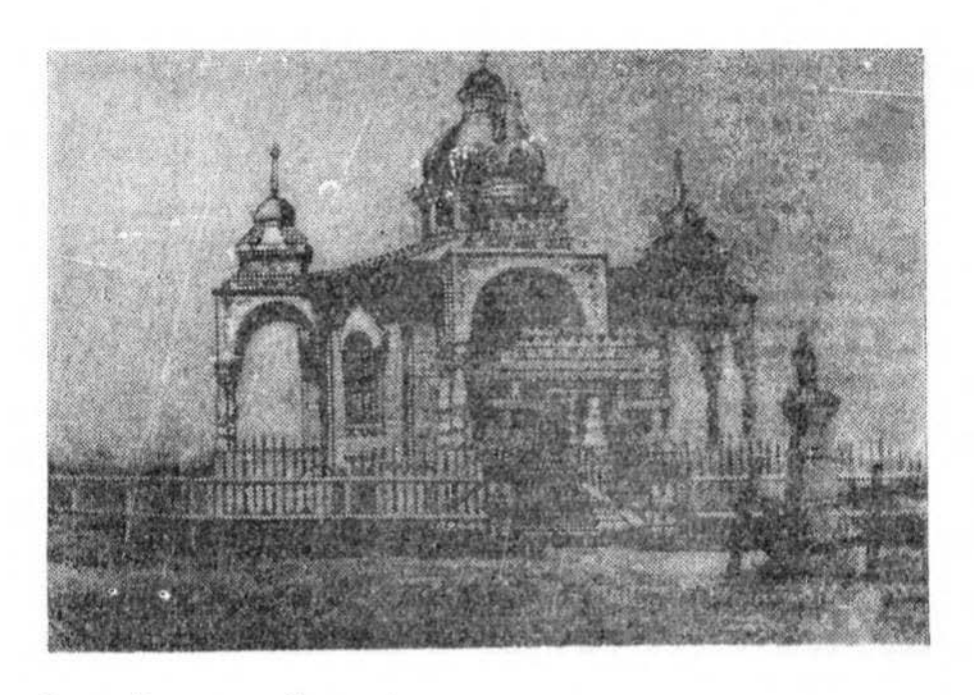
Храм, построенный в честь победы в Отечественной войне 1812 г.

прошлом во всех улусах Калмыкии тех или иных архитектурных памятников. Не только калмыки, но и их предки знали города и архитектурные сооружения.[36]

Развитие в Калмыкии архитектуры было в значительной мере связано с распространением ламаизма: буддизм использовал все доступные ему средства, в том числе и искусство, для эмоционального воздействия на верующих.

По архивным материалам 40-х гг. XIX в. в Калмыкии было четыре деревянных храмовых здания.[37] К этому времени был построен упоминавшийся выше каменный Хошеутовский храм в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Около 60-х гг. XIX в. был построен храм Малохарахусовского хурула. Вокруг него постепенно вырос целый архитектурный ансамбль. Около 1853—1854 гг. в Эркетеневском улусе была завершена постройка храма Икибагутова хурула. Такие же храмы* были построены во многих улусах. В 70-х гг. XIX в. деревянные здания имелись в Большом Барунокеретовом, Малошебенеровском и Малокеретовом хурулах. В Икицохуровском улусе, урочищах Яшкуль, Чилгир и в Зюнгаровском аймаке также были построены деревянные здания

* Все калмыцкие монастыри-хурулы имели в составе ансамбля храмовое здание — сюме; иногда сюме стоял изолированно; монахи (гелюнги) постоянно при нем не жили, а только собирались там для богослужений.

Храм в Дунду-хуруле Малодербетовского улуса

хурулов. В Малодербетовском улусе в самом начале 70-х гг XIX в. деревянные здания существовали в Шебенеровском аймаке и в Дунду-хуруле.

Оседлые калмыцкие хурулы сохраняли тот же планировочный принцип, какой существовал у кочевых: все жилые дома монахов располагались по кругу, в центре же размещался храм или группа храмовых построек. Три храма Дунду-хурула находились внутри небольшой деревянной ограды, у ворот которой к югу от главного храма стоял кюрдэ — молитвенный барабан, представлявший собой полый цилиндр, облепленный бумажными полосками с текстами молитв.

Хотя калмыцкие хурулы придерживались национальных традиций и соблюдали правила буддийской символики, сама калмыцкая архитектура, судя по полевым материалам и фотографиям отдельных храмов, была смешанной. Она образовалась в результате слияния тибетского, монгольского и русского архитектурных стилей. Хошеутовский храм, сохранившийся (хотя и в плохом состоянии) в Заволжье до сих пор, был построен по проекту, составленному Батыр-Убуши-Тюменем и Гаваном Джимбе. В этом храме сочетались архитектурные стили Петербургского Ка-

занского собора и Джардж Кашарин Суворгана. Это было величественное по красоте и габаритам здание.[38] Изящным было деревянное здание Дунду-хурульского храма, во многом похожее на православную церковь. На русскую православную церковь внешне походило здание Деде-Ламинского хурула.

Отдельные культовые сооружения выдерживались в традициях тибетской архитектуры. Чаще всего эти здания представляли собой квадратные или прямоугольные помещения, крыша их прогибалась в средней части и приподнималась по краю, крыши угловых павильонов были сложной, многоярусной конструкции.

Для этих культовых архитектурных сооружений характерно богатое декоративное оформление фасадов. Мотивы художественной росписи: различные геометрические и стилизованные растительные узоры; нередко встречались изображения живых и мифических существ (драконов, животных и птиц). Карнизы зданий отдельных храмов украшались резьбой по дереву, а иногда и по камню. Резьба поражает богатством и разнообразием; изысканностью и тонкостью выполнения. Замечательно то, что мотивы, глубина и масштабы резьбы подбирались самими мастерами (часто неграмотными)*, мастер продумывал и подчинял орнаментацию общему художественному решению архитектурного оформления зданий. Над куполами, по форме близкими маковкам православных церквей, устанавливалось сложное навершие, включавшее символы луны и солнца, сделанные (в виде полумесяца и круга) из золоченой листовой меди. К ним прикрепляли изящно изготовленные цепочки, куда подвешивали колокольчики: раскачиваемые ветром, они издавали разнообразные звуки. В окна храмовых зданий вставляли цветные стекла.

Помещение храмов было довольно высоким: плоские потолки внутри храма опирались на колонны, сделанные из массивных толстых стволов дерева, окрашенных лаками разных цветов. Многие здания ламаистских храмов и иных культовых построек не особенно отличались от архитектуры русских крестьянских жилых деревянных домов. Это, возможно, объясняется тем, что строителями зданий ламаистских храмов наряду с мастерами-калмыками были плотники из соседних русских городов и сел, а у калмыцких архитекторов не хватало технических знаний.

Таким образом, калмыцкая архитектура сложилась в результате сочетания тибето-монгольской, русской церковной и русской крестьянской. Оформление наружной части крыши в виде ярусов отражает влияние тибето-монгольской архитектуры, а ку-

---

* Искусным мастером резьбы по дереву был неграмотный калмык Дорджиев Чакш из Баруновского сельсовета Абганеровского аймака Малодербетовского улуса. Об этом рассказал нам Герой Советского Союза М. А. Сельгиков.

пола, возвышавшиеся над крышей, построены в традициях русских православных храмов.

Религиозные верования

Пережитки доламаистских верований. В конце XIX — начале XX вв. господствующей религией калмыков был ламаизм. Однако вплоть до последнего времени в их мировоззрении сохранилось много пережитков доламаистских верований, на что почти не обращалось внимание в литературе, хотя они играли существенную роль в жизни населения. Видное место в религиозных верованиях калмыков занимал культ неба и небесных светил: солнца, луны и звезд. Солнце — источник тепла и податель всех благ С этим связан специальный свадебный обряд поклонения молодой невестки желтому солнцу. П. С. Паллас писал, что, по мнению калмыков, солнце состоит из стекла и огня, и в окружности имеет несколько сот беря (один беря — 8,5 км). Луну почитают несколько меньше солнца, и по их объявлению она состоит из стекла и воды. Число звезд, полагают они, до десяти тысяч миллионов».[39] По утверждению П. Небольсина, калмыки «почитают небо, солнце и луну за особенные дары милосердия к людям... Солнце оплодотворяет и живит землю: оно источник всего, что для благоденствия человека нужно».[40]

С остатками родового культа связано также почитание огня, особенно огня очага, как эмблемы солнца, чем объясняется обычай придавать очагу, разведенному в середине кибитки, округлую форму. Очаг, согласно представлению калмыков,— центр жилища, символ семьи, семейного счастья и жизни. Неслучайно в кибитке гелюнга и в кибитке, поставленной для гостей, нет очага, так как эти жилища не семейные. Очаг — предмет культа не только семьи, но и всего рода. Это и понятно. На огне варили пищу, он освещал кибитку, давал тепло. По обычаю огонь своего очага берегли. До восхода солнца и после его захода строго запрещалось чужому человеку (не родственнику) выносить огонь из жилища, так как вместе с огнем могло уйти счастье семьи и рода к чужим. Огонь в очаге — хранитель благополучия и богатства семьи. Этим объясняется обычай бросать в очаг перед началом трапезы куски мяса, сала, лить араку, жиры, масло. Это было жертвоприношение огню, который получал первым свою долю кушанья и питья. Возле очага читали молитвы, к нему обращались как к посреднику между людьми и божествами, т. к. считалось, что огонь передает жертвы многочисленным духам. С этим представлением связан обряд «гал тялгян» или «гал тядиг сар», который совершали примерно в конце сентября или начале октября. Для исполнения обряда калмыки резали барана, варили почти все части его туши, приглашали родственников и однохотонцев

и коллективно съедали сваренное мясо. «Долю огня» приносили очагу в жертву следующим образом: против двери, около очага, сооружали из специально изготовленных палочек или кизяка (поверхность его в этом случае выравнивали) квадрат в виде колодезного сруба. На верх сруба клали десять ребер по определенному порядку, считая их от передней левой ноги, а поверх ребер — грудную кость, также очищенную от мяса. Эти одиннадцать вываренных костей заматывали в шерстяные нитки, затем на них клали полосу мяса, вырезанную из живота жертвенного животного. Все это поджигалось, на костер клали большую берцовую кость от правой задней ноги, череп без нижней челюсти (но в некоторых аймаках клали на огонь именно нижнюю челюсть овцы), лили туда курдючный жир и добавляли полосы нутряного сала, мясо, вырезанное из спины животного в виде короткого ремня. Туда же лили молоко и масло, бросали серебряную или медную монету. По четырем сторонам квадратного сооружения ставили светильнички (сделанные из теста чашки с фитилями, наполненные салом) и зажигали их. Спинную часть с курдюком, легкие, почки, печень, прямую кишку, грудинку с куском шкуры, опаленной на огне,— все это помещали в предназначенную для этой цели сумку из овчины или овчинную шубу (далга), вручали самому старому из близких родственников. Рядом с этим почтенным человеком садился мальчик (из семьи хозяина), который держал перед собой сырую правую переднюю ногу (ха) барана, до этого висевшую на головке кибиточной решетки. Старик поднимал врученную ему сумку, делал ею круг возле жертвенника и произносил «хоре, хоре». За ним эти слова повторяли все присутствующие, положив на правую ладонь по кусочку жира. Церемония с возгласами «хоре, хоре» повторялась три раза. После каждого круга мальчики — участники обряда — начиная с сына хозяина, державшего ногу барана — откусывали небольшой кусочек чуть высунутого из сумы овечьего сердца.[41] Все продукты, находившиеся в суме, оставляли до утра: их съедали только родственники (чужим не давали), а сырая нога оставалась нетронутой три дня, затем ее варили и съедали.

Приношение верховному божеству огня целого барана совершали и после выдачи дочери или сестры замуж с тем, чтобы она «не унесла с собой счастье и благополучие семьи».

Согласно поверьям калмыков, огонь является чистейшим элементом. Нельзя его осквернять или оскорблять.

По представлению калмыков, как и многих народов мира, огонь имеет очищающее свойство. Весной каждого года, во время перекочевки с зимней стоянки на летние пастбища, скотоводы-калмыки разжигали по обеим сторонам дороги костры (ширг), сыпали в них соль и прогоняли между ними весь скот, а также

проходили сами со всем домашним имуществом, погруженным на телеги.

Возвращавшиеся с похорон также очищались огнем. Этот обряд существовал у монгольских народов еще в XIII в. Плано Карпини сообщает: монголы «веруют, что огнем все очищается».[42] Все послы и приносившиеся ими дары должны были «пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению» от яда и зла. Отказ от очищения был равносилен злоумышлению. Этот обряд, уходящий своими корнями к периоду родового строя, продолжал существовать вплоть до 30-х гг. нашего века. Он соблюдается отдельными калмыцкими семьями и в настоящее время, правда, в несколько иной форме — в виде окуривания дымом горящего можжевельника, действительно имеющего некоторое антисептическое свойство.

Калмыки продолжали обожествлять горы, камни, которые, по их мнению, имели своих божеств-хозяев — эзен. По свидетельству К. Костенкова, калмыки обожествляли гору Богдо, расположенную на территории современной Астраханской области, в районе озера Баскунчак. На вершине Богдо Ула была сооружена пирамидальная насыпь из камней, которой поклонялись проходившие мимо нее калмыки, оставляя там какие-нибудь предметы — пищу, монеты и т. д.[43]

В степи, в открытых местах, где нет гор и сколько-нибудь заметных холмов, этот обряд проводился как «ова тякхе» — поклонение духам местности — на вершине насыпных холмов, каменных куч и курганов, которыми столь богата калмыцкая степь. Мужчины выезжали к курганам, обычно расположенным на возвышенности, на вершине самого высокого из них забивали палку и ставили вылепленное из теста изображение белого старика (цаган авга), олицетворяющего духа хозяина местности. В совершении этого древнего обряда участвовало и ламаистское духовенство.

Пережитком первобытных религиозных верований является обряд, именуемый «булуг тякхе», соблюдавшийся там, где есть водные источники, родники, или «ус тякхе», где нет родников и рек. Ежегодно, в конце августа или в самом начале сентября, исполнялся обряд «усун-аршан», выражавшийся в том, что каждый калмык приходил на берег реки к родникам, колодцам и, сделав три земных поклона, благоговейно вкушал воду. В засушливые годы верующие во главе с гелюнгами приходили к роднику или другому водному источнику, читали молитвы, поклонялись, делали жервоприношение духам — хозяевам водных источников. При совершении обрядов «ова тякхе», «ус тякхе» или «булуг тякхе» приносили в жертву скот. Животных резали, варили мясо и тут же его съедали, запивая аракой. Жертвоприношение делали так-

же продуктами (маслом, мукой, конфетами) и монетами. Исполнение подобных обрядов фактически означало мольбу о дожде, особенно необходимом в таком засушливом районе, как Калмыцкая степь.

Вплоть до последнего времени бытовали также пережитки культа животных. С позволения гелюнга состоятельные люди объявляли тех или иных домашних животных (коров, овец, лошадей) священными, от употребления их мяса хозяева воздерживались. Священными могли быть объявлены животные только определенной масти. Так, например, лошади — серой, каурой и т. д., но не черной масти. После исполнения обряда «гал тялген» трубчатая кость (большая берцовая кость) жертвенного животного заботливо сохранялась в течение длительного времени как талисман, мозгом ее, т. е. костным жиром, лечили воспаление среднего уха у детей. О бытовании у калмыков культа промысловых животных свидетельствует обычай, по которому к воротнику детской одежды (особенно шубы) привязывали трубчатые кости зайца: считалось, что этот амулет защитит ребенка от дурных влияний.

Встречались и пережитки культа растительности. Например, можжевельник (кюджи) не без оснований считался у калмыков очистительным средством. Весною при перегонке чигяна на араку втыкали пучок травы в глину (хавхаг), которой заделывали одно из двух отверстий в крышке большого котла. Эта трава символизировала обилие молочной и мясной пищи. В урочище Нюкен, расположенном на территории Чилгиро-Цатхаловского аймака Икицохуровского улуса, население обожествляло деревья, посаженные одним духовным лицом.

До 30-х гг. текущего столетия сохранялись пережитки культа предков, хотя калмыки не знали ни алтаря предков, ни приношения им жертв. Однако предки почитались у всех калмыков. Об этом свидетельствуют часто произносившиеся суеверными мужчинами и женщинами слова: «Эдже-авин сякюсн элдхя» («Пусть благославят духи предков»). В дни свадьбы молодую невестку заставляли поклониться духам предков — «эджи-авин сякюснд мергмю», при этом невесткам запрещалось называть давно умерших предков мужа по имени. Время от времени состоятельные люди делали жертвоприношения в честь духа покойных родителей, т. е. отдавали скот и деньги хурулам. Очевидно, у верующих продолжало существовать представление о том, что духи покойных могут покровительствовать своим сородичам, опекать и охранять их от всякого зла и несчастья.

Большой интерес представляет вера в силу различных магических действий, которые, по представлению калмыков, могут влиять на окружающий мир. Существовала магия защитного ти-

па, или отгоняющая магия. Например, многие носили на шее бу (талисман), сделанный из бумаги или материи с соответствующей молитвой или заклинаниями (тярни), иногда привязывали его к волосам детей. Встречались случаи, когда талисман носили на кистях руки и на ногах. Бу, согласно верованьям, обеспечивал его хозяину долгую жизнь, предотвращал болезни и защищал от злых духов.

К этому же типу магии относится вера в действенность некоторых икон, наделявшихся чудотворными свойствами. Наиболее сильными амулетами считались маленькие глиняные или металлические изображения богов, вложенные в серебряные или деревянные футляры. Они якобы спасали от пуль и ударов сабли на войне.

Бытовала и вредоносная словесная магия, известная под названием «харал» (проклятие), имевшая целью причинить вред отдельным лицам и семьям. Харал нередко применяли наиболее невежественные женщины в качестве мести на почве случайно возникавшей между женщинами ссоры. Среди суеверных калмыков харал считался весьма опасным. Верили, что проклятия и заклинания, сопровождаемые ударами ладони о ладонь, могут наслать несчастье, болезнь и даже смерть на тех, против кого они произносятся. Самым опасным проклятием считались слова: «Пусть не будет верхнего круга кибитки», «Пусть не будет потомства», «Пусть развеется огонь твоего очага». Некоторые в приступе злобы и бешенства мазали свой язык сажей, произнося проклятия по чьему-либо адресу. Известны случаи, когда для магического действия добывали волосы и какой-нибудь кусок одежды человека, которому хотели причинить неприятности. Считалось, что после этого враг будет обязательно повержен.

Эти возникшие в глубокой древности религиозные верования были восприняты позже шаманизмом, который был господствующей религией ойратов до проникновения к ним ламаизма.

Утвердившись среди ойратов, ламаистская церковь боролась против шаманизма самыми жестокими мерами. Шаманы (бэ) и шаманки (утган) подвергались гонениям, а люди, прибегавшие к их помощи, строго наказывались. По закону, принятому в 1640 г. на общем съезде монгольских и ойратских князей, феодалов, ламаизм был объявлен государственной религией всех ханств и княжеств. Крупным штрафам подвергались не только шаманы, но и те, кто пользовался их услугами.

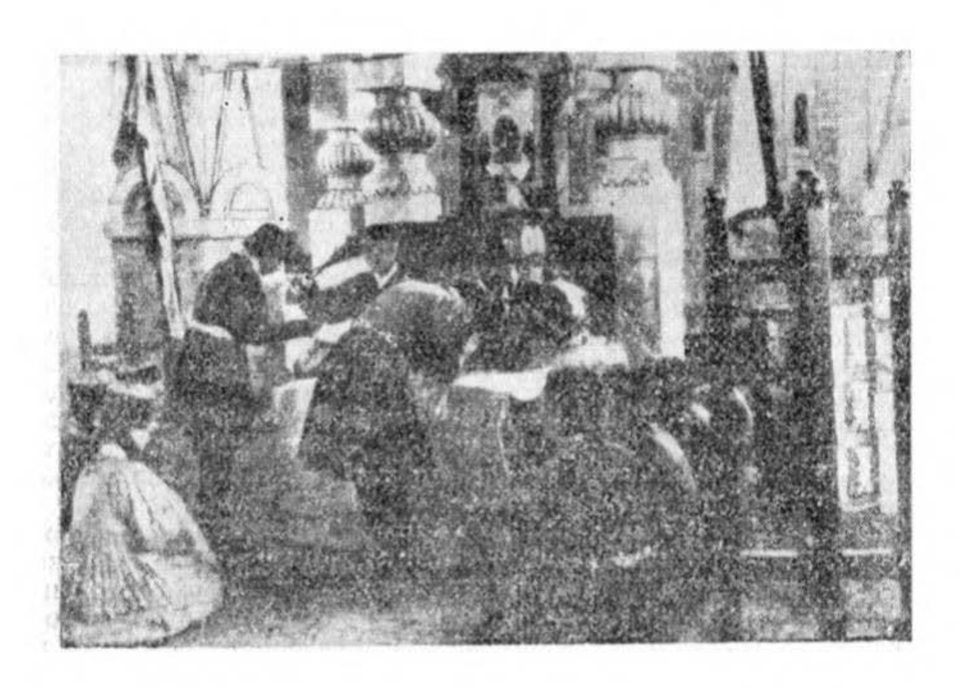
Живучесть доламаистских верований в Калмыкии объясняется не только культурно-экономической отсталостью населения, но и тем, что суеверия культивировались ламаизмом. Более того, ламаистские священнослужители восприняли многие доламаистские обряды и настойчиво использовали их в целях укрепления

ламаизма (культ огня, священных гор, водных источников и т. д.).

Ламаизм. Ламаизм насаждал среди калмыков идеалистические взгляды на окружающий мир, внушая верующим, что материальный мир — не более как иллюзия, жизнь — сплошное страдание, причины которого в самой жажде жизни (бытия). Чтобы избавиться от вечного и всеобщего страдания, человек должен преодолеть в себе жажду жизни, вожделение ее радостей и страстей. Духовенство учило, что причину страданий человека и всего живого нужно искать в неправедной жизни людей в прошлом, а добродетельная жизнь в прошлом обеспечивает благополучное существование в настоящем. Нынешняя жизнь, богатство, бедность, счастье и несчастье, талант, бездарность, болезнь, всякое страдание, блаженство — все это предопределено делами предыдущих существований. Душа бессмертна. Она переселяется после смерти человека, в зависимости от праведности жизни ее носителя, в животное, птицу, насекомое, растение, скалу, камни, может превратиться в пыль (тоосон, хю).

Ламаистское духовенство внушало верующим мысль о том, что после смерти человека душа отделяется от тела и в течение 49 дней витает вокруг него. По истечении этого срока душа направляется на суд к Эрлик-Номин-хану, которому известны все добрые и худые дела, творившиеся покойником от рождения до смерти. После этого ее подводят к зеркалу (толь), в котором вновь проходит перед ее глазами вся только что завершенная жизнь. Присутствующие при этом элчи (следователи) взвешивают на чашах весов все дела: добрые — на одной чаше, а грехи — на другой. Если грехи перетягивают, душа, осужденная на адские мучения, пребывает в аду (там), где она подвергается различным наказаниям.

Душу грешника заставляют плавать в кровавых морях и в различных нечистотах, рвут ее железными крючьями, вынуждают таскать и укладывать горящие материалы. Ленивых изнуряют тяжким трудом, обжор морят жаждой и голодом, а жадные едят и никогда не насыщаются. Жестокосердных богачей, пресыщавшихся обильной пищей и отказывавших в помощи бедным, превращают в уродов с огромной головой, с шеей толщиной в лошадиный волос, со ртом величиной не более игольного ушка, с животом величиной с гору и с ногами не толще спичек. Тех, кто обижал невинных людей, в аду заставляют терзать друг друга, как зверь зверя, бегать или скатываться с гор, унизанных острыми саблями; израненные, они моментально исцеляются только для того, чтобы снова подвергнуться тем же наказаниям. Их растирают жерновами, но будучи растертыми их тела восстанавливаются мгновенно, чтобы вновь идти под жернова. Грешников толкут в ступах,[44] сажают на кол, терзают щипцами, отдают на растер-

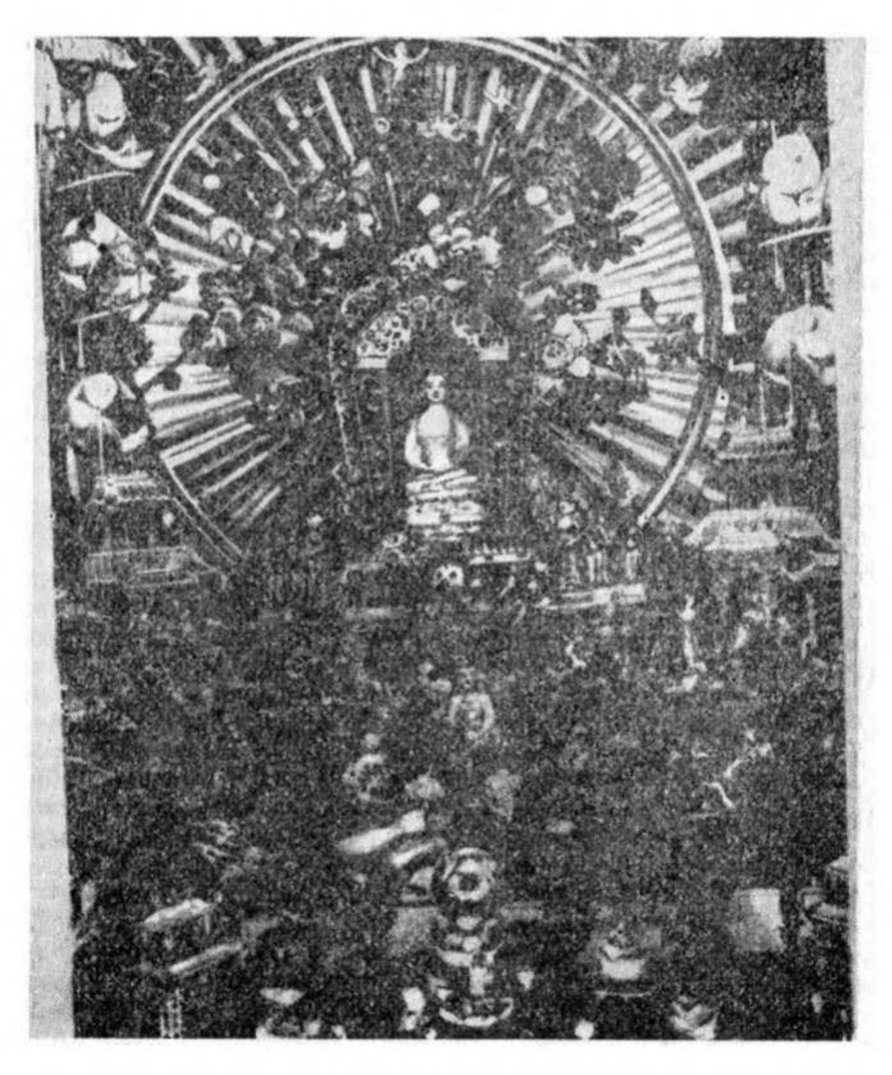

Моление в хуруле

зание кровожадным зверям, змеям, 25-ти голодным чудовищам (мусам).

По утверждению ламаистского духовенства, Эрлик-Номин-хан может отправить в рай (таралангин оран — небо жизни) лишь тех, кто искренне веровал, точно исполнял все предписания гелюнгов, делал добрые дела. В ламаистской космогонии имеется 33 неба, расположенные одно над другим. Долголетие на самом нижнем небе равняется 34 тысячам лет, и чем выше небо, тем жизнь продолжительнее. Над 33 небесами находится Очир тенгер (скипетр неба), где обитает Будда и куда, кроме него, могут попасть только те, кто достиг нирваны. Небожители не трудятся, живут на всем готовом: молоко, масло, творог в изобилии. Там пасутся стада коров, которые сами приходят и дают молоко. Летающие лошади доставляют обитателей рая в любое место, куда желает попасть душа, в их распоряжении дворцы, тенистые сады, блестящая одежда и обувь, райские птицы и красивые женщины (окон-тенгри).[45]

Все живое находится в сансаре — кругообороте бытия. Грешный человек, а все миряне грешны, должен возродиться в образе насекомого или животного (свиньи — если он был обжора, кури-

Буддийский мифический рай

цы — если не сдерживал страстей и т. п.) Только монахи и особенно высшие иерархи церкви — перерожденцы (хубилганы) — появлялись вновь в образе человека.

Миф о загробной жизни и посмертном воздаянии был и оставался основной догмой ламаизма. Все его нравственные принципы поддерживаются одним страхом. Сказки об аде и рае ис-

пользовались ламаистским духовенством как мощное средство воздействия на психологию верующих масс.

Религиозные предрассудки пронизывали многие стороны быта калмыков, были вредны для здоровья трудящихся. Духовенство запрещало верующим уничтожать насекомых, так как в них могут пересилиться души человеческие и перевоплотиться некоторые боги. Нельзя было до конца смывать с лица и тела грязь, мыть посуду, ибо со смытой грязью может уйти кишиг — семейное счастье и материальное благополучие.

Без участия ламаистского духовенства не обходился и суд (зарго), который обычно заканчивался очистительной присягой — шаханом или андгаром. Для исполнения обряда шахан истец указывал на своего самого авторитетного и честного родственника, который должен дать присягу в честности обвиняемого и обвиняемых. Обряд исполнялся в хурульном сюме или эрге — кибитке, где развешаны иконы высших карающих божеств, в присутствии гелюнгов, читавших молитвы и игравших на музыкальных инструментах с тем, чтобы оказать психическое воздействие на присягавшего.

Ламаистское духовенство предрекало мрачное будущее человечеству. По учению ламаизма, существует 1000 будд — мироправителей. Пять из них уже были, последним был будда Шакья Муни. Теперь наступает очередь бога — мессии Майдары (Мядра), который появится, когда придет пора спасать людей из моря накопленных грехов. К моменту пришествия Майдары (Мядра) продолжительность жизни человека составит восемь лет, рост человека будет с локоть, а его лошадь будет величиной с зайца. Майдары (Мядра) ждет, когда наступит это время, его буланая лошадь стоит оседланной, чай кипит в котле. С его пришествием наступит новая эра в истории человечества, когда люди будут жить по 8400 лет, рост их достигнет 20 локтей.

Ламаизм глубоко проник в мировоззрение калмыков. Он охватил все стороны жизни скотоводов. Буддийско-ламаистская религия была абсолютно господствующей идеологией калмыков вплоть до победы Октябрьской революции. Ламаизм был орудием духовного закабаления калмыцкого народа, насаждал отсталые воззрения на окружающий мир, варварские обычаи и традиции, поддерживал авторитет и власть нойонов, зайсангов, богатых скотоводов, а затем русских властей, царский строй, помещиков и капиталистов, грабительские империалистические войны.

Ламаистская церковь выступала в качестве прямого эксплуататора темных калмыков. Духовенство получало за свои «услуги» большие дары — скот, иногда целые стада домашних животных, вещи, деньги, продукты, не считая богатых угощений и подарков, какие верующие делали довольно часто. Многочисленные

хурульные кибитки, покрытые белым войлоком, каменные и деревянные здания буддийских храмов ставились и строились на средства народных масс, и это наносило трудящимся большой материальный ущерб.

Православие. Наряду с ламаизмом еще в 70-х гг. XVII в. в Калмыкию начало проникать православное христианство,[46] как орудие укрепления колониального господства царизма в этой окраине Российской империи. Главный попечитель калмыцкого народа К. Костенков писал: «А между тем из этого народа в продолжении такого периода давно уже можно было бы сделать полезных слуг для государства, слив его незаметно с господствующим населением, и в этом случае религия послужила бы главным связующим звеном... просветить калмыков божественными истинами Евангельского учения...— нравственная обязанность правительства, принявшего этот народ под свое покровительство».[47]

Член статистического комитета Войска Донского А. Крылов писал: «Чтобы добиться слияния калмыков с русскими, надо распространить христианство».[48]

Христианство рассматривалось царской администрацией и как средство перевода кочевых скотоводов к оседлому образу жизни и втягивания их в земледельческое хозяйство.

Начиная с XVII в. царское правительство выделяло значительные средства на пропаганду и распространение среди калмыков православной религии. Как говорилось выше, для крещеных калмыков устраивались особые отдельные поселения с целью затруднить рецидив влияния ламаистского духовенства. Так, в 1700 г. появилась целая слобода крещеных калмыков на речке Терешка, притоке Волги, выше города Саратова. Правда, она была вскоре разрушена калмыками-ламаистами при Аюке-хане. В 1739 г. было завершено строительство города Ставрополя в Самарской губернии, куда поселили крещеных калмыков во главе с внуком Аюки Баксадаем-Дорджи (принявшем после крещения имя Петр и фамилию Тайшин), снабдив их денежными средствами на проезд и обзаведение хозяйством.

В 1716 г. последовало распоряжение правительства отправлять всех новокрещеных калмыков на поселение в Слободскую Украину (в район современного города Чугуева Харьковской области) для помещения в слободские полки с выдачей жалованья и другого довольствия наравне с прочими казаками. Известно, что крещеные калмыки отсылались в город Мариуполь (ныне г. Жданов). Согласно указу от 11 сентября 1740 г., на распространение христианства среди калмыков-простолюдинов отпускалось ежегодно по 10000 рублей.[49] Калмыкам предстояло жить вдали от родных и близких, от своего народа. По словам того же

К. Костенкова, «вознаграждение... было для большинства главной побудительной причиной к принятию крещения».[50]

Другой формой вознаграждения отдельных семей калмыков, принявших христианство, было отведение им определенного количества лучшей земли под пашню, сенокосные и пастбищные угодия, освобождение их от государственных податей и повинностей на 10 лет. Однако даже при этих льготах отправка в 1760 г. крещеных калмыков в город Ставрополь оказалась нелегким делом. Подлежавшие к отправке калмыки разбежались по улусам. Только 159 душ мужского пола и 128 душ женского пола были отправлены со всем имуществом по реке Волге. Их сопровождал конвой из одного сержанта, 20 солдат и 28 казаков, которые по пути подвергались нападению некрещеных калмыков с целью отбить крещеных сородичей. Многие из прибывших в Ставрополь бежали обратно.

В первой половине XIX в. политика царизма несколько изменилась. Она заключалась теперь в том, чтобы на территории Калмыкии создавать поселки со смешанным населением из крещеных калмыков и русских поселенцев. В 1830 г. был издан указ сената, согласно которому крещеным калмыкам отводились земли (по 30 десятин на семью) и выдавалось единовременное пособие на первоначальное обзаведение: семейным — по 50 рублей ассигнациями, холостым — по 25 рублей.[51]

Насаждавшееся сверху православное христианство воспринималось многими калмыками лишь условно. Фактически они оставались ламаистами, молились бурханам (иконам) и приносили им жертвы. Чаще всего крещеные калмыки имели буддийские бурханы наряду с православными иконами. Иконы вывешивали, когда русский поп делал обход по домам верующих, и снимали после его ухода. Так поступали даже оренбургские калмыки, считавшиеся христианами с первой половины XVIII в.

В период первой русской революции 1905—1907 гг. сопротивление калмыков политике насаждения среди них христианства приняло характер движения за национальное равноправие и даже национально-освободительной борьбы. В обзоре деятельности Астраханского Епархиального Комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за 1871—1909 гг. говорится: «Новое положение от 17 апреля 1905 г. о свободе верований и Манифест 17 октября того же 1905 г., сопровождавшиеся бурными потрясениями общественной жизни, не могли не отразиться вредно на миссионерском деле... В Трехбратинской школе-приюте ученики открыто сопротивлялись изучению закона божия и готовы были оставить школу, если не отменится изучение этого предмета. То же самое наблюдалось и в школе пос. Казанки. Закон религиозной свободы пагубно отразился даже на крещеных

калмыках. Некоторые из них прямо заявляли миссионеру: «Царь дал нам свободу,— как хотим, так и поступаем». В поселке Калмыцкий Базар была открыта калмыками своя школа, в противовес миссионерской, куда и стали ходить все калмычата. Сокращение церковных денежных сборов и членских взносов привело к закрытию приютов в Булгун-Сале, на Трехбратинской косе, в Яшкуле и в Амте-Бургусте, стоял вопрос о закрытии двухклассной миссионерской школы в Калмыцком Базаре».[52] Калмыцкие мальчики 8—10 лет продолжали учебу в училище при Астраханской духовной семинарии до 13—14 лет, дойдя до 3—4 класса, они убегали в степь, иногда приходилось возвращать их силой, но они вс убегали из города в степь и пропадали бесследно. Провал миссионерской деятельности православной церкви в Калмыкии К. Костенков и другие представители царской администрации объясняли «апатией и беспечностью калмыков, и тем неотразимым влиянием, которое имели на них высшие их сословия и (ламаистское — *У Э.*) духовенство».[53] Следовательно, царские чиновники оказались неспособными объяснить причины неудачи православных миссионеров. На самом деле все объяснялось тем, что православное духовенство выступало в Калмыкии как орудие колониального угнетения калмыцкого народа и насильственного его обрусения, чему калмыцкий народ оказывал упорное сопротивление.

Народные знания

Естественные знания. Калмыки в рассматриваемый нами период имели довольно общие географические понятия о земном шаре. Они думали, что наша планета состоит из четырех частей света (дөрвн тюве). Но что собой представляли эти части, не знали. По-видимому, такие «знания» о земле проникли из Индии чере Тибет в связи с распространением ламаизма.

Калмыки нали о существовании морей (тенгис), океанов (дала), отдельных гор, о многих народах земли. Об этом свидетельствуют имеющиеся в калмыцком языке названия морей, океанов, гор и народов, зафиксированные дореволюционными учеными. Это и понятно, так как калмыкам приходилось бывать во многих странах. Ойраты были в Китае, Тибете, Афганистане, Иране, в Западной Европе.

В процессе многовековой трудовой практики скотоводы приобретали богатые знания по ботанике. Они хорошо изучили практическую ценность растений. Об этом свидетельствуют бытующие в калмыцком языке наименования растений, многие из которых употреблялись в пищу, другие служили сырьем для производства красок, третьи — использовались при выделке кожи. Характерно, что у калмыков существуют национальные названия многих пло-

довых культур: яблоко — альман, груша — кедмен, вишня — чи и пр. Для овощных культур также созданы собственные наименования: арбуз — тарвус, дыня — гу, лук — мянгрсн, тыква — хаваг, чаначи, картофель — бодонцг, капуста — хавстн. Калмыкам известно было много лекарственных растений. Они собирали полынь однолетнюю— шарлджин, жертвенную снежно-белую, различные луковые, горчицу сарептскую и др.

Но более всего были развиты знания по народной зоологии, анатомии животных, ветеринарии. Неслучайно, что калмык мог разделать тушу любого животного с помощью одного только ножа. О знаниях в области анатомии говорит и хорошо разработанная, установившаяся терминология для каждой части организма животных. Знание анатомии, передававшееся из поколения в поколение, закрепленное многолетними наблюдениями, помогало калмыкам-скотоводам в разведении и сохранении скота. Они умели лечить животных от основных и наиболее распространенных заболеваний. Лечили коров, страдающих воспалением молочных желез, прижиганием раскаленным железом. Лошадь, заболевшую гендовагинитом (воспалением сухожильных влагалищ), также лечили прижиганием. Применялись хирургические методы: своеобразная трепанация черепа и др. Особой популярностью пользовались костоправы, лечившие переломы, вывихи и другие травматические повреждения. Их лечение давало, как правило. положительные результаты.

Костоправы лечили не только скот, но и травматические поражения человека: вправляли вывихи, лечили переломы костей. забинтовав место травмы, заставляли больного лежать. не двигая поврежденной частью тела, в течение двух — трех недель, а то и больше. Иногда прибегали к удалению некоторых мелкораздробленных длинных костей, заменяя их костью молодого верблюда.

Известно много случаев вскрытия различных нарывов предварительно нагретым на огне ножом. Оперативным путем лечили и заболевания лимфатических желез.*

Описанные выше факты говорят о том, что калмыки довольно широко применяли прижигание. Его производили, предварительно наложив на больное место сырое мясо. Для прекращения кровотечения из носа делали прижигание на лбу, как говорили калмыки — в области корня носа.** Сибирскую язву также прижигали.

---

* Часто этот метод применял калмык Чоля, родом из нынешнего совхоза «Ергенинский» Приозерного района.

** Такому прижиганию подвергся Бембя Кюрюлдеев, родом из совхоза «Обильный» Приозерного района.

Туберкулез легких и заболевания желудочно-кишечного тракта лечили кумысом. При аппендиците больному давали бульон из свежего бараньего мяса. Встречались отдельные случаи лечения некоторых болезней сырым мясом. Например, при заболевании детей золотухой прикладывали к больным ушам сырое сердце, вынутое из овцы, принадлежавшей родным ребенка по линии матери.

По мнению калмыков, сердце овцы, пригнанной из отары без разрешения хозяина, высасывает из больных ушей весь гной, накопившийся в наружном слуховом проходе. Широко применялась и своеобразная лечебная диета, состоявшая в том, что больному давали кипяченую воду с маслом (тоста ус), полученным из чигяна, бараний бульон (шалдриг шелн), калмыцкий чай слабого завара (шингин ця).

Калмыки умели диагностировать и лечить довольно большое число болезней: зюркня ки (болезнь сердца), голын ки (болезнь плевры, плеврит), хотын шинглте тату (гастрит анацидный), бёрин ки (болезнь почек), момо (сибирская язва), хатиг (чирей), мондс (фурункул), дотр гем (туберкулез легких), халун гем (горячка, тиф), хара цецг (черная оспа), цаган алхаца (ветряная оспа), хорха гем (сифилис). По рассказам стариков, калмыки знали более 600 наименований болезней. Приведенное количество названий подтверждает И. А. Житецкий, который сообщает, что по калмыцким медицинским книгам насчитывается 404 различные болезни и 360 видов нервных заболеваний.

Очевидно, калмыки не имели правильного представления о внутренних процессах, происходящих в организме человека и животных в связи с теми или иными болезнями. Очень немногое известно о существовании народной медицины и народной ветеринарии. Широко была распространена тибетская медицина, находившаяся целиком в руках ламаистского духовенства, в составе которого были особые эмчи (буквально: лекари) — врачи. Эмчи обучались тибетской медицине в Чере-хуруле и в некоторых других хурулах, встречались лица, проходившие медицинскую подготовку в Монголии, в Тибете. К ним калмыки обращались за помощью при всех заболеваниях. Эмчи «лечили» во многих случаях чтением молитв и заклинаний, но они умели устанавливать температуру тела больного. Больному давали лекарства, изготовленные самим лекарем из различных трав, коры деревьев, цветов, печени животных или приобретенные в готовом виде в Монголии и Тибете. Рассказывали, что калмыцкие эмчи знали до трех тысяч лекарств. Несомненно, ламаистская медицина впитала многовековой народный опыт и опиралась на достижения древней медицины многих стран Востока, в том числе Китая, Тибета, Индии и т. д.

Народная математика и меры. Никто из исследователей не обращался к изучению народных счетных знаний калмыков, их «математики», имевшей большое практическое значение. Ни одна область жизни калмыков не обходилась без математики. Развитие ее тормозилось почти поголовной неграмотностью. Однако калмыки имели четко разработанные названия чисел, сходные с монгольскими и бурятскими, непохожие на наименования чисел, бытующих у других народов Азии и Европы.

В калмыцком языке используется не менее 17 основных названий чисел, известных калмыкам с детства: неген (1), хойер (2), горвн (3), дервн (4), тавн (5), зурган (6), долан (7), нямн (8), йесен (9), арвн (10), дечн (40), зун (100), мингн (1000), тюмн (10000), бум (100000), сайя (1000000), джова (10000000), джунгшур (100000000). Все эти числа являются исходными для составления остальных цифр. Их было вполне достаточно для практической жизни. Для выражения множества калмыки употребляли термин «олон» (много, множество), «дегед олон» (очень много), «шора» (так много, как пыли). Обращает внимание тот факт, что очень большое число можно выразить одним словом, тогда как в некоторых других языках требуется несколько слов. Есть серьезные основания предполагать, что предки современных калмыков знали сравнительно сложные математические вычисления. На это указывает слово «эсве» (элементарная математика), слово «зурха» связано с довольно сложными способами вычисления.

Судя по фольклорным и лингвистическим данным, у калмыков существовало понятие о геометрии: дервелджин (квадрат), дервелджин алд (квадратная сажень), горволджин (треугольник), тегриг (круг). Была создана целая система народных мер, широко применявшихся на практике вплоть до 1930 г. Десятиричной системе мер у калмыков предшествовали бытующие и в наши дни меры длины, в основе которых лежали расстояния, равные по длине различным частям тела человека. Например: тё (пядь) — это длина, равная расстоянию между вытянутыми большим и средним пальцами обычно правой руки (эта мера находила применение в плотничьем деле, у портных, сапожников и др.), тоха — локоть, алд (сажень) — расстояние, равное промежутку между концами пальцев вытянутых (горизонтально) рук взрослого человека. Они применялись у женщин, занимавшихся изготовлением различных веревок, тесьмы для кибитки, в плотничьем ремесле, при определении объема скирды сена и т. д. В тех же отраслях домашнего производства находил применение эрял алд (половина сажени). Эти меры известны сейчас, но в жизни, как правило, не применяются.

Для измерения большого расстояния существовала мера дли-

ны — дуна, дуна газр. По-видимому, это было расстояние, на которое слышен голос человека (слово «дун» буквально означает: голос, песня). В процессе практической жизни конца XIX — начала XX вв. калмыки приравняли эту меру длины к русской версте (1,06 км). Кроме того, была мера длины, мало применявшаяся в жизни, известная под названием беря — расстояние, равное примерно 8,48 км. Довольно распространенной мерой длины был ишким — шаг, которым определяли длину и ширину сенокосных угодий между хозяйствами, а также площадь, необходимую для посева. Однако постоянно применялись иные меры — загон, десятина и др., заимствованные у соседнего русского населения.

Мерой веса для сыпучих тел служила объемная посуда, альчур (платок), тулум — кожаная сумка, различные чашки (чаши для чая, тавағ, фабричные русские). Наряду с этим широко вошли в быт дореволюционных калмыков русские меры веса (чингнюр). Меры веса сыпучих тел применялись в торговле, при получении друг у друга взаймы зерна, муки, иногда мяса.

Для измерения жидкости использовали различную посуду, сделанную стандартным способом, например, кожаное ведро (архад), калмыцкие чашки (ага, цекце), деревянные кадки (чигяна суулга), кожаные фляги (бортхо, берге, тортхо). В конце XIX — начале XX вв. в калмыцкий быт широко вошли русские меры жидкости: железные ведра, фарфоровые пиалы, тарелки, чашки, бочки, кадки, четверть, бутылки и др.

Глубина воды в реках, озерах, заливах, колодцах измерялась различными народными мерами. Например: кюня шагаца — глубина до лодыжки человека, кюня овдгця — глубина до колена человека, кюня белкюсця — до поясницы, кюня кюзюця — до шеи человека, келян геня — вода перекатывается через голову и т. д. Мерой измерения глубины воды служила (за исключением воды в колодце) заседланная лошадь: мерня туруца — вода едва покрывает копыта лошади, мерня овдгця — глубина до голени лошади, мерня гесця — глубина до брюха лошади, мерня дередю кюрня — глубина достигает стремени, мерня тохмуд кюрня — глубина до потника, мерня эмялду кюрня — глубина до деревянной части седла и т. п.

Народные меры вплоть до 1930 г. находили широкое применение в практической жизни калмыцкого народа. Они уходят своими корнями в глубокую древность, о них говорится во многих сказках. В советское время в связи с введением в СССР единой метрической системы мер калмыки пользуются ею.

Народный календарь. Вплоть до Октябрьской социалистической революции у калмыков, как и у других народов Азии, летосчисление велось по двенадцатилетнему циклу, согласно которому каждый год носил название определенного животного. Годы сле-

довали в определенном порядке: бар джил (год барса), тула джил (год зайца), лу джил (год дракона), мога джил (год змеи), мерн джил (год лошади), хен джил (год овцы, барана), мечин джил (год обезьяны), така джил (год курицы), ноха джил (год собаки), гаха джил (год свиньи), хулгун джил (год мыши) и укр джил (год коровы). Начало года примерно соответствовало весеннему равноденствию, и открывал его праздник Цаган Сар, отмечавшийся ежегодно во второй половине февраля или в начале марта.

Год у калмыков, как и у многих народов Центральной Азии, издавна делился на 12 месяцев (арвн хойр сар). За каждым месяцем также закреплено название одного из животных. Бар сар (месяц барса) — декабрь, тула сар (месяц зайца) — январь, лу сар(месяц дракона) — февраль, мога сар (месяц змеи) — март, мерн сар (месяц лошади) — апрель, хен сар (месяц барана) — май, мечин сар (месяц обезьяны) — июнь, така сар (месяц курицы) — июль, ноха сар (месяц собаки) — август, гаха сар (месяц свиньи) — сентябрь, хулгун сар (месяц мыши) — октябрь, укр сар (месяц коровы) — ноябрь. Но этими названиями население пользовалось мало. Обычно в основе отсчета месяцев лежал характер сезонных работ. Каждый сезон состоял из трех месяцев: хаврин горвн сар (весенние три месяца), зунин горвн сар (летние три месяца), намрин горвн сар (осенние три месяца), увлин горвн сар (зимние три месяца).

Неделя состояла из семи дней, называемых по планетам (сюда же включалось и солнце): Нарн гарг одр (день Солнца) — воскресенье, Сар гарг одр (день Луны) — понедельник, Мангмер гарг одр (день Марса) — вторник, Улюмджи гарг одр (день Меркурия) — среда, Пюрвя гарг одр (день Юпитера) — четверг, Басанг гарг одр (день Венеры) — пятница, Бембя гарг одр (день Сатурна) — суббота.

В отличие от принятого в Европе века, состоящего из 100 лет, век у калмыков, как и у всех народов, которые пользовались циклическим календарем, состоял из 60 лет. Данная циклическая календарная система возникла в Древнем Китае, а затем она нашла широкое применение у многих народов Востока, в том числе в Монголии и Калмыкии.

Весь цикл, представленный в виде таблицы, состоял из пяти вертикальных двойных столбцов, соответствующих пяти «стихиям», или «небесным ветвям».

Необходимо отметить, что каждая стихия была представлена в двух состояниях, как мужская (нечетные столбцы, т. е. 1, 3, 5, 7, 9) и как женская (четные столбцы, т. е. 2, 4, 6, 8, 10). Кроме того, каждая из стихий обозначалась одним из следующих цве-

тов: белый, черный, синий, красный, желтый, а в Китае — циклическим знаком.

Весь 60-летний цикл делился на 12 периодов (горизонтальные строки), которые также имели свои символические знаки, представляющие собой «земные ветви». Около 2000 лет назад к знакам периодов, т. е. к земным ветвям, были прибавлены еще названия животных. В отличие от китайского цикла, который начинался годом мыши, калмыцкий цикл начинается с года барса. Переход от одного к другому году данного цикла, представленного в виде таблицы, происходит по диагонали сверху вниз и слева направо.

В обиходе, когда речь идет о годе рождения какого-либо лица, то калмыки, как и другие народы, пользующиеся этим календарем, называют животное соответствующей земной ветви. Например: «Он родился в год барса».

Перевести годы 60-летнего восточного цикла к существующему сейчас летосчислению практически несложно. Для этого имеется специально составленная таблица.

Судя по сказкам, с глубокой древности основной мерой времени у калмыков служили сутки — хонг.

По народному календарю сутки делились на рассвет (йурин орля), середину утра (йурин йуд), полдень (йуд), середину вечера (асхан йуд), закат солнца (нарн орхо), сумерки (бывают светлые — бюрил, полусветлые — гегята, темные — таш харангу), полночь (сеннь орял), от полуночи до рассвета (эр цяха). Калмыки не знали часов. В солнечные дни любого периода года они определяли время (часть дня) по тому, на какую часть кибитки и на какие предметы в ней падает солнечный свет.

Определение времени по предметам, размещенным внутри кибитки, последовательно освещавшимся солнцем, практиковалось, как правило, летом, но нередко и в другие времена года, когда солнце заглядывало в кибитку. Возможность исчисления времени по вещам, находившимся в кибитке, обуславливалась тем, что ее дверь была всегда обращена на юг, и все предметы располагались по единому принципу.

Традиционный калмыцкий календарь

Земные ветви — Период — Животные	Небесные ветви (стихии)									
	Темр (Железо)		Усн (Вода)		Модн (Дерево)		Гал (Огонь)		Газр (Земля)	
	белый	белая	черный	черная	синий	синяя	красный	красная	желтый	желтая
1. Бар (Барс)	1		13		25		37		49	
2. Тула (Заяц)		2		14		26		38		50
3. Лу (Дракон)	51		3		15		27		39	
4. Мога (Змея)		52		4		16		28		40
5. Мерн (Лошадь)	41		53		5		17		29	
6. Хен (Овца)		42		54		6		18		30
7. Мечн (Обезьяна)	31		43		55		7		19	
8. Така (Курица)		32		44		56		8		20
9. Ноха (Собака)	21		33		45		57		9	
10. Гаха (Свинья)		22		34		46		58		10
11. Хулгн (Мышь)	11		23		35		47		59	
12. Укр (Корова)		12		24		36		48		60

Соответствие калмыцкого календаря григорианскому (1926—1985)

Цикл и год	I		II		III		IV		V	
	Темр (Железо)		Усн (Вода)		Модн (Дерево)		Гал (Огонь)		Газр (Земля)	
	белый	белая	черный	черная	синий	синяя	красный	красная	желтый	желтая
1. Барс	1926		1938		1950		1962		1974	
2. Заяц		1927		1939		1951		1963		1975
3. Дракон	1976		1928		1940		1952		1964	
4. Змея		1977		1929		1941		1953		1965
5. Лошадь	1966		1978		1930		1942		1954	
6. Овца		1967		1979		1931		1943		1955
7. Обезьяна	1956		1968		1980		1932		1944	
8. Курица		1957		1969		1981		1933		1945
9. Собака	1946		1958		1970		1982		1934	
10. Свинья		1947		1959		1971		1983		1935
11. Мышь	1936		1948		1960		1972		1984	
12. Корова		1937		1949		1961		1973		1985

Народные игры и спорт

Игры. У калмыков издревле были широко распространены разнообразные массовые игры, как средства развлечения и как спортивные занятия, призванные воспитывать в молодом поколении ловкость, смелость и выносливость, столь необходимые при кочевой жизни. Во многих играх и спортивных состязаниях нашло свое отражение основное занятие калмыцкого населения — скотоводство. Игры и игрушки помогали с малых лет прививать трудовые навыки. Так, детские игрушки воспроизводили сельскохозяйственные орудия, фигуры тягловых и иных животных.

Наиболее популярным и широко распространенным видом массового развлечения были различные игры в альчики (шага наадлгн). В них играли не только дети и подростки, но и мужчины. Игральными костями служили овечьи, редко козьи астрагалы. Коровьи выступали в качестве биты (сачка-сах), для чего все края их срезали, чтобы они скользили по ровной площадке, свободной от травы. Астрагалы тщательно очищали ножом от жил, крупные превращали в биты, для чего их заливали свинцом через отверстия, предварительно сделанные при помощи шила, а края во многих случаях обтачивали.

В теплое время года, после спада дневной жары, собирались подростки и мужчины для игры в альчики — шагалцха. Число участников достигало 10 и более. Каждый из них ставил условленное количество альчиков в один ряд в стоячем положении так, что образовывался ряд длиной иногда в метр и более. Все игроки отходили от этого места на 10—15 метров, откуда бросали биты с таким расчетом, чтобы выбить альчики на расстояние длиной не менее трех стоп. Тот, кто выбивал три альчика подряд, считался выигравшим и забирал либо все кости, поставленные на кон, либо те из них, которые он сумел выбить. Эта увлекательная и массовая игра развивала хороший глазомер, большую точность броска, а также силу удара.

Игра в альчики вызывала большой интерес. Около состязавшихся в ловкости и меткости собиралась целая толпа болельщиков — мужчин, стариков, детей. Промахи в метании вызывали веселый смех. Нередко наблюдатели выступали консультантами. Мало кто оставался безучастным.

У подростков, девушек, юношей, молодых мужчин и женщин большой популярностью пользовалась игра «цаган монда хаялган» (буквально: забрасывание белого мяча), игра ночная, при лунном свете, летняя. В конце мая — начале июня, когда крупный рогатый скот начинает линять, молодежь собирала белую шерсть, из которой изготовлялся мяч. Участники игры разбивались на две группы. Один, которому выпало право закидывать

мяч, отбегал на значительное расстояние и забрасывал его далеко в степь. По его возвращении все участники кидались отыскивать мяч. Тот, кто находил его, обычно изо всех сил бежал к исходному рубежу: «противники» старались поймать нашедшего и отнять у него силой мяч, его партнеры по группе помогали ему. Победу одерживала группа, представитель которой доставлял мяч на исходный рубеж.

Бытовала игра «долан ходжгр, нег тюджгюр» (дословно: семь плешивых, один стриженый).[54] Участники игры выбирали «старшину» (ах) и «сироту» (энчин кевюн). «Сирота» становился в стороне от всех остальных, садившихся вместе со «старшиной» на землю. После того, как все усаживались, «сирота» подходил к «старшине» и говорил: «Моя мать родила на льду семь голых мальчиков и одного стриженого и просила мяса на их пропитание». В ответ на это «старшина», указывая на одного из участников игры, говорил: «Возьми барана». «Сирота», подходя к «барану», закрывал ему лицо полой одежды, слегка ударял пальцем по голове, показав всем игрокам тот палец, которым он касался. «Баран» должен был назвать палец, которым «сирота» трогал его. Если «баран» не угадывал, то «сирота» уводил его. Так же он забирал второго. Каждому из уведенных он давал новое имя (прозвище). После этого «сирота» закрывал с разрешения «старшины» лицо третьему и вызывал (новым именем) одного из двух уведенных. Закрытый должен был назвать подошедшего по имени. Если не узнавал, то «сирота» уводил его тоже. Таким путем «сироте» удавалось постепенно увести всех. После этого «старшина» обращался к «сироте»: «У меня пропал теленок, не видал ли ты его, сирота?» «Сирота» отвечал: «Видел, как твой теленок пошел за телегой». При этом «сирота» выпускал одного из уведенных и говорил «старшине»: «Вот теленок». Все пускались вдогонку выпущенному, ловили его. Игра этим завершалась.

Не менее популярна была игра «бултджи надха» (прятки). Это чисто детская игра для теплого времени года. Участники игры разбивались на две группы, одна из которых разбегалась врассыпную и пряталась, где только можно было, от глаз партнеров, а другая пускалась на поиски спрятавшихся. В дальнейшем игроки менялись ролями.

Шумной и веселой была игра «кепциг хайха» (буквально: бросать седельную подушку). Обычно играли в нее юноши и девушки, молодые мужчины и женщины. Они садились в круг на расстоянии 1,5—2 м друг от друга и перекидывали друг другу седельную кожаную подушку. Один игрок обходил круг и должен был поймать подушку. Проигрывал тот, у кого отнял подушку обходивший круг. Выигравший занимал его место в кругу.

Спорт. Широко распространенным видом народного спорта

была у калмыков игра в шашки (дева) и в шахматы (шатр). У П. С. Палласа мы находим такое замечание: «Зимою шахматы и карты составляют обычное времяпрепровождение мужчин, вынужденных в это время оставаться праздными. Многие из них весьма искусны»[55] Б. Бергман, посетивший в 1802—1803 гг. калмыцкие кочевья и оставивший ценную запись фольклорных произведений, отметил, что в шахматы «не только знать и духовенство, но и простые калмыки играют с большой легкостью».[56] Массовый характер игры в шахматы подтверждается полевыми материалами, собранными во всех районах республики. Весной и летом вплоть до сентября калмыки играли на воздухе, сидя на земле или на подводах (мажарах), подстелив под себя кошму или ширдык, а зимой, вечером до поздней ночи, в кибитке. Хотя калмыки не имели никакого представления о теории игры, но среди них встречались сильные игроки. В 1862 г. вышли воспоминания известного русского шахматиста того времени А. Д. Петрова, в которых он сообщает: «В 1821 году, у Федора Васильевича Самарина, я имел честь познакомиться с генералом Иваном Федоровичем Паскевичем. Он был свидетелем игры моей с калмыцким князем. В жизнь мою мне не случалось встречать более сильного игрока».[57]

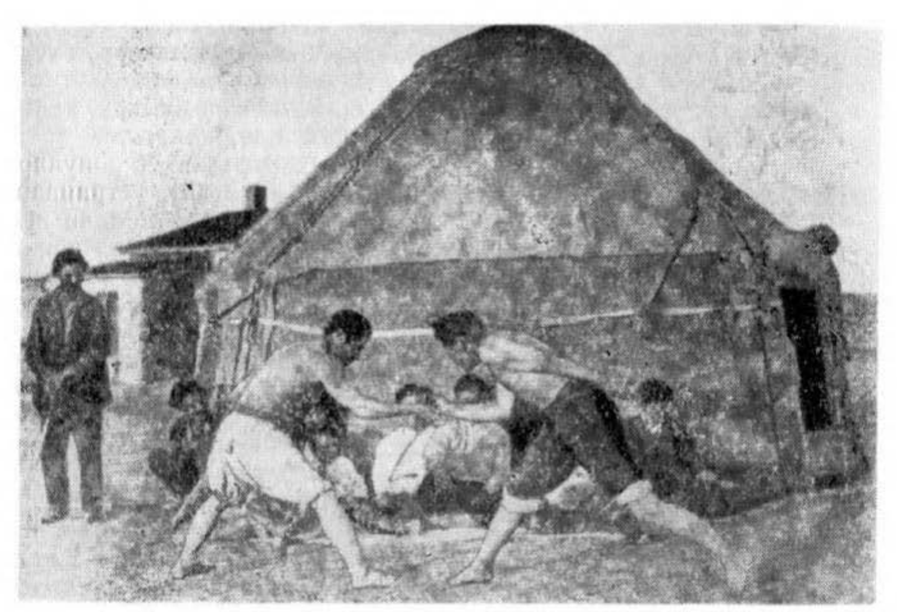
Особых национальных правил шахматной игры у калмыков не существовало. Но у них бытовали отличные от европейских названия фигур. Обращает внимание тот факт, что конь у калмыков, как и во всех странах мира, носил и носит название «мерн» (конь). Король обозначается термином «хан». Это название утвердилось в период существования централизованного государства. Ферзь называется «бэрсн». Этот термин, очевидно, заимствован у среднеазиатских народов, так как у таджиков и узбеков ферзь именовалась «фарзин», а у туркмен «перзи». По-видимому, «бэрсн» — это видоизмененное тюркское слово «фарзин» или «перзи». Вместо наименования «слон» калмыки применяли термин «верблюд». И это понятно, так как верблюд был одним из главных четырех видов скота, разводимых калмыцким народом. Он — такое же неуклюжее, сильное и большое животное, как слон. Ладье калмыки присвоили название «терген» (телега, повозка). Можно предполагать, что индийская «колесница» (ратхе), которой обозначалась в Индии «ладья», у калмыков передана названием «терген» — телега (средство передвижения, известное у народов Южной Сибири и Центральной Азии еще со второй половины первого тысячелетия до н. э.).[58] В отличие от других, монгольские народы, в том числе калмыки, присвоили пешке название «кевюн» (мальчик). Это можно объяснить тем, что пешка — малая по размерам, удобная как для шахматной, так и для шашечной игры, а также тем, что легко заставлять «кевюн» быть посыльным, т. е. вступать первым в боевое соприкосновение с

противником. Доска у калмыков носила наименование «бетке» рокировка в игре не применялась. Слово «шах» обозначается термином «шалха» — подразнить, испытать, парализовать, хотя у калмыков существовало правило, согласно которому при наличии одного хана (без других фигур) игра продолжалась.

Среди видов силового спорта у калмыков большой популярностью пользовалась борьба — ноолдан (бэк нолдган), устраивавшаяся во время народных и религиозных празднеств. Силачи выступали от своих анги в пределах аймака, от имени аймака в пределах улуса, от имени улуса или лично нойона на общекалмыцких торжествах. Зрители садились вокруг площадки, выбранной в качестве арены для борьбы. На арену по очереди, т. е. по одной паре, выходило несколько пар борцов. Боролись босыми, без рубах и головных уборов. Борющиеся опоясывались кушаками довольно туго, но с расчетом, чтобы под кушаки могли пройти руки. Выводили силачей на арену закрытыми. Противники обхватывали друг друга таким образом, чтобы обеими руками можно было держаться за кушак. Вслед за этим начиналась борьба, в которой применялись разнообразные приемы: каждый старался оторвать своего противника от земли, затем повалить его на спину или ударить о землю (в результате чего нередко случался разрыв кожи на пятке), неожиданно подставляли ногу противнику с расчетом, чтобы он потерял равновесие и упал. Применялось подсиживание, при котором молниеносно садились, одновременно повалив своего партнера на землю и стремясь положить его на лопатки. Побежденным считался тот, чьи лопатки коснулись земли. Победитель получал приз (деньги, кирпичный чай, отрез ткани), установленный сторонами, выставившими борцов.

Этот вид национального спорта привлекал массу народа, вызывал шумный интерес болельщиков, державших пари и азартно споривших.

Большой популярностью пользовались конские скачки — уралдан, приурочивавшиеся к важным событиям в жизни народа. Народные и религиозные праздники, свадьбы и другие массовые торжества сопровождались конными состязаниями, в которых участвовало до 10—20 всадников одновременно. Скачки проводились на дистанции от 10 до 25 верст. Такое расстояние требовало от лошадей, участвовавших в скачке, не только большой физической силы и выносливости, но и хорошей подготовки и выучки. Поэтому калмыки специально готовили и тренировали лошадей: их держали на привязи впроголодь, поили и кормили овсом и другим кормом в определенное время с тем, чтобы скакуны подтянули животы, ежедневно на них ездили верхом с целью тренировки. В качестве всадника выбирались люди легкие по весу, сообразительные, выносливые и сильные. Хозяева лошадей вноси-

Калмыцкая борьба

ли в премиальный фонд определенную сумму или ценности, которыми награждались победители.

Конские скачки были поистине массовым и народным видом спорта. В них участвовали люди всех возрастов и социальных слоев. К месту скачек приезжали верхом, на подводах, шли пешие из всех хотонов. Место для их проведения всегда выбиралось у холма. Во всех улусах существовали курганы скачек — урлдана толга. Фольклорные материалы свидетельствуют о том, что конские скачки были широко распространенным видом спорта еще с глубокой древности.

Судя по произведениям народного поэтического творчества, у калмыков был и другой вид конного спорта — единоборство двух всадников. Победителем становился тот, кто сумел сбросить своего противника с седла. Но в конце XIX — начале XX вв. этот вид конно-спортивной борьбы не встречался.

Таковы вкратце основные элементы духовной культуры калмыцкого народа на рубеже XIX—XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Калмыки прошли длительный путь исторического развития. Их предки ойраты жили в разных географических и природных условиях. Они обитали в районе Прибайкалья, в верховьях Енисея, на Южном Алтае и по течению реки Иртыш, входили в соприкосновение с различными народами и этническими группами. В этих условиях был неизбежен обмен достижениями в области хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. Следовательно, процесс этнической истории ойратов, их потомков калмыков неразрывно связан с историей народов Южной Сибири, Центральной Азии, Казахстана и Средней Азии. Это не могло не усложнить этнический состав калмыцкого народа, а также наложило определенный отпечаток на его материальную и духовную культуру.

Во второй половине XVI в. ойраты, оказавшись в неблагоприятных для них внутренних и внешнеполитических условиях, вступили в подвластные России земли и с согласия русского правительства заняли степи Нижней Волги и Предкавказья. С этого времени начинается новый период в истории тех ойратов, которые явились основным, решающим ядром образования новой этнической общности — калмыцкой народности. Калмыкия стала составной частью России и вступила на путь прогрессивного развития. Калмыки освоили обширную территорию, сохранили национальную целостность, ликвидировали былую замкнутость, втянулись в общероссийское и частично мировое товарное обращение. С русским и другими народами установились отношения дружбы и добрососедства.

Калмыки принимали активное участие во многих прогрессивных войнах России и в крестьянских восстаниях, направленных против эксплуататорских классов. С конца 40-х гг. XIX в. начавшееся организованное и самовольное переселение русских крестьян в Калмыцкую степь положило начало совместному освоению обширных пространств, обмену опытом и навыками во всех областях жизни. Поэтому, несмотря на реакционные цели царской переселенческой политики, это заселение имело прогрессивное значение. Развитие калмыцкого общества пошло по тому же пути,

по какому развивалась Россия. На этой почве начался процесс сближения калмыцкого народа с русским и другими народами не только в области политической, экономической и культурной, но и в быту.

Хотя контакты калмыцкого народа с русским и другими народами были разнообразными, калмыки сохранили самобытные черты в хозяйственной жизни и культуре. К ним относится прочное сохранение родного языка, являющегося одним из важнейших признаков любой этнической общности. Калмыцкий язык в степях Нижней Волги приобрел известную литературную норму, стал национальным языком, значительно обогатился за счет других языков, прежде всего русского.

Калмыки сохранили все духовные богатства, созданные предками, в том числе прекрасные произведения устного народного творчества, в которых отражены героические подвиги народа, его думы и мечты о лучшем будущем. Прямая преемственность культуры прошлого обнаруживается в нравственно-этических представлениях, ритуалах, в свадебных и других обрядах, в обычаях и традициях, хотя они претерпели заметные изменения. Но калмыцкая культура, как материальная, так и духовная стала значительно богаче и разнообразнее и по форме, и по содержанию.

Несмотря на развитие земледелия и рыболовства, прочной оказалась скотоводческая традиция. Владение большим поголовьем скота продолжало быть мерилом богатства и процветания.

Необходимо отметить, что хотя во многих областях жизни произошли прогрессивные изменения, хозяйство оставалось экстенсивным, общественный строй продолжал быть феодально-патриархальным, трудящиеся разорялись и подвергались безжалостной эксплуатации со стороны национальных скотопромышленников и кулаков, русской буржуазии и помещиков.

К 1917 г. калмыки, как и другие малые народы страны, подошли с низким уровнем культуры: грамотных среди калмыков было не более 2—3 процентов. Калмыцкий народ был расселен в различных губерниях обширной Российской империи. Процесс национальной консолидации, начавшийся в период существования Калмыцкого ханства, задерживался колониальным гнетом царизма и остатками феодальных отношений. Однако калмыки были связаны между собой многочисленными традициями и обычаями.

Быстро развивавшийся в России второй половины XIX в. капитализм нашел свое отражение и в Калмыкии. Все усиливавшийся процесс классового расслоения калмыцкого общества привел к массовому разорению скотоводов, превращению их в батраков и бедняков. Среди них широкое развитие получает отходничество в соседние губернии и на рыбопромышленные предприятия

Астраханского края. Это положило начало образованию национального рабочего класса, связанного общей судьбой и общим трудом с пролетариатом Царицына, Ростова-на-Дону, Астрахани и Астраханской губернии. В Калмыкию стали проникать передовые демократические и революционные идеи русского рабочего класса, направленные против царизма и самодержавия.

В связи с развитием капитализма и резко усилившимся социальным расслоением обостряется классовая борьба. Об этом свидетельствуют выступления крестьян Большедербетовского и Хошеутовского улусов против своих нойонов. Русское революционное движение оказало большое влияние на рост национального самосознания и национально-демократическое движение в Калмыкии.

Однако накануне Февральской буржуазно-демократической революции в Калмыкии еще не было организованных партийных групп. После Февральской революции в калмыцком национальном движении наметились две группы. Первая из них — революционно-демократическая, руководителями которой были А. Ч. Чапчаев, К. Д. Никитин, С. Г. Хадылов, А. М. Амур-Санан, О. И. Городовиков, Х. Б. Кануков, В. А. Хомутников и др., впоследствии эта группа решительно выступила на стороне Октябрьской революции. Вторая группа во главе с Д. Д. Тундутовым открыто пошла вместе с русской контрреволюцией. Революционно настроенная калмыцкая интеллигенция, примкнувшая к большевистским организациям, возглавила борьбу трудящихся масс Калмыкии за победу и упрочение Советской власти.

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела коренные преобразования в жизни всех народов СССР, в том числе калмыцкого.

В 1920 г. благодаря Советской власти калмыцкий народ создал свою государственность, по форме и содержанию коренным образом отличную от утраченной в 1771 г. В пределах автономной области калмыцкого трудового народа началось национальное воссоединение калмыков, разъединенных при царизме границами нескольких губерний Российской империи. Так осуществилось вековое чаяние калмыцкого народа о восстановлении его национального единства. Благодаря помощи и поддержке Советской власти в Калмыцкой степи была преодолена разруха, вызванная гражданской войной.

За годы первых пятилеток Калмыкия превратилась в республику коллективного сельского хозяйства, оснащенного новой техникой. Успешно развивалась социалистическая промышленность (рыбная, строительная, строительных материалов и др.). Был ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество, остались два дружественных класса — колхозное крестьянство и

развивающийся рабочий класс, новая национальная и местная русская интеллигенция. К середине 30-х гг. завершился процесс окончательного оседания калмыцкого населения в тех районах, где оно продолжало вести полукочевой образ жизни. В степи выросла Элиста — первый в истории калмыков город.

Активно формировались новые черты социалистической культуры. Было осуществлено всеобщее обязательное начальное образование. Успешно вводилось обязательное семилетнее обучение, во всех улусах работали средние общеобразовательные школы. Культпоходы 30-х гг. обеспечили ликвидацию малограмотности и неграмотности. В республике открылись средние специальные учебные заведения, учительский и педагогический институты, калмыцкая молодежь посылалась на учебу в средние специальные и высшие учебные заведения страны. Плодотворно развивались все виды профессионального искусства (художественная литература, театр, изобразительное искусство и т. д.). С каждым годом расширялась сеть культурно-просветительных учреждений. В жизнь трудящихся прочно входили периодическая печать, радио и книги, издававшиеся как национальным издательством, так и центральными.

В 1980 г. трижды орденоносная Советская Калмыкия отметила 60-летний юбилей своей автономии. За сравнительно короткий исторический период в республике создано высокопродуктивное сельское хозяйство, оснащенное новой техникой. Быстро развивается промышленность — газовая, нефтяная, машиностроительная, строительная, легкая, пищевая и др. Калмыкия располагает современными видами транспорта, в том числе железнодорожным и воздушным.

Сформировался многонациональный рабочий класс, авангард трудящихся республики.

В короткий исторический срок у калмыков создана новая, социалистическая по содержанию, национальная по форме, культура. Совершенно изменилась культура быта, и, соответственно ей, возникли новые формы материальной культуры. В степи выросли современные села и поселки с хорошо спланированными улицами, благоустроенными учреждениями просвещения и культуры, хозяйственными и жилыми постройками, почти не отличающимися от городских. Современный быт калмыков, живущих в отдаленных от крупных центров населенных пунктах, не отличается от быта горожан во многих отношениях.

Глубокие революционные преобразования в области общественной жизни и быта привели к ломке прежних патриархально-семейных отношений. Женщина-калмычка вовлечена во все сферы материального производства, культуры, государственной и общественной жизни. Браки заключаются по инициативе самих моло-

дых людей, согласно их взаимной любви и склонности. Равноправие женщины с мужчиной проявляется во всех областях жизни. Сегодня женщины — партийные, профсоюзные и комсомольские работники, хозяйственные руководители, депутаты местных Советов, депутаты Верховных Советов Калмыцкой АССР, РСФСР и СССР; они — учителя, врачи, инженеры, зоотехники, агрономы, ученые и т. д.

Большие перемены произошли в области просвещения Калмыкии. В республике успешно осуществляется всеобщее среднее образование.

Подлинной кузницей кадров является Калмыцкий государственный университет, широкая сеть средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ. Калмыцкая молодежь обучается во многих высших учебных заведениях страны. Значительное число молодых ученых проходит подготовку в аспирантуре при различных учреждениях Академии наук СССР и при ведущих вузах. Созданы необходимые для республики различные научные учреждения, в которых трудится значительный коллектив национальных научных кадров. В Калмыцком научно-исследовательском институте истории, филологии и экономики представлены все отрасли исторической науки (история, археология, этнография), филологической (языкознание, литературоведение, фольклористика), экономической (экономика и социология). Калмыцкий научно-исследовательский институт мясного скотоводства занимается исследованиями путей повышения продуктивности мясной породы калмыцкого скота и координированием научной работы в области мясного скотоводства в зоне Северного Кавказа и Нижнего Поволжья.

В республике сложилась профессиональная художественная литература, о зрелости которой свидетельствует присуждение народному поэту Калмыкии Д. Н. Кугультинову Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Государственной премии Калмыцкой АССР имени О. И. Городовикова удостоены С. К. Каляев, А. И. Сусеев, Х. Б. Сян-Белгин, А. Б. Бадмаев и другие. Произведения калмыцких писателей переведены на русский и другие языки народов СССР.

Важную роль в духовной жизни трудящихся играют культурно-просветительные учреждения, кино, печать, телевидение. К услугам населения широкая сеть клубных учреждений, кинотеатров, библиотек. В республике издаются три республиканские и 13 районных газет, журнал «Теегин герл». Калмыцкое книжное издательство ежегодно выпускает до восьмидесяти названий книг и брошюр.

В Советской Калмыкии создано профессиональное искусство. Работает театр драмы с двумя труппами: калмыцкой и русской.

Калмыцкий государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан» успешно выступает не только в Калмыкии, но и в других республиках, краях и областях Советского Союза и за рубежом.

В развитии искусства участвуют не только профессиональные деятели искусства, но и участники художественной самодеятельности. В районных и республиканских смотрах художественной самодеятельности ежегодно принимают участие более двух тысяч человек.

Значительное развитие получили живопись, графика, скульптура, в которых находят свое отражение не только современные проблемы и новые духовные черты советского человека, но и все лучшее из истории калмыцкого народа. Калмыцкие художники экспонируют свои произведения на зональных, всероссийских и всесоюзных художественных выставках.

За годы Советской власти в республике получило заметное развитие здравоохранение. Об этом говорит такой факт: по количеству врачей на тысячу жителей ранее отсталая Калмыкия ныне обогнала многие капиталистические страны Европы и мира.

Всестороннему развитию и организации отдыха трудящихся способствует спорт, физическая культура и туризм. В республике развиваются технические виды спорта. Успешно выступают на соревнованиях автомотоспортсмены, радисты, стрелки, в том числе одна из лучших мотобольных команд СССР «Автомобилист». Столица республики город Элиста принимает на своем стадионе участников международных соревнований по мотоболу и спидвею.

Таким образом, за годы Советской власти коренным образом изменились социально-экономические условия жизни калмыцкого народа. Идет быстрый процесс преодоления существенных различий между городом и деревней. Автоматизируется и механизируется не только народное хозяйство, но и быт. Северные районы Калмыкии снабжаются электроэнергией из Волгограда, центральные и западные районы получают ее от Цимлянской ГЭС, восточным районам подается электроэнергия из г. Астрахани. Все это не только обусловливает экономическую общность, но и способствует развитию у калмыцкого народа общих коммунистических черт духовного облика, характерных для всех народов СССР. Происходит значительное сближение живущих в Калмыкии братских народов во всех областях жизни.

Основой всех успехов, достигнутых калмыцким народом за годы Советской власти, является неуклонное проведение в жизнь ленинской национальной политики КПСС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Введение

[1] Калмыцкая область. Историко-экономический очерк. Составлен в 1923 г. на 23 листах. Госархив Волгоградской области, ф. 37, оп. 2, д. 291; Агроклиматический справочник по Калмыцкой АССР. Л.: Гидрометеоиздат, 1961.

[2] Книга путешествия, вып. 2. М., 1979, с. 163—170.

[3] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПБ, 1809, с. 455—533.

[4] Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи. СПБ, 1771, ч. 1.

[5] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПБ, 1799, ч. IV.

[6] Потоцкий И. Путешествие... в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. — Северный архив, 1828, № 1.

[7] Страхов Н. А. Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов. СПБ, 1810.

[8] Попов А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках. СПБ, 1839.

[9] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПБ, 1839.

[10] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. — Отечественные записки, т. 47, 1846, № 7—8; 1847, № 7.

[11] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПБ, 1852.

[12] Бентковский И. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса. — Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868.

[13] Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПБ, 1868.

[14] Костенков К. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПБ, 1868.

[15] Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения, заметки). Астрахань, 1892.

[16] Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893.

[17] Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань, 1892.

[18] Бурдуков Н. Доклад Его высокопревосходительству Министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений по командировке в Большедербетовский улус Ставропольской губернии осенью 1898 г. СПБ, 1898.

[19] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Астрахань, 1910, т. I—II.

[20] Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г. Астрахань, 1925.

[21] Христенко К. Указатель материалов о калмыцком народе (1728—1916 гг.). Элиста, 1941.

[22] Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПБ, 1834.

[23] Позднеев А. М. Памятники исторической литературы астраханских калмыков. СПБ, 1885 и др.

[24] Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия.— Журнал Министерства народного просвещения, 1866, ч. СС XIV, с. 244.

[25] Львовский Н. Происхождение и история калмыков Больше-Дербетовского улуса.— Ученые зап. имп. Казан. унив. кн. 5, 6. Казань, 1898.

[26] Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. 1915, т. I, ч. II, с. 12; см. ч. I.

[27] Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в. и 1812 г. СПБ, 1914 (Пятигорск, 1912).

[28] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926—1932. ч. III, с. 1—5.

[29] Козин С. А. Джангариада. М.-Л., 1940, с. 79.

[30] Грумм-Гржимайло Г. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. III, вып. I, с. 570—590.

[31] Глухов И. От патриархальщины к социализму. Астрахань, 1926; Борисов Т. Калмыкия. М.-Л., 1926.

[32] Минкин Г. З. О феодализме в Калмыкии.— Революционный Восток, 1933, № 1.

[33] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.

[34] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.

[35] Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967; Эрдниев У. Э. О так называемых калмыцких родах.— Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ, вып. 5. Элиста, 1967; Эрдниев У Э. Калмыки:

Историко-этнографические очерки. 1-е изд. Элиста, 1970; его же: Из этнической истории ойратов и калмыков. — Вестник института, Элиста, 1974, № 10, с. 3—115.

[36] Преображенская П. С. К вопросу о социально-экономических отношениях калмыков. — История СССР, 1963, № 5.

[37] Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и в первой четверти XIX вв. Элиста, 1960; его же: Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII—нач. XIX вв.) Элиста, 1965; его же: Участие калмыков в Северной войне (1700—1721 гг.). — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, вып. 4. Элиста, 1964; его же: Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971.

[38] Bergmann B. Nomadische Streiferein unter den Kalmücken in den jahren 1802 und 1803. Riga, 1804.

[39] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926—32, ч. I—V; его же: Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922; его же: О калмыцких ремеслах. — Калмыцкая степь, 1929, № 4—6, с. 67—75.

[40] Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Петроград — Москва, 1923; Ойрато-калмыцкий героический эпос. Элиста, 1967.

[41] Козин С. А. Джангариада.

[42] Эрдниев У. Э. К вопросу о времени возникновения калмыцкого эпоса «Джангар». — Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1969.

[43] Хальмг үлгүрмүд болн тəəлвртə туульс. Элст, 1960; Хальмг туульс. Элст, 1961; Седклин күр. Элст, 1960; Калмыцкие народные сказки. Элиста, 1961; Калмыцкие сказки. М., 1962; Джимбин Бембя. Дуулич теегм, дуулич. Элст. 1958.

[44] Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1971.

[45] Михайлов Г И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.

[46] Кичгə Төлə. Җангрч. Элст, 1974; Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар». Элиста, 1976; Сангаджиева Н. Б. Эпический репертуар джангарчи М. Басангова. Элиста, 1976; Овалов Э. Б. Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар». Элиста, 1977 и др.

Ойраты — предки калмыков

[1] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, т. I, с. 142—149; там же: т. II, с. 74—76. См. также: Бернштам А. Н. Очерки исто-

рии гуннов. Л., 1951, ч. I; Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960; его же: Древние тюрки. М., 1967; История МНР. М., 1968, с. 74—100.

[2] Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье. — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ, 1960, вып. 3, серия востоковедческая, с. 16—30.

[3] Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — Филология и история монгольских народов. М. 1958, с. 200—212.

[4] Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.-Л., 1959, с. 136—137, табл. IX, с. 321.

[5] Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II. — КСИИМК, вып. XXXVI, с. 191—195, рис. 592.

[6] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941, т. I, с. 107.

[7] Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 285.

[8] Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970, с. 121.

[9] Там же, с. 22—31, 36—41, 125.

[10] Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 348.

[11] Окладников А. П. История Якутской АССР. М.-Л., 1955, т. I, с. 295—320.

[12] Там же, с. 359.

[13] Там же, с. 359.

[14] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т. I, кн. 1, с. 118.

[15] Там же, с. 102, прим. 3; с. 118, прим. 6.

[16] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954, т. I, с. 44.

[17] История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 102.

[18] История Тувы. М., 1964, с. 166.

[19] Рашид-ад-дин. Сборник летописей..., с. 118.

[20] Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. М.-Л. 1957, с. 158, 160.

[21] Батур-Убаши-Тюмень. Сказание о дербен ойратах (на калмыцком языке). — В кн.: Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. Изд. 3, 1915.

[22] Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 322—323; Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 49; Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951, с. 221, 222, 227.

[23] Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 220—296; Гу-

милев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрок в VI—VIII вв.— Сов. этнография, 1959, № 3, с. 11.

[24] Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 307, 308, 325; Кюнер Н. В. Китайские известия..., с. 33, 36, 37; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, с. 146.

[25] Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.-Л., 1966, с. 24.

[26] Рашир-ад-дин. Сборник летописей..., т. I, кн. 1, с. 77, 102.

[27] Тихомиров М. Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». — В кн.: Советская этнография. М.-Л., 1947, т. VI—VII, с. 62.

[28] Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.

[29] Рашид-ад-дин. Сборник летописей..., с. 118.

[30] Лгети Л. Рецензия на книгу Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольского языка». — Вопросы языкознания, 1955, № 5, с. 136.

[31] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, ч. II; Окладников А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — История СССР, 1968, № 6, с. 25—42.

[32] Ср.: Козин С. А. Сокровенное сказание...; Рашид-ад-дин. Сборник летописей...

[33] История Бурят-Монгольской АССР, с. 44; История Монгольской Народной Республики, с .101—103.

[34] Рашид-ад-дин. Сборник летописей... с. 118.

[35] Козин С. А. Сокровенное сказание..., с. 140.

[36] Там же, с. 152.

[37] Эрдниев У Э. Этнический состав и проблема происхождения калмыков. — Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ, Элиста, 1967, вып. 5, ч. I, с. 152; История Казахской ССР Алма-Ата, 1957, с. 135—143; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, т. II, с. 325; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, с. 146; его же: Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 23; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, ч. II, гл. XVII, XVIII; Румянцев Г Н. Предания о происхождении аларских бурят. — Этнографический сборник БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, с. 115—128; Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах. — Там же, с. 129—133.

[38] История Бурят-Монгольской АССР, с. 56.

[39] Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967, с. 64.

[40] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219, л. 15.

[41] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 21, лл. 11, 12, 20, 25, 26.

[42] Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПБ, 1883, т. IV, с. 654.

[43] Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 78.

[44] Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 20.

[45] Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965, с. 703.

«Цаатаны» — это не самоназвание тувинцев-оленеводов, а название, данное им монголами, тогда как у калмыков-цаатанов оно стало самоназванием.

[46] Ральдин Х. Ц. Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики. — Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968, с. 31—32.

[47] Доржсурэн Ц. Ховсголийн цаттан ардин тухой товч тэмдэглэл. — Шинжляк улаан, техник, 1959, № 1, с. 58.

[48] Потапов Л. П. Очерки народного быта..., с. 78.

[49] Санжеев Г Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, т. I, с. 91—98.

[50] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса..., с. 18.

[51] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219, л. 15.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. — Живая старина, вып. III—IV, 1896, с. 341.

[53] Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., с. 339; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с. 50—52.

[54] Веселовский Н. И. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал за 1772—1774 годы. — Записки Русского географического общества по отд. этнографии. СПБ, 1887, т. X, вып. 2, с. 193.

[55] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев, с. 25; Миллер Г. История Сибири. М.-Л., 1937, т. I, с. 314.

[56] Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, с. 491; Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1959 г. — Советская этнография, 1967, № 6, с. 20.

[57] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 21 (за 1880).

[58] Там же.

[59] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219, л. 15.

[60] Козин С. А. Сокровенное сказание..., с. 329.

[61] Народы Сибири. М.-Л., 1956, с. 329.

[62] Георги И. Описание всех обитавших в Российском государстве народов, ч. III, с. 17.

[63] Дополнения к «Актам историческим». 1878, т. XIII, с. 42; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, с. 115.

[64] Потапов Л. П. Очерки по истории..., с. 118—120.

[65] Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков.— Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, вып. 1, с. 115—134.

Добровольное вхождение в состав России. Образование Калмыцкого ханства

[1] Сибирские летописи. СПБ, 1907, с. 54.

[2] Там же. с. 352.

[3] Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, с. 21 (док. № 1).

[4] Там же, с. 75 (док. № 28).

[5] Там же, с. 75—76 (док. № 29).

[6] Полное собрание ученых путешествий по России. СПБ, 1822, т. 4, с. 379.

[7] Страхов Н. А. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с. 42.

[8] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. IV; 1961, кн. V.

[9] Прозрителев Г Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912; Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск, 1912 и др.

[10] Материалы по истории..., с. 22 (док. № 2).

[11] Там же, с. 26 (док. № 3).

[12] Там же, с. 36 (док. № 9).

[13] Там же, с. 52 (док. № 18).

[14] Монголо-ойратские законы 1640 года. СПБ, 1880, с. 1—33.

[15] Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966, с. 109.

[16] Там же, с. 131—132.

[17] Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. — Красный архив, 1939, т. III (94), с. 194—198.

[18] Там же, с. 203.

[19] Там же, с. 197.

[20] Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Изд. 2-е. М., 1837, т. 2, с. 390.

[21] Бакунин В. Описание истории..., с. 200.

[22] Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины, с. 57.

[23] Бакунин В. Описание истории..., с. 201.

[24] Госархив Саратовской области, с. 407, д. 372, л. 209.

[25] Бакунин В. Описание истории..., с. 205.

[26] Там же. с. 206.

[27] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929, ч. III и IV, с. 40—93.

[28] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. ч. V, с. 1—5.

[29] Там же, с. 2—3.

[30] Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань, 1910, с. 30—41.

Этнический состав калмыков. Формирование народности

[1] Эрдниев У. Э. Этнический состав калмыков на рубеже XIX—XX вв. — Вестник института, 1974, № 10, с. 36.

[2] Козин С. А. Сокровенное сказание..., с. 112, 161; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, с. 180—184.

[3] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. — Восточно-азиатский этнографический сборник. М.-Л., 1960, с. 240.

[4] Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах.— Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961, с. 129—133; Раднаев Э. Р. Заметка о цонгольском говоре. — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института, вып. 3, серия востоковедения. Улан-Удэ, 1961, с. 128.

[5] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, с. 17.

[6] Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 140.

[7] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, с. 127.

[8] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 239.

[9] Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 130.

[10] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, с. 136.

[11] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, с. 17.

[12] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 29, л. 32.

[13] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 132, л. 51.

[14] Номинханов Ц.-Д. Об этническом составе донских калмыков, с. 199—202.

[15] Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 98—105.

[16] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, с. 114.

[17] Там же, с. 116.

[18] Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, с. 325.

[19] Там же, с. 176; Эрдниев У. Э. Этнический состав калмыков..., с. 40.

[20] Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 116—120.

[21] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, с. 182.

[22] Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино. — Бурятоведение, 1926, № 2; Окладников А. П. Археологические

данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.

[23] Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 74.

[24] История Монгольской Народной Республики, с. 102.

[25] Калмыцкая хрестоматия (на калм. языке) для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. СПБ, 1891, II гр., 1915; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969, с. 19, 39.

[26] Шара Туджи. Летопись XVII в., с. 158, 160.

[27] Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ, 1960, вып. 3, с. 128; Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 131.

[28] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 238.

[29] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, л. 219.

[30] Номинханов Ц.-Д. Об этническом составе донских калмыков; Эрдниев У. Э. Этнический состав калмыков... с. 44, 115.

[31] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219.

[32] Номинханов Ц.-Д. Об этническом составе донских калмыков, с. 199—202.

[33] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 273.

[34] Записки Восточно-Сибирского географического общества по этнографии. Иркутск, 1889, т. I, вып. 1, с. 153.

[35] Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 130, 131, 133.

[36] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 238—240.

[37] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII веке, с. 300.

[38] Раднаев Э. Р. Заметка о цонгольском говоре. — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ, 1961, вып. 3, с. 128.

[39] Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 130.

[40] Румянцев Г. Н. Предания о происхождении аларских бурят..., с. 125—127.

[41] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 305, 347.

[42] Раднаев Э. Р. Заметка о цонгольском говоре... с. 128—129.

[43] Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 130, 131.

[44] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 238.

[45] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев, с. 24.

[46] См.: Номинханов Ц.-Д. Об этническом составе донских калмыков, с. 199—202.

[47] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219, л. 15.

[48] Калмыцкие историко-литературные памятники..., с. 39.

[49] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 21, л. 14.

[50] Номинханов Ц.-Д. Об этническом составе донских калмыков, с. 199—202.

[51] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 219, л. 15.

Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах, с. 130.

[53] Там же.

[54] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 21.

[55] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, с. 118.

[56] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 66.

[57] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 238.

[58] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 295, 297.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960, с. 514—515.

[60] Эрдниев У. Э. Этнический состав и проблема происхождения калмыков, с. 54—56.

[61] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, с. 19.

[62] Шара Туджи, с. 62; Паллас П. С. Собрание исторических сведений о монгольских народах, сочиненное господином Палласом. СПБ, 1773, с. 68—70.

[63] Калмыцкие историко-литературные памятники... с. 38, 39.

[64] Там же, с. 47

[65] История Монгольской Народной Республики, с. 176; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства..., с. 159.

[66] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. — Отечественные записки, т. 47, № 7—8, отдел II, с. 16, 17

[67] Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики, с. 238—240.

[68] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, с. 121.

[69] Там же, с. 122.

[70] Владимирцов Б. Я. Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. — Известия русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии, с. 51.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 496.

[72] Миллер Г Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, т. I, с. 179, 180.
[73] Калмыки в Отечественной войне 1812 г. Элиста, 1964.
[74] Борисов Т. Калмыкия. М.-Л., 1926, с. 21—25.
[75] Эрдниев У. Э. Материалы по калмыцкой этнонимии. — Вестник института, № 10. Элиста, 1974, с. 99—116.
[76] Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, т. II, с. 176, 325.
[77] Калмыцкие историко-литературные памятники..., с. 74; Миллер Г Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, т. I, с. 180; Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 99—110.
[78] Самойлович А. Н. Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар. — Известия Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II, вып. 2. СПБ, 1913, с. 62—65.
[79] Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968, т. V, с. 58; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, т. II, с. 18—19.
[80] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 124—125.
[81] Чебоксаров Н. Н. Калмыки Западного улуса. — Антропологический журнал. М., 1935, № 1, с. 51—52.

Антропологические исследования, проведенные в 1969—1971 гг. И. М. Золотаревой и Д. О. Ашиловой не включали группу калмыков, изученных Н. Н. Чебоксаровым, который работал в западной части Калмыкии. В настоящее время на территории бывшего Большедербетовского (Западного) улуса, на которой ныне расположены Городовиковский и Яшалтинский районы Калмыцкой АССР, не сохранилось четкой структуры, по которой можно было бы выделить ареал терских, кумских и оренбургских калмыков.

[82] Королев С. Астраханские калмыки. — Русский антропологический журнал. М., 1903, № 1, с. 24—26.
[83] Чебоксаров Н. Н. Калмыки Западного улуса, с. 59.
[84] Тодаева Б. Х. Свадьба у хобуксарских торгутов. — Краткие сообщения института народов Азии. М., 1964, вып. 83, с. 172—182.
[85] Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 61.
[86] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 170.
[87] Полное собрание законов Российской империи, т. XXVI, № 19599.
[88] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. V, с. 3—4.
[89] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 345.
[90] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.
[91] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 27—32.
[92] Искра, 1903, 15 мая. (№ 40).
[93] Протоколы учредительного съезда федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по

народному образованию. СПБ, 1907; Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 322—323.

[94] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 21, с. 93.

[95] Pallas. Sammlungen historischen Nachrichten über Mongolischen volkerschaften. 1776.

[96] Bergmann B. Normandische Streiferein unter Kalmücken in jahren 1802 und 1803. Riga, 1804.

[97] Abel R'emusat Bechsehes sur les jaques Tartares. Paris, 1820, s. 245—246.

[98] Позднеев А. Калмыки. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПБ, 1895, т. XIV.

[99] Бартольд В. В. Сочинения, т. V, с. 538.

[100] Номинханов Ц.-Д. Происхождение слова «калмык». — Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1958, вып. II (164), с. 99—103.

[101] Кичиков А. Ш. К вопросу о происхождении слова «калмык». — Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ, вып. 5, серия филологическая. Элиста, 1967, с. 133—134.

[102] Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, с. 67.

[103] Дарбакова В. П. Еще раз к этимологии этнонима «хальмг» (калмык). — Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967, с. 31.

[104] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 410.

[105] Бартольд В. В. Сочинения, т. V, с. 538.

[106] Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X и XIV вв. М.-Л., 1966, с. 24; Вестник НИИЯЛИ, № 10, с. 96.

[107] Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, с. 179.

[108] Материалы по истории русско-монгольских отношений... с. 179.

[109] Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского. — Зап. Русского Географического общества по отд. этнографии. 1887, т. X, вып. 2, с. 193.

[110] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 427.

Колониальная политика царизма после 1771 г.

[1] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы, с. 27.

[2] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПБ, 1869, ч. I, с. 311.

[3] Жижка М. В. Емельян Пугачев. М.: Учпедгиз, 1950, с. 91.

[4] Гос. арх. Саратовской обл., ф. 124, оп. 372, лл. 93—94.

[5] Жижка М. В. Емельян Пугачев, с. 184.

[6] ГАСО, ф. 407, д. 16.

[7] Пальмов Н. Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922, с. 100.

[8] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. V, с. 6—7

[9] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1869, т. III, с. 683, ст. 1168.

[10] Калмыки в Отечественной войне 1812 г.; Прозрителев Г Военное прошлое...; Чонов Е. Калмыки в русской армии...; Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины.

[11] Полное собрание Законов Российской империи. Изд. 2-е, т. 40. № 30290.

[12] **Там же, № 7560 а (см. приложение к тому X).**

[13] Там же, т. 22, отд. I, № 21144.

[14] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954, т. VI, с. 193.

[15] Гоголь Н. В. Волжские калмыки в Астраханской губернии. — Теегин герл, 1963, № 2, с. 80—87.

[16] Писемский А. Ф. Путевые очерки. — Полн. собр. соч., СПБ, 1911, т. 7, с. 459—461, 499—530.

[17] Борисенко И. В. Калмыки в русском изобразительном искусстве. Элиста, 1982.

Калмыцкое общество в конце XIX — начале XX вв.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3. с. 256—263.

[2] Там же, с. 166.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 506.

[4] Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 70.

[5] Там же, с. 68.

[6] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 176—177; Калмыцкая степь, раздел III, с. 137.

[7] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 406, л. 22.

[8] Там же, л. 37.

[9] Минкин Г. Колониальная политика царизма в Калмыкии во II половине XIX и начала XX вв. — Историк-марксист, 1933, № 6 (34), с. 52.

[10] Минкин Г. Колониальная политика..., с. 52.

[11] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 20, № 14.

[12] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 21, лл. 1—48; ф. 9, оп. 2, лл. 44, 58, 118.

[13] Кануков Х. Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань, Калмиздат, 1928, с. 67.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 149.

[15] Минкин Г Колониальная политика..., с. 52.

[16] Там же, с. 61.

[17] Кравцов Г. Л. Скотопрогонный двор в С.-Петербурге и его промышленные операции в 1876, 1877, 1878 гг. СПБ, 1879.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 296.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 120—121.
[20] Партархив Калмыцкого обкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 14, л. 9.
[21] Там же.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 128.
[23] Там же, т. 4, с. 126.
[24] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 65, л. 128.
[25] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 109, в № 25; ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 71.
[26] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 146.
[27] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 55, 136, 137.
[28] Эрдниев У. Э. О так называемых калмыцких родах (конец XIX — начало XX вв.). — Ученые записки КНИИЯЛИ, вып. 5, серия историческая, ч. I. Элиста, 1967, с. 140—141.
[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 307.
[30] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. V. Дела Земельные, с. 20. См.: также: Эрдниев У. Э. К истории землепользования в Калмыкии. — Вестник института, вып. 15, серия историческая. Элиста, 1976, с. 27—38.
[31] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 20.
[32] Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 196—206.
[33] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 2.
[34] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л., 1934, с. 111—112, 160—161. См. также: Вяткин М. П. Сказки XVIII в. как источник для истории Казахстана. — Проблема источниковедения, III. Изд. АН СССР, 1940, с. 57; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 207, 231.
[35] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. — Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964, документ 162, с. 413.
[36] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 3.
[37] Небольсин П. Очерки быта калмыков...
[38] Монголо-ойратские законы 1640 года, с. 40.
[39] Там же, с. 45.
[40] Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 147—149.
[41] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 3.
[42] Там же, с. 20.
[43] Там же, с. 6.
[44] Там же.
[45] Там же, с. 117.
[46] Там же, с. 139.
[47] Там же.

[48] Там же, с. 139, 154—155.

[49] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии, ч. I, с. 1—10.

[50] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 183—184.

[51] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 20.

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Минкин Г З. Колониальная политика царизма..., с. 23, 30.

[56] Бурдуков Н. Доклад его превосходительству, с. 77—79.

[57] Пальмов Н. Н. Этюды..., ч. V, с. 21.

[58] Терский календарь на 1901 г. Владикавказ, 1900; Воробьев Р Земельный вопрос у казаков. СПБ, 1908; Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица накануне Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972, с. 57—70.

[59] Цитировано по книге Гриценко Н. П. Горский аул..., с. 59.

[60] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 21—22.

[61] Там же, с. 382.

[62] Астраханский листок, 1907, 4 мая.

[63] Там же.

[64] Дневник князя В. П. Мещерского, 24 февраля 1901 г., с. 4—5.

[65] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 4, д. 1599, лл. 1—4.

[66] Протоколы учредительного съезда федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию. СПБ, 1907, с. 68—69.

[67] Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын, с. 103—112.

[68] Государственный архив Астраханской области, ф. 286. Астраханское жандармское управление, оп. 1, д. 478; Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 315—317.

[69] Жигжанова Л. Жизнь, отданная народу. — Советская Калмыкия, 1966, 12 октября; Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 323—324.

Хозяйство

[1] Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — Материалы научной сессии, посвященной Средней Азии и Казахстану в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 21.

[2] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 481.

[3] Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... с. 377.

[4] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 101.
[5] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 15.
[6] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 23—33, 100—101; Калмыцкая степь..., раздел III, с. 98—99; Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 23.
[7] Городовиков О. И. Воспоминания. М., 1957, с. 19; Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии... с. 187.
[8] Городовиков О. И. Воспоминания..., с. 21.
[9] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 125.
[10] Попов А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках. СПБ, 1839, с. 34—35.
[11] Попов А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках, с. 29; Небольсин П. Очерки быта калмыков... с. 165—167.
[12] Там же.
[13] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 144, л. 84.
[14] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 165; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 4, 55, 71.
[15] Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 51—57.
[16] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 125.
[17] ЦГА КАССР, ф. Р-3, т. 2, д. 725, л. 315.
[18] Храмов А. В. Калмыцкий скот Сальского округа. Севкавкрайзу, 1928; Карпов А. С. и Федоров В. И. Калмыцкий скот. Сельхозгиз, 1937, с. 22.
[19] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 133; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 69; Храмов А. В. Калмыцкий скот Сальского округа, с. 42.
[20] Храмов А. В. Калмыцкий скот Сальского округа, с. 42.
[21] Карпов А. С. и Федоров В. И. Калмыцкий скот, с. 24, 25.
[22] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие..., с. 91—92.
[23] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 125—136.
[24] ЦГА КАССР, ф. Р-3, оп. 2, д. 725, л. 315.
[25] Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 70.
[26] Там же, с. 63—65.
[27] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 20, л. 36; Калмыцкая степь... раздел III, с. 138—139.
[28] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 176—177. Калмыцкая степь..., раздел III, с. 137.
[29] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 94, ведомость № 18.
[30] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 99.
[31] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 176—177; Калмыцкая степь..., раздел III, с. 137.
[32] ЦГА КАССР, ф. 21, оп. 2, д. 29, л. 19.
[33] ЦГА КАССР, ф. 21, оп. 10, д. 18, л. 30.
[34] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 480.

[35] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие..., с. 91—92.
[36] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 125.
[37] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 99.
[38] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 21; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 68.
[39] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие... с. 91—92.
[40] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 125.
[41] ЦГА КАССР, ф. Р-3, оп. 2, д. 725, л. 315.
[42] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям... с. 479.
[43] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 128.
[44] Там же, с. 128—129.
[45] Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 14—42.
[46] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие..., с. 81—92.
[47] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 36, л. 659.
[48] ЦГА КАССР, ф. 21, оп. 2, д. 29, л. 19.
[49] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 30.
[50] Попов А. В. Краткие замечания..., с. 34—35; Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие..., с. 91—92; Калмыцкая степь... раздел III, с. 125. Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 6.
[51] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 37.
[52] Очиров Н. Астраханские калмыки.., с. 63.
[53] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 290.
[54] Там же, с. 305.
[55] Там же, с. 185, 333.
[56] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 18; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 65—66.
[57] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, с. 330.
[58] Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. — Казахи. Антропологические очерки, вып. II. Л., 1927, с. 82.
[59] Там же, с. 79.
[60] Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА СССР, 1960, № 53, с. 50; его же: Животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966; Максимов Е. К. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области; Советская археология, 1957, № 4; Шелов Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 84.

[61] Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1935 г. — Советская археология, IV. 1937, рис. 56; сведения о верблюдоводстве даны в работе: Памятники железного века на территории Калмыкии. См.: Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1962, вып. 2, с. 286—287.

[62] Страбон. География в 17 книгах. М., 1964, с. 480; Клавдий Элиан. Цитировано по работе Цалкина В. И. Домашние и дикие животные..., с. 51.

[63] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в./Пер. с анг. Ю. В. Готье. М., 1937, с. 169—171; Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. ЧОИДР, 1896, кн. 2, с. 24—26.

[64] Окладников А. П. Бурхотуйская культура..., с. 28.

[65] Народы Восточной Азии. М., 1965.

[66] Попов А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках, с. 30—33.

[67] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 28.

[68] Там же.

[69] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 4, д. 4; Калмыцкая степь..., раздел III, с. 11—13.

[70] Калмыцкая степь..., раздел III, с. 148—149.

[71] ЦГА КАССР, ф. 21, оп. 2, д. 29, л. 13, в № 16.

[72] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 56.

[73] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 4, д. 4; Калмыцкая степь..., Раздел III, с. 11—13, 19, 22.

[74] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 100, л. 6.

[75] Хлебников В. А. О состоянии табаководства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии. — Архив Калмыцкого краеведческого музея. Фонд В. А. Хлебникова.

[76] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 25, 26, 71—74, 80—83, 107—114, 126—128; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 45—46.

[77] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 71.

[78] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования..., с. 25, 26, 71—74, 80—83, 107—114, 126—127; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 45—46.

[79] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 71.

[80] Эрдниев У. Э. Калмыки, 1-е изд., с. 74—84.

[81] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 71.

[82] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 100, л. 6.

[83] Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 45—46.

[84] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 71.

[85] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 169.

[86] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 56.

[87] Очиров Н. Астраханские калмыки... с. 56.

88 Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 174.
89 Там же, с. 56—57.
90 ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 141, л. 110.
91 Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 55.
92 Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 58.
93 Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 39, 106; Калмыцкая степь..., раздел III, с. 139—140; Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии..., с. 53—55; Нефедьев Н. И. Подробные сведения..., с. 245—246 и др.
94 Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 76—80.
95 Там же, с. 57—58.
96 Там же, с. 86.
97 Там же.
98 Небольсин П. Очерки быта калмыков... с. 169.
99 Там же.
100 ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 16, л. 29.
101 Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 169.

Материальная культура

1 Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 29.
2 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 140.
3 Калмыцкая степь..., раздел III, с. 127.
4 ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 16, л. 27.
Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям..., с. 70.
6 Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 168.
7 Костенков К. Статистические сведения о калмыках... с. 41—42.
8 Крылов А. Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта. Новочеркасск, 1873, с. 41—42.
9 Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 29.
10 Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии, с. 46—48, 50.
11 Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков..., с. 3—4, 7.
12 Харузин Ш. История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, с. 58.
13 Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах, местностях.— Вестник древней истории, 1947, № 2, с. 296; Книга Марко Поло. М., 1956, с. 88.
14 ЦГА КАССР, ф. 9, оп.1, д. 21, в № 11; ф. 9, оп. 1, д. 94, в № 15; ф. 9, оп. 5.
15 Житецкий И. А. Астраханские калмыки... с. 29.

[16] Бурдуков Н. Доклад... Министру земледелия..., 67—68.
[17] Житецкий И. А. Астраханские калмыки... с. 5.
[18] Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования... с. 26; Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 43.
[19] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 18, л. 26.
[20] Костенков К. Статистические сведения о калмыках..., с. 42.
[21] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 10, д. 2, л. 57.
[22] ЦГА КАССР, ф. 3, оп. 2, д. 1923, л. 1.
[23] ЦГА КАССР, ф. Р-3, оп. 3, д. 288, л. 54.
[24] Очиров Н. Астраханские калмыки..., с. 44—45.
[25] Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков... с. 9.
[26] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 460.
[27] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 56.
[28] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 9.
[29] Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Географиздат, 1957, с. 96.
[30] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 471.
[31] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 47.
[32] Потапов Л. П. Пища алтайцев. МАЭ, т. XIV, с. 60.
[33] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 472; Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 49—59; Эрдниев У. Э. Калмыки, 1-е изд., с. 172—173.

Семейный и общественный быт

[1] Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие..., т. 48, ч. 8, с. 66.
[2] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 8.
[3] Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии... с. 58.
[4] Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков... с. 25.
[5] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 7.
[6] Там же, с. 117.
[7] Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии... с. 58.
[8] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 109.
[9] Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии... с. 62.
[10] Очиров Н. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПБ, 1910, с. 73.
[11] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 106—107.

[12] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 162.

[13] Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии..., с. 59.

[14] Небольсин П. Очерки быта калмыков..., с. 96—98.

[15] Калмыки в Отечественной войне 1812 г. Элиста, 1964, с. 55—148.

[16] Глухов И. От патриархальщины к социализму. Астрахань, 1926, с. 92—95.

[17] Борисов Т. Калмыкия. М.-Л., 1926, с. 21—25.

[18] Иакинф (Н. Я. Бичурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени. СПБ, ЖМВД, 1833, май, с. 103—108.

[19] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 134, л. 3.

[20] Житецкий И. А. Астраханские калмыки..., с. 109.

[21] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 22, л. 1—20

[22] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 418.

[23] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 199, л. 7.

[24] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 224, л. 14, 77.

[25] Косвен М. О. Семейная община и патронимизм. М., 1963, с. 91—186.

[26] Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социальной организации кочевых обществ. — Советская этнография, 1970, № 6, с. 72.

[27] Книга Марко Поло, с. 113—114.

Духовная культура

[1] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 16, лл. 14—18.

[2] ЦГА КАССР, ф. 9, д. 94, в № 13.

[3] Ташнинов Н. Ш. Из истории народного образования в Большедербетовском улусе. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, вып. 2. Элиста. 1962, с. 247.

[4] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 144, лл. 78, 80, 85.

[5] Ташнинов Н. Ш. Указ. соч., с. 249.

[6] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 227, л. 167; ф. 9, оп. 2, д. 155. лл. 5—6.

[7] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1, д. 227, л. 185.

[8] Там же, л. 102.

[9] Там же, ф. 9, оп. 6, д. 764, лл. 15, 32.

[10] Там же, ф. 9, оп. 2, д. 198, лл. 3—126.

[11] Там же, ф. 814, оп. 5, д. 26, л. 43.

[12] Ташнинов Н. Ш. Указ. соч., с. 255.

[13] Костенков К. Статистические сведения о калмыках..., с. 137.

[14] Крылов А. Умственное и нравственное развитие донских калмыков..., с. 7—22.

[15] Шестаков П. Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков. — Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань, 1910, с. 77.

[16] ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 1., д. 144, лл. 80, 89.

[17] Очиров Н. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г.; его же: Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. — Изв. Русск. Ком. для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II, 2, 1. СПБ, 1913.

[18] Вестник Русского Географического общества, ч. XII, 1854, с. 2—30.

[19] Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия. СПБ, 1911.

[20] Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи. — Филология и история монгольских народов. М., 1958; Очиров Н. О. О записи оригинала «Джангара». — Ученые записки НИИЯЛИ, выпуск 5. Филология. Элиста, 1967, с. 52—54.

[21] Кичиков А. Ш. Великий джангарчи Ээлян Овла. — Ученые записки НИИЯЛИ, выпуск 5. Филология. Элиста, 1967, с. 73—84.

[22] Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. СПБ, М., 1923, с. 17.

[23] Кичиков А. Ш. К вопросу о происхождении имени «Джангар». — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1962, вып. 2, с. 213—214.

[24] Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971, с. 91—96.

[25] Козин С. А. Джангариада. М., 1949.

[26] Михайлов Г. И. О времени возникновения былин монгольских народов. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1962, вып. 2, с. 95—102.

[27] Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — Археологический сборник. Л., Госэрмитаж, 1961, № 3, с. 7—71; Эрдниев У Э. К вопросу о времени возникновения эпоса «Джангар». — Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1969, с. 70—76.

[28] Эрдниев У. Э. К вопросу о времени возникновения эпоса «Джангар»..., с. 70—76.

[29] Хальмг туульс. Элст, 1961; Калмыцкие сказки. Составитель И. Кравченко. Сталинград, 1936; Семьдесят две небылицы (калмыцкая народная сказка). — Теегин герл, 1964, № 3 (21); с. 80—92; Семьдесят две небылицы. Элиста, 1969.

[30] Родники народной мудрости. Элиста, 1984, с. 104—105.

[31] Каляев С. К. Кемялгн. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, вып. 1, с. 191—206.

[32] Очиров Н. Йорелы, харалы и связанный со вторым обрядом «Хара келе утулгун» у калмыков. — Живая старина, XVIII,

1909, вып. IV, с. 84—87; Мацаков И. М. К вопросу о калмыцких йорелах. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1962, вып. 2, с. 103—108.

[33] Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков..., с 32.

[34] Там же, с. 46.

[35] Руднев А. Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губ. — Сборник музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук. СПБ, 1905, вып. 1, с. 13—14.

[36] Древнемонгольские города. М., 1965; Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, вып. 2, с. 115—134.

[37] ЦГА КАССР, ф. 54, оп. 1, д. 54, л. 1.

[38] Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы..., с. 78—79.

[39] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 493.

[40] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса..., с. 125.

[41] Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков..., с. 24.

[42] Карпини Плано. История монголов. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 31.

[43] Костенков К. О распространении христианства у калмыков. — Миссионерский сборник. Астрахань, 1910, с. 10, 11.

[44] Бадмаев Н. Домашне-религиозный быт приволжских калмыков. Астрахань, 1899, с. 14—15; описано также протоиереем Смирновым П. Миссионерский сборник..., ч. II, с. 29.

[45] Кануков Х. Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань, 1928, с. 8, 9.

[46] Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии, с. 79.

[47] Костенков К. О распространении христианства у калмыков, с. 22.

[48] Крылов А. Умственное и нравственное развитие донских калмыков..., с. 22.

[49] Шестаков П. Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков. — Миссионерский сборник..., с. 72.

[50] Костенков К. О распространении христианства у калмыков..., с. 2, 3.

[51] Там же, с. 42—45; О миссионерских учреждениях в Калмыцкой степи. — Миссионерский сборник..., с. 188—231.

[52] О деятельности Астраханского Епархиального Комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов. — Миссионерский сборник..., ч. I, с. 156—160.

[53] Костенков К. О распространении христианства у калмыков..., с. 40.

[54] Житецкий И. А. Очерки быта..., с. 39.

[55] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 7.

[56] Бергман Б. См.: Шахматы в СССР, 1965, № 2.

[57] Цитируется по работе: Наркевич А. Кто играл с Петровым. — Шахматы в СССР, 1965, № 2.

[58] Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Урюбджур Эрдниевич Эрдниев

КАЛМЫКИ

Историко-этнографические очерки

Рецензент
кандидат исторических наук
А. Г. Митиров

Редактор
В. Л. Теленгидова

Художественный редактор
Ф. М. Дубров

Технический редактор
Л. Е. Гермашева

Корректоры
М. А. Бочкаева, М. Л. Нантиева

ИБ № 750

Сдано в набор 23.09.85. Подписано в печать 23.12.85. К 00661. Формат 60X84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,74. Усл. кр.-отт. 16,74. Уч.-изд. л. 18,96. Тираж 17000 экз. Заказ 2651. Цена 1 руб. 10 коп.

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Революционная, 8

Республиканская типография
Государственного комитета Калмыцкой АССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

Эрдниев У. Э.

Э 754 Калмыки: Историко-этнографические очерки. — 3-е изд., перераб. и доп. — Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. — 282 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к. 17000 экз.

В книге излагается краткая этническая история калмыцкого народа с рубежа нашей эры вплоть до начала XX в. Рассматриваются также вопросы общественного устройства, хозяйства, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта в основном конца XIX — начала XX вв.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей калмыцкого народа.

Э $\frac{0508000000-058}{М126(03)-85}$ 58—84

ББК 83.5(2) (2Р37)